This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

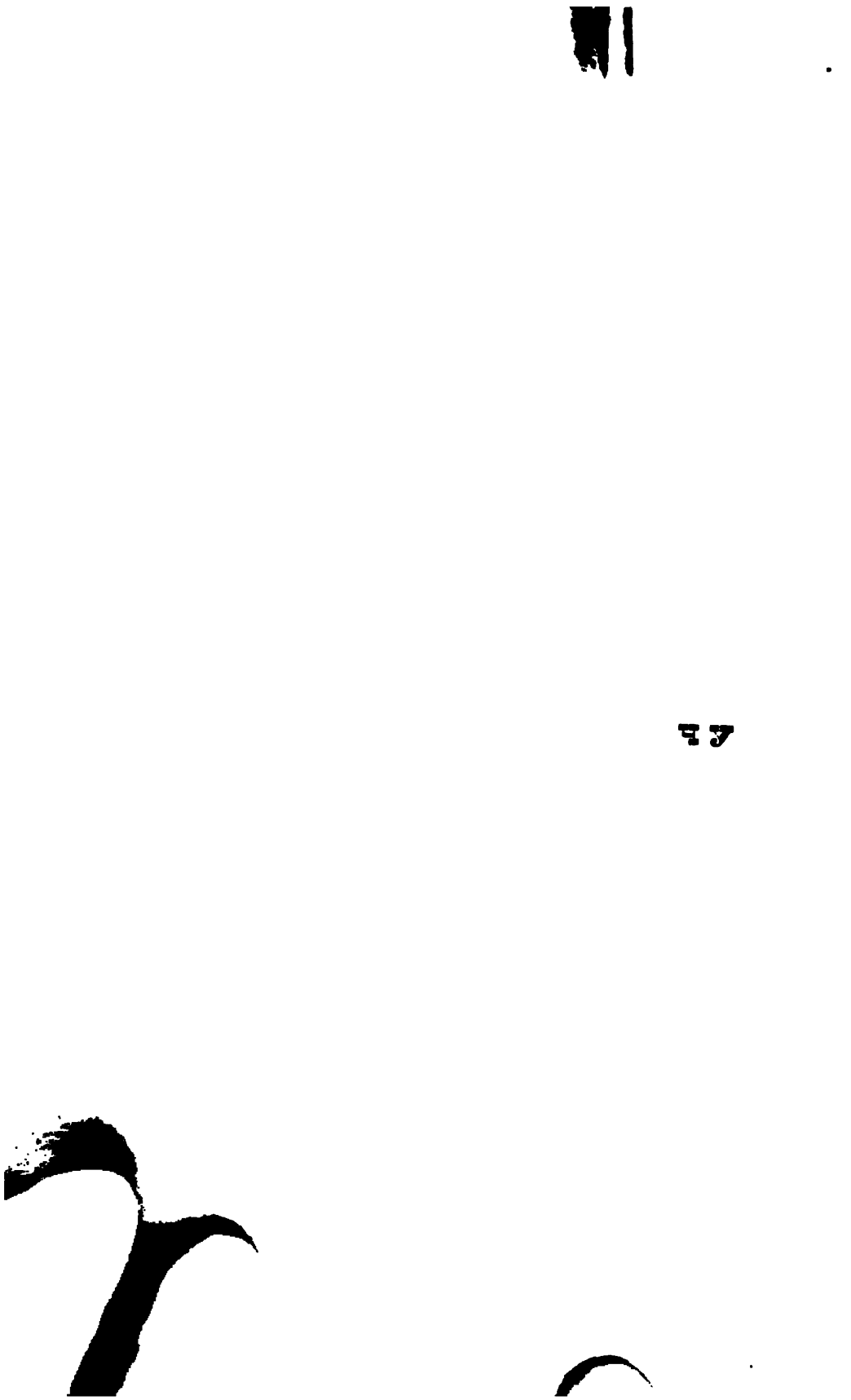
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



ПУТЕВЫЯ

ЗАПИСКИ.

Davydov, V. P.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ,

ВЕДЕННЫЯ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ

НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ, ВЪ ГРЕЦІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ТУРЦІИ ВЪ 1835 ГОДУ,

Владиміромъ Давыдовымъ.

ЧАСТЬ I.

Санктпетербургъ.
Въ типографіи Эдуарда Праца и К°.
1839.

DF 725
D3
f

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ 1 Ноября 1838 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Князю

ЮРІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ДОЛГОРУКОМУ.

Любезный другъ!

Ты, можетъ быть, удивишься, когда увидишь свое имя на первой страницѣ этой книги; но наша дружба объяснитъ тебѣ, почему я желалъ посвятить ее тебѣ.

Въ то время, когда ты занимался государственной службой, которая не могла, однако, отвлечь тебя отъ любимой мысли: содѣйствовать благу всѣхъ, тебя окружающихъ, и въ городѣ и въ деревнѣ, я скитался по Европѣ и Азіи. Но я льщу себя надеждой, что и мои труды не были совершенно безполезны. Я желалъ сообщить моимъ соотечественникамъ виды прелестныхъ странъ и памятниковъ Греціи, снятые кистью нашихъ лучшихъ художниковъ. Ихъ труды будутъ, можетъ быть, оцѣнены, когда вѣкъ нашъ, совершенно ремесленный, приметъ характеръ не столь непріязненный

художественнымъ созданіямъ. Что же относится до этихъ слабыхъ трудовъ моихъ, позволь имъ быть памятникомъ счастливыхъ лѣтъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, и частыхъ разговоровъ о предметахъ, для насъ обоихъ равно занимательныхъ.— Позволь мнѣ также надѣяться, что ты не будешь всегда довольствоваться одной бесѣдой съ друзьями, хотя она составляетъ самое большое наслажденіе въ жизни, и что рѣшишься когда нибудь напечатать нѣкоторыя изъ твоихъ мыслей, заслуживающихъ гораздо болѣе моихъ быть извѣстными свѣту.

Владиміръ Давыдовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
22-го марта, 1838 года.

РИМЪ. *Суббота, 4/16 мая 1835 года.* — Давно уже безпокоило меня желаніе посѣтить Востокъ. Въ надеждѣ увидѣть Грецію, Турцію, Малую Азію и Святую Землю, я уже три мѣсяца занимаюсь приготовленіями къ отъѣзду; наконецъ, сегодня окончилъ ихъ и отправляюсь изъ Рима. Спутниками моими будутъ знаменитый художникъ Брюлловъ, архитекторъ и членъ Петербургской Академіи Художествъ, г. Ефимовъ и Прусскій антикварій докторъ Крамеръ, которые вмѣстѣ со мною возвратятся въ Римъ. Двое первыхъ обязываются снять виды съ мѣстъ и строеній, которыя мы будемъ осматривать, а послѣдній списывать надписи на развалинахъ, которыя намъ встрѣтятся. Я самъ, чтобъ лучше запечатлѣть въ своей памяти новыя мѣста, намѣренъ вести краткій журналъ всему путешествію. Привычка записывать всѣ встрѣчающіеся въ жизни

случаи полезна во всякое время, но особенно во время путешествія, которое можно называть усиленною жизнію потому-что, путешествуя, въ одинъ день видишь, узнаешь и трудишься болѣе, чѣмъ на мѣстѣ въ цѣлую недѣлю.

Я начинаю съ Рима, изъ котораго отправляюсь въ полной увѣренности, что не найду другаго мѣста, которое бы столько говорило душѣ и сердцу, какъ онъ. Каждая площадь его, каждый древній столбъ, каждая новая церковь говорятъ или о прошедшемъ обладаніи его цѣлыми царствами, или о настоящей его власти надъ душами. Кто не былъ въ Римѣ не знаетъ, какая важность и какое достоинство царствуютъ въ этомъ городѣ, восходившемъ два раза на высшую степень между всѣми городами земли, сперва посредствомъ своего оружія, потомъ своей религіи. У меня нѣтъ времени разбирать поименно всѣ площади и кварталы, изъ которыхъ у каждаго и у каждой есть свой характеръ, своя мысль. Для меня самой памятной улицей будетъ Ripetta, которая, касаясь Тибра, ведетъ ко дворцу Полиціи. Она дорога для меня, ибо я жилъ въ ней и слыхалъ, предъ разсвѣтомъ, какъ Zamponiari *, которыхъ я осмѣ-

* Крестьяне, приходящіе ежегодно за мѣсяцъ до Рождества въ Римъ съ Апеннинскихъ горъ, и промышляющіе игрою на

люсь назвать нынѣшними представителями восточныхъ царей и волхвовъ, играютъ на своихъ волынкахъ и дудкахъ молитву передъ иконой Богородицы. Впрочемъ главные, большіе кварталы не говорятъ столько воображенію, какъ малые. Посѣтите заброшенныя всѣми, кромѣ антикваріевъ, части Велабра, гдѣ нынѣ стоятъ анбары; заглянте на площадь Весты, гдѣ поселяне безпечно лежатъ на возахъ сѣна; посмотрите на различныя части Трастевера *, или въ какую хотите другую часть города — повсюду найдете что̀ замѣтить, или лучше сказать, вездѣ встрѣтите нѣчто такое, что̀ невольно запечатлѣется въ душѣ на всю жизнь. Со всѣхъ сторонъ видѣнъ высокій куполъ, будто самимъ Богомъ воздвигнутый надъ мощами перваго апостола.

Сколько ни есть путешественниковъ (а въ этотъ годъ ихъ было довольно и Русскихъ и другихъ), у каждаго должно быть свое собственное воспоминаніе о Римѣ; ибо въ Римѣ найдется для каждой души нѣчто, особенно могущее занять ее. Но окрестности Campagna di Roma произвели на меня болѣе впечатлѣнія, чѣмъ какая либо часть

особомъ инструментѣ, похожемъ на нашу волынку. Они обыкновенно играютъ молитвы передъ всѣми образами въ Римѣ.

* Часть Рима, лежащая за Тибромъ.

самого города. Когда ѣдешь верхомъ около Aqua Cettosa или изъ Porta San Giovanni, эти длинныя, плоскія линіи, ограниченныя только весьма отдаленными лиловыми полосами Аппениновъ, какъ-то не удовлетворяютъ ни взора, ни души.

На обширномъ пространствѣ видишь на берегахъ Тибра только цуги буйволовъ, влекущихъ лодку, или поселянина, скачущаго верхомъ со стороны Неаполя. Отчего, спрашиваешь самого себя, отчего вблизи Рима такъ пусто? Кажется, здѣсь невольно чувствуешь, что, въ нѣдрахъ этой тишины, готовится для вѣчнаго города какая-то новая судьба, и, можетъ-быть, второе его паденіе; т. е. что и нравственная его сила скоро исчезнетъ совершенно, какъ исчезло могущество политическое. Я простился вчера ночью съ уединеннымъ Колизеемъ. Полная луна освѣщала одну сторону амфитеатра и проглядывала сквозь трещины и развалины другой. Нѣсколько лампадъ теплилось внизу, въ этомъ мѣстѣ, освященномъ кровію первыхъ мучениковъ христіанства. Сегодня, около одиннадцати часовъ ночи, я долженъ сѣсть въ Болонскій почтовый дилижансъ, который довезетъ меня до Фолинья, а оттуда до Анконы доберусь я въ другомъ дилижансѣ.

АНКОНА. *Середа* $^{8}/_{20}$. — Отправившись изъ Рима въ субботу ночью, въ весьма тѣсной и безпокойной каретѣ, съ Брюлловымъ и съ какимъ-то начальникомъ папскихъ жандармовъ, я очутился въ слѣдующее утро въ окрестностяхъ Civita Castellana. Погода прекрасная; весна во всемъ блескѣ. Мнѣ говорили, что это не время путешествовать по Востоку, и что я пріѣду къ самымъ жарамъ въ самую жаркую часть Европы; но дѣлать было нечего, потому-что не отъ меня зависѣло располагать временемъ. По крайней мѣрѣ трудно было выбрать болѣе пріятную пору года для путешествія по Италіи. Зелень самая свѣжая покрываетъ горы и узкія долины, въ которыя взоръ спѣшитъ углубиться прежде, чѣмъ пролетитъ карета. Часто, когда мы останавливались, былъ слышенъ голосъ соловья. Тамъ, гдѣ расширялся горизонтъ, являлись сельскіе домы-

ки, отдаленные города и безчисленныя деревни. Какая веселая, свѣтлая, блаженная земля! Въ воскресенье ночью я вылѣзъ изъ Болонскаго дилижанса въ Фолиньѣ, а въ понедѣльникъ, до разсвѣта, отправился уже въ другомъ, болѣе просторномъ, въ родѣ линѣйки, открытой съ боковъ. Въ немъ находились, кромѣ художниковъ, ѣдущихъ со мною, одна женщина съ ребенкомъ, молодой монахъ Бенедиктинскаго ордена, ѣдущій въ Анкону, для свиданія съ матерью, и еще два аббата. Не обошлось безъ того, чтобъ рѣчь не коснулась религіи, и молодой монахъ защищалъ очень искусно и убѣдительно то, во что̀, можетъ-быть, самъ не вѣрилъ. Впрочемъ, всѣ Католическіе духовные, особенно высшаго сана, похожи болѣе на дипломатовъ, чѣмъ на священниковъ; главное ихъ стараніе, кажется, состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать формы и удалять изслѣдованія, касающіяся до основаній ихъ власти.

Ночью на вторникъ мы проѣхали черезъ Лоретто, и потому, какъ ни осматривали при свѣтѣ фонарей, какъ ни ощупывали бронзовыхъ дверей часовни, не могли однако жь составить себѣ никакого понятія о домѣ Богородицы, принесенномъ сюда, по преданію, изъ Палестины на плечахъ ангеловъ, и обогащенномъ дарами благоче-

стивыхъ поклонниковъ. Можетъ-быть я увижу на обратномъ пути этотъ любопытный памятникъ. Впрочемъ не должно полагаться на будущее, особенно, когда оно такъ отдаленно: что̀ не исполнено въ свое время, вѣроятно никогда исполнено не будетъ. Сколько промаховъ дѣлаемъ мы, надѣясь на будущее и потомъ сами же жалуемся на скоротечность жизни.

Вчера, во вторникъ, рано поутру, я пріѣхалъ въ Анкону и занялъ веселую квартиру въ трактирѣ della Pace. Изъ оконъ моихъ прекрасный видъ на море. За обѣдомъ у Русскаго консула, стараго моего знакомца, который, кромѣ другихъ кушаньевъ, угостилъ насъ пятью родами *фритюровъ* *, я познакомился съ здѣшними властями и консулами, съ губернаторомъ, тонкимъ monsignore, который находитъ очень смѣшнымъ и справедливымъ все, что̀ ни говорите ему. Съ генераломъ Cubières, командующимъ Французскимъ гарнизономъ, я уже былъ знакомъ въ Римѣ. Онъ человѣкъ скромный и весьма пріятный, какъ по разговору, такъ и вообще по обхожденію. Вечеромъ давали оперу, одну изъ лучшихъ, если не самую лучшую изъ всѣхъ, слышанныхъ мною въ Италіи. Весьма хорошая труп-

* Жареная рыба, или жареная зелень.

на представляла Беллиніеву «Норму». Мадамъ Унгеръ играла роль Нормы превосходно. Всѣ движенія ея такъ страстны и исполнены такой прелести, что она едва ли болѣе могла бы интересовать насъ своей ролью и тогда даже, когда бы была прекраснѣе. Жители Анконы очень гордятся своей Оперой, и цѣлый годъ копятъ деньги, чтобъ имѣть ложи или кресла на одинъ мѣсяцъ, въ продолженіе котораго у нихъ она открыта. Нельзя нигдѣ лучше разстаться съ Италіей, какъ въ Оперѣ. Въ ней изображены и нѣжный характеръ Италіи, и прежнія ея доблести, которыя теперь видишь здѣсь только на сценѣ. Городъ, только слегка мною осмотрѣнный, интересенъ. Онъ сохранилъ на себѣ отпечатокъ древности; но весь его характеръ, какъ и вообще характеръ малыхъ городовъ Италіанскихъ, отзывается средними вѣками. Болѣе всего замѣчательны остатки древней пристани, временъ императоровъ; стѣны ея, хотя уже обрушились и покрыты моремъ, но еще видны подъ водою. Равно замѣчательны тріумфальная арка императора Траяна, узкая и высокая, съ Латинскою надписью, и соборъ, который, какъ говорятъ жители, не знаю только основательно ли, стоитъ на мѣстѣ древняго храма Венеры. Хотя Анкона и ведетъ торговлю съ Востокомъ, но въ ней не замѣтно ни

восточныхъ нравовъ, ни восточнаго вкуса. Это не Венеція, которая имѣла и, вѣроятно, еще будетъ имѣть большое вліяніе на Востокъ, и которая сама много отъ него заимствовала. Анкона, не пользовавшись никогда тою силой, ни независимостью и богатствомъ, которыми наслаждалась Венеція, не могла, ни во время крестовыхъ походовъ, ни послѣ ихъ, дѣйствовать оружіемъ на восточныя страны, и не нуждалась столько въ произведеніяхъ Востока, сколько та владычица Адріатическаго моря, которую можно бы назвать посредникомъ между грознымъ Сѣверомъ и пышнымъ Востокомъ.

Въ числѣ рѣдкостей Анконскихъ достоинъ замѣчанія одинъ переулокъ, изъ котораго, какъ сказывали мнѣ, нельзя выйдти безъ драки съ любезными его обитательницами, продающими тамъ разные шерстяные и другіе товары. Я хотѣлъ испытать это на себѣ и вошелъ въ этотъ узкій переулокъ. Вдругъ справа и слѣва кинулись на меня торговки, всѣ преуродливыя созданія, и начали тащить меня кто за платье, кто за руку въ свою лавку. Я спасся только тѣмъ, что одна отрывала меня отъ другой и такимъ-образомъ я прошелъ по всей улицѣ, не нуждаясь въ собственной оборонѣ.

По приглашенію генерала Кюбьера, былъ я сегодня поутру на смотрѣ Французскихъ войскъ, числомъ до 4000. Войско, ожидавшее насъ на сборномъ мѣстѣ построено было въ каре, котораго каждый фасъ обращался лицемъ внутрь. По прибытіи генерала, ему отдали честь съ барабаннымъ боемъ. Обошедъ ряды, мы остановились въ срединѣ каре, и генералъ приказалъ начать ученіе. Сперва производились ружейные пріемы, потомъ пальба рядами и шеренгами, и въ заключеніе, войско, построившись повзводно на право, прошло мимо насъ церемоніальнымъ маршемъ, сперва на взводной дистанціи, а потомъ сомкнутыми колоннами. Я нашелъ, что они дѣлали ружейные пріемы съ большою точностію и чистотою. Но не могу того же сказать объ ихъ искусствѣ маршировать; оно далеко отстоитъ отъ того совершенства, которымъ отличается Русская и Англійская пѣхота. Правда, что выправка ихъ развязна и шагъ свободенъ; но они не умѣютъ равняться на большомъ разстояніи. Я просилъ генерала приказать войскамъ пройдти нѣкоторое пространство развернутымъ фронтомъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что Французская пѣхота къ этому не пріучена, и что вообще въ ихъ боевыхъ построеніяхъ развернутый строй не употребляется. Вѣроятно пылкому, необузданно-

му характеру Французскихъ солдатъ должно приписать неспособность ихъ къ развернутому строю, который оказалъ Веллингтону столь важныя услуги.

Дисциплина соблюдается у Французовъ только во фронтѣ: часовой не отдаетъ чести даже офицеру своего полка, ежели послѣдній не имѣетъ на себѣ мундира. Солдаты удивили меня своею молодостію и малымъ ростомъ. Одежда ихъ, въ которой синій мундиръ рѣзко отличается отъ малиноваго исподняго платья, причиною, что ростъ ихъ кажется еще менѣе.

Способъ, употребленный Французами для завладѣнія Анконой, будетъ памятенъ въ исторіи этого города. Французская эскадра явилась въ портъ и отправила адъютанта на берегъ къ мѣстному начальству съ объявленіемъ, что завтра въ такой-то часъ Французскіе корабли будутъ салютовать крѣпости; между-тѣмъ эскадра проситъ сдать ей и самую крѣпость, которую она пришла занять и будетъ держать въ своей власти, для защиты выгодъ его святѣйшества, Папы. — Монсиньоре далъ посланному отвѣтъ двусмысленный, и ночью Французскія войска сошли на берегъ съ лѣстницами, чтобъ взлѣзать на крѣпостныя стѣны въ случаѣ защищенія ихъ.

Самые Анконскіе жители, встрѣтившіе на пути солдатъ, понесли на плечахъ лѣстницы, чтобъ облегчить Французамъ трудъ; но это вниманіе съ ихъ стороны вышло совершенно лишнее, потому-что гарнизонъ, по первому требованію, отперъ ворота. И съ того времени донынѣ Французы остаются спокойными хозяевами въ Анконѣ. Не знаю, какъ дѣло обошлось съ салютомъ. Вѣроятно сами Французскіе солдаты отсалютовали кораблямъ, въ которыхъ прибыли.

Пароходъ, принадлежащій Іоническимъ Островамъ, и который долженъ отвезти меня въ другую страну, прибылъ изъ Тріеста и, вмѣсто того, чтобы, какъ было объявлено, отправиться въ Корфу завтра, опъ теперь же готовится къ отплытію. Виновникомъ этой поспѣшности Англійскій курьеръ, пріѣхавшій изъ Лондона въ 7 дней, и торопящійся въ Аѳины, къ торжественному дню восшествія на престолъ Короля Оттона, или, какъ произносятъ его имя Греки, «Оѳона.»

Пароходъ. Въ шестомъ часу пополудни лодка привезла меня изъ города въ лазаретъ. Я вошелъ въ такъ называемый parlatorio, и перешелъ за рѣшетку, отдѣляющую чистыхъ отъ нечистыхъ. Эта минута уже отдаляетъ отправляющагося на Востокъ четырнадцатью днями отъ Анконы! Дру-

гая лодка перевезла меня изъ лазарета на пароходъ, мимо брандвахты, весьма скромной шкуны, на которой вывѣшенъ Папскій флагъ, бѣлый съ изображеніемъ Богородицы. Анкона, со стороны моря, представляетъ живописную картину. Городъ, расположенный около пристани, углубленъ въ срединѣ, а оба бока его подымаются на возвышенія. На восточномъ стоитъ соборъ, господствующій надъ всѣмъ городомъ.

Начиная съ пристани, берегъ Италіи идетъ къ Югу крутыми мѣловыми провалами, и со стороны моря кажется, будто бы онъ былъ приведенъ въ настоящій свой видъ разрушеніемъ. Его провалы не очень высоки близь Анконы, но постепенно поднимаются къ Monte Comero, и потомъ опять спускаются къ югу длинными волнистыми линіями, съ небольшими возвышеніями. Далѣе, внутрь земли, рисуются на пламенномъ небѣ запада смѣлыя вершины Аппениновъ. Высокая цѣпь, идущая къ сѣверу, прерывается вдругъ къ югу одной высокою и круто спадающею горою; это вѣроятно цѣпи Catria, Monte Nerone и проч. Потомъ начинаются горы средней Италіи, а къ югу бѣлѣется въ облакахъ гора, которая соотвѣтствуетъ мѣстоположенію — Gran Sasso.

На обширномъ и весьма спокойномъ пароходѣ я

нашелъ только трехъ пассажировъ. Одинъ — офицеръ Англійскаго гарнизона въ Корфу. Два другіе ѣдутъ, повидимому, для преобразованія Востока, каждый на свой ладъ и по своимъ собственнымъ понятіямъ: изъ нихъ одинъ Англичанинъ, капитанъ Лайонсъ, именно тотъ, котораго въ Корфу называли курьеромъ; но онъ не простой курьеръ. По словамъ его можно было подумать, что онъ ѣдетъ смѣнить теперешняго Англійскаго уполномоченнаго въ Аѳинахъ. Мы нашли въ немъ человѣка пріятнаго. Третій пассажиръ, ѣдущій также въ Корфу, и оттуда далѣе — Американецъ и членъ общества воздержности. Онъ худъ, какъ и слѣдуетъ быть въ его званіи, не пьетъ вина, не куритъ, и, сколько я могъ замѣтить, не смѣется никогда громко вмѣстѣ съ прочими, но часто улыбается, и какъ будто хочетъ доказать, что *въ среднемъ* состояніи души и тѣла находится самая высокая степень человѣческаго счастія.

Четвергъ $^{9}/_{21}$. — Продолжая путь нашъ всю ночь и весь этотъ день по совершенно спокойному морю, мы потеряли изъ виду берега Италіи. Въ небольшомъ разстояніи замѣтны малые и, повидимому, каменистые острова, подымающіеся круто изъ моря: Pomo, S. Andrea Buzo (ненаселенный) и Lissa, въ которомъ, говорятъ, есть хорошія пристани. Вдали слабо видпѣется часть берега Далмаціи, вѣроятно полуостровъ Sabioncello. Земля съ этой стороны исчезла къ вечеру, а съ правой руки отъ насъ показался островокъ Pelagosa, очертаніемъ формъ своихъ весьма похожій на Капри. До-сихъ-поръ замѣтно очень мало судовъ.

Пятница $^{10}/_{22}$. — Земли не было видно поутру ни съ одной стороны. Но къ полудню показались горы Акрокеравнскія (Acrocerauni, т. е. съ громовыми вершинами), вознося круто къ облакомъ свои снѣжныя вершины позади небольшаго и, повидимому, необработаннаго острова Sassano. Далѣе полуостровъ Linguetta (язычокъ) выставляетъ свои голыя, разрѣзанныя оврагами горы. Берегъ здѣсь не очень возвышается надъ моремъ. Около этого пункта, въ направленіи къ юго-востоку, дѣлается примѣтнымъ островъ Корфу, а съ правой каменистый островокъ Fano.

Около 7 часовъ вечера. Мы плывемъ въ разстояніи трехъ верстъ отъ твердой земли. На горахъ примѣтна бѣлая черта потока Химара (Chimarra) или Химера, впадающаго въ море. Начиная съ этого пункта, берегъ не подымается круто, но отдѣльныя отъ него горы видны сзади и поражаютъ

взоръ своею высотою. Страна кажется лѣсистою; кое-гдѣ видны деревни. Она населена народомъ крѣпкимъ и отважнымъ. Отсюда около 60 верстъ до Корфу. Мы прибыли въ заливъ Корфіотской около полуночи.

Весь этотъ берегъ, начиная отъ границъ Иллиріи до самой Арты, кажется мнѣ вообще очень мало извѣстенъ; но я не знаю, можетъ ли какая-нибудь другая часть Европы быть для насъ интереснѣе въ географическомъ и нравственномъ отношеніяхъ? Здѣсь, такъ сказать, сливается Востокъ съ Западомъ, и народъ Славянскаго происхожденія какъ бы переходитъ изъ Германіи въ Албанію и Турцію. Полагаютъ, что изъ этого края, богатаго племенами, Пелазги, таинственные предки Римлянъ и Грековъ, разсыпались по странамъ, лежащимъ по берегамъ Іоническаго моря. Около этихъ мѣстъ была прежде граница между двумя Римскими Имперіями; наконецъ, въ этомъ мѣстѣ сосредоточивается нынѣ вліяніе четырехъ державъ, во многихъ отношеніяхъ другъ другу противоположныхъ: Австріи, Турціи, Италіи и Англіи. Воинственный духъ жителей и невѣжество Турецкаго правительства были, вѣроятно, причиной, что, кромѣ Рагузы, нѣтъ никакихъ большихъ торговыхъ городовъ на этомъ берегу, бога-

томъ пристанями и естественными произведеніями. Но съ будущимъ, неминуемымъ образованіемъ Востока здѣсь возникнетъ когда-нибудь городъ, который достойно замѣнитъ прошедшую власть Венеціи на Адріатическомъ морѣ. Народъ, населяющій сѣверную часть этихъ странъ, говоритъ языкомъ Славянскимъ, вѣроятно нѣсколько испорченнымъ, исповѣдуетъ вѣру Католическую, носитъ платье полу-Италіанское, полу-Греческое, торгуетъ съѣстными копчеными припасами и виномъ, которое вывозитъ на своихъ собственныхъ судахъ. Албанцы, граничащіе съ ними къ югу, составляютъ народъ отдѣльный и говорятъ своимъ природнымъ языкомъ, вовсе неизвѣстномъ нашимъ ученымъ, потому-что у Албанцевъ нѣтъ письменъ.

Я полагаю, что около трехъ четвертей народонаселенія христіане, прочіе же мусульмане, которые первенствуютъ и господствуютъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ.

КОРФУ. *Суббота* $^{10}/_{22}$. — Вышедъ сегодня утромъ на палубу парохода, бросившаго якорь противъ малой крѣпости Vido, я впервые увидѣлъ обширный заливъ, на краю котораго стоитъ городъ Корфу. Далеко на западѣ гора San Salvatore поднимается въ видѣ такой огромной и высокой массы, что, кажется, будто она стоитъ не на островѣ, а на твердой землѣ. Съ трудомъ, особенно при утреннемъ туманѣ, видишь съ этого пункта мѣсто, гдѣ проходитъ морской проливъ.

Горы острова и твердая земля, кажется, сливаются и превращаютъ море въ величественное озеро. Городъ, пользующійся этимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, не отличается особенною красотою. Онъ выстроенъ худо, на крутыхъ холмахъ, и, кромѣ дворцоваго квартала, состоитъ большею частію изъ тѣсныхъ и кривыхъ переулковъ; но онъ дѣлается весьма занимательнымъ отъ живо-

писнаго разнообразія костюмовъ, племенъ, языковъ и обычаевъ своего народонаселенія. Этотъ островъ былъ нѣкогда подъ властію Венеціанъ. Изъ рукъ Французовъ онъ перешелъ въ наши въ царствованіе покойнаго Государя Павла I, и нынѣ находится, вмѣстѣ съ прочими Іоническими островами, подъ покровительствомъ Англіи, которая здѣсь содержитъ лорда коммиссара и гарнизонъ. Греки составляютъ въ немъ основное народонаселеніе и отличаются смуглыми лицами и босыми ногами. На улицахъ и базарахъ встрѣчается много Албанцевъ. Они носятъ богатый нарядъ, узкій около груди, широкій въ низу, который вообще очень идетъ къ ихъ гордой, свободной осанкѣ. Подобно обитателямъ гористой части Шотландіи, они носятъ, вмѣсто мужскаго исподняго платья, юбку или фустанель, которая спускается множествомъ складокъ съ таліи до колѣнъ.

Я бы назвалъ ихъ, по ихъ независимому воинскому духу и характеру самой земли, Тирольцами Востока.

Многихъ привлекаетъ на этотъ островъ торговля. Здѣсь Албанцы болѣе обезпечены относительно имущества, чѣмъ въ собственномъ своемъ отечествѣ, а Суліоты и Паргіоты по необходимости оставили навсегда свою родину и, продавъ

свои имѣнія Туркамъ, поселились здѣсь. Кромѣ Грековъ и Албанцевъ, здѣсь есть еще много Италіанцевъ, и вообще Италіанскій языкъ господствуетъ въ низшихъ классахъ, какъ Англійскій въ высшемъ.

Правительство, введенное на Іоническихъ островахъ Англичанами, по образцу ихъ собственнаго, состоитъ изъ сената, или верховной палаты, имѣющей шесть членовъ, законодательнаго или нижняго собранія, въ которомъ около пятнадцати членовъ, и избраннаго на время верховнаго лица или князя. Черезъ каждые пять лѣтъ приступаютъ къ новому выбору. Но Англичане предоставили себѣ высшую власть, удержавъ за собою вліяніе на выборы членовъ обѣихъ собраній и назначая лица, изъ которыхъ сенатъ долженъ выбрать князя. Исполнительная власть, какъ мнѣ кажется, совершенно въ ихъ рукахъ. Лордъ коммиссаръ затмѣваетъ этикетомъ и пышностію своею всѣ мѣстныя власти въ Корфу, и назначенные имъ, на прочихъ островахъ, резиденты, окружаютъ себя также подобіемъ двора.

Англичане, при всемъ своемъ вліяніи, претерпѣли однако же недавно непріятность отъ здѣшняго правительства, за слишкомъ нескромное требованіе денегъ. Жители уже давно ропщутъ на

повинности, на нихъ наложенныя, для построенія шоссе по островамъ, и мнѣ говорили съ негодованіемъ, что одинъ островъ платитъ теперь правительству 50,000 талеровъ или 250,000 рублями болѣе, чѣмъ всѣ семь острововъ вмѣстѣ платили во время владычества Венеціянъ. Но вотъ въ этомъ году является предписаніе изъ Лондона отъ министра, управляющаго колоніями, о томъ, чтобъ предложить Іонійскимъ палатамъ новые налоги, для содержанія, на счетъ острововъ, Англійскаго гарнизона и правительства. Надо было начать уничтоженіемъ конституціи, учрежденной самими Англичанами, или вовсе не предлагать мѣру, которую невозможно иначе ввести, какъ насиліемъ. Предложеніе однако было сдѣлано, и охотниковъ для выдачи денегъ изъ своего кармана не оказалось; но дѣйствіе, произведенное на весь народъ этимъ вопросомъ, очень невыгодно для Англичанъ.

Воскресенье $^{12}/_{24}$. — Здѣсь находятъ изрѣдка древности, скульптурные обломки и надписи; но самыя любопытныя вещи всегда отправляютъ въ Англію, а здѣсь я не видалъ ничего, достойнаго замѣчанія. Удивленіе путешественника возбуждаютъ всего болѣе окрестности города. Я ѣздилъ къ сторонѣ Потамо, на сѣверозападъ отъ города. Англійское шоссе проведено по прекрасной, плодоносной долинѣ, гдѣ мало видно слѣдовъ человѣческой работы, но зелень самая тучная и роскошная. Деревья здѣсь несравненно роскошнѣе чѣмъ въ Италіи. Оливковыя деревья могутъ сравняться обиліемъ зелени и толщиной пня съ самыми прекрасными деревьями Англіи. Но тамъ это происходитъ единственно отъ влажности; а здѣсь и при палящемъ солнцѣ точно такая же зелень, и не на липахъ, а на оливѣ, самомъ сухомъ и тощемъ деревѣ. Дорога, извивающаяся по этой прелест-

ной долинѣ, довела меня, послѣ полутора-часовой прогулки, до рѣчки, не очень значительной, но расширяющейся по мѣрѣ приближенія ея къ морю. Каменный мостъ ведетъ чрезъ нее къ деревнѣ, расположенной прекрасно между оливами и кипарисами на противоположной горѣ. Имя деревни и рѣчки: Потамо. Церкая очень красива. Поселяне были въ праздничномъ платьѣ; но здѣсь примѣтна серіозность Англійскаго воскресенья. Женщинъ почти не видать. Пунктъ, гдѣ рѣчка впадаетъ въ море, можетъ-быть тотъ самый, на которомъ, по словамъ Гомера, сошелъ Улиссъ, по прибытіи въ землю Ѳеаковъ; по-крайней-мѣрѣ онъ совершенно соотвѣтствуетъ описанію въ Одиссеѣ. Когда я сталъ перечитывать этотъ прекрасный эпизодъ, мнѣ показалось, что онъ, можетъ-быть, подалъ Байрону первую мысль къ его удивительной картинѣ Донъ-Жуана и Хайды. Въ той и другой поэмѣ, герой брошенъ бурею на неизвѣстный островъ. Дочь царя острова находитъ его, состраданіе къ его участи западаетъ ей въ сердце: она даетъ ему покрывало и приноситъ пищу. Но здѣсь все сходство прекращается. Въ Гомерѣ представлена дѣвица, въ минуту того перваго, можетъ-быть самаго прекраснаго, движенія чувствъ, когда она только удивляется мужчинѣ,

достойному уваженія и состраданія, и готовится только любить его. Не теряя скромности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своей гордости, островитянка не страшится пришельца, какъ другія дѣвы, но привѣтствуетъ его и помогаетъ ему. Нельзя вообразить себѣ ничего вѣжливѣе, ничего болѣе *рыцарскаго*, какъ рѣчь Улисса, который, стыдясь своего собственнаго положенія, и удивляясь красотѣ Навзикаи, не знаетъ, считать ли ее богиней или смертной. И что̀ можетъ быть въ одно время и добрѣе, и благопристойнѣе поведенія Навзикаи, которая, указавъ ему дорогу въ родительскій домъ, возвращается безъ него, чтобъ не подать повода къ глупымъ толкамъ! Картина уже кончена, когда еще чувства читателя едва только были встревожены. Напротивъ, въ Байронѣ, съ самаго начала, сердце бьется и дыханіе занимается. Дѣва, рожденная любить страстно и быть страстно любимой, находитъ на берегу моря юношу, лежащаго въ обморокѣ; она кладетъ на свои колѣна его прекрасную голову и посѣщаетъ его ежедневно въ пещерѣ, скрывая отъ своего грознаго отца. Какая минута, когда два любовника, созерцая небо и землю, усматриваютъ себя въ глазахъ другъ друга и обнимаются! Кончается тѣмъ, что Донъ-Жуанъ, полумертвый, увезенъ на отдален-

ный берегъ, и Хайда въ сумасшествіи умираетъ; но такъ тихо, что только по блѣдности лица можно догадаться, что жизнь уже оставила ее. Между поэтомъ, жившимъ за три тысячи лѣтъ, и поэтомъ нашего столѣтія, такая же разница, какъ между солнцемъ, восходящимъ надъ природой, покрытой еще росою ночи, и солнцемъ, которое, оканчивая дневный путь свой, воспаляетъ землю, уже истощенную продолжительнымъ зноемъ. Не пройдетъ ли это время лихорадочнаго страданія какъ прошло утро?

Понедѣльникъ $^{13}/_{25}$. — Нанято было судно, которое должно отвезти меня въ Санту-Мавру, ближайшій изъ прочихъ острововъ, мимо которыхъ лежитъ путь мой въ Грецію. Но вѣтеръ не попутный, и я долженъ, по этой причинѣ, остаться еще одинъ день въ Корфу. Я поѣхалъ въ коляскѣ по тому же направленію, куда ходилъ вчера, но, не останавливаясь у рѣчки Потамо, продолжалъ путь свой во внутренность острова долиной Пантелеймона у подошвы цѣпи Сан-Сальваторе. Проѣхавъ около семи верстъ отъ города, самою прелестною миѳологической страною, я началъ подыматься отъ деревни Скриперо (Scripero) на гору, по извилистой дорогѣ, и съ каждою минутой открывался предо мною все болѣе и болѣе обширный видъ на югъ, во внутренность острова. Дома въ группахъ, или поодиначкѣ, разсыпаны на пространной долинѣ между кипарисами, оливами и

виноградниками. Глубокое спокойствіе и счастіе, кажется, царствуютъ въ этихъ мѣстахъ. Начинало уже смеркаться, когда я дошелъ до самого высокаго пункта этой горы, съ которой море видно по обѣимъ сторонамъ, и которая, склоняясь къ западному берегу острова, соединяется съ цѣпью Сан-Сальваторе. Я могъ однако жь еще любоваться прекраснымъ видомъ моря съ островами Фано, Мерлера и другими меньшими, а также разнообразіемъ горъ, хотя онѣ уже не освѣщались солнцемъ. Въ разстояніи какихъ-нибудь десяти верстъ, горы повидимому пресѣкаются совершенно глубокимъ оврагомъ, и оттуда начинается широкая долина, идущая къ востоку и названная *Λιβαδὸ τῶ Ροτιᾶ* (Ливадо ту Ротіа). Она засѣяна рожью и маисомъ. По ту сторону долины горы вновь постепенно подымаются до высокой горы, занимающей средину острова и названной Агіосъ Дена. За нею онѣ опять опускаются и далѣе къ югу не видно уже никакой значительной возвышенности. Самыя высокія изъ этихъ горъ каменисты и голы. Мой ученый сопутникъ, докторъ Крамеръ, далъ намъ замѣтить, что камень, ихъ составляющій, совершенно такой же, какъ въ Аппенинахъ.

Я возвратился, когда уже совершенно стемнѣло,

но фосфорическія мухи «метеоры земли» сверкали вокругъ меня, а овраги съ деревьями представлялись цѣльными, нераздѣльными массами.

Главное произведеніе острова оливковое масло. Большая часть земли принадлежитъ крестьянамъ, а остальная помѣщикамъ. Послѣдніе отдаютъ свои участки на обработку, и заключаютъ контрактъ съ арендаторомъ, по которому онъ долженъ, смотря по состоянію, въ какомъ беретъ землю, дать имъ треть, половину или двѣ трети плодовъ. Когда оливы начинаютъ поспѣвать, оцѣнщики, назначенные частію господиномъ, частію арендаторомъ, обходятъ каждое дерево, оцѣниваютъ всю жатву по взаимному согласію, и утверждаютъ присягой свой приговоръ, сообразно съ которымъ арендаторъ платитъ господину натурою или деньгами. Мнѣ кажется, что это весьма благоразумная мѣра, отстраняющая взаимный убытокъ и обезпечивающая справедливую выгоду обѣихъ сторонъ. Но часто здѣсь даже нѣтъ надобности въ присягѣ; нужно только, чтобъ были съ обѣихъ сторонъ свидѣтели, когда дѣлаютъ замолотъ. Масло, собираемое на островѣ, составляетъ также главный предметъ его торговли, и главный источникъ доходовъ правительства, которое учредило огромный налогъ — $19^1/_2$ процен-

товъ — на его вывозъ. Здѣсь есть и виноградъ, а также апельсинныя и лимонныя деревья, но они служатъ только для внутренняго продовольствія. Хлѣба, произрастающаго на островѣ, достаетъ жителямъ только на 3 или 4 мѣсяца. Они получаютъ изъ Италіи и Венеціи маисъ, коренную ихъ пищу, а хлѣбъ наиболѣе изъ Россіи.

САНТА-МАВРА. *Четверкъ* $^{16}/_{28}$. — Во вторникъ, около 4 часовъ пополудни, подулъ попутный вѣтеръ. Все утро провелъ я въ Англійской *гарнизонной библіотекѣ*. Она очень хороша, составлена наиболѣе изъ географическихъ и историческихъ книгъ, и походитъ на библіотеки, принадлежащія Англійскимъ клубамъ. Лодка моя, изъ тѣхъ, которыя приходятъ въ Корфу съ виномъ, была довольно обширна, но очень нечиста. Подулъ слабый вѣтерокъ, и мы пошли на югъ по Корфіотскому проливу. На правой сторонѣ островъ Корфу простирается во всю свою длину къ югу, не отличаясь особенными возвышенностями и сохраняя тотъ же видъ плодородія, какимъ замѣчателенъ въ своей внутренности. — Напротивъ Албанскій берегъ, совершенно голый и необработанный, подымается круто съ моря. Большая Турецкая деревня, названная по-Грече-

ски Конисполисъ, стоитъ на возвышенности, нѣсколько входящей во внутренность края. Въ ней около 800 домовъ, разсыпанныхъ врозь другъ отъ друга, и между ними есть довольно значительные по своей величинѣ. Вся Албанія теперь въ открытомъ возмущеніи противъ султана за его нововведенія. Говорятъ, что онъ болѣе не Турокъ. Всѣ умы здѣсь очень заняты недавнимъ появленіемъ Турецкаго флота, который удалился, однако, чрезъ нѣсколько дней, не сдѣлавъ ничего. Но и то хорошо, что Турецкіе корабли не разбились о берегъ, чего должно всегда опасаться по невѣжеству и дурной дисциплинѣ ихъ экипажей. Революція Албанцевъ прекратится вѣроятно тогда только, когда надоѣстъ самимъ жителямъ. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобъ власть султана когда либо прочно водворилась въ этой дикой и гористой странѣ. Къ ночи вѣтеръ утихъ и въ слѣдующее утро, т. е. вчера, мы были почти на томъ самомъ пунктѣ, на которомъ уснули наканунѣ, имѣя еще передъ собою южный конецъ Корфу и островокъ Паксо, знаменитый своимъ оливковымъ масломъ. Штиль на морѣ есть одно изъ самыхъ непріятныхъ событій, которыя случаются на морѣ. Опытный путешественникъ всегда предпочтетъ землю морю, а если море неминуемо, то дастъ пароходамъ

преимущество предъ парусными ладьями; но въ этихъ странахъ нѣтъ выбора. Къ полудню повѣялъ вѣтерокъ. Самый замѣчательный пунктъ Албанскаго берега городъ Парга, который величественно стоитъ на скалѣ, подымающейся круто съ моря. Съ этой стороны виднѣе всего крѣпость, которая, кажется, наполнена жилыми домами. Слуга, нанятый мною въ Корфу, для путешествія, уроженецъ этого мѣста, и, какъ всѣ Паргіоты, на вѣкъ лишенный родины, говоритъ объ ней съ восхищеніемъ. По словамъ его «Парга неприступна и не была бы никогда взята Турками, еслибъ Англичане ее не продали». Къ югу, во внутренности земли, горы все болѣе и болѣе возвышаются. Мнѣ показали на одной изъ нихъ городокъ Сули, который теперь также оставленъ жителями, зачинщиками Греческой революціи. Они много лѣтъ сражались противъ знаменитаго Али-паши; но подъ конецъ присоединились къ нему и стали драться за него, когда онъ самъ возсталъ противъ султана.

Еще до покоренія своего союзника, они были осаждены султанскими войсками; а сдались, наконецъ, только съ тѣмъ, чтобъ имъ оставили оружіе и деньги, которыхъ у нихъ накопилось въ ту пору довольно, и свободу отплыть на Іоническіе

острова. Въ обезпеченіе исполненія этихъ условій взяли они у Турокъ двѣнадцать аманатовъ, и такимъ образомъ вышли изъ города, который защищали такъ упорно. Ихъ было около 1000 человѣкъ подъ ружьемъ; но съ женами и дѣтьми до 3000. Они отправились на островъ Кефалонію; но не остались тамъ долго, и малыми отрядами пошли на защиту Мисолунги, подъ стѣнами которой многіе изъ нихъ пали. Остатокъ этихъ храбрыхъ сражался въ Мореѣ противъ Ибрагима-паши, съ которымъ они теперь, вѣроятно, также бы помирились, потому-что и онъ возсталъ противъ султана. Наконецъ, по приказанію Кокрена, желавшаго обогатиться насчетъ Грековъ, нѣсколько сотъ изъ нихъ были высажены на Пирей, для освобожденія Аѳинъ, осажденныхъ Турками, и всѣ они были здѣсь убиты. Изъ первыхъ защитниковъ Сулія теперь немногіе остались въ живыхъ, и только дѣти ихъ сохранятъ въ своей памяти тотъ день, въ который они, оставляя мѣсто своей родины, должны были за своими матерями тащить къ морскому берегу свое имущество.

Высокій берегъ Албаніи вдругъ понижается у залива Арты (*Амвракійскаго*) и оттуда тянется длинными и низменными линіями къ югу. Этотъ об-

ширный заливъ, совершенно закрытый съ моря, замѣчателенъ сраженіемъ, происходившимъ между двумя соперниками, спорившими объ обладаніи міромъ и сердцемъ женщины. Какъ ужасно измѣнила она своему любовнику, и какъ легко простилъ онъ ее!

У самого залива находится граница между древнимъ Эпиромъ и Акарнаніей, и между новою Албаніей и Греціей. Къ десяти часамъ вечера мы достигли крайняго укрѣпленія Санта-Мавры, давно уже намъ видной по высокимъ своимъ горамъ; но меня не пустили на берегъ, и я долженъ былъ провести на баркѣ вторую ночь.

Сегодня, рано по утру, наша лодка подъѣхала близко къ городу между лагунами, чрезъ которые, по причинѣ мелководія, даже небольшое судно едва можетъ пройдти. Лагуны простираются на значительное пространство къ сѣверу и западу. Къ западу стоитъ крѣпость, соединявшаяся прежде съ берегомъ длиннымъ мостомъ, разрушеннымъ нынѣ отъ землетрясенія. Городъ имѣетъ видъ самый бѣдный. Онъ былъ также, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разрушенъ землетрясеніемъ, и перестроенныя дома, по большой части, не выше одного этажа. По случаю праздника Вознесенія Господня (въ этотъ день праздновалось также те-

зоименитство короля Англійскаго), нельзя достать безъ большихъ хлопотъ бумагъ для дальнѣйшаго моего путешествія. Но къ счастію Французскій консулъ въ Корфу, по особенно благосклонной рекомендаціи генерала Кюбьера, о которой мнѣ даже до пріѣзда туда не было извѣстно, далъ мнѣ рекомендательныя письма на всѣ острова, лежащіе на моемъ пути, и тѣмъ облегчилъ выдачу нужныхъ мнѣ бумагъ. Благодаря этому вниманію, былъ я принятъ въ С. Маврѣ однимъ изъ первыхъ жителей и угощенъ въ его домѣ. Отецъ, почтенный старикъ и четверо сыновей, которые уже всѣ въ лѣтахъ, сѣли со мной завтракать (женщинъ не было ни одной), и начали разговоръ о своемъ островѣ и о графѣ Каподистріи, памятью котораго здѣсь вообще очень дорожатъ. Онъ былъ родомъ изъ Корфу. Мнѣ разсказали между прочимъ, что одинъ Англійскій министръ, по имени Меттернихъ, увидѣвъ одну бумагу, написанную Каподистріемъ, былъ такъ удивленъ искусствомъ, съ какимъ было изложено ея содержаніе, и почувствовалъ такую зависть, что сошелъ съ ума и застрѣлился. Можно судить по этому изложенію исторіи Кастелрея, въ какомъ видѣ доходятъ политическія вѣсти до этого острова! Послѣ чаю былъ я у обѣдни, въ Греческой церкви,

гдѣ пѣвчіе тянули безъ всякаго милосердія напѣвъ, самый несносный для нашихъ ушей, и самыя дикія рулады, тогда какъ всѣ присутствующіе подтягивали басомъ. Все это производило какой-то странный эффектъ, похожій на гулъ колокола. Впрочемъ, между ихъ пѣньемъ и суровой живописью иконъ, есть что-то симпатическое, и одно идетъ къ другому какъ нельзя лучше. Получивъ отъ Англійскаго резидента нужныя бумаги, я имѣлъ, до отправленія, довольно времени слегка осмотрѣть мѣстоположеніе города. Равнина, на которой онъ стоитъ, не велика, но очень плодородна. За нею постепенно подымаются къ югу горы, покрытыя, у подошвы, свѣжею зеленью, но голыя и каменистыя на вершинахъ.

По словамъ жителей, весьма гордящихся своимъ островомъ, земля и климатъ его такъ хороши, что могутъ производить всѣ растенія. Народонаселеніе доходитъ до 30,000. Здѣсь примѣшиваютъ къ вину смолу, для лучшаго его сохраненія; но мнѣ кажется, что отъ этого, напротивъ, оно только портится еще скорѣе. Къ югу отъ нынѣшняго города, на мѣстѣ, которое называютъ *σπασμενη βρυσι*, попадаются иногда въ землѣ древніе обломки.

Бѣлыя скалы, съ которыхъ Сафо бросилась въ

море, и отъ которыхъ этотъ островъ названъ древними, *Λευκας* (Левкасъ), или Бѣлый, возвышаются на противоположной сторонѣ, и, говорятъ, на нихъ есть еще остатки храма; но мнѣ показали ихъ съ моря, когда я приближался къ острову Итакѣ, и я могъ только видѣть берегъ, круто спускающійся въ море. Мы вышли вечеромъ изъ Санта-Мавры, и свѣжій вѣтерокъ быстро понесъ нашу лодку къ югу. Проливъ между островомъ и твердой землей сначала не шире ста саженъ, и хотя онъ постепенно расширяется, но множество островов, разсыпанныхъ по немъ, не позволяетъ вамъ терять изъ виду землю. Исторія говоритъ, что этотъ проливъ былъ выкопанъ Коринѳскими поселенцами, и что, дотого, Левкадія былъ полуостровомъ, принадлежавшимъ къ твердой землѣ Акарнаніи.

Наше плаваніе было прелестной прогулкой, особенно рѣдкой на морѣ, гдѣ единообразіе неизмѣримаго пространства утомляетъ наконецъ взоръ и чувства. Здѣсь, напротивъ, земля развертываетъ, передъ глазами плывущаго, свои прекрасныя страницы. Утесистая родина Улисса скоро открылась передъ нами, и мы приблизились къ ней до заката солнца. Къ ночи поднялся вѣтеръ и мы, не безъ труда, вошли въ темнотѣ въ узкій и, какъ гово-

рятъ, опасный для судовъ заливъ Вати. Барку мою остановили было у таможни, но матросы закричали, что ѣдутъ Русскіе милорды и насъ пропустили. Должно отдать справедливость Англійскимъ таможнямъ: я, по-крайней-мѣрѣ, вездѣ находилъ ихъ гораздо учтивѣе всѣхъ прочихъ. Не заботясь о трактирѣ, по выходѣ на берегъ я спросилъ о господинѣ Ѳемистоклѣ Дзамбелли, адвокатѣ, къ которому имѣлъ письмо. Этотъ Ѳемистоклъ, по разовору и обращенію, былъ совершенный Французъ. Онъ воспитывался во Франціи и соединяетъ въ себѣ вѣжливость Парижанина съ гостепріимствомъ Англичанъ.

ИТАКА. *Пятница* $^{17}/_{29}$. — Мѣстоположеніе города Вати, нынѣшней столицы острова, очень мило. Вати стоитъ частью на южномъ краю, частью на западномъ берегу большой овальной бухты, окруженной съ обѣихъ сторонъ горами. Онъ круче на западной сторонѣ и веселѣе и плодороднѣе на восточной. Отъ края этой бухты вдается долина, богатая виноградомъ, во внутренность острова. Съ одной изъ сосѣднихъ горъ открывается прекрасный видъ. Около 10 часовъ утра отправился я въ лодкѣ съ четырмя дюжими гребцами, для обозрѣнія мѣста, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ школы Гомера. Мы плыли большею частью той самой дорогой, по которой пробирались наканунѣ въ темнотѣ.

Изъ бухты, собственно Вати, мы вошли сперва въ другой, обширнѣйшій заливъ, раздѣляющій весь островъ на двѣ половины, и окруженный съ

обѣихъ сторонъ дикими, безплодными скалами, которыя съ вершины Аноя спускаются къ сѣверу круто въ море. Заливъ замыкается къ западу высокой горою, на которой видны развалины такъ называемаго города Одиссеи — мѣстоположеніе, истинно достойное владычествовать надъ всѣмъ островомъ. Видъ съ этой вершины долженъ обнимать, съ одной стороны, Кефалонію, съ другой берегъ Акарнаніи; съ самаго моря примѣтны развалины и между ними можно замѣтить стѣну, составленную, какъ мнѣ разсказывали, изъ огромнѣйшихъ камней (вѣроятно циклопскихъ) и безъ сомнѣнія принадлежащихъ къ временамъ хитраго Улисса. Цицеронъ весьма хорошо изобразилъ характеръ этого мѣста, говоря о любви Улисса къ его отечественному городу, который виситъ, какъ гнѣздышко, на самыхъ крутыхъ и дикихъ горахъ.

Вышедъ изъ залива, мы поворотили на сѣверъ, прошли мимо мѣстечка *Маврока*, которое, точно гнѣздышко, притаилось въ глубинѣ маленькой бухты, и часа черезъ два или три доплыли до другой бухты, съ которой должно пѣшкомъ подниматься на мѣсто, названное *Ексой*.

Я шелъ сперва долиной, засѣянною рожью и украшенной виноградомъ и деревьями разнаго

рода; потомъ сталъ взбираться на гору, довольно крутую, окруженную другими горами со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной, совершенно открытой и обращенной къ морю. Вдоль каменистой дороги течетъ ручеекъ. Я дошелъ до того мѣста, гдѣ онъ почти по каплѣ падаетъ со скалы, обросшей зеленью, и узналъ, что имя этого мѣста Меланидросъ (черная вода). Мой проводникъ сказалъ мнѣ, что есть преданіе, будто бы Гомеръ, пришедъ однажды къ этому потоку, изъ школы, гдѣ училъ юношей, умылъ глаза и получилъ зрѣніе, и что отъ этого событія вода съ того времени досихъ-поръ называется черной. Не знаю, есть ли въ исторіи какое нибудь основаніе этому преданію, и говорятъ ли о немъ путешественники? Нѣсколько шаговъ еще выше, и мы очутились у такъ-называемой школы Гомера, небольшаго строенія, имѣющаго видъ храма циклопскаго рода. Рисунокъ, начатый Брюлловымъ, даетъ понятіе какъ о прелестномъ видѣ моря, врѣзывающагося многими заливами съ обѣихъ сторонъ острова, и отдаленной Сан-Мавры, такъ и объ этомъ древнѣйшемъ и массивномъ родѣ архитектуры, сооружавшей зданія изъ огромныхъ камней, многоугольной или четвероугольной формы, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Наименованіе

циклопскаго произошло отъ преданія, что циклопы выстроили въ Тиринтѣ стѣны, совершенно подобныя этимъ, наваливая каменья одинъ на другой, безъ всякой связи, кромѣ собственной тяжести ихъ. Немного выше этого мѣста есть нѣсколько крестьянскихъ домовъ, и между ними обрушившаяся церковь. Поселяне находятъ здѣсь камни съ старинными надписями, по большой части надгробными. Погода прекрасна, но жары, не смотря на вѣтерокъ, дующій съ моря, несносны. Мы только къ 7 часамъ вечера возвратились въ Вати къ *monsieur* Ѳемистоклу, который ждалъ насъ къ обѣду.

Суббота $^{18}/_{30}$. — Я воспользовался свѣжестью утра, чтобы посѣтить источникъ Аретузы, на южной сторонѣ восточнаго берега острова. Дорога проведена вдоль горъ, которыя тянутся къ югу; онѣ вообще невоздѣланы (кромѣ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ Вати) и даже неудобны для земледѣлія. Признаться, Одиссей владѣлъ страною неплодородною, но за то чрезвычайно красивой.

На дорогѣ къ источнику представляются прекрасные виды. Проѣхавъ на ослѣ около пяти верстъ, я долженъ былъ слѣзть, оставить дорогу и сойдти по крутому берегу, спускающемуся къ морю. Я дошелъ до весьма страннаго и живописнаго углубленія въ горѣ Карака, изъ котораго вытекаетъ источникъ Аретузы. Красота этого мѣста состоитъ не въ одной свѣжести и роскошной зелени, но и въ чудесномъ видѣ моря и противоположнаго

берега. Во время умѣренныхъ жаровъ источникъ тихо вытекаетъ изъ земли, въ небольшой пещерѣ, обвѣшанной зеленью, и мелкимъ ручьемъ пробирается по долинѣ въ море; но слѣды опустошенія на скалахъ, висящихъ надъ этою пещерою, показываютъ, что въ другія времена года здѣсь бываютъ сильные потоки. Видъ этой долины долженъ быть тогда совершенно иной.

Къ полудню я возвратился въ Вати, а въ 5 часовъ простился съ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ. Около полусотни или болѣе зрителей собралось на берегу: такъ велико было удивленіе, произведенное на ихъ островѣ пріѣздомъ Русскаго путешественника. Сколько я могъ замѣтить, здѣшній народъ, кажется, очень къ намъ расположенъ; но это такой вопросъ, на который мудрено отвѣчать рѣшительно. Говорятъ, что въ прошедшую Пасху, военное судно, подъ Русскимъ флагомъ, бросило якорь близь одного изъ здѣшнихъ острововъ, и что видъ флага съ Андреевскимъ крестомъ такъ понравился жителямъ, что они плавали до корабля, касались его и кричали матросамъ «Христосъ воскресе».

Штиль захватила насъ скоро по выходѣ изъ залива Итаки.

Восточный берегъ южной половины острова

такъ же сухъ и дикъ, какъ сѣверный. Луна поднялась надъ моремъ, совершенно спокойнымъ. Лодка колыхалась только отъ движеній матросовъ.

ЗАНТЕ. *Воскресенье* $^{19}/_{31}$. — Я проснулся сегодня на лодкѣ, еще въ значительномъ разстояніи отъ мѣста, куда направлялъ свой путь. Итака осталась довольно далеко за нами и исполинскія горы Кефалоніи придавали ей какой-то миніатюрный видъ. Съ какою быстротою одна картина истребляетъ изъ памяти другую! Я еще не доплылъ до послѣдняго изъ острововъ Іонійскихъ, какъ уже показался берегъ Пелопоннеса. Отсюда взоръ достигаетъ, хотя и съ трудомъ, до стѣнъ Мисолунги, гдѣ скончался Байронъ.

Занте представляется путешественнику длинной, однообразной массою горъ, идущихъ по самой большой части острова, съ сѣвера на югъ. Гора Montescopa, отдѣляясь отъ нихъ, выдается довольно далеко въ море, въ юговосточномъ направленіи. Противоположный берегъ Пелопоннеса невысоко поднимается съ моря.

Городъ Занте, съ возвышающимся надъ нимъ укрѣпленіемъ, имѣетъ, для пріѣзжающихъ съ моря, довольно величественный видъ. Я вышелъ на берегъ около полудня и нанялъ комнаты въ порядочномъ трактирѣ. Городъ довольно обширенъ и правиленъ и можетъ быть поставленъ на ряду съ Корфу; ибо С. Мавра и Вати, т. е. Итака, слишкомъ малы, чтобъ могли называться городами. Но онъ не такъ замѣчателенъ, какъ послѣдній изъ нихъ, и не имѣетъ того разнообразія костюмовъ, какое встрѣчается въ Корфу; здѣсь всѣ носятъ Италіанское платье. Однако же, не смотря на это, здѣшніе обычаи походятъ на восточные; женщинъ на улицахъ видно очень мало; молодыя же вовсе не показываются.

Родители запираютъ дочерей своихъ на десять мѣсяцевъ въ своемъ зимнемъ жилищѣ, не выпуская ихъ даже на улицу, и только на два мѣсяца вывозятъ за городъ и дозволяютъ имъ пользоваться сельскимъ воздухомъ. Когда же вздумается молодому человѣку жениться, и онъ знаетъ, что дочь такого-то богата, или воображаетъ, что она можетъ быть красива, то проситъ чрезъ своихъ родственниковъ свиданія съ нею, и родители невѣсты, если они расположены сочетать съ нимъ дочь свою, соглашаются на это. Я только

не понимаю, какъ молодой человѣкъ можетъ развязаться съ дѣвицей, если она ему не приглянется. Какіе съ одной стороны будутъ приготовлены наряды и пріятныя улыбки, чтобъ взять сердце штурмомъ, и какіе съ другой стороны критическіе взоры нужно длятого, чтобы разобрать разныя нравственныя и физическія *статьи* невѣсты. Каково должно быть послѣ этого свиданія положеніе дѣвицы, когда она возвращается въ свою тюрьму, и снимаетъ всѣ безполезные наряды, не доставившіе ей побѣду; и какое поле для размышленія молодому человѣку, если онъ слишкомъ скоро далъ слово и раскаевается!

Островъ на всемъ своемъ протяженіи отличается длинною цѣпью горъ, которая издалека представляется взору съ запада, какъ высокая плотина. Я гулялъ по окрестностямъ города и долго любовался обширной равниной, которая вся обращена въ виноградные сады. Впрочемъ этотъ видъ не имѣетъ довольно разнообразія и потому не кажется живописнымъ. Растущій на этой долинѣ виноградъ принадлежитъ къ роду такъ называемой коринки, и его употребляютъ исключительно на ромъ. Это главный источникъ богатства жителей и важнѣйшій предметъ ихъ торговли, хотя вывозъ его обложенъ чрезмѣрною пошлиной въ

65%. Хлѣбопашества и скотоводства нѣтъ почти вовсе. Занте со временъ Геродота знаменитъ прудами, въ которыхъ находятъ деготь.

Около полудня я перешелъ чрезъ вторую карантинную линію, ибо Іоническіе острова содержатъ полу-карантинъ для всѣхъ судовъ, приходящихъ съ Востока. Они подвержены подобному карантину въ своихъ сношеніяхъ съ Италіей и всѣмъ Западомъ вообще. Такимъ образомъ я удалился еще на пятнадцать дней отъ Италіи. Сильный вѣтеръ понесъ меня къ берегамъ Греціи; но прежде, чѣмъ перейдти къ этому новому періоду моего путешествія, я брошу бѣглый взглядъ на Іоническіе острова.

Они особенно замѣчательны тѣмъ, что кромѣ своей внутренней важности и природной красоты, составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, рубежъ, на которомъ сливается западная Европа съ Востокомъ и гдѣ господствуетъ особенно вліяніе Англіи, распространившей, на самой границѣ Греціи, свое просвѣщеніе и роскошь. Потому-то путешественнику кажется, что онъ не разстался еще съ городскою жизнію, и что всѣ окружающіе его предметы слишкомъ обыкновенны.

Острова эти стоятъ Англіи очень дорого и не приносятъ ей никакой пользы, за исключеніемъ

только острова Корфу, который важенъ тѣмъ, что служитъ пунктомъ, съ котораго можно наблюдать за Адріатическимъ моремъ; сверхъ-того онъ весьма полезенъ для флота въ военное, а для торговли во всякое время. Но острова С. Мавра, Итака, Занте, Кефалонія и Чериго рѣшительно не доставляютъ никакой выгоды.

Удивительно, какъ при всѣхъ средствахъ узнавать и обнародовать пользу каждой издержки, палаты не рѣшаются сдать всѣ эти острова, кромѣ Корфу, жителямъ; но я не сомнѣваюсь, что они это когда-нибудь сдѣлаютъ и выиграютъ чрезъ то конечно очень много. Они, можетъ быть, сохранятъ только Чериго и Занте длятого, чтобъ не лишиться средствъ стѣснить Грецію, если это будетъ нужно ихъ политикѣ, и отдадутъ всѣ остальные.

Какая участь ожидаетъ тогда эти острова? Присоединятся ли они къ Греціи, или останутся независимыми? Этотъ вопросъ гораздо важнѣе для сосѣднихъ земель, чѣмъ для самихъ Іоническихъ острововъ, потому-что они всегда останутся тѣмъ, что они нынѣ, т. е. полу-Италіанскими и полу-Греческими.

Понедѣльникъ $^{1}/_{13}$ *іюня.* — Палубная лодка, на которой я отправился въ Морею, принадлежала къ разряду судовъ порядочной величины. Около полчаса спустя послѣ того, какъ мы заняли ее собою и своими вещами, какъ то: рисовальными припасами, инструментами, одѣялами и проч. и проч., явился капитанъ высокій, толстый и самой суровой наружности. Не поклонившись никому, но взглянувъ на насъ, какъ на товаръ, онъ велѣлъ поднять якорь, и, поставивъ всѣ паруса, самъ закурилъ трубку. Свѣжій вѣтеръ сдѣлалъ остальное, и мы часовъ черезъ пять примчались къ берегу Греціи. Я хотѣлъ ѣхать въ Пиргосъ; но такъ какъ тамъ нѣтъ пристани, то насъ высадили на берегъ близь Катасоло — залива, открытаго на югъ и прикрытаго съ сѣверной стороны полосою земли, выдающейся въ море въ направленіи къ югу. Въ нѣкоторомъ разстояніи съ моря при-

мѣтна гостинница у подошвы горы, а на самой горѣ развалины зàмка Подико-Кастро (зàмокъ мышей). Передъ корчмой кружилось около тридцати человѣкъ, по большой части стариковъ, которые плясали самымъ смѣшнымъ образомъ въ присядку, и кто какъ умѣлъ. Цыгане составляли оркестръ изъ барабана и флейты, которая пищала безъ милосердія. На балконѣ корчмы былъ вензель съ королевской короной, вырѣзанный на листѣ бумаги, а сзади стояла лампада, которую хотѣли зажечь вечеромъ. Причиною такого празднества на самомъ краю новаго, бѣднаго королевства, было торжество восшествія на престолъ короля Оттона, который сегодня достигаетъ совершеннолѣтія.

По невозможности достать надлежащее число муловъ я провелъ цѣлый вечеръ и ночь въ этомъ мѣстѣ, и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобъ, до заката солнца, осмотрѣть развалины зàмка, стоящаго на горѣ. Выстроенный въ средніе вѣка, какъ доказываютъ его остатки, онъ вообще расположенъ очень удобно и мѣстоположеніе его такъ выгодно, что онъ могъ служить для наблюденія и защиты прилегающей къ нему части моря. Пригорокъ, на которомъ стоитъ этотъ зàмокъ (безъ сомнѣнія памятникъ Венеціанъ), воз-

вышается совершенно отдѣльно, не соединяясь съ горами, которыя тянутся къ сѣверу, — новая выгода для укрѣпленія.

Вторникъ $^{2}/_{14}$ *іюня.* — Я провелъ всю ночь на лодкѣ довольно безпокойно, потому-что цыганская музыка на берегу продолжалась до совершеннаго истощенія силъ плясуновъ, или, можетъ быть, до тѣхъ поръ, пока они всѣ опьянѣли.

Сегодня поутру проснулись мы въ шестомъ часу при новомъ боѣ барабана, и стали выгружать наши вещи на берегъ Морен. Около семи часовъ весь караванъ расположился на мулахъ, которыхъ мой служитель съ острова Корфу нанялъ до Паргоса. Эти животныя пошли сначала самымъ медленнымъ шагомъ, а наши провожатые, одинъ старикъ и трое молодыхъ мужчинъ, всѣ въ національномъ Греческомъ одѣяніи, шли или впереди или посреди нашей цѣпи, для придерживанія вещей и даже ѣздоковъ. По этому началу убѣдились мы уже, что въ Греціи нельзя путешествовать скоро. Проводники въ этомъ не

виноваты: они часто ходятъ гораздо скорѣе муловъ; красоты природы также не заставляютъ васъ останавливаться, ибо отъ Катаколо до Паргоса нѣтъ ничего замѣчательнаго; но медленность эта происходитъ отъ муловъ, часто измученныхъ и истощенныхъ работой, и отъ самихъ путешественниковъ. Сѣдла здѣшнія чрезвычайно безпокойны; они состоятъ изъ двухъ поперечныхъ деревянныхъ брусьевъ, соединяющихъ двѣ рамы, которыя служатъ основою сѣдлу. Можно вообразить, каково сидѣть на этихъ перекладинахъ, врѣзывающихся въ тѣло. Для человѣка низкаго роста мученія эти еще ужаснѣе, по чрезвычайно широкому размѣру сѣделъ: ноги принимаютъ почти горизонтальное положеніе, высовываясь въ обѣ стороны. Это странное положеніе причиняетъ боль даже и тогда, когда ѣдешь шагомъ; рысью же ѣхать совсѣмъ невозможно. Чтобы не натереть спину мула, сѣдло обыкновенно подбивается войлокомъ, а сверху наваливаютъ всѣ одѣяла и шинели, которыя только можетъ набрать путешественникъ; отъ этой предосторожности, предохраняющей его отъ злодѣйскихъ деревянныхъ брусьевъ — онъ сидитъ такъ высоко, какъ на верблюдѣ, и не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, погонять своего мула. Вмѣсто узды

онъ держитъ въ рукахъ веревку, которая обвязана вокругъ головы животнаго. Посредствомъ этой веревки можно поворачивать мула, но и то въ одну только сторону, а остановить его нѣтъ никакой возможности. Я очень сожалѣлъ, что не зналъ о такихъ неудобствахъ при выѣздѣ изъ Рима, а то запасся бы сѣдлами для всего моего каравана.

Путь нашъ лежалъ на юговостокъ; съ правой стороны было море, въ небольшомъ отъ насъ разстояніи, а съ лѣвой виднѣлось незначительное возвышеніе, бывшее прежде, вѣроятно, берегомъ. — Впрочемъ равнина вообще печальна и только кое-гдѣ обработана очень небрежно. Вотъ картина, представившаяся мнѣ въ Греціи, въ странѣ, извѣстной нѣкогда подъ именемъ Эллады! У первой деревни, *Агіани*, равнина показалась мнѣ лучше обработанною. Нѣсколько тутовыхъ деревъ красовались на ней и поля были покрыты длинноколосистою пшеницей.

Съ этой деревни дорога удаляется отъ морскаго берега. Возвышенности на лѣвой рукѣ становятся значительнѣе, и соединяются тутъ съ цѣпью горъ, идущею къ морю. Около половины десятаго часа мы въѣхали въ Пиргосъ, столичный городъ этой провинціи, и мѣстопребываніе эпар-

ха или губернатора. Столица эта небольшое мѣстечко, состоящее изъ маленькихъ деревянныхъ домовъ и, по своей бѣдности, хуже всякаго уѣзднаго города въ Россіи. Главная его улица — базаръ, крытый по обѣимъ сторонамъ деревянной крышей, подобно галлереямъ или проходамъ передъ лавками на нѣкоторыхъ изъ нашихъ базаровъ. Я отправился къ эпарху, чтобъ получить отъ него видъ для проѣзда по его области, и засталъ его посреди весьма наряднаго общества, сидѣвшаго въ глубокомъ молчаніи. Лица, находившіяся тутъ, повидимому не имѣли никакого сообщенія другъ съ другомъ. Здѣсь еще праздновали воцшествіе на престолъ. Въ этомъ обществѣ была всего только одна дама, не очень красивая собою и въ голубомъ чепцѣ преогромнаго размѣра. Печать съ двуглавымъ орломъ, приложенная къ моему пашпорту, доставила мнѣ всевозможное уваженіе со стороны городскаго начальства и оно откомандировало нарочнаго чиновника для нужныхъ приготовленій къ моему дальнѣйшему путешествію.

По контракту, написанному и засвидѣтельствованному въ городской полиціи, мулы были наняты нами до Триполицы; они должны были доставить насъ туда въ 7 дней по дорогѣ, мною избранной.

Мы пообѣдали въ трактирѣ, въ которомъ остановились, и въ четвертомъ часу отправились далѣе. — Путешествуя по Греціи, считаешь какъ бы обязанностію не пропускать безъ вниманія ни малѣйшей бездѣлицы; это доказывается тѣми подробностями, которыми наполнены всѣ сочиненія путешественниковъ, посѣщавшихъ эту страну. По отъѣздѣ изъ Пиргоса, я самъ, проникнутый подобнымъ рвеніемъ, не давалъ ни глазамъ своимъ, ни себѣ ни минуты покоя, и, повертываясь то въ ту, то въ другую сторону, искалъ какихъ нибудь примѣтъ, оставленныхъ прежними путешественниками. Скоро однакоже убѣдился я, что трудъ мой былъ совершенно безполезенъ и что я мучуся только напрасно. Вниманіе утомляется мелочами, и общій характеръ теряется изъ вида. Замѣчанія Джелла еще болѣе затрудняютъ совѣстливаго путешественника. Джеллъ раздѣлилъ каждую поѣздку свою на дистанціи часовъ, получасовъ и даже десяти минутъ, и замѣчаетъ нетолько ручьи, но и молотильные дворы и тропинки, почти непримѣтныя. Но, по нерегулярности ли моего шага, или по мелочности его наблюденій, только я никакъ не могъ видѣть замѣченной имъ вещи, и запутывался въ исчисленіи моихъ поворотовъ на право и на лѣво дотого, что

рѣшился слѣдовать впредь одному свидѣтельству моихъ глазъ. Предоставляю другимъ рѣшить: имѣютъ ли хоть малѣйшую вѣрность замѣчанія Джелла подъ № 1 и 2; скажу только, что я на дѣлѣ не нашелъ рѣшительно ничего. По моему мнѣнію такія мелочныя описанія ровно ни къ чему не служатъ и бываютъ всегда преисполнены ошибокъ.

Первый взглядъ на Грецію производитъ совершенно иное впечатлѣніе, нежели первый взглядъ на Италію. При такомъ же чистомъ и ясномъ небѣ и при всѣхъ возможныхъ красотахъ природы, Греція не представляетъ того благоденствія, той кипучей живости, которая столько украшаетъ Италію. Вмѣсто многочисленныхъ городовъ, разсыпанныхъ, какъ бѣлыя точки, на Аппеннинахъ, здѣсь и самыя убогія сельскія жилища рѣдки. Душа путешествующаго по Италіи какъ будто растворяется при видѣ благоденствующей природы; все располагаетъ ее къ веселію и наслажденію. Въ Греціи, напротивъ, чувствуешь, что надобно учиться и непремѣнно перенестись къ временамъ древнихъ, къ Нестору и Эпаминонду. Когда мало людей живыхъ и тѣ бѣдны, то намъ остается вспоминать только объ умершихъ. Человѣкъ всегда необходимъ, чтобъ дать возможность

чувствовать цѣну нашему существованію. Скажу болѣе: сколько я могу предугадывать все путешествіе по первому дню, мнѣ кажется, что страны эти очень интересны для людей, любящихъ исторію, но что онѣ утомительны для большой части путешественниковъ, гоняющихся за мыльными пузырями удовольствія. Впрочемъ долина Алфея, въ которую мы вступили послѣ одного часа ѣзды отъ Пиргоса, понравится всякому. Она сначала довольно широка, и хотя известковыя горы, окружающія ее, невысоки, однакоже весьма живописны. Въ отдаленіи, на право, видны горы нѣсколько выше. По соображенію съ картою Лапи, которая, кажется, довольно вѣрна, гора Смерна должна быть между ними. Часа черезъ два по въѣздѣ въ долину, мы увидѣли самую рѣку Алфей, которая будетъ не шире Москвы рѣки; но, судя по песку, оставляемому на берегахъ, она разливается на довольно большое пространство, не имѣя постояннаго теченія, какъ то бываетъ всегда въ малонаселенныхъ странахъ. Удивительная тишина царствуетъ въ этой долинѣ, гдѣ нѣтъ разительныхъ мѣстностей, но зелень самая роскошная и свѣжая. Гора, которая съ лѣвой стороны поднимается круто и обвиваетъ ея окружность, такъ, что долина кажется совсѣмъ запертою,

отдѣляетъ ее отъ долины Олимпіи. — Мы перешли черезъ гору и увидѣли, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, знаменитую и прекрасную долину, служившую нѣкогда поприщемъ, куда собиралось юношество со всѣхъ концевъ Эллады. Какъ перемѣнилась она съ тѣхъ поръ, когда Дарій, могущественный царь Персовъ, восклицалъ съ негодованіемъ: «Что можно дѣлать противъ такихъ людей, которые рискуютъ жизнію, чтобъ пріобрѣсть масличный вѣнокъ?» Теперь долина эта замолкла; въ ней не раздается болѣе стукъ колесницъ и ржаніе коней; юноши не собираются, какъ прежде, толпами, чтобъ испытать свои силы въ борьбѣ или перещеголять другъ друга въ быстротѣ бѣга; теперь умолкли голоса ораторовъ и витій, исторгавшихъ нѣкогда слезы и рукоплесканія у восторженныхъ слушателей. Люди умираютъ, но воспоминанія остаются! Бѣги и бои также прекратились; но дикія оливковыя деревья спокойно ростутъ еще тамъ, гдѣ они прежде возбуждали дѣятельное честолюбіе! Я видѣлъ множество ихъ между прочими деревьями, покрывающими гору. Они теперь всѣ покрыты бѣлымъ цвѣтомъ, который очень красивъ. Впрочемъ, хотя это дерево обращаетъ на себя болѣе вниманія чѣмъ другія, но

классическимъ воспоминаніямъ, связанныхъ съ нимъ, — есть однакоже много другихъ. Дикія груши, а еще болѣе мастиковыя деревья, такъ названныя потому-что изъ нихъ извлекаютъ мастику, употребляемую въ кушаньѣ, изобильно встрѣчаются въ сѣверной части Пелопонеса. Это послѣднее дерево бываетъ вообще невысоко и, подобно миртовому, всегда покрыто зеленью. Лавровыя деревья — эта аристократія лѣсовъ — также встрѣчаются здѣсь часто, вмѣстѣ съ розовымъ лавромъ (nerium oleander) котораго прекрасные розовые цвѣты украшаютъ густую, темную зелень. Оба эти дерева, изображающіе вмѣстѣ любовь и славу, заключаютъ въ себѣ ядъ — какъ бы въ доказательство, что въ природѣ, для удовольствія, не надобно глубоко проникать ни во что, а наслаждаться одной наружностью и удивительной гармоніей красокъ. — До-сихъ-поръ, сколько я могъ замѣтить, здѣсь болѣе кустовъ, чѣмъ деревьевъ, и это вѣроятно происходитъ отъ песчанаго грунта земли. На скатѣ долины, противъ горы, съ которой мы сошли, расположена деревня Мокризія, мѣстечко, довольно значительное въ странѣ, гдѣ домы и люди такъ рѣдки. Мы съѣхали съ горы въ самую долину Олимпіи, которая, расширяясь въ срединѣ, обра-

зуетъ родъ амфитеатра. Рѣчка Кладей вливается въ нее съ лѣвой стороны; она мала, но очень красива прозрачностію водъ своихъ и живописными берегами. Прилегающія къ ней поля засѣяны пшеницей, и кажется довольно небрежно, судя по множеству травъ, растущихъ между колосьями. Прекрасныя деревья разсыпаны по полямъ. Миновавъ рѣчку, мы нашли развалины; это древнія, почти покрытыя землею зданія, воздвигнутыя, вѣроятно, въ средніе вѣка. Кажется, что одно изъ нихъ было церковью во времена Венеціанъ. Остановившись нѣсколько минутъ, чтобъ осмотрѣть эти полуотрытые остатки, мы продолжали путь свой по горѣ, вдающейся въ долину и дошли до весьма бѣдной деревни Мирака. Здѣсь расположились мы ночевать, чтобъ на слѣдующій день осмотрѣть на досугѣ остатки храма Юпитера Олимпійскаго. — Деревень, столь бѣдныхъ какъ Мирака, нѣтъ у насъ въ Россіи; избы выстроены не вмѣстѣ, но разсыпаны по горѣ, между камнями и деревьями. Онѣ безъ оконъ и печей, и даже выстроены не изъ бревенъ, а изъ плетня. Несмотря на это, каждый дворъ сторожитъ множество собакъ, которыя бросаются съ такимъ остервенѣніемъ на проѣзжихъ, что необходимо нужно имѣть добрую плеть, чтобъ спастись

отъ нихъ. Наконецъ мы добрались до первой избы, или, лучше сказать, большой круглой корзины, посреди которой Греческая семья сидѣла вокругъ огня и варила кушанье, не безпокоясь объ изобиліи насѣкомыхъ, окружавшихъ ее. Намъ предложили рогожки близь огня, для ночлега; но мы предпочли, не смотря на свѣжесть вечера, раскинуть наши постели на открытомъ воздухѣ подъ древесными вѣтьвями.

Середа $^{3}/_{15}$ *іюня.* — Я проснулся около пяти часовъ утра отъ шума, который уже нѣсколько времени тревожилъ мой сонъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что шумъ этотъ происходилъ отъ стоящаго подъ деревомъ ткацкаго станка, за которымъ сидѣла одна молодая женщина и ткала. Рядомъ съ нею сидѣла старуха и разматывала красную и бѣлую шерсть; прочіе члены семейства, и мужчины, и женщины, пользуясь свѣжимъ, прекраснымъ утромъ, и оставивъ свое воронье гнѣздо, въ которомъ огонь еще горѣлъ, были также заняты работой; собаки проходили тихо и угрюмо между мѣшками путешественниковъ. Видно, что здѣсь надѣятся на постоянно-хорошую погоду, ибо все, принадлежащее къ домашнему хозяйству семьи, было расположено на открытомъ воздухѣ; а ткацкій станокъ укрѣпленъ камнемъ подъ деревомъ. Между-тѣмъ какъ приготовляли завтракъ и пока товарищи мои собирались

посѣтить развалины Олимпійскаго храма, я не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ этой семьи, представляющей картину совершеннаго домашняго счастія. Женщина, которая ткала, была еще молода и находилась въ *благословенныхъ обстоятельствахъ*. Но младшая сестра ея, пришедшая позже, была одна изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ, которыхъ я когда либо видѣлъ. Она могла бы достойно представлять собою прекрасный полъ Греціи, всегда славившійся красотой; только ея красота выше и трогательнѣе миѳологической. Ея высокій станъ и благородная, безъ всякаго жеманства, осанка, отличали ее отъ старшей сестры, которой черты не такъ прекрасны и не имѣютъ той кротости во взорахъ. Она сѣла возлѣ станка сестры своей; наблюдала за всѣми ея движеніями, чтобъ помогать ей и не допустить ее изнурить себя. Трогательно было видѣть, какъ она ей прислуживала. Она, кажется, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ созданій, которыя никогда о себѣ не думаютъ, а заботятся только о другихъ, и часто проходятъ поприще жизни, не обративъ на себя вниманія и не насладясь дарами земнаго счастія. Но для такихъ душъ и не должно желать счастія, которымъ наслаждаются характеры менѣе чистые и совершенные.

Когда женщина унеслась душою выше земли, мужчина недостоинъ ея и можетъ только разрушить ея внутреннее блаженство. Правда, что въ несчастіи она, какъ радуга, показываетъ всѣ прекрасные цвѣта, которые таила въ себѣ прежде, и которые никогда не были бы примѣтны, если бъ гроза печали миновала, не раздробивъ ихъ. Тогда только видимъ мы ея самоотверженіе, ея терпѣніе, ея стараніе скрыть свои страданія. Но не лучше ли, чтобъ люди не видѣли радуги, и чтобъ чистый лучь, неопороченный, непомраченный страстнымъ дыханіемъ земли, возвратился въ свое природное жилище — небо? Въ первую минуту, когда я увидѣлъ эту дѣву Мираки, я могъ пожелать ей земнаго счастія, мужа и проч. Но, глядя на нее пристальнѣе, я только могъ желать, чтобы она всегда пользовалась свободой птички (образа безсмертія), влетѣвшей въ одно окно и вылетѣвшей въ другое.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ обратно по долинѣ, пройденной нами наканунѣ, мы нашли, съ помощію нашихъ провожатыхъ, остатки знаменитаго храма Юпитера Олимпійскаго. Они лежатъ посреди поля, засѣяннаго рожью и въ углубленіи земли, такъ что съ нѣкотораго разстоянія вовсе непримѣтны, хотя состоятъ изъ

большихъ массъ. Храмъ этотъ, по свидѣтельству Павзанія, былъ построенъ около 500 лѣтъ до Р. Х. и отличался между Греческими храмами своею пышностію и богатствомъ. Павзаній могъ самъ удостовѣриться въ томъ, хотя видѣлъ этотъ храмъ спустя 600 лѣтъ послѣ его сооруженія; ибо Римляне, покорившіе Грецію, не отняли у храма, но еще прибавили къ нему статуи и другія украшенія. Юпитеръ Фидіаса, знаменитѣйшая изъ статуй древности, какъ по богатству матеріаловъ, такъ и по славѣ творца ея, находился въ этомъ храмѣ. Эта статуя, столь огромнаго размѣра, была сдѣлана изъ драгоцѣнныхъ металловъ и слоновой кости; издержки, употребленныя на этотъ памятникъ и на сооруженіе всего храма, были покрыты добычей, полученной повелителями этой страны Эллеянами (Elei) въ войнѣ съ Пизеями и другими сосѣдними племенами. По подробному описанію Павзанія, Олимпія, подобно другимъ мѣстамъ, посвященнымъ атлетическимъ играмъ, состояла изъ священной рощи (*Ἄλτις* или *Ἄλσος*), стадіума, или мѣста для боевъ и бѣга людей и лошадей, и ипподрома, или мѣста для бѣга лошадей и колесницъ. Въ первой, т. е. въ рощѣ, находились: 1. храмъ Юпитера; 2. храмъ Юноны, самый древнѣйшій изъ всѣхъ,

существовавшихъ въ Олимпіи; 3. метроумъ, посвященный матери боговъ; разныя огражденныя и усаженныя деревьями площади, посвященныя другимъ божествамъ; олтари, изящно украшенные и множество статуй боговъ или атлетовъ, одержавшихъ побѣды. Другой, весьма интересный предметъ въ этой рощѣ составляло оливковое дерево, прозванное καλιςεφανος (красиво-вѣнчающее), изъ вѣтвей котораго обыкновенно плелись вѣнки для побѣдителей. Трудно вообразить себѣ такое соединеніе сокровищъ, какое Павзаній описываетъ въ Олимпіи. Кромѣ колоссальной статуи Юпитера и множества другихъ древнѣйшихъ статуй, также криселефантныхъ, т. е. сдѣланныхъ изъ золота и слоновой кости, которыхъ въ одномъ храмѣ Юноны было до двадцати-двухъ, вѣроятно расхищенныхъ, по причинѣ цѣнности матеріала, Павзаній упоминаетъ о множествѣ произведеній бронзовыхъ и мраморныхъ, изъ которыхъ большая часть, можетъ-быть, и теперь еще лежитъ въ землѣ. Отъ 40 до 50 колоссальныхъ статуй украшали фронтонъ храма Юпитера; 57 статуй этого бога стояли въ разныхъ мѣстахъ сверхъ находящихся въ храмахъ; слишкомъ сто другихъ священныхъ даровъ, состоявшихъ иногда изъ нѣ-

сколькихъ фигуръ, и 200 статуй атлетовъ, частью съ лошадьми и колесницами. Всѣ эти произведенія не стояли по сторонамъ длинной, холодной галлереи, но были разсыпаны посреди густой рощи. Самый храмъ, и все, окружавшее его, внушалъ какое-то особенное чувство благоговѣнія. Вступавшіе въ эту дубраву пользовались тѣнію боговъ, и забывали земныя удовольствія, помышляя только о славѣ тѣхъ, которые удостоены были памятниковъ въ этомъ священномъ пріютѣ, и придумывая средства, какъ бы послѣдовать высокому ихъ примѣру. Въ нашъ вѣкъ очень мудрено нетолько перенестись къ образу мыслей того времени, но и къ самому виду роскошнаго соединенія скульптуры, живописи, зодчества и деревьевъ. Видъ Олимпійской долины въ теперешнемъ положеніи не помогаетъ воображенію, но, напротивъ, отнимаетъ у него силы, ибо всѣ прежнія черты изгладились, закрылись землей и заросли деревьями. Пиндаръ, при воззваніи своемъ къ Олимпійской долинѣ, восклицаетъ въ своей 8-ой одѣ: *Ματερ ω Χρυσοστεφανων αεθλων, Ουλυμπια Δεσποιν' ἀλαθειας.* — «Олимпія! мать златовѣнчанныхъ героевъ, владычица истины!» Нынѣ болѣе чѣмъ въ его время выраженіе «владычица истины!» принадлежитъ этому очаровательному мѣсту, потому-что нигдѣ

не видимъ мы такого разительнаго доказательства, что все на землѣ тлѣнно и переходчиво. Ликъ издалъ подробный и весьма интересный планъ нетолько священной рощи, но и всей долины. Онъ воспользовался холмами, можетъ быть естественными, но по-крайней-мѣрѣ паралельными между собой, чтобъ назначить между ними мѣсто стадіума. Такимъ-образомъ назначены и другія мѣста колоссальныхъ остатковъ, которыхъ теперь не видать даже и слѣдовъ, но которые обозначены по соображенію древняго описанія и возвышенностей земли. Все это не иное что, какъ предположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ также что̀-то общее съ войною; ибо въ день битвы самые незначущіе холмы принимаютъ въ глазахъ полководца, приготовляющагося располагать на нихъ свои войска, ту же важность, какъ въ глазахъ антикварія, котораго воображеніе выкраиваетъ изъ нихъ стѣны, храмы и театры. Чтобъ точнѣе узнать мѣстоположеніе по описаніямъ Павза̀нія, должно бы нетолько провести нѣсколько недѣль на этомъ занимательномъ пунктѣ, но и много здѣсь порыться. Признаюсь, я успѣлъ замѣтить только одинъ храмъ изъ всего того, что описано на планѣ, и то благодаря разрытіямъ, сдѣланнымъ Французами. Цѣлый храмъ

однако же не открытъ, а одинъ только пронаосъ и опистодомосъ; изъ прочихъ же частей столько, сколько было нужно, чтобъ смѣрить длину и ширину зданія. — Впрочемъ между обломками находятся куски почти всѣхъ частей строенія, но всего болѣе колоннъ. — Кажется, будто бы сильныя и частыя землетрясенія привели ихъ въ настоящее положеніе. Ничего не осталось на мѣстѣ, кромѣ основанія. Все прочее обрушилось и обломки такъ перемѣшались, что капители лежатъ иногда ниже пьедесталя. — Приложенный рисунокъ Брюллова дастъ точное понятіе о положеніи этого полуотрытаго храма: прочія части погребены въ землѣ.

Камень, изъ котораго храмъ былъ построенъ, принадлежитъ къ роду известковаго (tuffo) и заключаетъ въ себѣ множество окаменѣлыхъ раковинъ. Слѣды штукатурки примѣтны на многихъ обломкахъ; но нельзя видѣть, были ли они, какъ полагаютъ, покрыты краской. Видны также остатки мраморнаго пола, и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, грубая мозаика. Но остатки эти вообще не соотвѣтствуютъ описаніямъ Французскихъ художниковъ, которые, повидимому, хотѣли вознаградить вымысломъ дѣйствительныя замѣчанія, которыя они должны были бы сдѣлать. По многимъ при-

чинамъ желательно бы, чтобъ здѣсь продолжали дѣлать разъисканія и разрытія, нетолько для точнѣйшаго узнанія мѣстъ, но и въ надеждѣ найдти значительное число прекрасныхъ произведеній, описанныхъ Павзаніемъ. Отъ разлитія рѣчки по всей долинѣ, почва современемъ возвысилась на нѣсколько саженей, отчего почти невозможно узнать мѣсто ипподрома и прочихъ памятниковъ этой долины, если не будутъ сдѣланы тщательнѣйшія разъисканія. Видно, что мѣсто, бывшее, слишкомъ одиннадцать столѣтій, поприщемъ славы и увеселеній Грековъ, похоронено навсегда подъ слоями земли, и что спокойствіе, которому обречена теперь долина Олимпійская, никогда уже не будетъ нарушено. Ликъ описалъ ее прекрасно въ слѣдующихъ словахъ. «Вся долина теперь ничто иное, какъ прекрасная пустыня, имѣющая 3 мили въ длину. Только кое-гдѣ видны засѣянныя мѣста и нѣтъ вовсе никакаго людскаго жилища. Какая противоположность съ тѣмъ зрѣлищемъ, которое представляла эта долина впродолженіи одиннадцати или двѣнадцати вѣковъ, особенно же по окончаніи каждыхъ четырехъ лѣтъ, когда въ ней производились тѣ торжественныя игры, которымъ Греки наиболѣе были обязаны первенствомъ своимъ въ художествахъ и въ тѣлесной силѣ, — ког-

да прекраснѣйшіе памятники украшали ее; когда со всѣхъ сторонъ толпились на нее колесницы, лошади, люди въ живѣйшемъ раздраженіи, и когда палатки, сносимыя изъ всѣхъ краевъ просвѣщенной Греціи, покрывали всю окрестность*.»

Мы возвратились въ Мираку той же дорогой, которой выѣхали утромъ и которая, какъ полагать должно, отдѣляетъ храмъ Юпитера отъ горы Хроніонъ, одинаковой высоты съ прочими горами, но замѣчательной тѣмъ, что на ней стояли статуи Юпитера (Ζηνες), воздвигнутыя на деньги, взятыя въ пеню съ недобросовѣстныхъ атлетовъ. Подъ ногами муловъ нашихъ былъ храмъ матери боговъ; на правой рукѣ ипподромъ, обращенный теперь въ поле; на лѣвой стадіумъ, теперь оврагъ, въ которомъ антикваріи стараются найдти слѣды регулярности и человѣческаго искусства. Мы возвратились въ Мираку около часа

* Прилагаемый здѣсь рисунокъ (равно какъ и описаніе, помѣщенное въ концѣ сей книги), представляющій ресторацію Олимпійской рощи, былъ сдѣланъ не во время моего путешествія по Греціи, а по прибытіи въ Берлинъ, гдѣ знаменитый тамошній архитекторъ, Шинкель, исполнилъ его по документамъ, мною ему даннымъ. Ученые не должны ожидать отъ него самой строгой точности; но, по моему мнѣнію, нѣтъ драгоцѣннѣйшаго памятника, который бы, подобно этому рисунку, посвящалъ насъ въ таинства миѳологическаго духа, преобладавшаго надъ этою страною.

пополудни, когда солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, и провели тамъ два часа. Пообѣдавъ и простившись съ семействомъ, принявшимъ насъ такъ радушно, мы, около трехъ часовъ, оставили плетеные шалаши Мираки.

Тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, наши провожатые пошли впередъ, а мы верхомъ начали спускаться за ними съ возвышенности въ долину. Тропинки, по которымъ мы ѣхали, такъ узки и завалены каменьями, что только съ большимъ трудомъ можно подвигаться впередъ; кусты по разнымъ сторонамъ дороги такъ крѣпко соединены вѣтвями между собою, что, продираясь сквозь нихъ, надобно наблюдать большія предосторожности для сбереженія глазъ. Видно, что въ этой странѣ нетолько неизвѣстны кареты, но что даже ѣздоковъ верхомъ и пѣшеходцевъ очень мало, иначе дорога была бы гораздо лучше. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ частей свѣта не видно слѣдовъ человѣческихъ! Дорога извивается близь берега Альфея посреди лѣса, составленнаго изъ вѣчно-зеленыхъ деревъ, которыя, вдругъ обхватывая со всѣхъ сторонъ путешественника, позволяютъ ему только видѣть ясное голубое небо и зеленую мураву, и, вдругъ растворяясь, открываютъ то впереди, то на правой сторонѣ видъ противоположныхъ бере-

говъ, также покрытыхъ зеленью, и вмѣстѣ съ тѣмъ украшенныхъ лучами заходящаго солнца. Брюлловъ былъ въ восхищеніи и находилъ, что яркость красокъ въ природѣ здѣсь несравненно блистательнѣе чѣмъ въ Италіи. Разнообразіе зелени очаровательно; одно растеніе особенно напоминаетъ времена миѳологическія. Между вѣчно-зеленѣющими дикими лаврами, миртами, масличными и оливковыми деревьями, олеандръ болѣе всѣхъ радуетъ взоръ. Вездѣ, гдѣ протекаетъ ручей — а здѣсь ихъ множество и всѣ они стремятся съ шумомъ по каменистому дну — вездѣ цѣлая нить этихъ деревьевъ, покрытыхъ розовыми цвѣтами, увивается вокругъ рѣчки и съ нею исчезаетъ посреди темной зелени каштановыхъ, грушевыхъ и другихъ деревъ. Глядя на эту картину, нетолько веселую, но даже смѣющуюся, нельзя не вспомнить двухъ Овидіевыхъ любовниковъ, превращенныхъ въ ручей и въ олеандръ. Гдѣ въ цѣломъ свѣтѣ можно найдти такихъ вѣрныхъ любовниковъ? Олеандръ постоянно провожаетъ, сторожитъ, украшаетъ свою убѣгающую невѣсту. Какъ счастливъ Овидій! при каждомъ ручейкѣ въ Греціи невольно вспоминаешь объ немъ, дотого поразительны его поэтическія сравненія! Но кстати объ олеандрѣ, котораго я назвалъ живымъ памятникомъ

*

Греческой миѳологіи, я прибавлю, что нигдѣ столько, какъ здѣсь и, можетъ-быть, въ Египтѣ, воображеніе не обращается такъ свободно къ древнѣйшимъ временамъ. Возьмите классическую Италію. Память среднихъ вѣковъ занимаетъ васъ почти столько же, какъ и вѣкъ древней Римской республики. Въ Венеціи воспоминанія о Византіи, о Марино Фаліери, о республикѣ и дожахъ; во Флоренціи Медичисы; въ Неаполѣ Норманны; даже въ Римѣ папство и пышность церкви христіанской отвлекаютъ васъ отъ воспоминанія о народѣ, владѣвшемъ цѣлымъ міромъ. Самый Іерусалимъ, котораго древняя исторія такъ тѣсно связана съ нашей душой, по своей святости и по живымъ воспоминаніямъ нашего дѣтства, не можетъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, столь быстро перенести насъ къ временамъ своей славы, потому-что онъ измѣнился. Есть въ немъ памятники крестовыхъ походовъ, есть и мечети — памятники позднѣйшей эпохи; но въ Греціи память прежнихъ временъ живѣе, потому-что нѣтъ ничего новаго, что бы заставило васъ забыть старое. Нѣтъ новыхъ городовъ; нѣтъ почти новыхъ людей; видны одни храмы и олеандръ, свидѣтельствующій о вкусѣ бывшихъ поколѣній и о духѣ неизмѣнной природы. Хотя зелень долины Аль-

фея роскошна, но грунтъ ея песчаный. Она широка, и горы, простирающіяся по южной ея сторонѣ, не образуютъ плотнаго берега, но, растворяясь, открываютъ поперечныя долины, гдѣ взоръ теряется въ отдаленіи. Одна изъ этихъ долинъ, названная *Алвена*, оканчивается горою *Смерна*. Самъ Альфей рѣка быстрая, но мелкая и часто перемѣняющая свое теченіе. Ширина долины, разнообразность и яркость цвѣтовъ, отсутствіе людей, прозрачность воздуха и густота зелени придаютъ долинѣ особенный характеръ. Долина Рейнская какъ ни прекрасна, но ее нельзя сравнить съ Альфейскою, и хотя рѣка Альфей гораздо мельче Рейна, однако вся природа здѣсь великолѣпнѣе и, несмотря на недостатокъ населенности, несравненно веселѣе для глазъ.

Мы переѣхали двѣ рѣчки, стремящіяся быстро въ долину. Первая изъ нихъ называется Доана (древній и, подвигомъ Геркулеса, славный Эримантъ); такъ какъ она не очень глубока, то мы переѣхали ее въ бродъ, а наши провожатые вскочили на спину муловъ и расположились сзади насъ. Вторая рѣка Руфія, дающая свое имя всей окрестности, древній Альфей, немного шире первой, но еще быстрѣе и глубже, такъ что нельзя черезъ нее переѣхать иначе какъ на паромѣ.

Между двумя рѣками мы увидѣли лугъ, покрытый цвѣтами, на которомъ паслось стадо овецъ и козъ. Рогатаго скота мы тамъ не видали, только замѣтили нѣсколько быковъ, весьма мелкихъ, съ помощію которыхъ крестьяне воздѣлываютъ свои поля. Я замѣтилъ, что поле было, по всему пространству, пересѣчено ручьями, отведенными отъ сосѣднихъ ключей — мѣра, полезная по здѣшней почвѣ. Главное произведеніе здѣшняго края маисъ, который собираютъ два раза въ годъ съ одного и того же поля, и пшеница. — Сегодняшнее наше путешествіе, развернувшись предъ нами какъ картина съ начала до конца, довело насъ вечеромъ до деревни *Агіани* (*Αγιος Ιωαννης*), расположенной на одномъ изъ пригорковъ Эштиморской горной цѣпи, и на мѣстѣ древней Хереи. Остатки послѣдней видны на поляхъ между рожью, около этой деревни. Дома почти такіе же, какъ въ Миракѣ; поэтому мы опять расположились ночлегомъ на открытомъ воздухѣ и проснулись утромъ, промоченные росою.

Четверкъ $^{4}/_{16}$. — Мы выѣхали изъ деревни около 8 часовъ утра. Переѣхавъ въ бродъ черезъ рѣку, которую, по моему мнѣнію, должно почитать Альфеемъ, хотя ее болѣе не называютъ здѣсь Руфіею, а Леондари, потому-что она прямѣе прочихъ рѣкъ впадаетъ въ такъ-называемый Альфей, мы направили путь на югъ, подымаясь постепенно на горы, которыя около рѣки не очень высоки, и наслаждались видомъ болѣе возвышенной цѣпи горъ средней Аркадіи. Брюлловъ находитъ, что эти горы еще разнообразнѣе своими формами чѣмъ Аппенины, и что ничего нельзя сравнить съ яркостью здѣшняго освѣщенія. Мы видѣли сегодня группы деревьевъ, удивляющія своею пышностью; отдаленные виды становились все болѣе и болѣе великолѣпными. Къ югу гора Палеокастро превосходитъ прочія, а сзади насъ, къ сѣверу, видны бѣлоснѣжныя вершины

горъ Калаврита въ сѣверной Аркадіи. Дорога наша, какъ съ перваго дня нашего путешествія въ Греціи, состоитъ изъ узкихъ, каменистыхъ тропинокъ, которыя иногда совершенно исчезаютъ изъ глазъ между деревьями или скалами. Заборы и воздѣланныя поля часто пересѣкаютъ ихъ такъ, что безъ провожатаго невозможно путешествовать въ этомъ краю.

Хотя во все утро солнце свѣтило ярко, мы не страдали однакоже отъ жара, потому-что находились на возвышенныхъ мѣстахъ и продолжали подниматься до часа пополудни. Около этого времени увидѣли мы Андрицену, городокъ, расположенный по правую отъ насъ руку на скатѣ горы, совершенно зеленой, хотя на ней не было деревьевъ, и обращенной на лѣво къ длинной долинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ горами. Мѣстоположеніе пріятно и обработка виноградныхъ садовъ еще болѣе его украшаетъ. — Мы остановились на нѣсколько часовъ въ плохомъ трактирѣ, и мой слуга Дмитрій сбѣгалъ на рынокъ, чтобъ купить и зарѣзать тутъ же барана, часть котораго мы съѣли на мѣстѣ, а остальное сохранили на дорогу. Не понимаю, какимъ-образомъ наша комната, которая тряслась при всякомъ движеніи, не развалилась отъ множества

любопытныхъ Грековъ, распрашивавшихъ меня о Россіи, напримѣръ: родятся ли въ ней двуглавые орлы и проч. и прот. Священникъ, опредѣленный Каподистріемъ въ званіи учителя этого мѣстечка, повелъ меня въ древнюю здѣшнюю церковь. Она бѣдна и въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ узенькаго сосноваго трона, поставленнаго для короля Оттона и еще оставшагося на мѣстѣ; этотъ тронъ, обвѣшанный самыми простыми и ветхими тканями, мало походитъ на царское сѣдалище. Но здѣшній вкусъ не довольно образованъ, чтобъ видѣть, какъ неприлично для церкви такое украшеніе; потому-то и оставляютъ его тамъ, какъ памятникъ, свидѣтельствующій о посѣщеніи сего мѣста королемъ.

Около 5 часовъ мы оставили Андрицену и отправились въ *Стилосъ* (столбы), нынѣшнее названіе развалинъ храма Аполлона Эпикурейскаго. Мы тянулись по высямъ горъ то вверхъ то внизъ, сначала между деревьями, а потомъ по голымъ камнямъ. Къ сумеркамъ, когда мы начали опять приближаться къ странѣ, болѣе лѣсистой, я увидѣлъ вдругъ на лѣвой сторонѣ, на возвышенности и очень близко, рядъ колоннъ, осыпанныхъ множествомъ разбросанныхъ обломковъ и окруженныхъ старыми дубами. То были развалины

знаменитаго храма, а дряхлые дубы, окружавшіе ихъ, такъ ветхи, что можно причесть ихъ къ разряду деревъ, составлявшихъ прежде священный лѣсъ. Съ возвышенности, на которой стоитъ храмъ, долина открывается въ правую сторону для пріѣзжающихъ изъ Андрицены. Видъ самаго храма прекрасенъ и великолѣпенъ къ югу и западу, съ прочихъ сторонъ онъ закрывается высокими горами. Нельзя было избрать счастливѣйшаго мѣста для постройки его. Онъ стоитъ на дикомъ камнѣ, и, хотя землетрясенія не пощадили его, онъ могъ по-крайней-мѣрѣ держаться много столѣтій и не претерпѣть такого совершеннаго разрушенія, какъ храмъ Олимпійскій. Глядя на эти сѣрые остатки храма, одного изъ самыхъ знаменитыхъ въ Греціи, на дубы, его окружающіе, на отдаленное море и близкія горы, невольно вспомнишь стихъ нашего поэта:

«Прошедшее для сердца вѣчно!»

Наступившая ночь не позволила моимъ ученымъ товарищамъ обозрѣть храмъ, какъ должно, и потому, отложивъ это дѣло до слѣдующаго дня, мы углубились еще на нѣсколько шаговъ въ самую внутренность долины, чтобъ выбрать себѣ ночлегъ, не въ деревнѣ, ни даже въ сосѣдствѣ

самой бѣдной хижины, но въ лѣсу, близь фонтана. Здѣсь часто встрѣчаются фонтаны, въ которые вода проведена чрезъ низкую стѣну, оканчивающуюся къ верху дугой, и протекаетъ въ четвероугольную чашу, или прямо въ ручей. Они просты, но живописны и напоминаютъ о древнихъ восточныхъ преданіяхъ, въ которыхъ фонтаны всегда играютъ значительную роль. Наши провожатые, снявъ съ муловъ поклажу, пустили ихъ пастись свободно по зеленой долинѣ и развели большой огонь, вокругъ котораго и они и мы расположились ужинать холодными остатками нашего обѣда, а послѣ того легли спать.

Пятница $^{5}/_{17}$. — До-сихъ-поръ жары, которыми меня пугали въ Римѣ, вовсе насъ не безпокоили. Напротивъ того, мы очень зябли ночью и потому старались быть какъ можно ближе къ огню, приносили сухія вѣтви для поддержанія теплоты и потомъ располагались опять на травѣ, протянувъ къ костру наши ноги. Между-тѣмъ наши бѣдные провожатые храпѣли кто кого громче; мы часто спотыкались о нихъ, но это не разстроивало ихъ блаженства. Я записываю эти мелочи потому-что мнѣ будетъ пріятно вспоминать ихъ, когда я опять пущусь въ искусственную жизнь общества. Сегодня поутру не было болѣе девяти градусовъ тепла. Всѣ покрывала наши промокли отъ росы, но никто не простудился. Видно, что только тѣ, которые боятся ввѣриться природѣ, страдаютъ отъ ея щедротъ, и что мы начинаемъ прывыкать къ нимъ. — Нынѣшній день для

меня весьма памятенъ по дѣятельности моихъ спутниковъ. Приложенные рисунки покажутъ, чѣмъ они занимались, а докторъ Крамеръ сдѣлалъ разныя замѣчанія на счетъ храма, которыя я переведу здѣсь.

«Трудно опредѣлить навѣрное причины, побудившія жителей Фигаліи построить столь богатый храмъ, подъ руководствомъ знаменитаго зодчаго Пароенона, въ значительномъ разстояніи отъ своего города и за высокими горами; но, кажется, будто основаніемъ тому была святость всей этой горной страны. И, въ самомъ дѣлѣ, мѣсто, по своей красотѣ и уединенію, соотвѣтствуетъ совершенно назначенію храма, построеннаго въ лучшемъ Греческомъ вкусѣ. Къ югу и къ юговостоку открывается дальный видъ на горы и на равнины Мессеніи до самаго моря, къ Мессенскому заливу. Между горами всѣхъ замѣчательнѣе Итома, возвышающаяся въ равнинѣ и присоединяющаяся къ прочимъ горамъ. На югозападъ глазъ, подобнымъ образомъ, проникаетъ между многими массами горъ до залива Киварійскаго. Это даетъ общія черты мѣстоположенію храма; что же касается до подробностей его, то никакое изъ извѣстныхъ описаній не даетъ надлежащаго понятія о теперешнемъ его положеніи. Онъ

былъ *пераптеросъ, окруженъ портикомъ* изъ шести колоннъ спереди, и пятнадцати на каждой сторонѣ (считая два раза угольныя). Колонны дорическаго ордена и самаго чистаго стиля, безъ базы и съ двадцатью канелюрами, которыя, проходя за три впадины или шнурка, теряются въ линіи Ехинуса, т. е. въ самой капители. Онѣ не изъ цѣльнаго куска, но изъ шести или семи кусковъ, изъ которыхъ верхніе имѣютъ дыры для деревянныхъ свай, чтобъ соединяться крѣпче. Всѣ наружныя колонны южной стороны, за исключеніемъ двухъ угольныхъ, стоятъ на мѣстахъ своихъ. На западной сторонѣ онѣ нѣсколько наклонились дѣйствіемъ землетрясенія. Архитравъ также почти совсѣмъ сохранился, только на сѣверномъ концѣ недостаетъ его на средней колоннѣ, а на южномъ онъ остался только на двухъ западныхъ. Отъ фризы не осталось ничего на мѣстѣ. Многіе куски триглифовъ лежатъ между развалинами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ мраморныя доски съ рельефами были вставлены въ метопы; въ другихъ это не встрѣчается, изъ чего можно заключить, что не всѣ метопы были украшены скульптурной рѣзьбой. Вообще на обломкахъ архитрава видны всѣ *капли*; переднее и заднее пространство между колоннами портика вдвое шире боко-

ваго. Целла такъ хорошо сохранилась, что ея части распознаются ясно. Входъ въ нее былъ съ сѣверной стороны, чрезъ пронаосъ или переднюю часть храма, съ антами и двумя колоннами между антъ. Впадины въ боковыхъ стѣнахъ пронаоса, кажется, были сдѣланы для укрѣпленія рѣшетки, чтобъ закрыть пронаосъ. Изъ пронаоса въ целлу входъ чрезъ широкую дверь.

Целла весьма замѣчательна. Зодчій поставилъ въ ней на каждой сторонѣ 5 полуколоннъ, но не вплоть къ стѣнѣ, а такъ, что онѣ выступаютъ изъ нее на нѣсколько футовъ и соединяются малыми простѣнками изъ одной и той же массы камня со стѣною целлы. Такимъ образомъ четвероугольныя ниши образовались между ними. Эти полуколонны, не совершенно Дорическія, имѣютъ основаніе весьма толстое въ діаметрѣ, между-тѣмъ какъ подымаются къ верху самыми легкими линіями. Онѣ канелюрованы, но очень плоско и съ промежутками или дорожками, которыя, по немногу стѣсняясь, совершенно исчезаютъ около средины колонны. О капителяхъ этихъ полуколоннъ судить можно только по обломкамъ; онѣ весьма походятъ характеромъ своимъ на базу, но не принадлежатъ, такъ сказать, ни къ какому ордену: ихъ нельзя причислить къ Іоническому, а между-

тѣмъ онѣ богаче Дорическихъ. Только одна изъ этихъ полуколоннъ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и та, какъ можно видѣть по приложенному рисунку, очень потрясена и состоитъ изъ двѣнадцати кусковъ. Четыре первыя изъ этихъ полуколоннъ составляли прямой уголъ со стѣной целлы, а послѣдняя выходитъ по обѣимъ сторонамъ острымъ угломъ къ стѣнѣ. Причину этою отклоненія угадать очень трудно. Къ мѣсту, заключенному стѣною целлы и полуколоннами, присоединяется другое, какъ можно ясно видѣть по положенію камней, составляющихъ полъ; вѣроятно на этомъ мѣстѣ находилась сокровищница бога, передъ которою стояла его статуя. Это мѣсто, такъ какъ и вся целла, было окружено стѣной, которая потомъ обрушилась; основные на ней камни стоятъ до сихъ поръ рядомъ одинъ возлѣ другаго. Къ этой стѣнѣ примыкаетъ съ южной стороны, въ мѣстѣ, во всемъ соотвѣтствующемъ пронаосу, опистодомосъ, или задняя часть храма, которая совершенно отдѣлена отъ целлы этою стѣной, въ которой нѣтъ двери.

Въ мѣстѣ, назначенномъ для статуи, лежатъ два обломка колонны, которые не могли принадлежать ни къ колоннамъ портика, ни къ полуколоннамъ. Діаметръ ихъ меньше прочихъ колоннъ,

и болѣе полуколоннъ, а канелюры ея очень плоски и теряются къ верху. Къ этой колоннѣ принадлежалъ, повидимому, обломокъ Коринѳскаго капителя, высѣченнаго изъ мрамора; но гдѣ было его мѣсто, никакъ нельзя опредѣлить навѣрно.

Софитовъ можно различить четыре рода, тщательно и со вкусомъ украшенныхъ коробками (caissons); самые большіе и средніе сдѣланы изъ того же камня, какъ и весь храмъ, а малые изъ бѣлаго мрамора.

Камень, изъ котораго выстроенъ весь храмъ, принадлежитъ къ роду крѣпкаго мѣла, весьма похожаго на тотъ, который находится въ Аппенинахъ. Онъ имѣетъ цвѣтъ желтоватый и очень способенъ къ обработкѣ. Отъ долгаго времени показалось на поверхности множество неглубокихъ дыръ, и вся развалина отъ тонкаго моха, покрывающаго камни, имѣетъ сѣрый видъ: на ней не примѣтно слѣдовъ ни штукатурки, ни красокъ*.»

Между-тѣмъ какъ мы занимались разсматриваніемъ храма, наши провожатые (изъ которыхъ

---

* Я прочелъ это описаніе въ Берлинѣ г. Шинкелю, который во всѣхъ отношеніяхъ согласенъ съ нимъ. Впрочемъ, это дѣло не новое. Въ книгѣ Штакельберга описанъ весь храмъ и гораздо подробнѣе, тогда какъ мы говоримъ только о своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ.

одинъ старикъ, почти слѣпой, напомнилъ намъ Эдипа), купили барана и сжарили его цѣликомъ, частію для насъ, а частію и для самихъ себя. Вечеромъ возобновили мы прежнія свои занятія и продолжали ихъ до ночи. Тогда мои товарищи начали ужинать, развели огромный огонь на двухъ мѣстахъ, разговаривали о храмѣ и прельщались простотою этого рода жизни, который нравился и предшественнику нашему, Лику, и наконецъ заснули вокругъ огней.

Суббота $^{6}/_{18}$. — Занятія художниковъ задержали насъ до трехъ часовъ. Между-тѣмъ проливной дождь привелъ насъ всѣхъ въ большое затрудненіе, потому-что всѣ наши вещи, платье, бумаги и прочее, были разложены на травѣ; но мы еще во время успѣли снести все подъ дерево и сами отобѣдали подъ его вѣтвями. Дурная погода не помѣшала намъ продолжать свой путь: оставаясь на мѣстѣ, мы точно такъ же подверглись бы дождю, какъ ѣдучи верхомъ, и потому мы рѣшились разстаться съ этой прекрасной долиной, въ которой пожили какъ Аркадскіе пастухи и провели два такихъ дня, какихъ намъ, вѣроятно, никогда уже не удастся провести въ обыкновенной жизни. Мы проѣхали мимо сѣраго храма, котораго глубокое уединеніе потревожили на время и простились съ нимъ, какъ бы съ отшельникомъ, который, испытавъ и блескъ и несчастія

свѣта, давно удалился изъ него и не хочетъ удерживать у себѣ надолго гостей, изрѣдка его посѣщающихъ. Дорога, которою мы шли, извивается на краю глубокой каменистой долины, покрытой однако мелкими, вѣчно-зелеными дубами, которые здѣсь называютъ *пурнари*. Передъ нами была гора *Діафорти*, древній Лукаіосъ, которую Аркадійцы почитали жилищемъ Юпитера. Она явилась намъ, окруженная всѣми аттрибутами царя боговъ. Тучи клубились около ея вершины и придавали свинцовый видъ всей этой прекрасной, но дикой долинѣ Ампеліоны и Хагіосъ-Сости. Мы слышали отдаленный громъ и видѣли орла, парящаго надъ горою. Такіе случаи, и въ такомъ мѣстѣ, сильно дѣйствуютъ на воображеніе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: древніе Аркадійцы вѣроятно выбрали эту гору жилищемъ Юпитера потому что часто замѣчали на ней натуральные аттрибуты этого бога: тучи, громъ и орловъ; а какъ природа рѣдко измѣняется, то и намъ удалось видѣть все это. Дождь накрапывалъ и туманъ сталъ подниматься вокругъ насъ. Два или три раза сбивались мы на горахъ съ дороги и шли съ большимъ трудомъ между огромными каменьями, скатившимися съ вершины горы. Изъ двухъ рисунковъ Брюллова одинъ даетъ понятіе

о горѣ Діафорти и о странномъ отемнѣніи ея, а другой объ удивительномъ переходѣ красокъ, когда погода стала проясняться. То поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ, мы въ седьмомъ часу доѣхали до вершины Діафорти. Мы нашли тамъ стадо овецъ подъ охраненіемъ огромныхъ собакъ, которыя съ лаемъ бросились на встрѣчу нашимъ муламъ. Пастухи, одѣтые въ овчины, скрывались отъ непогоды подъ кровомъ, сдѣланнымъ изъ вѣтвей и утвержденнымъ на кольяхъ, такъ, что не было даже плетеныхъ боковыхъ стѣнъ. Возлѣ этого бѣднаго убѣжища, которое называютъ здѣсь *мандри*, былъ разложенъ огонь; надъ нимъ висѣлъ большой котелъ, который употребляютъ для дѣланія сыра. Древніе Аркадійцы не могли имѣть жилища проще. Здѣшняя природа и нравы жителей имѣютъ много общаго съ Швейцарскими. Они жили въ горахъ, занимались болѣе скотоводствомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ, питались молокомъ и были самымъ независимымъ народомъ во всемъ Пелопонезѣ; наконецъ, чтобъ довершить сравненіе чертой сходства, болѣе разительнаго, скажемъ, что они также вступали по найму въ военную службу. Купивъ ягненка и отдохнувъ нѣсколько у огня, мы начали спускаться съ горы, какъ скоро стало нѣсколько яснѣе, и пріѣхали на ночь

въ деревню *Каріесъ*, изъ которой открывается пространный видъ на долину. Здѣсь былъ праздникъ. Дѣвицы плясали на лугу, держась за руки и распѣвая пѣсни. Эта деревня показалась мнѣ болѣе Мираки. Въ ней много новыхъ каменныхъ *хатъ*; домами ихъ назвать нельзя, потому-что онѣ безъ дверей и оконъ, а на мѣсто ихъ имѣютъ только пустыя отверстія. Намъ отвели такую хату для ночлега, и мы провели ночь очень хорошо, и теплѣе, чѣмъ въ долинѣ Аполлона.

Воскресенье $^{7}/_{19}$.—Деревня Каріесъ расположена на горѣ, и хотя она стоитъ не на самой ея вершинѣ, однако изъ нея открывается прекрасный видъ на равнину древняго Мегалополиса.

Такъ какъ дорога здѣсь очень крута, то намъ пришлось идти пѣшкомъ; прекраснѣйшая панорама разстилалась передъ нами. Впереди равнина, орошенная Альфеемъ; по обѣимъ сторонамъ ея тянутся горы, покрытыя на лѣво свѣжей зеленью; на право онѣ представляютъ амфитеатръ, постепенно возвышающійся отъ перваго плана, занятаго темнымъ лѣсомъ, до снѣжныхъ вершинъ Тайгета. Когда мы спустились ниже, видъ этотъ скрылся отъ насъ; но мы были вознаграждены другимъ, хотя не столь величественнымъ, однако не менѣе замѣчательнымъ и совершенно характеризировавшимъ Греческую и особенно Аркадійскую природу. Между острыми камнями и скалами, чрезъ которые лежитъ дорога, множе-

ство ручьевъ протекаетъ подъ тѣнью тополей, кленовъ и олеандровъ. Есть мѣста, гдѣ скалы со всѣхъ сторонъ закрываютъ видъ, а голубое небо едва бываетъ видно сквозь широкія листья тополя; ручей протекаетъ съ шумомъ близь его корня и теряется въ кустахъ. Спустившись къ подошвѣ горы и достигнувъ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, мы сѣли на муловъ и стали по обыкновенію прокладывать себѣ путь сквозь кусты, которые раздирали наше платье и царапали намъ лицо. Альфей, чрезъ который мы переѣхали, чтобъ дойдти до деревни Синано, древняго Мегалополиса (*Μεγαλοπολις*), здѣсь довольно мелокъ, но быстръ и, сколько можно судить по широкой полосѣ, видимой на береговыхъ каменьяхъ, долженъ часто разливаться. Цвѣтъ его, отъ шедшихъ предъ тѣмъ дождей, былъ желтоватый. Скоро дошли мы до рѣчки *Элиссона*, которая немного уступаетъ шириною Альфею. Къ полудню пріѣхали мы въ мѣстечко *Синано*, назначенное для отдыха. Эта деревня состоитъ изъ полсотни хатъ, разсыпанныхъ по зеленой долинѣ. Между ними насажены тутовыя деревья, а кругомъ, какъ вообще близь Греческихъ деревень, тянутся поля, засѣянныя рожью и пшеницей съ бородатыми колосьями. Мы воспользовались свободнымъ временемъ и осмотрѣли

развалины. Мраморные обломки расыпаны по всей деревнѣ; но главная масса развалинъ внѣ ея предѣловъ. Я вошелъ нечаянно въ бѣдную сельскую церковь, открытую по случаю сегодняшняго праздника, и удивился глубокой бѣдности, какую представляетъ собою этотъ храмъ. Въ потолкѣ, весьма ветхомъ, были незадѣланныя дыры; иконостасъ росписанъ образами въ древнемъ Византійскомъ вкусѣ; у царскаго входа нѣтъ дверей, и священникъ совершаетъ таинства за ветхою завѣсою. Распятіе, нарисованное на бумагѣ, приколочено къ дереву надъ царскимъ входомъ. Каѳедры для молящихся вырублены изъ сосноваго дерева и не покрыты краской; полуизсохшіе вѣнки развѣшаны на гвоздяхъ, а надъ царскимъ мѣстомъ вставлена зеленая вѣтвь. Старая капитель, найденная близь церкви, поставлена на подножіи и служитъ вмѣсто налоя, а къ стѣнамъ, украшеннымъ иконами, кое-гдѣ приклеены патріотическія пѣсни и желанія здравія королю и регентамъ. Я спросилъ священника о значеніи неизвѣтнаго мнѣ слова *Αντιβασιλεια*, *регентство*, написаннаго на одномъ изъ этихъ листовъ. Вмѣсто отвѣта, онъ намочилъ слюнями палецъ и смаралъ это слово, потому-что регентовъ болѣе уже нѣтъ и они, вмѣсто того, чтобъ осчастли-

вить Грецію, были ей только въ тягость. Надпись осталась на стѣнѣ съ названіемъ народа Греческаго и именемъ короля Оттона, и черное пятно замѣнило слово регенство. Эта церковь изображаетъ лучше всѣхъ длинныхъ описаній чувства Грековъ къ ихъ религіи. Они сражались за нее и потому украшаютъ церковь своими трофеями, то есть, національными пѣснями; имъ неизвѣстна роскошь и для нихъ не странно видѣть бумажный крестъ; они не умѣютъ употреблять краски, позолоту и лакъ, и замѣняютъ эти украшенія увядающими вѣнками и обломками древняго искусства.—Видно, что не принято еще у нихъ никакой церковной цензуры и что они еще не почитаютъ долгомъ исключать то и другое изъ церкви, какъ непристойное. Они еще не созрѣли для этихъ тонкостей; для нихъ, какъ сказано въ Евангеліи, все чисто, ибо они нечистоты не видятъ. — Мой Дмитрій пользуется всякимъ случаемъ приложиться устами и челомъ къ иконѣ Богородицы (*Παναγία*). Онъ часто гордо разсуждаетъ о превосходствѣ Греческой вѣры надъ магометанскою, и особенно основываетъ свое заключеніе на томъ, что сколько бы Турки ни мылись, они всегда имѣютъ непріятный запахъ, между-тѣмъ, какъ Грекъ можетъ лѣтомъ тридцать дней сряду носить одно и то же бѣлье, и

вовсе не безпокоитъ сосѣда, когда станетъ раздѣваться. Сравнивая Греческую церковную службу съ Англиканскою, которую видѣлъ въ Корфу, онъ удивляется холодности послѣдней. Отвѣтъ его одному Англичанину, старавшемуся доказать, что совершенно безполезно молиться о покойникахъ, очень понравился мнѣ своимъ чувствомъ и простотою. «Да» сказалъ онъ: «я васъ понимаю. Но положимъ, что отецъ мой, или сынъ, или дочь такъ сильно васъ оскорбили, что вы по справедливости велѣли заключить ихъ въ тюрьму и оковать цѣпями; неужьли не позволите вы мнѣ, не смотря на всю вину ихъ, просить васъ хотя разъ въ годъ, напримѣръ въ день ихъ ангела или рожденія, снять съ нихъ на короткое время цѣпи, и тѣмъ облегчить ихъ страданія?» Я не знаю, что̀ можетъ столько, какъ это простое уподобленіе, показать глубокую вѣру въ правосудіе Бога, и совершенную покорность его волѣ, при печальной и неизгладимой привязанности къ человѣку, тѣмъ болѣе любимому и оплакиваемому, чѣмъ онъ болѣе несчастенъ.

Мѣстоположеніе древняго Мегалополиса посреди зеленѣющей долины, окруженной горами, покрытыми къ югу каштанами и другими высокими деревьями, прелестно. Самая долина усѣяна

олеандрами. Кромѣ того это мѣстоположеніе также совершенно отличается отъ другихъ древнихъ Греческихъ городовъ, которые были вообще построены не въ равнинахъ а на возвышенныхъ, укрѣпленныхъ природой мѣстахъ. Ликъ извлекаетъ два заключенія изъ этого особеннаго мѣстоположенія: 1-е, что главною его причиной было изобиліе воды. 2-е что, во время его основанія т. е. за 4 столѣтія до Р. Х. Греки, а тѣмъ болѣе такой опытной вождь, какъ Эпаминондъ, не могли выбрать подобнаго мѣста для основанія города, если не имѣли уже въ то время нѣкоторое понятіе объ искусственномъ укрѣпленіи. Замѣчанія Лика о древнихъ памятникахъ этого города очень занимательны для ученыхъ и драгоцѣнны для путешественниковъ. Но такъ какъ я самъ не имѣлъ времени заниматься подробными наблюденіями, то ограничусь исчисленіемъ главныхъ, видѣнныхъ мною, остатковъ. Высокая стѣна, сложенная изъ огромныхъ камней, соединенныхъ безъ извести, смыкается съ высокимъ, образующимъ полукружіе, холмомъ. Этотъ холмъ, заросшій травою и кустами, былъ нѣкогда театромъ, и, по словамъ Павзанія, самый огромный во всей Греціи. Въ справедливости этого заключенія сомнѣваться нельзя, ибо форма его сохранилась въ совершен-

ной правильности. Нѣкоторые слѣды стѣнъ, идущихъ къ сценѣ, примѣтны и теперь еще. За ними два мелкіе ручья текутъ въ Элиссонъ, который теперь такъ мелокъ, что не обратилъ бы на себя вниманія, если бъ не были еще видны обломки огромнаго каменнаго моста, заставляющаго полагать, что рѣка эта была нѣкогда и шире и глубже. За рѣкой видно множество дорическихъ колоннъ, окружавшихъ, можетъ-быть, агору, или мѣсто, назначенное для народнаго собранія; но теперь эти колонны зарыты въ землею до верху, и даже выше. Земля эта была вѣрно нанесена наводненіемъ, и закрѣплена растѣніями всякаго рода. Какъ не измѣниться и не обрушиться городу, когда враждебныя причины почти впродолженіи 2000 лѣтъ безпрепятственно дѣйствуютъ на это опустѣвшее мѣсто? А что Мегалополисъ, бывшій однимъ изъ новѣйшихъ большихъ городовъ Греческихъ, скоро опустѣлъ, тому свидѣтель Страбонъ, говорящій въ шутку, что Мегалополисъ т. е. большой городъ, есть большая пустыня. Я полагаю, что причиной тому нравы Аркадійцевъ, болѣе расположенныхъ къ пастушеской чѣмъ къ городской осѣдлой жизни. Замѣчанія Лика исполнены истины. Онъ говоритъ, что это второй примѣръ, доказывающій, что Греція нынѣ болѣе,

чѣмъ въ минувшихъ столѣтіяхъ, походитъ на древнюю, и что эта прекрасная долина, въ настоящемъ, опустѣломъ видѣ, болѣе напоминаетъ древнюю Аркадію, чѣмъ въ то время, когда городъ этотъ существовалъ.

Около двухъ часовъ пополудни мы выѣхали изъ Синано и, направляя путь въ Триполицу, которая отстоитъ отъ него на шесть часовъ, выѣхали на дорогу нѣсколько шире, вымощенную кое-гдѣ большими необтесанными камнями и все еще очень плохую. Съ пріѣзда моего въ Грецію, я не видалъ еще ни одной телеги, да и нѣтъ нигдѣ дороги, по которой два колеса рядомъ могли бы прокатиться. Около часа послѣ выѣзда изъ Синано, мы начали, не безъ труда, подниматься на одну изъ горъ, окружающихъ эту прекрасную долину. Къ пяти часамъ были на ея вершинѣ и насладились прекраснымъ видомъ пройденной нами страны до деревни Каріесъ, раскинутой на противоположной сторонѣ. Дорога проведена такъ круто отъ сего пункта въ другую долину, что мы должны были сойдти съ муловъ. Эта долина, или, лучше сказать, раздвинутая тѣснина, называется Франко-Вризи. Съ обѣихъ сторонъ возвышаются каменистыя горы и дорога идетъ то по правой, то по лѣвой сторонѣ ихъ. Замѣчатель-

но, что внизу этого глубокаго оврага нѣтъ рѣчки. Это объясняютъ тѣмъ, что известковый камень самъ собою принимаетъ форму разсѣлинъ, не требуя на то наружныхъ причинъ. Далѣе, за этимъ оврагомъ, открылась намъ совершенно иная природа, и, вмѣсто прекрасныхъ, зеленѣющихъ луговъ, показались дикія, крутыя горы. Впрочемъ я всегда представлялъ себѣ Морею въ такомъ видѣ. Жители, которыхъ мы встрѣчали на дорогѣ, по нѣскольку вмѣстѣ пѣшкомъ и верхомъ, имѣли видъ болѣе дикій, чѣмъ самая страна, и ихъ угрюмый поклонъ и пробормотанный сквозь зубы: «добрый день», не казались вовсе дружескимъ привѣтствіемъ. Мы въѣхали въ Триполицу ночью. Она почитается вторымъ городомъ Мореи, но, сквозь окружавшую насъ темноту, мы могли видѣть, что и она также вся въ развалинахъ. Турки, подъ начальствомъ Ибрагима, занимали ее своими войсками во время войны, между-тѣмъ какъ Греки владѣли всею окрестностію; это продолжалось до Наваринскаго сраженія, послѣ котораго Ибрагимъ-паша, въ настоящемъ или притворномъ негодованіи, поднявъ на воздухъ большую часть города, оставилъ опустошенную имъ страну. Насилу добрались мы на изнуренныхъ мулахъ по длиннымъ, деревяннымъ базарамъ до бѣдной гостинницы. Видно однако,

что это былъ городъ, потому-что полицейскія мѣры наблюдаются здѣсь, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ. Офицеръ, въ голубомъ Греческомъ мундирѣ, съ фустанелью, явился въ трактиръ и спросилъ наши паспорты; не удовлетворенный ими, онъ взялъ моего Дмитрія и подъ стражею повелъ его къ губернатору. Признаюсь, это мнѣ не понравилось; но прежде чѣмъ я могъ сдѣлать малѣйшее возраженіе, Албанецъ мой, заткнувъ за поясъ, на всякій случай, пистолетъ, пошелъ за солдатами, и скоро возвратился, удовлетворивъ губернатора своими отвѣтами. Между-тѣмъ Греки всѣхъ званій, по большой части военные, входили въ комнату и ужинали за длиннымъ столомъ, каждый особо. Намъ подали, какъ и имъ, черной, сухой баранины и салатъ, приправленный весьма плохимъ масломъ. Вино, по обыкновенію, смѣшано со смолой: это настоящій разваренный гумиластикъ и его можно пить только какъ лекарство.

Понедѣльникъ $^{8}/_{20}$. — Прежде чѣмъ я успѣлъ встать и одѣться, посѣтилъ меня епархъ, въ мундирѣ Греческихъ нерегулярныхъ войскъ. Онъ пришелъ поздравить меня съ пріѣздомъ и предложить свои услуги въ случаѣ моего пребыванія въ Триполицѣ, или отъѣзда отсюда. Это человѣкъ довольно толстый, веселый, развязный и хвастливый; онъ участвовалъ въ войнахъ Греческой революціи, и описанія его, съ примѣсью разныхъ замѣчаній, характеризировали какъ нельзя лучше націю, только что вышедшую изъ подданства сильной державы. «Десять лѣтъ» говоритъ онъ: «Турки держались въ этомъ городѣ. Но мы, не желая платить дани, ни чужимъ, ни своимъ, тревожили ихъ всѣми возможными способами. Какже мы это дѣлали? Мы нападали ночью на всѣхъ Турокъ, которые встрѣчались, и даже на самый городъ, а къ утру уходили прочь, чтобъ не подвергнуться

ихъ мщенію. Ихъ кавалеристы могли свободно скакать по долинѣ; но если случалось хоть одному изъ нихъ подъѣзжать къ горамъ, то пуля, пущенная изъ-за камня, въ ту же минуту отправляла его въ рай Магометовъ. «Благодарности къ союзнымъ войскамъ за сраженіе Наваринское, или къ Французамъ за экспедицію въ Морею, подъ начальствомъ маршала Мезона, или къ намъ, за миръ Адріанопольскій, не было ни на грошъ. Судя по словамъ епарха, можно было, кажется, подумать, что Греки сами себя освободили отъ ига. Онъ часто видалъ лорда Байрона въ Миссолонги, и, отвѣчая на мои вопросы о немъ, говорилъ, что жизнь его была презавидная. «Не удивительно» прибавилъ онъ: «что иностранцы высокаго званія и съ большимъ имѣніемъ приходили въ Грецію: ихъ почитали здѣсь какъ царей и слѣдовали всѣмъ ихъ совѣтамъ. — Это льститъ тщеславію иностранцевъ, и Лордъ Байронъ получилъ также свою награду за услуги, имъ оказанныя Грекамъ. Теперь намъ нужно, чтобъ была всеобщая война въ Европѣ, и тогда, если насъ оставятъ прочія державы, мы можемъ напасть на Турцію и овладѣть ею.» Пока епархъ такъ разглагольствовалъ, секретарь его, или адьютантъ, приносилъ ему разныя бумаги для подписанія.

Онъ шутилъ надъ ними, и не прочитывая, а только спросивъ о ихъ содержаніи, подписывалъ съ презрѣніемъ. Все доказываетъ, что онъ принадлежалъ къ числу весьма малограмотныхъ Клефтовъ, и вѣроятно назначенъ епархомъ одной изъ значительнѣйшихъ епархій Мореи, за вліяніе, какое имѣетъ на своихъ товарищей, а можетъ-быть и за природныя свои способности. Я отдалъ ему визитъ и онъ пригласилъ меня сѣсть, подавая мнѣ единственный стулъ, бывшій у него въ домѣ. Вся остальная мебель состояла въ тюфякѣ, покрытомъ коврами, который днемъ служитъ вмѣсто дивана, а ночью замѣняетъ постель.

Хотя вся Триполица ничто иное, какъ рядъ новыхъ развалинъ, однако жизнь снова начинаетъ кипѣть въ ней. Внутри города замѣтна довольно большая дѣятельность, а въ окрестностяхъ видны признаки земледѣлія. Поля здѣсь обработаны довольно хорошо. Видъ съ старой крѣпости Триполицы простирается на всю долину, которая несовершенно плоска и кое-гдѣ покрыта холмами. Но ни въ долинѣ, ни на пограничныхъ горахъ не видать деревьевъ. Горы имѣютъ рѣзкій очеркъ; значительной рѣки нѣтъ. Со всѣмъ тѣмъ природа не имѣетъ дикости. Здѣсь все прекрасно: ясное небо, прозрачность воздуха, зелень полей; не достаетъ

только одних жителей. Это не то, что въ Италіи, гдѣ нѣсколько долинъ поражаютъ вдругъ взоры путешественника, и гдѣ можно увидѣть вдругъ три или четыре города, раскинутые на разныхъ возвышенностяхъ. Здѣсь каждая равнина имѣетъ свою особенную физіономію и отдѣлена отъ другихъ. Эта разница происходитъ, вѣроятно, отъ того, что здѣсь менѣе жителей, и что въ каждой долинѣ не болѣе одного города, а потому для путешественника Греческія долины точно звѣнья одной цѣпи, которыя онъ, переходя черезъ горы, невольно отличаетъ другъ отъ друга, не имѣя въ виду никакого искусственнаго предмета, который могъ бы развлечь его вниманіе.

Послѣ полудня я посѣтилъ развалины древняго *Тегея,* лежащія въ разстояніи полуторы часовъ пути отъ Триполицы. По моему, онѣ не заслуживаютъ въ теперешнемъ своемъ положеніи особеннаго вниманія. Множество обломковъ разсыпано въ безпорядкѣ, и хотя докторъ Крамеръ изслѣдовалъ ихъ, но не могъ найдти никакой интересной надписи или остатка зодчества. Я однакоже не сожалѣю, что сдѣлалъ эту прогулку, ибо церковь, выстроенная въ среднихъ вѣкахъ на этомъ мѣстѣ, названномъ теперь Палаіо Эпископи, изъ развалинъ, и сама представляющая развалину,

едвали не интереснѣе древняго города. Сооруженная въ живописномъ, Византійскомъ вкусѣ, изъ обломковъ города, она, кажется, была нѣсколько разъ сломана и перестроена: это доказывается разными украшеніями, принадлежащими уже къ Христіанскому времени и вставленными кое гдѣ въ стѣнахъ безъ всякаго порядка. Войдя во внутренность церкви, нашелъ я, въ одномъ изъ отдѣленій олтаря, два камня, поставленные перпендикулярно, и третій, положенный надъ ними. Подлѣ этихъ камней, предъ иконой, висѣла лампада съ елеемъ, и я узналъ по этому, что эта развалина, въ которой нѣтъ крыши, и гдѣ передняя стѣна имѣетъ широкое отверстіе, служитъ и теперь церковью. Храма бѣднѣе и проще этого нельзя себѣ вообразить. Я былъ тронутъ, глядя на этотъ памятникъ страданій Грековъ, и думалъ опять, судя по этому мѣсту, служащему теперь для молитвы, какъ просты и чисты должны быть ихъ религіозныя чувства. Здѣсь нѣтъ ни вызолоченнаго иконостаса, ни потолка съ изображеніемъ святыхъ и ангеловъ, ни запрестольнаго образа. Два камня служатъ вмѣсто иконостаса, небесный сводъ съ своими тучами, яркимъ солнцемъ и милліонами звѣздъ, разстилается надъ храмомъ. Передъ мраморнымъ обломкомъ, замѣняю-

щимъ жертвенникъ, стѣна имѣетъ проломъ и первые лучи востока озаряютъ священника, служащаго утреннюю. Этотъ храмъ въ своемъ убожествѣ еще замѣчательнѣе того, что я видѣлъ въ Синано. Тотъ имѣетъ какое-то мишурное щегольство и походитъ на Грецію съ своимъ нынѣшнимъ королемъ, но этотъ на Грецію, еще подвизающуюся съ Турками за крестъ и свободу. — Возвращаясь въ Триполицу, я думалъ, что Греки должны бы имѣть теперь свою собственную, новую архитектуру, если архитектура должна точно удовлетворять не однѣмъ нуждамъ, но и характеру народа. Свѣтлый перистиль вѣчно смѣющагося язычества не соовѣтствуетъ началамъ вѣры, основанной на сокрушеніи и грѣхопаденіи человѣка, искупленнаго кровью Сына Божія. Готическіе шпицы и высокіе темные своды гораздо лучше напоминаютъ то время, когда религія боролась съ невѣжествомъ и насильствомъ; но они не соотвѣтствуютъ ни голубому небу, ни воинской отважности, ни славной бѣдности Грековъ. Еще менѣе приличенъ имъ, въ настоящую эпоху ихъ возрожденія, ложный блескъ, которымъ Римлянка старается прикрыть свою красоту, давно отцвѣтшую, и отданную въ жертву суетности. Скажу даже, что Византійское зодче-

ство, хотя и принадлежащее исключительно Греческой религіи и возбуждающее такое благоговѣніе въ сердцахъ Русскихъ, не можетъ еще быть національнымъ зодчествомъ нынѣшнихъ Грековъ. Въ то время, когда императоры возсѣдали на престолѣ Константина, эти пышныя, но мрачныя зданія могли объяснять соборную приверженность всей Восточной Церкви къ тѣмъ священнымъ догматамъ древнихъ обрядовъ, отъ которыхъ Латинская Церковь отпала для мірскихъ видовъ; но для нынѣшней Греціи, бѣдной, нетеологической, но кровью защитившей крестъ отъ порабощенія Магомета, должна бы проявиться какая-нибудь архитектура, болѣе свѣтлая, отважная и торжественная. Генію принадлежитъ найдти родъ зодчества, который соотвѣтствовалъ бы и древней славѣ, и теперешнему положенію Греціи. Пусть сохранитъ она нѣкоторыя украшенія своей прежней, утонченной образованности; но, возлѣ классическаго аканта Коринта, пусть она совьетъ терновый вѣнецъ Палестины. Для нея не нуженъ высокій куполъ, подавляющій собою всѣ прочія зданія. Греки идутъ въ церковь не по приказанію верховнаго епископа, но по влеченію сердца, чтобъ благодарить Бога, удивившаго ихъ своею милостью. Пусть средина храма

ихъ будетъ непокрыта, какъ разрушенная церковь Тегея: это будетъ лучше соотвѣтствовать ихъ бѣдности. Чело людей, привыкшихъ стоять въ битвѣ за вѣру, не убоится ни дождя, ни солнца; ѳиміамъ священника воскурится къ небу, и вздохъ страдальца, воспаривъ прямо къ престолу Божію, не остановится ни у вратъ чистилища, ни у подножія святыхъ.

Я возвратился въ Триполицу, когда уже начинало смеркаться; и когда всѣ художники, путешествовавшіе со мною, собрались, всѣ мы сѣли ужинать. Брюлловъ кончилъ два маленькіе вида долины, пройденной нами послѣ храма Аполлона. Краски его удивительно какъ натуральны и передаютъ съ необыкновенною вѣрностью всѣ цвѣта, которымъ подобныхъ, по моему мнѣнію, нельзя найдти нигдѣ, кромѣ Греціи. Разговоръ Брюллова пріятенъ какъ картина, ибо онъ все замѣчаетъ, и куетъ новыя слова для собственныхъ мыслей. Послѣ ужина завязался жаркій споръ объ архитектурѣ. Рѣчь шла о Пестумѣ, о Парѳенонѣ, о Прусскомъ архитекторѣ Шинкелѣ, о Ватиканскихъ ложахъ и проч. и проч. Каждый остался при своемъ мнѣніи, какъ то бываетъ обыкновенно. Брюлловъ вмѣшивался въ разговоръ только изрѣдка, какъ стрѣлокъ, который, выстрѣливъ разъ

или два, но мѣтко, потомъ выходитъ изъ сѣчи и наблюдаетъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Споръ былъ довольно продолжителенъ, не смотря на то, что на слѣдующій день ожидали насъ усталость и труды; было уже довольно поздно, когда мы улеглись спать въ повалку на полу.

Вторникъ $^{9}/_{21}$. — Я условился съ здѣшними провожатыми, чтобы они въ 4 дня доставили насъ чрезъ Аргосъ и Навплію въ Коринѳъ. Воспользовавшись вчерашнимъ отдыхомъ, мы отправились сегодня съ новыми, свѣжими силами; несмотря на это, наше путешествіе, при всей своей занимательности, было весьма тягостно. По всей дорогѣ не найдешь хорошаго ночлега; вина нѣтъ, молоко рѣдко, огородныхъ овощей нѣтъ вовсе; только въ баранинѣ и цыплятахъ нѣтъ недостатка. Всего болѣе огорчаетъ насъ то, что у насъ нѣтъ ни порядочныхъ сѣделъ, ни уздечекъ; впрочемъ, я самъ виноватъ, что не запасся ими. Докторъ Крамеръ, вскорѣ по выѣздѣ изъ города, желая остановить своего мула, дернулъ веревку, проведенную къ носу животнаго, и оно поскакало съ нашимъ ѣздокомъ прямо въ поле, усѣянное рожью. Рожь была такъ высока,

что докторъ въ ней скрылся совершенно; но мы недолго его искали: онъ слетѣлъ съ мула, и, по счастію, благополучно выпутался изъ веревокъ, служившихъ ему стременами. Этотъ случай задержалъ насъ нѣсколько, потому-что мула не могли поймать ближе, какъ у самихъ воротъ Триполицы. Мы еще утромъ вышли изъ долины Триполисской и начали подниматься въ гору, а къ полудню остановились у хана, или корчмы, стоящей, какъ полагаютъ, возлѣ развалинъ древняго города *Hysia*. Докторъ Крамеръ въ кучѣ развалинъ могъ узнать только городскую стѣну. Послѣ обѣда и полуденнаго отдыха мы продолжали свой путь, подымаясь часа полтора въ гору, пока не дошли до самой вершины горнаго хребта, составляющаго, по моему мнѣнію, границу между древнею Аркадіею и Арголидой. Около этихъ мѣстъ учреждено нѣчто въ родѣ таможеннаго заведенія, изъ котораго два солдата, въ полинявшихъ свѣтло-голубыхъ мундирахъ, вышли къ намъ съ допросомъ: по какому праву мы веземъ съ собою оружія, и имѣемъ ли на то законный видъ. Такъ какъ у меня его не было, то они довольно снисходительно предложили мнѣ: или оставить у нихъ оружіе, или ѣхать назадъ, по горамъ и камнямъ, въ Триполицу, чтобъ исходатайство-

вать законное позволеніе. Но мой Дмитрій не потерялъ головы; онъ имъ поставилъ на видъ, что мы путешественники не простые, а знатные, и подъ конецъ рѣчи такъ разгорячился, что предложилъ имъ отобрать у меня пистолеты и ружье, грозя, что имъ придется принести ихъ на собственныхъ плечахъ въ Аѳины. Не столько удивительно, что эти угрозы подѣйствовали — подобные случаи бываютъ и въ просвѣщенныхъ странахъ,—сколько то, что насъ пропустили, даже не требуя ничего на водку.

Трудно передать то удовольствіе, которое я почувствовалъ, достигнувъ вершины этихъ горъ. Вмѣсто долины, столько же неоживленной, какъ всѣ прочія, открылись предо мною синее море и равнина Аргоса, которой древнѣйшая исторія доходитъ до героическихъ временъ Геркулеса и Пелопидовъ. Признаюсь, однако же, что мнѣ болѣе всего понравился лазурный цвѣтъ залива съ его мелкими островами: Ипсили, Платіа и отдаленной, продолговатой Спеціи, а также и городъ Навплія, который, стоя у подошвы высокихъ скалъ, оттуда кажется очень невеликъ. Всѣмъ морскимъ путешественникамъ извѣстно, какъ пріятна первая минута, когда, послѣ продолжительнаго плаванія, достигаешь наконецъ берега. Я испыталъ

здѣсь подобное чувство, но только совершенно въ другомъ отношеніи, и убѣдился, что, послѣ труднаго путешествія въ странахъ гористыхъ и ненаселенныхъ, первый видъ моря, и особенно морскаго города, очень пріятенъ. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ я вижу людей. Имъ извѣстны, хоть по слуху, тѣ страны, гдѣ живутъ близкіе моему сердцу, и я могу писать имъ оттуда, — словомъ, я какъ бы возвращаюсь въ просвѣщенное общество. Общество людей намъ необходимо; мы можемъ углубляться въ мечтанія о древнихъ, но не можемъ надолго отказаться отъ любви къ живымъ, и должны раздѣлять ихъ чувства, ихъ страсти, ихъ потребности. Къ тому же я могъ порадоваться, что первый періодъ моего путешествія кончился благополучно; никто не захворалъ ни отъ лихорадокъ, ни отъ простуды, не смотря на то, что мы спали подъ открытымъ небомъ. Въ случаѣ нужды, можно отправиться изъ Навпліи прямо въ Аѳины, а оттуда куда захочешь; такая увѣренность придавала намъ какую-то особенную бодрость духа и располагала къ дальнѣйшимъ трудамъ.

Аргосъ, находясь посреди равнины, видѣнъ издалека, когда приближаешься къ нему съ этой стороны. Не въ дальнемъ разстояніи отъ города,

много ключей выходятъ изъ горъ и стремятся въ равнину. Всѣхъ замѣчательнѣе, какъ быстротой, такъ и изобиліемъ воды, древній Эразинусъ, который приводитъ въ движеніе нѣсколько мельницъ и потомъ раздѣляется на разные ручьи, проведенные по полямъ. Мы нашли въ равнинѣ множество мужчинъ и женщинъ, занятыхъ уже жатвою и свозкой съ полей хлѣба на ослахъ. Еще нигдѣ въ Греціи не видалъ я такой дѣятельности. Самыя окрестности города заняты виноградными садами.

Я былъ принужденъ прибѣгнуть къ помощи полиціи, чтобъ достать себѣ квартиру, потому-что никто не хотѣлъ принять насъ добровольно. Здѣсь есть нѣсколько порядочныхъ домовъ; но намъ отвели двѣ комнаты въ самомъ дрянномъ трактирѣ.

Среда $^{10}/_{22}$. — Гомеръ называетъ Аргосъ *многожаждущимъ*; не знаю, отчего придалъ онъ ему этотъ эпитетъ: ключей около него множество; прилегающая къ городу страна болотиста и къ тому же море недалеко. Не потому ли онъ *многожаждущій*, что жаждущіе много пьютъ? По древнимъ описаніямъ, городъ находился частью на горѣ, частью въ равнинѣ. Нынѣшній городъ построенъ только на той части древняго, которая стояла на равнинѣ. Гора, на которой стоялъ знаменитый его *акрополисъ* (древняя Лэрисса), находится внѣ его предѣловъ. Она круто поднимается изъ равнины и оченъ удобна, по своему положенію, для защиты города. До-сихъ-поръ на ней остаются обломки крѣпости, но это постройка Венеціанъ или Франковъ, и принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ; она заключаетъ въ себѣ, какъ часто случается, обломки древней скульпту-

ры или надписи. Остатки строеній, совершенно древнихъ, состоятъ въ циклопскихъ массахъ разнаго времени. Часть ихъ послужила основаніемъ для построекъ Венеціанскихъ и переживетъ нетолько ихъ, но и всѣ будущія постройки. Героическія времена созидали для вѣковъ; еще по болѣе просвѣщенія и мы будемъ строить только на продолженіе жизни человѣческой. Изъ всѣхъ остатковъ на этой классической горѣ самый интересный есть огромный театръ, который сооруженъ изъ самой горы такъ, что большая часть скамей высѣчена изъ дикаго камня. По сказаніямъ Павзанія, онъ могъ вмѣщать 30,000 зрителей. Ликъ описываетъ подробно какъ этотъ, такъ и прочіе памятники. Докторъ Крамеръ сообщилъ мнѣ свои замѣчанія, сдѣланныя на самомъ мѣстѣ. Я сохраню ихъ, какъ весьма занимательныя для тѣхъ, которые пожелаютъ предпринять путешествіе по Греціи.

«Рано утромъ отправились мы изъ города къ замку. На сѣверовосточной сторонѣ, въ скалѣ, видна̀ пещера, неправильная и глубокая. Почему предполагаютъ здѣсь мѣсто Аполлонова прорицалища (Gell.)? Древніе, идущіе вдоль всей почти подошвы горы, остатки стѣнъ, построены изъ кирпича и мелкаго камня; онѣ ка-

жутся мнѣ Римскими, но отнюдь не городскими. Возвышеніе, на которомъ стоитъ замокъ, скалисто и не представляетъ никакихъ слѣдовъ обитаемости. На горѣ не замѣтно въ наружной стѣнѣ новой крѣпости никакихъ слѣдовъ древней стѣны, но за то внутренній замокъ почти весь построенъ на древнемъ основаніи. Въ разныхъ мѣстахъ оно сохранилось различно, имѣетъ различный объемъ, различный родъ и принадлежитъ къ разнымъ временамъ. Я не находилъ вѣрнаго слѣда *древнихъ башенъ*; но видъ съ этого мѣста прекрасный: съ него представляется вся равнина до самой южной оконечности при Лернѣ; она окружаетъ пригорокъ, на которомъ стоитъ замокъ, со всѣхъ сторонъ. Горныя массы къ сѣверу менѣе величественны, но тѣмъ болѣе поражаютъ на югозападной сторонѣ. Эта ли масса Партеній? Выраженіе Страбона о Ларисѣ, что она *μετρίως ευερκης* (хорошо ограждена), справедливо съ юговосточной стороны, гдѣ пригорокъ, на которомъ она построена, мало-по-малу теряется въ долинѣ; съ другихъ сторонъ онъ оканчивается крутыми скалами. Я пошелъ по этому скату въ часовенку надъ театромъ. Означенную Джелломъ надпись я не могу найдти. Подъ нею, на восточномъ склонѣ, стоитъ театръ (по этому должно

предполагать, что храмъ Афродиты стоялъ на мѣстѣ часовенки Павзанія). Отъ него остались идущія вдоль ската горы, вырубленныя въ массивномъ извѣстковомъ камнѣ ступени: ихъ всего 71 и онѣ раздѣлены двумя оградами на три части; чѣмъ онѣ подымаются выше, тѣмъ короче полукруги и тѣмъ болѣе должно было быть пристроекъ; но отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Діаметръ этихъ полукруговъ очень значителенъ; работа правильная и превосходная. Надъ высшими рядами сѣдалищъ идетъ родъ низенькихъ навѣсовъ съ небольшими корнизами, высѣченными также въ скалѣ: этимъ означается опредѣленно высота театра; въ древнія времена оркестръ, на другой сторонѣ, былъ вѣроятно только немногимъ ниже нынѣшняго. Сходя по ступенямъ театра внизъ, видишь вправо, шагахъ въ пятидесяти отъ него, въ равнинѣ, строеніе изъ кирпича, вѣроятно Римское. Главныя стѣны его сохранились довольно хорошо; все строеніе образуетъ продолговатый четвероугольникъ, обращенный фасомъ къ горѣ. При поспѣшности, съ какою я разсматривалъ это строеніе, я не могъ узнать, для какой цѣли оно служило; но кажется, что оно какимъ-нибудь образомъ находилось въ связи съ театромъ. На томъ же восточномъ склонѣ замка, далѣе къ

сѣверу и въ направленіи къ городу, находится часть циклопской стѣны. Это не часть городской стѣны, какъ предполагаетъ Джеллъ, а фундаментъ храма, стоявшаго на боку горы. Еще очень замѣтна террасса, закрытая этимъ простѣнкомъ, и имѣются также очень любопытные остатки отъ храма. Нижняя часть его была высѣчена въ скалѣ. Основу составляетъ простой квадратъ, передняя часть открыта. Въ задней стѣнѣ примѣтны пристройки изъ кирпича и нищь, относящаяся къ позднѣйшимъ временамъ. Упомянутые прежде остатки кажутся мнѣ весьма древними. На фундаментѣ видны два неглубоко врѣзанные рельефа, съ слѣдами надписей, почти совершенно стертыхъ, но отнюдь не относящихся къ отдаленнымъ временамъ.

Поѣздка въ Навплію.—Туда ведетъ шоссе, чрезъ равнину, которая, удаляясь отъ Аргоса, является менѣе хорошо обработанною. Тиринскій пригорокъ находится на довольно невидномъ мѣстѣ, и мало возвышается надъ равниною. Ближайшія окрестности Навплія необработаны и некрасивы. Крѣпость смѣло возвышается на огромной скалѣ, надъ городомъ, который не представляетъ ничего замѣчательнаго. Съ возвышенія, на которомъ стоитъ крѣпость, представляется прелестный

видъ города и моря. Городъ опирается на сѣверовостоцную сторону вдающагося въ море небольшаго скалистаго полуострова, въ то же время образующаго пристань и имѣющаго на своей вершинѣ укрѣпленія. Другое неприступное укрѣпленіе изъ скалъ находится на склонѣ горы, тянущихся на сѣверовостокъ этого полуострова.

На обратномъ пути посѣтили мы Тиринѳъ, весьма любопытный по своимъ стѣнамъ, хорошо сохранившимся. Объемъ его удивительно малъ; въ немъ едва ли могъ заключаться цѣлый *городъ*, и гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь находилась только настоящая крѣпость (цитадель). Въ планѣ Лика массы и соотношенія показаны не совсѣмъ вѣрно; кромѣ того вовсе не означены небольшіе ворота съ острымъ сводомъ, находящіеся въ сторонѣ большой дороги. На чемъ также онъ основываетъ предположеніе галлереи, и что именно онъ подразумѣваетъ подъ этимъ, я не могу никакъ угадать. Очень сомнѣваюсь, чтобы, по мнѣнію Джелля, подлѣ лѣстницы находилась башня; но тамъ находится отдѣльный съ трехъ сторонъ отрѣзъ огромной стѣны. Эта лѣстница очень странна: чрезъ нее и относительно ве-

ликое число воротъ твердость крѣпости должна была очень уменьшиться.»

Остатки Аргоса чрезвычайно любопытны, когда вспомнишь, до какой глубокой древности они восходятъ; надобно также вспомнить при этомъ, что просвѣщеніе и миѳологія Египта и Малой Азіи вѣроятно распространились по Греціи чрезъ этотъ городъ.

Нашедъ старую коляску, я нанялъ ее, чтобъ ѣхать до Навпліи или Наполи ди Романія, до которой отъ Аргоса два часа ѣзды, по шоссе, которое напоминаетъ путешественнику, что здѣсь была учреждена столица Греціи президентомъ ея, Каподистрія. Я едва примѣтилъ развалины древняго города Тиринѳа, на лѣвой сторонѣ дороги, на возвышеніи. Меня въ то время, признаюсь, болѣе занималъ видъ отдаленныхъ военныхъ кораблей, которые салютовали крѣпости города, еще за годъ предъ симъ бывшаго столицею новаго королевства. Какой націи эти корабли? по какому случаю явились они у этихъ береговъ, еще столь бѣдныхъ и столь мало населенныхъ, что ихъ едва ли можно причислить къ семейству Европейскихъ государствъ? Приближаясь къ какому нибудь городу, послѣ продолжительнаго отсутствія, мы всегда чувствуемъ

какое-то безпокойство: не произошло ли какихъ нибудь важныхъ перемѣнъ въ томъ обществѣ, отъ котораго мы были такъ долго отчуждены? Чувство это должно быть несравненно сильнѣе, когда, возвращаясь изъ странъ, столь мало населенныхъ и столь дикихъ, видишь вдругъ на рейдѣ флотъ военный и флагъ иностранный. Даже безъ этого явленія будущая участь Греціи сама по себѣ довольно любопытна; но этотъ флотъ, на которомъ я скоро замѣтилъ трехцвѣтный флагъ Франціи, доказываетъ, сколько участія вся Европа принимаетъ въ разрѣшеніи этой загадки. Продолжая путь свой къ городу и нетерпѣливо желая узнать въ немъ что-нибудь достовѣрное, я встрѣтилъ предметъ совершенно въ иномъ родѣ, который также меня смутилъ. Это была телѣга съ одною лошадью подъ дугой. Я узналъ Русскую упряжъ — слабый памятникъ времени, проведеннаго моими соотечественниками въ этой странѣ и участія, принятаго ими въ ея освобожденіи. — Проѣхавъ еще около полверсты, достигнули мы большаго каменнаго дома, о которомъ я не могу умолчать. Домъ этотъ былъ выстроенъ на счетъ націи, и назначенъ въ жилище президенту Каподистрію. Но президентъ, вѣрно постыдившись жить въ

единственномъ порядочномъ домѣ Греческомъ, между-тѣмъ какъ всѣ его соотечественники оставались въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ, учредилъ въ немъ практическій хуторъ, изъ котораго выѣхала попавшаяся намъ телѣга. Этотъ хуторъ кажется очень запущенъ, но сѣмя брошено въ землю и когда-нибудь принесетъ добрый плодъ.

Когда я доѣхалъ до городской стѣны, кучеръ слѣзъ съ козелъ и выпустилъ меня изъ коляски, потому-что въѣздъ во внутренность города запрещенъ. Бродя по улицамъ, я искалъ Русскаго консула и гостинницы, и не замѣтилъ въ городѣ ничего особенно характеристическаго. Улицы правильны, дома довольно порядочны; кое-гдѣ есть площади; но Грековъ, по-крайней-мѣрѣ въ Греческомъ платьѣ, почти не видать. — Солдаты въ свѣтло-голубомъ мундирѣ и нѣсколко Франковъ шатаются по неоживленному городу, который онѣмечился и онѣмѣлъ. Имена улицъ написаны на угольныхъ домахъ на Греческомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. — Читая такая-то и такая-то Strasse, и не слыша между-тѣмъ почти человѣческаго голоса, можно легко обмануться и вообразить, что находишься въ Штетинѣ, а не въ Наполи ди Романіа. Жители, кажется, также удивляются прибытію Французскаго флота, но не показы-

ваютъ большаго любопытства и не выбѣгаютъ на морской берегъ, чтобъ наслаждаться лицезрѣніемъ гостей своихъ. Въ этомъ случаѣ они, кажется, показываютъ болѣе гордости, чѣмъ Италіанцы. Я спросилъ одного Грека не знаетъ ли онъ, съ какою цѣлью явилась эта эскадра? Не знаемъ, отвѣчалъ онъ, но во всякомъ случаѣ кораблямъ не взлѣзть на горы! Этимъ хотѣлъ онъ намекнуть на горы, возвышающіяся на противоположной сторонѣ залива, за которыми Майноты находятся въ безпрестанномъ возмущеніи. Здѣсь примѣтно общее неудовольствіе на перенесеніе столицы изъ сего города въ Аѳины. Мнѣ показалось, что народъ здѣшній былъ менѣе занятъ прибытіемъ Французской эскадры, чѣмъ выпускомъ на волю стараго и знаменитаго палікара Колокотрони, который находился цѣлый годъ въ тюрьмѣ, и сегодня только получилъ свободу. Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось его видѣть. Пока намъ готовили обѣдъ въ весьма порядочной гостинницѣ, содержатель которой жилъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, я съѣздилъ на Французскій адмиральскій корабль Suffren. Много офицеровъ расхаживало по палубѣ; они хохотали и, какъ говорится, переливали изъ пустаго въ порожнее. Какая противоположность съ краснорѣчивымъ

безмолвіемъ Востока! На этомъ кораблѣ было около 90 пушекъ. Онъ отличался необыкновенною чистотою во всѣхъ частяхъ; но такъ какъ капитанъ ожидалъ гостей, то это и не удивительно. О чистотѣ и порядкѣ можно судить только, когда корабль въ ходу. Я не моякъ, и не могу дать мнѣнія объ этомъ кораблѣ; но мнѣ показалось, что украшенія на немъ слишкомъ массивны и неуклюжи, и что нѣтъ въ немъ той простоты и тонкаго вкуса, которые видны на Англійскихъ судахъ, столь удобныхъ къ ежедоевному употребленію. Подъ кормою входъ въ каюту адмирала Massieu de Clerval, а надъ нею надпись бронзовыми буквами: Patrie et honneur.

Возвратившись съ корабля въ городъ, мы остались въ немъ только пообѣдать и отправились обратно въ Аргосъ, для продолженія нашихъ наблюденій надъ древнею Греціей. Что же касается до новой, то я видѣлъ въ Наполи ди Романіа: крѣпость, стоящую на высокой скалѣ и до-сихъ-поръ называющуюся Паламидой, городъ пустой и полунѣмецкій, флотъ Французскій, трактирщика изъ Одессы, и вся эта пестрая картина была освѣщена, по-крайней-мѣрѣ въ моихъ глазахъ, самымъ сумрачнымъ небомъ. Можетъ быть статистическое описаніе города и то, сколько убыло жите-

лей и денегъ послѣ переѣзда короля въ Аѳины, было бы интереснѣе, чѣмъ простыя впечатлѣнія; но я могу только писать о томъ, что видѣлъ, а подробности можно угадать по общему изображенію. На обратномъ пути мы остановились, что бъ осмотрѣть циклопскія развалины Тиринѳа (по нынѣшнему *Палаіо Анапли*). Развалины сіи представляютъ древнѣйшій образецъ того первобытнаго и огромнаго рода зодчества, которое время, кажется, уважило, потому-что тутъ искусство человѣческое почти не измѣняетъ формы натуральной. Одна скала навалена на другую, и обтесанный камень всунутъ только въ промежуткахъ. Впрочемъ циклопская архитектура бываетъ разныхъ временъ и родовъ. Послѣдній есть тотъ, гдѣ каменныя массы нетолько обтесаны, но еще регулярной квадратной формы. Въ развалинахъ Тиринѳа всѣ эти разницы примѣтны и показываютъ, что это произведеніе не одного, а нѣсколькихъ вѣковъ. Гомеръ говоритъ о стѣнахъ этихъ, и я не знаю, какая причина могла бы помѣшать имъ устоять еще столько же, сколько онѣ стояли до нашихъ дней. Болѣе утонченныя формы классическихъ временъ пали жертвою варварскихъ вѣковъ, послуживъ для новыхъ построекъ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Ликъ, циклопскія

массы были слишкомъ неуклюжи, и не стоило труда перемѣщать ихъ; теперь онѣ какъ бы усыновлены природой, и то, что было когда-то зданіемъ, теперь сдѣлалось холмомъ. Судя по малому объему развалинъ, здѣсь не могъ быть городъ, а развѣ только крѣпость. Описаніе Лика очень занимательно, но признаюсь, я не замѣтилъ того, что онъ называетъ галлереями. Напротивъ, двери и наклонная площадь, ведущія къ одному изъ выходовъ, до-сихъ-поръ очень явны. Мы пріѣхали на ночь въ Аргосъ и остановились въ томъ же самомъ трактирѣ, гдѣ жили накапунѣ.

Четверкъ $^{11}/_{23}$. Сегодня рано поутру мы опять были на копяхъ, и караванъ нашъ, начинавшійся пѣшимъ провожатымъ, и оканчивавшійся лошадьми съ нашею поклажей, вытягивался длинною линіей въ направленіи къ Коринѳу. Мы скоро доѣхали до дикихъ и каменистыхъ горъ, которыя, соединяясь съ права и съ лѣва, ограничиваютъ къ сѣверу долину Аргоса. Часа черезъ два мы пріѣхали въ бѣдную даже для Греціи деревню Краватія, возлѣ которой гора скрываетъ совсѣмъ отъ дороги развалины Микенъ, бывшей столицы Агамемнона. Мы остановились, чтобъ осмотрѣть эти остатки, которые Ликъ очень основательно полагаетъ самымъ замѣчательнымъ во всей Греціи памятникомъ героическихъ временъ. Городъ былъ построенъ на возвышеніи, въ долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, такъ что его положеніе было, такъ сказать, отдѣлено отъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ.

Огромные остатки циклопскихъ стѣнъ, кое-гдѣ поправленные Греческой работой, тянутся вдоль этой уединенной долины, и я долженъ признаться, что это исполинское зодчество нигдѣ не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ здѣсь. Этими самыми стѣнами укрѣплялось царское мѣстопребываніе покорителя Трои, потому что это зодчество современно эпохѣ, описанной въ Иліадѣ. При самомъ поверхностномъ сравненіи массы камней, можно узнать самую древнѣйшую часть этихъ развалинъ. Надъ воротами, ведущими въ городъ и еще сохранившимися въ цѣлости, высѣчены въ самомъ камнѣ два огромные льва. Львы эти суть остатки самаго древнѣйшаго ваянія извѣстнаго міра, и ни варварство, ни просвѣщеніе не могли лишить ихъ первоначальнаго ихъ мѣста. Къ несчастію, та часть, на которой были вытѣсаны двѣ львиныя головы, отломана. Наружная сторона этихъ воротъ укрѣплена выступающею стѣной, цѣлью которой, говоритъ Ликъ, было атаковать правый т. е. незакрытый щитомъ бокъ непріятеля. Даже глядя на эти остатки, едва ли можно себѣ вообразить, какое было первоначальное ихъ великолѣпіе: ибо двѣ трети этихъ воротъ погружены теперь въ землю и закрыты развалинами, подъ которыми они на нѣкоторое

нутся скрытыми. Грустно это сказать, но нельзя не быть увѣренным въ томъ, ибо соръ здѣсь слишкомъ тяжелъ и не для чего взрывать его, какъ только развѣ для науки, всегда бѣдной собственными средствами.

Другой памятникъ, принадлежащій Микенамъ, не уступаетъ важностью своею львинымъ воротамъ и сохранился гораздо лучше ихъ. Это огромное подземное строеніе, находящееся во внутренности горы, отдѣляющей бывшій городъ отъ теперешней дороги. Ученые называютъ его двояко: одни говорятъ, что это была сокровищница Агамемнона, другіе — его гробница. Между самими жителями подземелье это называется гробницею, и мнѣ кажется, что мнѣніемъ ихъ не должно пренебрегать, какъ бы непросвѣщенны и грубы они ни были. Преданіе, идущее даже отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, всегда заслуживаетъ вниманіе; оно подобно рѣкѣ, почти изсохшей или обмѣлѣвшей отъ боковыхъ каналовъ, но все еще текущей и утоляющей струями своими жажду путника. Это подземелье, что бы оно впрочемъ ни было, сокровищница или гробница, состоитъ изъ двухъ комнатъ. Главная имѣетъ правильную коническую форму и освѣщается треугольнымъ окномъ, продѣланнымъ

надъ дверьми. Стиль этого зданія болѣе походитъ на Египетскій, или, какъ говоритъ Ликъ, на древній Персеполійскій, чѣмъ на Греческій. Пирамидальная форма строенія, огромныя массы камней, между которыми одинъ имѣетъ около 4 саженей въ длину, и прекрасная кладка этихъ обтесанныхъ и плотно другъ съ другомъ соединенныхъ камней, все отличаетъ Агамемнову гробницу и отъ циклопскаго и отъ классическаго стиля. Я нанялъ нѣсколько работниковъ, чтобъ очистить землю до самаго пола, и, хотя мы не нашли ни какихъ сокровищъ, но могли по крайней мѣрѣ узнать точную вышину этой комнаты. Внутренняя комната соединяется съ конической посредствомъ дверей; но она такъ темна, что мы могли видѣть ее только, благодаря огню, разведенному нашими провожатыми. Ея форма квадратная, и нельзя сказать навѣрное, высѣчена ли она была въ дикой скалѣ или обложена камнемъ какъ другія. Жители говорятъ, что въ этой самой горѣ находятся еще три такія подземелья, но я видѣлъ только одно это. Кто ихъ соорудилъ и для какой цѣли? Вопросъ этотъ вѣроятно погруженъ, какъ и львиныя ворота, на двѣ трети въ землю. На изслѣдованіе этого мѣста должно бы посвятить по крайней мѣрѣ цѣлый мѣсяцъ, оставаться же

два или три дня было бы совершенно безполезно. Итакъ, осмотрѣвъ отлично все описанное мною здѣсь вкратцѣ, я возвратился въ деревеньку Краватія, и, отобѣдавъ съ товарищами своими подъ фиговымъ деревомъ, мы отправились въ путь, какъ только жаръ нѣсколько поуменьшился.

Дорога наша пролегала между обнижавшимися съправа и сълѣва горами вдоль рѣчки, обросшей совершенно олеандрами. Послѣ двухъ часовъ пути по этому тѣсному и живописному ущелью, мы начали подыматься на небольшую гору, съ вершины которой взорамъ нашимъ открылись развалины Немейскаго храма во всей типицѣ прекраснаго вечера. Эти остатки состоятъ изъ разныхъ обломковъ, посреди которыхъ только три колонны еще устояли на мѣстахъ своихъ. Ихъ формы гораздо продолговатѣе настоящей дорической, которая видна въ храмѣ Аполлона и почти во всѣхъ Греческихъ храмахъ; вообще находятъ, что она слишкомъ бѣдна и не придаетъ колоннамъ вида важности и твердости. Я понимаю, что въ массѣ строенія онѣ не удовлетворяютъ вполнѣ взоровъ, но въ теперешнемъ положеніи, когда каждая колонна является порознь, эта тонкая продолговатая форма очень красива. Мнѣ кажется, что и этимъ послѣднимъ тремъ колоннамъ отлить не-

долго, и что онѣ скоро сравняются съ землей. На одной изъ нихъ капитель держится только краемъ, и ждетъ перваго землетрясенія или сильной бури, чтобъ упасть. Эта осиротѣвшая группа трехъ колоннъ, стоя посреди большой равнины, окруженной горами, производитъ прекрасное дѣйствіе. Сколько столѣтій отъ баснословныхъ временъ Немейскаго льва до временъ торжественныхъ Немейскихъ игръ, воспѣтыхъ Пиндаромъ и Ѳеокритомъ, и отъ нихъ до насъ, спятъ здѣсь непробуднымъ сномъ! Полагаютъ, что самый храмъ сей, посвященный Юпитеру, былъ выстроенъ въ періодъ между *Персидской и Пелопонезской* войнами, т. е. въ самое то время, когда Пиндаръ прославлялъ эту страну стихами, болѣе вѣковыми, чѣмъ мраморныя громады *. Брюлловъ сдѣлалъ легонькой рисунокъ всей долины, храма и отдаленной горы *Απεσας* (Апезасъ) на которой были приносимы жертвы Юпитеру ** и которая имѣетъ форму большаго натуральнаго олтаря.

Располагаясь провести ночь въ развалинахъ храма, мы не были аттакованы дракономъ, нѣкогда страшнымъ въ этомъ мѣстѣ, но чуть не легли спать

---

* Ликъ.

** Павзаній 2-я книга, Corinth. Глава XV.

на большую и прегадкую жабу, въ которую, кажется, переродился прежній геній этого мѣста. Эти животныя, часто ядовитыя, живутъ почти какъ драконы, и хотя одинъ изъ моихъ товарищей каменьями превратилъ жабу въ жидкость, въ ней было примѣтно еще сильное трепетаніе. Онѣ особенно любятъ развалины и змѣи также часто тамъ показываются. Теперь кстати упомянуть о большомъ числѣ черепахъ, которыя видны безпрестанно по дорогамъ въ Мореѣ, ибо храмъ Немейскій былъ, по описанію Павзанія, украшенъ каменнымъ изображеніемъ этого животнаго, встрѣчаемаго также довольно часто на монетахъ Коринѳскихъ. Видно, что древніе почитали черепаху характерною чертою этой страны.

Пятница $^{12}/_{24}$. — Довольно рано утромъ мы выѣхали изъ храма, въ которомъ ночевали подъ открытымъ небомъ, и, проѣхавъ мимо разсыпанныхъ около него остатковъ древнихъ зданій, пустились по лугамъ рысью на Коринѳскую дорогу. Возлѣ хана или корчмы Кортеза усмотрѣли мы, съ дороги, остатки древняго города *Κλεωνη* (Клеоне). Съ этого мѣста мы впервые увидѣли великолѣпную вершину Акрокоринѳа. Скоро мы выѣхали изъ луговъ, и путь, проведенный то по одной, то по другой сторонѣ рѣчки, ограничивался съ обѣихъ сторонъ дикими безплодными горами. которыя все болѣе и болѣе съуживались въ направленіи къ сѣверу. Мы обратились изъ этого оврага къ западу т. е. на правую руку. Горы сохраняютъ тотъ же характеръ, но на лѣвой рукѣ открывается видъ Лепантскаго залива и садъ оливковыхъ деревьевъ. Спустясь нѣсколько съ вершины, по

которой проведена дорога, мы наконецъ увидѣли гору Акрокоринѳъ во всемъ ея размѣрѣ, круто подымающуюся изъ равнины. Много развалинъ укрѣпленій видно на ней, но мнѣ кажется, что большая часть сихъ остатковъ принадлежитъ къ постройкамъ Венеціанской и Турецкой эпохъ. У подножія горы видѣнъ, верстахъ въ пяти или семи, новый городъ Коринѳъ, который тѣмъ бѣднѣе кажется, чѣмъ ближе къ нему подъѣзжаешь. Семь тяжелыхъ дорическихъ колоннъ, самихъ толстыхъ во всей Греціи, — вотъ единственный остатокъ храма, исчезнувшаго съ земли и будто во гробъ упавшаго. Г. Ефимовъ находитъ, что онѣ своимъ характеромъ походятъ на Пестумскія, и гораздо тяжелѣе тѣхъ, которыя мы видѣли въ храмѣ Аполлона. Онѣ столькоже толсты, противъ этого послѣдняго образца, сколько видѣнныя нами вчера въ Немеѣ тонки и высоки. Даже глазамъ, привыкнувшимъ къ бѣдности Греческихъ городовъ, тяжело видѣть теперешнюю бѣдность Коринѳа, который, въ числѣ первыхъ Греческихъ республикъ, славился просвѣщеніемъ и науками, и болѣе всѣхъ другихъ городовъ противился владычеству Римлянъ. Пока мои товарищи отдыхали отъ тяжелаго путешествія по дикой странѣ и подъ палящимъ солнцемъ, я посѣтилъ умнаго и весьма пріятнаго

гражданина, которому былъ рекомендованъ нашимъ консуломъ въ Наполи ди Романія. Онъ мнѣ сообщилъ разныя, весьма любопытныя свѣдѣнія о теперешнемъ статистическомъ положеніи Греціи, велѣлъ нанять для меня лодку, въ которой я сегодня же вечеромъ отправлюсь въ Scala di Salona, чтобъ оттуда посѣтить Дельфы, Ѳивы и проч. и въ добавокъ прислалъ мнѣ два графина порядочнаго вина, которые мы скоро осушили. *

---

* Окончивъ въ этомъ пунктѣ поѣздку мою по Мореѣ, я теперь помѣщу здѣсь сдѣланный впослѣдствіи краткій обзоръ пройденной мною страны. Если мои наблюденія поверхностны, то они по-крайней-мѣрѣ имѣютъ то достоинство, что собраны на мѣстѣ и переданы мною согласно тому впечатлѣнію, какое они произвели во мнѣ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О МОРЕѢ

ВЪ ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И СТАТИСТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Поѣздка моя въ Морею доставила мнѣ новый случай замѣтить на самомъ себѣ, сколь ошибочны бываютъ наши понятія о странахъ, извѣстныхъ намъ только по однѣмъ описаніямъ, и какъ измѣняются они, когда мы можемъ повѣрить ихъ собственными наблюденіями. То даже, въ чемъ я не ошибался, сохраняя прежнюю форму, представляется мнѣ уже не въ тѣхъ краскахъ, въ какихъ рисовалось оно въ моемъ воображеніи: я нахожу въ немъ всегда что̀-нибудь новое, чего нѣтъ въ описаніяхъ. Я себѣ воображалъ Морею страной гористой, голой и опаленной солнцемъ. Въ этомъ мнѣніи поддерживали меня нетолько выраженія Гомера *πολυδιψον* «многожаждущій» въ отношеніи къ Аргосу, *ημαθοις* «песчаный,» слово, употребленное для описанія Пилоса, и многія другія; но еще

свидѣтельство всѣхъ почти путешественниковъ, и самыя картины, привезенныя ими. Увидѣвъ своими глазами всѣ эти мѣста, я долженъ былъ сознаться, что наблюденія, сдѣланныя надъ ними, были самыя точныя и истинныя, но что я имъ придавалъ слишкомъ большой или слишкомъ малый размѣръ, и по этой причинѣ самъ себѣ составилъ картину ошибочную. Напримѣръ, почти во все время моего путешествія по Мореѣ, ѣхалъ я по горамъ и долинамъ, часто дикимъ и безлюднымъ, часто также изобилующимъ прохладными мѣстами, покрытымъ рощами и пересѣкаемымъ ручьями, которые нетолько освѣжали землю и воздухъ, но одушевляли ими всю страну. Когда мы ѣхали по долинѣ Альфея, намъ хотѣлось на каждомъ шагу останавливаться, чтобъ снять картину, прелестную по свѣжести перваго плана и нѣжнымъ краскамъ отдаленныхъ горъ. Рисунокъ, представляющій мѣсто нашего ночлега, близь Фигаліи, можетъ дать понятіе о множествѣ другихъ мѣстъ тамошняго края, неменѣе свѣжихъ и пріятныхъ. Но если обратиться отъ природы къ жизни человѣческой, видно, что этотъ прелестный край весьма неодушевленъ. Каждый день встрѣчаются каменные памятники героическихъ вѣковъ и просвѣщеннаго времени Перикла,

но слѣды нынѣшняго поколѣнія и рѣдки и бѣдны до крайности. Такъ мало видно народу, что даже не вспоминаешь о событіяхъ, не такъ давно здѣсь свершившихся. Хотя нѣсколько мелкихъ городовъ въ развалинахъ свидѣтельствуютъ о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ съ 1821 года въ войнѣ съ Турками, но малочисленность народонаселенія такова, что нельзя принимать большаго участія въ его положеніи. Притомъ видно, что подъ столь прекраснымъ небомъ достаточно и этихъ хижинъ для жительства, и что народъ нетолько не терпитъ недостатка въ землѣ, главномъ источникѣ богатства, но даже имѣетъ ее гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ обработать. Прочитавъ исторію Греческой революціи, ожидаешь видѣть землю, еще дымящуюся слѣдами опустошенія, народъ, еще пылающій желаніемъ битвы, по-крайней-мѣрѣ неусыпно и дѣятельно пекущійся о защитѣ земли, столь дорогою цѣною искупленной отъ ига; но всякій, бывшій въ Мореѣ, объѣхавъ ее отъ одного конца до другаго, сознается, что онъ нигдѣ не примѣчалъ этого восторга. Я даже скажу болѣе: Греки, повидимому, очень лѣниво принимаются за обработку земли, стоившей имъ столько крови. Въ приморскихъ городахъ, по множеству мелкихъ судовъ, видна наклонность Грековъ

къ мореплаванію; но, и при Туркахъ, они едвали были менѣе предпріимчивы, а между тѣмъ непримѣтно, чтобъ они заботились объ искусственномъ укрѣпленіи мѣстъ, столь важныхъ для безопасности отечества. Во внутренности полуострова не видать ни малѣйшей торговли, и только изрѣдка встрѣчаешь слѣды земледѣлія. Вокругъ деревень поля подъ хлѣбомъ или виноградомъ простираются не болѣе какъ версты на полторы; на возвышенностяхъ же много плодородной земли, совершенно запущенной, или занятой единственно стадами козъ и овецъ. При видѣ этой мертвой тишины, невольно заключаешь, что при Туркахъ здѣсь было болѣе жизни. Но неужели сами жители и помѣщики не знаютъ цѣны своего богатства, и развѣ прежніе ея обладатели оставили его добровольно, и земля досталась нынѣшнимъ жителямъ такъже легко, какъ родовое наслѣдство изнѣженному вельможѣ? Исторія утверждаетъ противное; но есть нѣкоторыя обстоятельства, какъ въ физическомъ положеніи полуострова, такъ и въ образѣ, какимъ онъ перешелъ во владѣніе настоящихъ жителей, которыя могутъ объяснить эту мнимую несообразность.

Я начну легкимъ обозрѣніемъ мѣстности. Всѣмъ извѣстно, что полуостровъ, названный въ древно-

сти Пелопонезомъ, принялъ въ среднихъ вѣкахъ отъ Венеціанъ имя Мореи, по сходству наружнаго его очерка съ формою листа тутоваго дерева (morus). Со всѣхъ сторонъ море вдается въ твердую землю посредствомъ семи глубокихъ заливовъ, считая и тѣ два, которые отдѣляютъ Морею отъ материка Грецін. Такимъ-образомъ нѣтъ ни одного пункта во всемъ полуостровѣ, съ котораго бы нельзя было пѣшеходцу дойдти дня черезъ два или три до морскаго берега. Разумѣется, что въ странѣ гористой, обратный путь долженъ быть тягостнѣе, ибо надо подыматься съ морской плоскости въ гору.

Главная возвышенность, образующая своимъ характеромъ и формой всѣ части полуострова, и къ которой менѣе возвышенныя горы принадлежатъ, будто отдѣленные ея члены или разбросанные обломки, есть цѣпь горъ, простирающаяся отъ Калавриты къ сѣверу до горъ Пентидактилона (древняго Тайгета) къ югу. Во время пути нашего изъ Мираки въ Фигалію мы видѣли, когда обращались назадъ, снѣжныя вершины сѣверной или Калавритской части хребта, возвышающейся надъ лѣсистыми и болѣе низкими Альфейскими горами, а вершины Тайгета, также покрытыя снѣгомъ, остались у насъ по правую руку, когда мы

спускались изъ деревни Карієсъ въ долину Синано. Между этими двумя концами, самыми возвышенными во всей цѣпи, видъ горъ не прекращается. Онѣ только спускаются немного къ той части, гдѣ Альфей *нашелъ* свое природное русло, и потомъ начинаютъ подниматься, какъ волны, другъ надъ другомъ.

Такимъ-образомъ, пересѣкая своими главными или побочными вѣтвями весь полуостровъ, цѣпь этихъ горъ, каменистыхъ и крутыхъ, затрудняетъ земледѣліе, и, раздѣляя всю страну на множество независимыхъ другъ отъ друга долинъ, препятствуетъ свободному сообщенію народа. Самая возвышенная ея часть, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая дикая и неплодородная, находится въ эпархіи Калавриты т. е. близъ самаго центра всей Мореи.

Народы, слѣдуя влеченію выгодъ, такъже неизмѣнно, какъ рѣки слѣдуютъ стремленію, данному покатостью земли къ океану, расположились ближе къ берегамъ морскимъ по разнымъ сторонамъ этой главной массы; а въ самой ея срединѣ поселился народъ пастушескій, бѣдный и менѣе образованный прочихъ, и именно по этой причинѣ, равно какъ и по свойству природы, болѣе склонный защищать свои горы отъ сосѣдей, чѣмъ от-

крывать свободный пропускъ торговлѣ, въ которой не имѣетъ никакой надобности.

Перейдемъ отъ внутренности полуострова къ странамъ, его окружающимъ, и мы увидимъ, что обстоятельства, совершенно противоположныя безплодію внутренности, манятъ жителей къ берегамъ. Кромѣ того, что они имѣютъ болѣе средствъ къ пропитанію своему на земляхъ низменныхъ, чѣмъ на горахъ, они находятся, сверхъ того, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ разными странами внѣ полуострова и изобилующими всѣми произведеніями. Сѣверный берегъ Мореи отдѣляется узкимъ проливомъ отъ хлѣбородной равнины Віотійской. Въ виду западнаго берега возвышается прекрасный Занте, самый плодородный и богатый изъ всѣхъ Іоническихъ острововъ. Южный берегъ находится также въ незначительномъ разстояніи отъ разныхъ мелкихъ острововъ, а восточный отъ береговъ Аѳинскихъ и отъ Цикладскихъ острововъ. Каждый изъ этихъ пунктовъ Мореи геометрическимъ размѣромъ ближе къ своему заморскому сосѣду, чѣмъ къ центру полуострова, но еще несравненно ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднему, если принять въ соображеніе трудность переходить горы съ легкостію плаванія по спокойному морю, при

благопріятныхъ вѣтрахъ и частыхъ убѣжищахъ отъ непогоды. Нетолько средства сообщенія съ чужими краями весьма легки, но есть даже гораздо болѣе причинъ, привлекающихъ къ дальнему мореплаванію, чѣмъ къ путешествію во внутренность полуострова. Морея, находясь между самыми плодородными землями въ мірѣ, — Италіей и Малой Азіей, можетъ, посредствомъ свободнаго сообщенія съ ними, гораздо легче и дешевле пріобрѣтать ихъ произведенія, чѣмъ воздѣлывать свою собственную почву. Такимъ-образомъ кажется, будто каждая часть полуострова, выходящая въ море, оттянута отъ общаго центра въ противную сторону. Мы дѣйствительно знаемъ, что Пелопонезъ получилъ свое просвѣщеніе отъ Малой Азіи и Египта, а простиралъ, во время своего могущества, вліяніе свое до Сициліи и Италіи, хотя былъ самъ раздѣленъ на нѣсколько независимыхъ республикъ, и слѣдовательно должно заключить, что какими бы выгодами онъ ни былъ одаренъ, природа не создала его такъ, чтобъ онъ могъ составлять одно нераздѣльное и хорошо организованное государство. Впрочемъ я не вхожу здѣсь въ разборъ военныхъ способовъ полуострова, относительно защиты противъ внутренняго или внѣшняго нападенія, но говорю просто о натуральныхъ причинахъ, ко-

торыя побуждаютъ жителей обитать на берегахъ моря отдѣльно другъ отъ друга, и обращать мало вниманія на обработаніе земли и на внутреннія сношенія.

Мнѣ кажется, что этотъ взглядъ на мѣстныя обстоятельства можетъ объяснить причину, почему характеръ, данный будто судьбою жителямъ каждой земли, остался, въ одномъ отношеніи, неизмѣннымъ у Грековъ до нашего времени. Я говорю объ ихъ отвращеніи къ сельскимъ работамъ, которое заслуживаетъ особенное вниманіе. Правда, первые Греки, при полученіи образованія изъ Египта, не показывали еще этого отвращенія, видя мистическую аналогію между земледѣліемъ и торжественными обрядами поминовенія мертвыхъ, бывшими, такъ сказать, основаніемъ всей ихъ религіи. Они умоляли тѣ же самыя божества— Плутона и Цереру—о сѣмени, сокрытомъ въ землѣ и о прахѣ, положенномъ въ гробъ; но это первоначальное уваженіе къ земледѣлію недолго продолжалось, хотя обрядъ, вмѣстѣ съ нимъ принесенный, сохранился въ Греціи во всей своей силѣ до временъ христіанскихъ. Въ эпоху Ликурга, земледѣльческіе труды считались подлымъ занятіемъ, достойнымъ однихъ рабовъ. Прошли вѣка, совершились многіе политическіе перевороты, но

главная черта характера сохранилась. Теперешній Грекъ, имѣющій средства завести барку, гнушается пашнею, какъ каторгою, и предоставляетъ ее самому бѣдному изъ своихъ соотечественниковъ. Пастушеская жизнь была тогда, какъ и теперь, почетнѣе, оттого что въ ней менѣе труда, и она теперь занимаетъ жителей нагорной стороны, точно такъже, какъ въ то время, когда эта страна называлась Аркадіей. Прочіе жители, поселившіеся въ Патрасѣ, Модонѣ, Наполи ди Романіа, Поросѣ и Коринѳѣ, ведутъ морскую торговлю, которая гораздо свойственнѣе теплому климату, народу лѣнивому и вовсе незаботящемуся о внутреннихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Мы сами убѣдились въ этомъ, видя дурное состояніе тропинокъ, весьма неудобныхъ для верховой ѣзды и совершенно непроходимыхъ для повозокъ.

Въ военномъ, точно такъ, какъ въ хозяйственномъ отношеніяхъ, Морея гораздо болѣе зависитъ отъ береговъ, чѣмъ отъ внутренности страны. Если раздѣлить ее на столько частей, сколько выходитъ въ море частныхъ полуострововъ, тогда мы увидимъ, что каждый имѣетъ натуральную защиту съ твердой земли, и приступенъ только со стороны моря. Каждая часть опирается къ центру на груду горъ, удобныхъ къ защитѣ при самыхъ

ограниченныхъ средствахъ. По этой причинѣ напасть на Морею морскими силами и овладѣть берегами очень легко; но удержаться въ ней и установить одно общее правленіе во всемъ полуостровѣ весьма трудно, и мы даже не видали тому ни одного примѣра.

Исторія войны, выдержанной Греками съ Египетскими войсками, подъ начальствомъ Ибрагима Паши, весьма любопытна по свѣдѣніямъ, которыя мы въ ней находимъ о натуральныхъ преградахъ, останавливающихъ непріятеля внутри полуострова и о раздорахъ между самыми жителями, которые никогда не могли составить между собою одного общаго плана защиты. Мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія, не всѣмъ извѣстныя объ этой войнѣ отъ одного весьма образованнаго человѣка, который, во все время похода Ибрагима, находился при главномъ его штабѣ въ должности медика. Извлекаю изъ его записокъ нѣкоторыя статьи, могущія на самомъ дѣлѣ объяснить сдѣланныя мною замѣчанія.

Ибрагимъ, прибывшій на судахъ съ острова Кандіи, занялъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1825-го года Коронъ и Модонъ, бывшія уже передъ тѣмъ во владѣніи Турокъ. По прибытіи изъ Кандіи другаго отряда, онъ началъ военныя дѣйствія осадой укрѣ-

пленія *Нео-Кастро* или новаго Наварина, который, по своей слабости и плохому состоянію, долженъ былъ сдаться послѣ непродолжительной защиты. Послѣ этого онъ обратилъ всѣ свои силы на взятіе сосѣдняго острова Сфактеріи, защищаемаго Греческими военными судами. Всѣ суда, не предвидя успѣшной защиты, предоставили островъ его горькой участи, и Ибрагимъ одержалъ вторую побѣду, неменѣе легкую и весьма важную для будущихъ своихъ предпріятій. Греки въ обоихъ случаяхъ были виноваты, что не удержали Ибрагима, по-крайней-мѣрѣ нѣсколько времени, до уступки двухъ столь важныхъ пунктовъ. *Нео-Кастро* былъ уже нѣсколько лѣтъ въ ихъ владѣніи, но они были столь оплошны, что не занялись укрѣпленіемъ его, хотя, по природѣ, мѣсто на то весьма удобно; что̀ же касается до Сфактеріи, то они прельстились надеждой побѣдить Турецкій флотъ и по привычкѣ пренебрегли вѣрнымъ добромъ на сушѣ, чтобы достигнуть случайной побѣды на морѣ. Греческому флоту удалось нѣсколько разъ, послѣ этой потери, нападать съ успѣхомъ на Египетскіе корабли. Но главный вредъ былъ допущенъ ими при вступленіи Египетскихъ войскъ въ Нео-Кастро и Сфактерію, и вся слава, которую они пріобрѣтали, не могла

быть имъ столько полезна, какъ эти два важные пункта. Ибрагимъ, опираясь на нихъ, поразилъ скоро послѣ того Грековъ, взялъ мѣстечко Аркадію и завладѣлъ мѣстечкомъ Низи близъ Калиматы. Такимъ-образомъ онъ былъ уже владѣтелемъ одной части полуострова, совершенно независимой отъ прочихъ. Однако походъ, сдѣланный имъ тогда на Майну, остался безъ успѣха и онъ съ потерею возвратился въ Низи.

Меня увѣряли очевидцы, что, въ это самое время, адмиралъ Французской эскадры, Риньи, подозрѣваемый многими въ тайномъ расположеніи къ успѣху Ибрагима, имѣлъ съ нимъ продолжительное свиданіе, и увѣщевалъ его, вмѣсто того, чтобъ продолжать войну во внутренности Мореи, занять островъ Гидру и даже показалъ ему свой планъ, лучшее средство къ занятію и выгоды этого острова относительно къ сосѣднимъ берегамъ Арголиды. Паша, опасаясь Греческаго флота, не рѣшился на это предпріятіе и предлагалъ адмиралу дойдти до этихъ краевъ сухимъ путемъ и напасть внезапно на Навплію. Риньи, предвидя всѣ затрудненія къ исполненію этого плана, бился объ закладъ, что Ибрагимъ не проложитъ себѣ дорогу до Триполицы и черезъ нее до Аргосскаго залива. Онъ разсуждалъ какъ хорошій так-

тикъ, знающій, сверхъ того, мѣстоположеніе и всѣ его опасности. Но раздоры и междоусобія Грековъ помогли Ибрагиму. Колокотрони, извѣстный по своей храбрости и большому вліянію на соотечественниковъ, часто водимыхъ имъ къ побѣдѣ, взялъ на себя защищать узкій дефилей Макриплаги, ведущій изъ Каламаты въ равнину Синано. Его выгоды требовали этого дѣйствія, такъ какъ домъ и все имѣніе его находились въ Каритенѣ, т. е. въ томъ же направленіи, по которому Египтяне старались проложить себѣ дорогу. Но онъ надѣялся на помощь Майнотовъ, которые, не имѣя тѣхъ же причинъ противоборствовать Египтянамъ, измѣнили ему и онъ, державшись нѣсколько времени въ дефилеѣ, долженъ былъ отойдти съ своими войсками и пропустить непріятеля въ самую внутренность Мореи *. Ибрагимъ, безъ дальнѣйшаго

---

* Въ большомъ числѣ примѣровъ междоусобій у Грековъ, слѣдующій не уступаетъ никакому по своему сумазбродству и пагубнымъ послѣдствіямъ. Греки осаждали въ третій разъ Коронъ, занятый Египетскимъ войскомъ. Два ихъ капитана Кацани и Папа Сорелли, одушевленные желаніемъ завладѣть значительнымъ мѣстомъ, или пасть жертвами въ этомъ предпріятіи, взялись влѣзть ночью на стѣну съ 300 вооруженныхъ соотечественниковъ. Мѣсто было выбрано, лѣстницы поставлены безъ всякаго шума; наконецъ два капитана съ 20 изъ прежнихъ жителей Корона благополучно влѣзли, не будучи

*

сопротивленія, дошелъ до Триполицы, которую нашелъ пустою и разграбленною и, продолжая путь свой, показался на высотахъ близь *Мили*. Довольно замѣчательно, что Французскій фрегатъ La Syrène, который стоялъ на якорѣ противъ Низи, когда Ибрагимъ оттуда выходилъ, представился Египтянамъ возлѣ самой Мили. Онъ пришелъ, какъ видно, только длятого, чтобъ видѣть успѣхъ плана, прежде обдуманнаго и извѣстнаго Французамъ. Сраженіе съ жителями этого мѣста было незначительно; но Ибрагимъ, вѣроятно изнуренный маршами, долженъ былъ воз-

---

никѣмъ примѣчены. Въ эту, столь драгоцѣнную минуту, все войско, обѣщавшее послѣдовать за ними въ городъ, вдругъ спохватилось разбирать, къ чему это дѣлаютъ. Нѣкоторые требовали платы, имъ должной; другіе, чтобъ Коронъ, по взятіи, принадлежалъ имъ, словомъ, ни одинъ не двигался съ мѣста. Между-тѣмъ изъ 22 Коронцевъ, взошедшихъ на стѣну, 18, устремясь въ городъ, убили множество Турковъ, еще захваченныхъ во время сна и не ожидавшихъ никакого нападенія. Они потомъ завладѣли домомъ и, ожидая товарищей, держались въ немъ до-тѣхъ-поръ, пока не погибли всѣ въ пламени. Остальные 4 Коронца, стоявшіе на стѣнѣ, чтобъ защищать лѣстницу, умоляли, грозили, проклинали спорящихъ внизу начальниковъ и все по пустому. Испуганные Турки прибѣжали между тѣмъ и съ ужасомъ увидѣли, какъ близки они были къ своей погибели. Это происшествіе сообщено мнѣ докторомъ Миленгеномъ, находившимся при Ибрагимѣ пашѣ.

вратиться въ Триполицу и оставить намѣреніе напасть внезапно на Наполи *.

Вмѣсто того онъ обратился вторично всѣми силами на Колокотрони, и, послѣ упорной защиты, взялъ Каритену и Калавриту, два ключа Аркадскихъ горъ. Онъ теперь могъ открыть сообщеніе съ Патрасомъ и всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Мореи, а чрезъ это и съ материкомъ Греціи, въ которомъ свирѣпствовала война неменѣе кровопролитная. На югѣ занималъ онъ своими войсками всю Мессенію и пользовался ея портами, чтобъ получать новыя войска изъ Кандіи. Такимъ-образомъ, хотя онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ отряды непріятелей, онъ успѣлъ однакоже занять самые значи-

---

* Двуличная роль Французскаго адмирала, подающаго военный совѣтъ Египтянамъ, и человѣколюбивыя пособія медицины раненнымъ Грекамъ, весьма немногимъ извѣстны. Его услужливость къ первымъ повредила ему даже въ ихъ собственномъ мнѣніи. Онъ употребилъ военное судно la Lamproi, чтобъ перевезти шесть гаремныхъ женщинъ Ибрагима съ ихъ смотрительницами изъ Смирны въ Модонъ. Главная каюта была опорожнена для нихъ, шампанское и все, что находилось лучшаго на кораблѣ, было имъ доставлено, словомъ, ихъ привезли къ Ибрагиму со всей возможной Французской учтивостью и Египетскій Кіайя-бей, говоря о Французскихъ офицерахъ въ Египетскомъ лагерѣ, замѣчалъ, какъ хорошо образованы у Французовъ люди, имѣющіе столь подлую должность!

тельные пункты, и держался противъ Грековъ, безпрестанно нападающихъ на его войска, посредствомъ вспомогательныхъ отрядовъ, приходившихъ къ нему изъ-за моря.

Второй его походъ въ Майну былъ такъже неудаченъ, какъ и первый, по причинѣ дикости страны и упорной защиты жителей, которые никогда не были совершенно покорены ни однимъ изъ народовъ, владѣвшихъ Мореей. Коринѳъ также ему не сдался, но вся страна по сѣверную сторону прямой линіи отъ Коринфа до Каламаты, т. е. около двухъ третей всего полуострова, была занята его войсками, не смотря на ежедневныя нападенія Грековъ. Остальная треть, состоящая изъ Майны и перешейка, пребыла совершенно независимою. Таково было, во время сраженія при Наваринѣ, взаимное положеніе двухъ войскъ, которому нельзя было предвидѣть развязки.

Всѣмъ извѣстно, какъ, послѣ того, Французскія войска и переговоры иностранныхъ державъ довершили освобожденіе Мореи. Страна, опустошенная войною, была отдана во владѣніе жителямъ, которые были столь малочисленны и въ такихъ раздорахъ, что могли только вредить поодиначкѣ непріятелю, и ни разу не соединились всѣми силами, чтобъ его выгнать. Всякому, кто наблю-

даетъ теперешнее положеніе жителей въ Мореѣ, примѣтно, что они до-сихъ-поръ носятъ отпечатокъ средства, которымъ получили свою свободу, т. е. иностранной защиты. Еслибъ они воспользовались однѣми своими средствами, послѣдствія были бы совершенно иныя. Они сами или одержали бы побѣду, или были бы покорены; или частью только получили бы независимость, а частью остались бы подъ властію султана. Я полагаю, что послѣднее предположеніе есть самое вѣроятное, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Усмирить гористую страну, столь благопріятную для мѣстныхъ возмущеній, и уже столько лѣтъ ихъ скрывавшую, было, какъ видно изъ предъидущихъ замѣчаній, дѣломъ невозможнымъ для Египетскихъ или для какихъ бы то ни было войскъ.

2) Нельзя также предполагать, чтобы народонаселеніе, не превышавшее 350,000 жителей, могло когда нибудь совершенно освободить землю отъ ига иновѣрцевъ.

3) Итакъ, бѣдственная война продолжалась бы безконечно, или часть только страны освободилась бы отъ ига. Въ такомъ случаѣ должно полагать, что Майна, которая заключена между дикими горами и моремъ, и населена людьми самаго

независимаго духа, удержала бы свободу съ нѣкоторыми возвышенными частями Аркадіи, и что остальныя части Мореи покорились бы власти Турецкаго аги, и жили бы, какъ живутъ теперь Греки въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Можно, однако, допустить возможность освобожденія Мореи одними Греками, въ такомъ только случаѣ, когда бы къ существующему народонаселенію присоединилось изъ всей остальной Греціи воинство, предпочитающее Морею всѣмъ другимъ странамъ своего отечества. Но тогда народъ, болѣе многочисленный, завладѣлъ бы послѣ побѣды всѣми мѣстами, въ которыхъ Турки прежде держались, и вмѣсто теперешней пустоты, не осталось бы ни одного незанятаго уголка. Но союзъ державъ, одушевленныхъ человѣколюбивымъ желаніемъ прекратить кровопролитіе, не допустилъ Грецію до этого опыта, и потому Морея, въ настоящемъ своемъ видѣ, походитъ болѣе на опорожненную жильцомъ квартиру, чѣмъ на землю, освобожденную кровью своихъ сыновъ.

Нѣсколько весьма занимательныхъ вопросовъ представляются касательно будущей участи этой страны, которая съ давнихъ временъ принадлежитъ исторіи.

При народонаселеніи, значительно уменьшив-

шемся вслѣдствіе выхода Турокъ изъ Мореи, кругъ земледѣльческихъ работъ естественнымъ образомъ также стѣснился. Будутъ ли употреблены эти пустопорожнія земли, и кто ими воспользуется: поселенцы ли чужихъ странъ, или туземцы, когда число ихъ увеличится?

Между-тѣмъ торговля не потерпѣла вреда, а напротивъ того увеличивается ежегодно. Въ теченіи сего 1835 года Англичане продали въ Патрасѣ товару на сумму втрое болѣе, и вывезли Греческихъ товаровъ на милліонъ рублей болѣе прошлогодняго. Это приращеніе торговли съ одной Англіей даетъ понятіе о состояніи всей вообще торговли Мореи, такъ какъ сношенія ея съ Англіею и Іоническими островами превышаютъ всѣ прочія съ разными державами Европы, не исключая и Россіи. Должно полагать, что возрастающая важность портовъ, отправляющихъ эту торговлю, Патраса, Навпліи, и проч. будетъ имѣть благотворное вліяніе на сосѣднія земли, и разширитъ постоянно кругъ земледѣльческой дѣятельности дотого, что всѣ жители сойдутся около центра полуострова; но здѣсь представляется вопросъ, весьма важный, будетъ ли благоденствіе это, перенесенное съ береговъ во внутренность страны, узломъ, который соединитъ между собою

всѣхъ жителей, или, напротивъ, поводомъ къ соперничеству и враждѣ? Почувствуютъ ли нужду въ дорогахъ, чтобъ облегчить сношенія по горамъ и оврагамъ, находящимся на діаметрѣ Мореи, гдѣ бы его ни провести, или, напротивъ, не возродится ли въ жителяхъ, по мѣрѣ того, какъ недостатокъ въ землѣ будетъ становиться ощутительнѣе, воинственный духъ, чтобъ укрѣпить возможно большее количество ея за своимъ портомъ? Какое бы изъ этихъ двухъ дѣйствій ни послѣдовало, оно еще далеко впереди, ибо жители Мореи теперь не чувствуютъ нужды ни въ сношеніяхъ, ни въ землѣ.

Довольно вѣроятно, что какая-нибудь иностранная коммерческая компанія сдѣлаетъ то самое для приведенія въ дѣйствіе сокрытыхъ сокровищъ Греціи, что союзъ трехъ державъ сдѣлалъ для ея освобожденія. Земля, искупленная Греческою кровью, при помощи иностранной дипломаціи, покроется виноградомъ и хлѣбомъ, когда капиталы, не находящіе сбыта въ западной Европѣ, приведутъ въ движеніе пылкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ непостоянныхъ и лѣнивыхъ туземцевъ.

Одесса?

(Пятница) $^{13}/_{25}$ *Іюня.* — Вчера, около шести часовъ вечера, оставили мы бѣдную Коринѳскую гостинницу и сѣли на муловъ, на которыхъ туда пріѣхали, чтобъ не идти пѣшкомъ до моря, гдѣ насъ ожидала лодка. Признаюсь, что послѣднее впечатлѣніе, подѣйствовавшее на меня при оставленіи Мореи, было самое печальное. Крутой Акрокоринѳъ, безъ сомнѣнія, живописный и великолѣпный предметъ, наполняющій душу воспоминаніями; но какъ печальны становятся эти воспоминанія, когда, проѣзжая по бѣднымъ улицамъ теперешняго города, видишь, до какой степени онъ упалъ послѣ многократныхъ раззореній. Неужели это *око* Греціи? Гдѣ теперь слѣды пышной и развратной роскоши, которая вошла въ пословицу у Грековъ? Гдѣ тотъ храмъ Венеры, который привлекалъ страстныхъ юношей со всѣхъ концевъ Греціи? Въ посланіяхъ св. Апостола Павла часто упоминается

о богатствѣ, просвѣщеніи и развратѣ Коринѳянъ. Но блескъ и радость невѣчны; они исчезаютъ и мѣсто ихъ часто заступаютъ печаль и горе. Мы скоро доѣхали до порта, совершенно беззащитнаго, гдѣ насъ ожидала лодка. Нѣкоторые остатки древняго Лехейскаго порта примѣтны въ углубленіяхъ на болотистой почвѣ, которая соединяется съ моремъ. Мы простились съ нашими провожатыми, которые пожали намъ руку, и какъ скоро дѣятельный Дмитрій перенесъ всю нашу поклажу на лодку, мы расположились на ней кто сидя, кто лежа.

Свѣжій южный вѣтеръ быстро несъ насъ по Лепантскому заливу. Мы заснули, имѣя въ виду вершину Акрокоринѳа, озареннаго послѣдними лучами солнца и проснулись противъ Scala di Salona, съ боками, заболѣвшими отъ досокъ, на которыхъ мы провели ночь. Вышедъ на берегъ, мы нашли тамъ довольно движенія и я началъ немедленно собирать нужныя свѣдѣнія для продолженія нашего пути. Нѣсколько верблюдовъ, пришедшихъ со своею ношею къ этому порту, придавали ему характеръ восточный. Видно, что мы помаленьку приближаемся къ тѣмъ странамъ, гдѣ это терпѣливое животное, такъ удачно прозванное по-Арабски *кораблемъ пустыни*, слу-

житъ хотя медленнымъ, но вѣрнымъ средствомъ сообщенія между разными отдаленными странами. Только около 10 часовъ тронулись мы съ мѣста. Въ этихъ краяхъ приготовленія къ отъѣзду дѣлаются не очень поспѣшно; притомъ же здѣсь провожатые гораздо хитрѣе и алчнѣе къ деньгамъ, чѣмъ Морейскіе; они задержали насъ долго, чтобъ возвысить цѣну на муловъ. Я ихъ нанялъ до Ѳивъ съ уговоромъ доставить насъ туда въ четыре дня чрезъ Дельѳы, Херонею и Ливадію.

Первый видъ утесовъ Парнасса открылся глазамъ нашимъ скоро по отъѣздѣ изъ этого порта. Мы проѣхали красивую долину, соотвѣтствующую по своему положенію древнему *Κρισσαιον πεδιον* и покрытую полями и прекрасными оливковыми деревьями. Отсюда открывается видъ на долину, по которой рѣка Плистусъ протекаетъ между Парнассомъ и Сирфисомъ. Нынѣшняя Крисса большая деревня, имѣющая, въ сравненіи съ деревнями Морейскими, наружность благоденствія. Къ восточному ея краю видна возвышенность, будто искусственнымъ образомъ уравненная, на которой теперь находятся развалины церкви. Докторъ Крамеръ думаетъ, что здѣсь былъ выстроенъ древній городъ и предлагаетъ вопросъ: не на этомъ ли мѣстѣ совершались *Пиѳическія*

игры? Отсюда дорога подымается на гору въ направленіи Парнасса. Мы замѣтили, на правой рукѣ, остатки древняго фундамента изъ огромныхъ камней. Продолжая около часа подниматься, мы увидѣли первыя гробовыя пещеры, высѣченныя въ боковой отлогости Парнасса, выходящей въ долину Плистуса, и закрывающей отъ путешественника долину Дельфовъ. Эти пещеры разной величины; самая малая изъ нихъ, кажется, устроена для двухъ саркофаговъ. Мы видѣли, въ одной изъ болѣе пространныхъ, остатки живописи, которая, по своему стилю, кажется, принадлежитъ болѣе Римской чѣмъ Греческой эпохѣ. Она состоитъ изъ арабесковъ въ родѣ Помпейскихъ. Первый видъ священной долины величественъ. — Мои сопутники замѣтили, какъ вѣрно и разительно описаніе ея въ Страбонѣ. Она точно имѣетъ видъ обширнаго театра, коего залъ спускается отъ Парнасса до Плистуса, а сцена разстилается на длинной вершинѣ Цирфиса. Крутыя, какъ стѣны, скалы Парнасса удивительно великолѣпны. Онѣ раздѣлены большою трещиной, которая сходитъ съ верху внизъ до самаго Кастальскаго источника. Эти двѣ вершины, давшія Парнассу имя двуглаваго (biceps), не суть самыя высокія; но, поднимаясь круто съ долины Дельфійской,

закрываютъ собою болѣе возвышенныя части горы. Очеркъ этой славной долины суровъ, не смотря на то, что на ней видны слѣды земледѣлія; характеръ ея какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ первѣйшему оракулу древности. Въ ней есть что-то религіозное и мистическое. Самый день былъ мраченъ и небо покрыто облаками. Орлы, которыхъ я насчиталъ шесть, парили надъ двумя утесами Парнасса. Я оставилъ дорогу и пошелъ съ Брюлловымъ на каменистую гору искать остатковъ храма. Путеводныя наставленія Джелла только сбивали насъ. Мы измучились, лазя вверхъ и внизъ, чтобъ найдти пункты, имъ замѣченные, и наконецъ, бросивъ книгу, рѣшились руководствоваться своими собственными наблюденіями. Каковы должны были быть чувства народовъ, собранныхъ въ этой мрачной долинѣ, когда Пиѳія являлась къ нимъ съ высокаго перистиля, и объявляла, что предпринимаемая война будетъ благословенна богами, или, что они въ своемъ гнѣвѣ пошлютъ голодъ, язву и смерть на неблагодарныя, охладѣвшія къ нимъ племена.

Эскизъ Брюллова весьма для меня драгоцѣненъ, потому-что онъ изображаетъ вообще мѣсто, и будетъ мнѣ напоминать также пасмурную погоду, въ которой мы его видѣли. Пунктъ, съ

котораго онъ снятъ, недалекъ отъ обширныхъ мраморныхъ развалинъ, которыя мы сперва почитали за остатки самаго храма, такъ какъ они стоятъ на возвышенности, весьма удобной для столь величественнаго зданія; но видно, по основательнымъ замѣчаніямъ нашихъ предшественниковъ, что здѣсь былъ не храмъ, но тотъ стадіумъ, который Иродъ Аттикусъ одѣлъ Пентелическимъ мраморомъ. Хижина, представленная въ рисункѣ на правой рукѣ, и по ту сторону дороги — есть нынѣшняя церковь св. Иліи. Она ограничиваетъ съ этой стороны долину и находится вблизи описанныхъ выше гробовыхъ пещеръ. Ее окружаетъ множество древнихъ стѣнъ и архитектурныхъ обломковъ, посреди коихъ устроенъ теперь молотильный дворъ. Дорога ведетъ отъ сей убогой церкви въ деревню *Кастри*, означенную въ рисункѣ на скатѣ горы и у подошвы одного изъ утесовъ. Должно полагать, что здѣсь находились храмъ и оракулъ Аполлона. Доказательства тому слѣдующія: во первыхъ храмъ долженъ былъ находиться вблизи Кастальскаго источника, ибо Пиѳія погружала въ него свои власы передъ самымъ возшествіемъ на вдохновляющій треножникъ, и шла къ нему подземельнымъ ходомъ, который, вѣроятно, не могъ быть очень длиненъ; во

вторыхъ, по описанію Павзанія, источникъ Кассотисъ вытекалъ за самымъ храмомъ, и теперь, посреди деревни, бьетъ ключь свѣжей воды, что̀ впрочемъ не имѣло бы большой важности, если бы, притомъ, не находилось тамже множество регулярныхъ остатковъ зданія и надписей. Вся мостовая этой деревни и стѣны монастыря и домовъ, въ ней находящихся, усѣяны этими памятниками древности. Странная участь! надписи, современныя Амфиктіоническому совѣту, торжественнѣйшему изъ всѣхъ Греческихъ собраній, который управлялъ дѣлами всей Греціи, составляютъ теперь принадлежность мостовой и стѣнъ у людей, едва умѣющихъ читать!... Но не длячего здѣсь вдаваться въ разсужденія: онѣ всякому невольно приходятъ на умъ. Лучше продолжать рѣчь о подробностяхъ памятниковъ, еще несовсѣмъ изгладившихся. — Что̀ касается до Кастальскаго источника, такъ какъ это произведеніе не человѣка, но натуры, то его свидѣтельство будетъ простираться на всѣ вѣка; счастье, что мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что это тотъ же самый источникъ, который былъ извѣстенъ древнимъ подъ симъ же названіемъ. Онъ описанъ такъ подробно, что его легко узнать. Кастальская вода, прозрачная и холодная, стекаетъ съ Парнасса по

большой ущелинѣ, и если вступить въ сію послѣднюю, то можно видѣть большую пещеру, которая могла служить Пиѳіи мѣстомъ умовенія передъ подземельнымъ шествіемъ ея въ храмъ. Слѣды искусственныхъ ступеней еще въ ней видны. *Чандлеръ* полагаетъ, что постройки и террассы, коихъ остатки окружаютъ теперешнюю церковь святаго Иліи, находились въ объемѣ храма. Но это мнѣ кажется невѣроятнымъ: эти постройки не ближе стадіума къ мѣсту, занятому прежде храмомъ; а мы знаемъ, по свидѣтельству Павзанія, что стадіумъ находился внѣ сего объема. Послѣ нашего вечерняго разсужденія, въ которомъ каждый членъ общества подавалъ свой голосъ, мы согласились съ мнѣніемъ г. Крамера въ слѣдующихъ пунктахъ, которые я вношу въ мой протоколлъ: такъ называемый Комбло, каменная груда, составленная частью изъ вставленныхъ, частью изъ наваленныхъ камней, не есть гробъ Пирра, какъ то предполагаютъ, ибо объемъ (*περιβολος*) окружающій храмъ и заключающійся въ оградѣ не могъ до него достигнуть, и доказательствомъ тому служатъ именно слова Павзанія: что «даже стадіумъ былъ внѣ онаго». — *Вѣрные* пункты, на которыхъ топографія Дельфовъ можетъ быть основана, суть: стадіумъ, который ясно узнается по своимъ

остаткамъ, Кастальскій источникъ и мѣсто возлѣ монастыря, важное по многимъ слѣдамъ прекрасной каменной работы. — Но можно было бы посвятить много времени сему мѣсту прежде, чѣмъ истощить всѣ матеріалы, которые представляются для любителя древности.

Домъ, въ которомъ мы остановились, весьма порядочный, а нашъ хозяинъ, хотя человѣкъ, рожденный въ крестьянскомъ званіи, но довольно просвѣщенъ и жаждетъ увеличить кругъ своихъ познаній, особенно по топографіи своей родины. Онъ указываетъ надписи, съ любопытствомъ глядитъ въ книги, описывающія эти мѣста, и записываетъ орлинымъ перомъ замѣчанія путешественниковъ и имена ихъ. Пока мой безцѣнный Дмитрій хлопоталъ о чаѣ, которымъ мы обыкновенно запиваемъ баранину или цыплятъ, нашъ всегдашній ужинъ, хозяинъ вытащилъ прокламацію, изданную королемъ въ день его совершеннолѣтія. Онъ прочелъ съ удовольствіемъ и нѣкоторой гордостью всѣ обѣщанія насчетъ поощренія торговли и промышленности; особенно ему нравилась статья, гдѣ обѣщано покровительство Греческой вѣрѣ, а также и то, что наслѣдники престола будутъ ее исповѣдывать. Онъ прерывалъ чтеніе вопросомъ: хорошо ли это? и восклицалъ тогда *καλο Ωθων, ζη Ωθων,*

хорошо Оттонъ, да здравствуетъ Оттонъ. Такимъ образомъ мы кончили нашъ вечеръ въ Дельфахъ, мѣстѣ, столь торжественномъ и важномъ, что древніе его называли центромъ земли, terræ umbilicus, и въ самомъ дѣлѣ, хотя Амфиктіоническій совѣтъ не управляетъ болѣе дѣлами самаго просвѣщеннаго изъ народовъ, здѣсь все таки осталось что-то важное и величавое, подобно послѣднимъ звукамъ органа въ католическихъ церквахъ послѣ умолкнувшаго пѣнія. Тогда-то наступаетъ самая религіозная минута, тогда подъ обширными сводами храма воцаряется молчаніе и каждый, не развлекаясь службой, можетъ по произволу скорбящей души возсылать свою молитву.

Воскресенье $^{14}/_{26}$. — Рано утромъ отправились мы въ путь. Скоро по выѣздѣ изъ деревни, имѣя еще передъ собою малую церковь святаго Іоанна, мы проѣхали мимо Кастальскаго источника. Я думаю, что не было ни одного изъ насъ, который бы не слѣзъ съ кожанаго или деревяннаго сѣдла, чтобъ напиться, сколько позволяло утреннее время, этой холодной и прозрачной воды, черпая ее немного повыше того мѣста, гдѣ женщины мыли бѣлье. Видъ этого прекраснаго источника производитъ печальное чувство; всякій желалъ бы получить отъ него силы вдохновенія и чувствуетъ, что она не всякому сообщается. Всякій желалъ бы имѣть рѣдкій, могучій даръ поэзіи, чтобъ владѣть душами другихъ и наводить на нихъ тѣ же мечтанія, тѣ же восторги и тѣ же печали, которые, удручая насъ, какъ будто просятся на просторъ подобно ключу, пробивающему себѣ доро-

гу сквозь утесы. Велика и вѣчна власть Пиндара, Мильтона, Байрона, которые, удовлетворяя только требованіямъ высокаго вдохновенія природы и выражая свои желанія и тоску, дѣйствуютъ на сердца и на судьбу всѣхъ поколѣній! Но остается одно утѣшеніе для тѣхъ, которые не имѣютъ этой силы. Если они не могутъ выразить всю глубину своихъ чувствъ, то не теряютъ отъ того права на самую сущность поэзіи; ибо чувства становятся еще сильнѣе, когда ихъ нельзя выразить.

Эта страна, въ сравненіи съ Мореей, хорошо и тщательно воздѣлана. Возлѣ самаго Кастри большею частію хлѣбъ, а въ глубинѣ оврага оливковыя деревья. Далѣе къ западу до деревни Арахова большею частью виноградъ. Плистусъ течетъ въ глубинѣ оврага между огромнымъ Парнассомъ, коего вершина еще отсюда не видна, и продолговатымъ Цирфисомъ, надъ коимъ видны горы Мореи. Между ними одна повыше прочихъ и покрытая кое-гдѣ снѣгомъ, соотвѣтствуетъ на картѣ мѣстоположенію Киллены. Впрочемъ, сравнивая ландкарту Лапи, которою мы руководствуемся, съ наблюденіями, сдѣланными докторомъ Крамеромъ, находимъ, что она обозначаетъ неправильно рисунокъ горы Цирфиса. Послѣ боль-

шой деревни Араховы, которую мы оставили въ правой сторонѣ, слѣды земледѣлія скоро исчезнутъ. Въ разстояніи четырехъ верстъ отъ ней видны остатки строеній на небольшой возвышенности влѣво отъ дороги. Они соотвѣтствуютъ мѣстоположенію того, что Джелль называетъ Castro of Panies. Мы не видали многоугольныхъ основаній, но не можемъ также сказать утвердительно, чтобъ ихъ вовсе не было. Наша дорога вдоль крутаго бока Парнасса была очень живописна и занимательна; во все время мы ѣхали между горъ долиною Дельфовъ; но едва спустились въ равнину, мѣстоположеніе стало скучно и однообразно. Мы остановились для полуденнаго отдыха, который былъ необходимъ при тогдашнихъ жарахъ, близь источника, въ мѣстечкѣ, названномъ *Земино*. Здѣсь мы позавтракали и пробыли около двухъ часовъ. Немного подалѣе видны слѣды дороги, пробитой въ дикомъ камнѣ и, вѣроятно, по сей причинѣ названной *σχιστη* (трещина). Во многихъ мѣстахъ дороги видны остатки плохой мостовой, вѣроятно уцѣлѣвшей еще отъ древнихъ временъ. Небольшая тропинка ведетъ отъ нее въ направленіе Даулиса, *τριοδος* Эдипа. Итакъ, въ этихъ мѣстахъ совершилось одно изъ самыхъ любопытныхъ и трогательныхъ событій, намъ из-

вѣстныхъ. Нѣкоторые полагаютъ гробъ Лаія, отца Эдипа, возлѣ мѣстечка Земино. Дорога спускается мало-по-малу до пространной долины, болотистой, почти совсѣмъ необработанной и печальной отъ совершеннаго отсутствія движенія и жителей. Это долина Цефисса. Къ сѣверу видъ замыкается дальными, невысокими горами, спускающимися съ громады Парнасса на западъ, и исчезающими совершенно къ востоку. На одной изъ нихъ примѣтны развалины Даулиса. Южная цѣпь новыше сѣверной, и не такъ однообразна, хотя не отличается красотой своихъ формъ. Эта равнина разстилается почти безъ всякихъ возвышенностей, соединяясь съ Платейской, которая доходитъ до Коринѳскаго залива. Мы остановились на ночь въ деревенькѣ *Капрена*, лежащей на достопамятномъ мѣстоположеніи: здѣсь было сраженіе Херонейское между соединенными Греческими силами и Филиппомъ Македонскимъ. Здѣсь могила древней Греческой независимости. Деревня стоитъ у подошвы крутой горы, на которой видны остатки городскихъ Херонейскихъ стѣнъ съ башнями, сложенными изъ обтесанныхъ большихъ камней, и также развалины храма и небольшаго театра. Приложенный видъ, начатый Брюлловымъ, дастъ понятіе о сихъ остаткахъ равнины,

на которой совершились столь важные завѣты судьбы, и о формѣ Парнаеса, которымъ она ограничена. Эта гора, какъ видно, оканчивается не острой вершиной, но широкой плоскостью, на которой Аполлонъ съ музами могъ ходить на просторѣ. Солнце садилось въ то время, когда у насъ начертывался рисунокъ, и послѣдніе лучи его показывались изъ-за Парнасса, хотя самъ Фебъ не былъ уже видѣнъ. Взоръ и воображеніе равно теряются при созерцаніи этой равнины, пространной и достопамятной. Какъ разителенъ и справедливъ былъ голосъ оракула насчетъ Херонейскаго сраженія! Онъ имѣетъ всю важность пророчества. *κλαυσι ο νικηθεις, ουδε νικησας απολωλεν* (Побѣжденный будетъ плакать, но побѣдитель исчезъ). И въ-самомъ-дѣлѣ, не исчезъ ли съ побѣжденнымъ и Филиппъ Македонскій со всей своей славой? Гдѣ видны слѣды его въ теперешней Греціи? Можно возразить, что безуміе было бы хотѣть найдти слѣды послѣ полуторы тысячи лѣтъ. Но время то же самое, что пространство. Мы любимъ видѣть съ вершины горы какъ мелки люди у ея подошвы; съ такимъ же чувствомъ слѣдимъ за великими дѣйствіями и замѣчаемъ, какъ они становятся малыми, когда мы удалились отъ нихъ на столько столѣтій. Мы должны были ночевать на открытомъ возду-

хѣ, хотя онъ слыветъ здѣсь нездоровымъ и лихорадочнымъ; но отъ пѣнья, или, скорѣе, отъ криковъ нашихъ грубыхъ провожатыхъ и отъ множества комаровъ я почти совсѣмъ не спалъ во всю ночь.

Понедѣльникъ $^{15}/_{27}$. — Хотя насъ часто стращали разбойниками, но до-сихъ-поръ намъ не случалось нигдѣ ихъ встрѣчать. Несмотря на это, было бы неблагоразумно подвергать себя явной опасности, и вотъ почему мы не рѣшились ѣхать къ Термопиламъ. Клефты тамъ находятся теперь въ открытомъ возмущеніи, и, пользуясь гористымъ мѣстоположеніемъ, а также сосѣдствомъ Турецкой границы, укрываются отъ слабыхъ войскъ, отряженныхъ королемъ для ихъ усмиренія. Все это принудило меня отказаться посѣтить эту страну, не смотря на всю ея занимательность. Посовѣтовавшись съ моими товарищами, я рѣшился ограничить путешествіе наше развалинами Орхомена, который мы сегодня утромъ посѣтили, а потомъ направить путь чрезъ Ливадію, Ѳивы, Платею и Мараѳонъ въ Аѳины. Ѣдучи въ деревню Скрипу, древній *Ὀρχομενος*, мы видѣли остат-

ки льва, поставленнаго, какъ говоритъ Павзаній, въ честь Ѳивянъ, павшихъ за отечество въ сраженіи Херонейскомъ. Этотъ левъ, судя по обломкамъ, не принадлежитъ къ ваянью перваго Греческаго стиля. Нашъ путь, какъ въ Скрипу, такъ и оттуда назадъ въ Ливадію, былъ очень изнурителенъ по причинѣ томительнаго жара и отсутствія занимательныхъ предметовъ. Однако докторъ Крамеръ съ обыкновенной своей дѣятельностью записалъ нѣкоторыя топографическія замѣчанія о странѣ, нами пройденной, которыя я передаю здѣсь въ переводѣ.

«Въ той части долины Цефисса, которая простирается изъ Капрены въ Скрипу, земля довольно хорошо воздѣлана: она засѣяна, по большой части, пшеницей съ бородатымъ колосомъ (σταφι) и хлопчатой бумагой. Хлѣбъ стоитъ очень хорошо и безъ всякой дурной травы. Цефиссъ, къ которому мы приближались, у самаго Скрипа образуетъ не большую рѣчку, довольно мутную и не красивую. Ея берега во многихъ мѣстахъ укрѣплены плотинами, хотя русло ея и безъ того уже довольно глубоко. Должно предполагать, однакоже, что она, по временамъ, подымается до значительной высоты. Послѣ 3 часовъ весьма плохой ѣзды, мы пріѣхали въ Скрипу, бѣдную деревню у подош-

вы последней къ востоку горы, изъ той цѣпи, которая ограничиваетъ эту долину къ сѣверу. На этой горѣ лежатъ развалины Орхомена, большею частью его стѣны, а на самомъ верху древняя башня. Мы остановились на нѣсколько часовъ у подошвы этой возвышенности, въ монастырѣ, наполненномъ древними обломками; церковь, довольно обширная, выстроена частью изъ нихъ; напримѣръ одна изъ стѣнъ сложена изъ кусковъ колоннъ, которыя лежали въ нѣсколько рядовъ. Не здѣсь ли былъ храмъ Харитъ? Такъ называемая сокровищница Миніаса находится возлѣ самаго монастыря у подошвы горы, но почти совсѣмъ засыпана землей; одинъ огромный камень, покрывающій входъ, видѣнъ изъ земли. Желая посмотрѣть на озеро Копаисъ, я влѣзъ на гору, но совершенно напрасно: я увидѣлъ только обширную равнину и не могъ даже замѣтить, гдѣ начинается озеро. Хотя, спустя нѣсколько времени, мы прошли очень близко отъ озера по другую его сторону, но и тогда не замѣтили никакого отблеска воды. Кажется, пространныя болота, заросшія тростникомъ, дотого окружили все, что нѣтъ никакой возможности отличить то мѣсто, гдѣ вода отдѣляется отъ земли. Изъ Скрипу, перерѣзывая наискось долину, мы напра-

вили свой путь на Ливадію, которая видна издали, будучи раскинута широко на скатѣ одной изъ южныхъ горъ. Далѣе къ востоку, вершина Геликона подымается выше передовыхъ пригорковъ; а на право стоитъ могучій Парнассъ, который ростетъ все выше и выше, чѣмъ болѣе вы отъ него удаляетесь. Земледѣліе состоитъ возлѣ самаго Скрипу изъ винограда, далѣе изъ хлѣбныхъ полей, а возлѣ Ливадіи изъ произведенія хлопчатой бумаги. Здѣсь замѣтно большое изобиліе воды. Ливадія расположена на сѣверномъ скатѣ Геликона, по обѣимъ сторонамъ прекраснаго и обильнаго ручья. Но здѣсь почти болѣе развалинъ, чѣмъ домовъ, въ которыхъ можно жить.»

Мы пріѣхали весьма усталые къ тому времени, въ которое обыкновенно обѣдаемъ. Первымъ моимъ дѣломъ было отъискать одного Грека, которому я былъ рекомендованъ, въ надеждѣ, что онъ пригласитъ всѣхъ насъ къ обѣду. Но онъ попотчивалъ меня только стаканомъ лимонада, увѣряя, что путешествіе до Аѳинъ не сопряжено съ опасностями и что самая опасная часть нами уже пройдена; ибо на той же самой дорогѣ, по которой мы ѣхали, былъ третьяго дня ограбленъ большой караванъ. Потомъ, на вопросъ мой: какая лучше гостинница для истощенныхъ путешест-

вешниковъ, онъ велѣлъ своему слугѣ провести меня въ корчму. Мои товарищи уже лежали тамъ на дорожныхъ мѣшкахъ. Городъ точно весь въ развалинахъ, не древнихъ и вовсе не живописныхъ; онъ претерпѣлъ много отъ войны съ Турками; но его мѣстоположеніе прелестно и онъ самъ по себѣ крайне занимателенъ. Въ этомъ мѣстѣ были прежде пещера и оракулъ Трофонія; здѣсь бьютъ до-сихъ-поръ изъ земли три обильные источника, которые удивляютъ и теперь чистотой своихъ водъ. Павзаній упоминаетъ только о двухъ, близкихъ другъ къ другу. Кто собирался вопрошать оракула, тотъ долженъ былъ пить изъ рѣки Леты, чтобъ забыть все, а по полученіи отвѣта пить отъ сосѣдней рѣки Мнемозины, чтобъ вѣчно его помнить. — Пещера Трофонія, по-крайней-мѣрѣ то, что мы за нее принимаемъ, и два ключа находятся на самомъ краю прекрасной долины, въ которой стоитъ Ливадія, и въ недальнемъ разстояніи отъ теперешняго города. Я сегодня прочелъ на мѣстѣ нѣсколько разъ съ большимъ вниманіемъ Павзаніево описаніе обряда, коимъ древніе совѣтовались съ этимъ оракуломъ. Оно очень странно; но вмѣстѣ съ тѣмъ темно и, сколько его ни перечитывать, никакъ нельзя угадать мнѣнія самаго автора о томъ, на истинѣ ли

или на лжи основанъ былъ весь обрядъ. Павзаній говоритъ, что онъ описываетъ не то только, что слышалъ отъ другихъ, но и то, что самъ испыталъ, ибо ему самому случалось совѣтоваться съ Трофоніемъ и спускаться въ его пещеру, куда его втягивали ногами впередъ. Но особенно затрудняютъ меня окончательныя слова Павзанія, послѣ того, какъ онъ упомянулъ о страхѣ, замѣтномъ на всѣхъ выходившихъ изъ пещеры *υστερον μεν τοι τα τε αλλα ιδεν τι φροντισαι μειον η προτερον, και γελως επανιασιν οι.* Что это значитъ? то ли, что, по успокоеніи своемъ, они получаютъ прежнее свое веселое расположеніе, или, что, опомнившись, они пренебрегаютъ всѣмъ, что видѣли и смѣются? Какъ бы то ни было, дѣйствіе, произведенное на людей и, сверхъ того, продолжительное существованіе оракуловъ, могли бы дать мысль, что древніе знали и употребляли животный магнетизмъ, но, разумѣется, болѣе всего дѣйствовали на воображеніе посредствомъ мистицизма *. Каково

---

* Будучи въ Берлинѣ, я сообщилъ мысль эту ученому профессору Беку, и мнѣ было пріятно видѣть, что онъ самъ имѣлъ ее. Въ доказательство своего о томъ предположенія, онъ привелъ мнѣ экстрактъ изъ Павзанія объ оракулѣ Оропо, который въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ совершенно тому, что мы слышимъ отъ теперешнихъ Магнетизеровъ. См. Attica.

напр. было чувство человѣка при горизонтальномъ вносѣ его тѣла въ темную пещеру и такомъ же выносѣ будто мертвеца, и при всѣхъ прочихъ странныхъ подробностяхъ, описанныхъ Павзаніемъ?.....

Мѣсто, гдѣ два славные ключа выходятъ изъ основанія крутой скалы, весьма свѣжо и красиво. Я насилу могъ поднять изнуреннаго Брюллова, чтобъ показать ему этотъ видъ; но когда онъ былъ на мѣстѣ, то оно ему такъ понравилось, что Брюлловъ поторопился написать его при послѣднихъ сумеркахъ вечера. Мы возвратились въ трактиръ ночью, отъискивая дорогу по кучамъ мусора, и между рѣчками, стремящимися съ шумомъ у нашихъ ногъ. Слѣдующія замѣчанія доктора Крамера послужатъ для объясненія подробностей.

«Самая любопытная часть долины — то мѣсто, гдѣ находятся ключи и пещера Трофонія. Ключи, о которыхъ говоритъ Павзаній, бьютъ въ большомъ изобиліи у самой подошвы горы. Вода обоихъ ключей, выбиваясь изъ земли, стекаетъ въ руело небольшой рѣчки, которая, выходя изъ внутренности горы отъ юга къ сѣверу, течетъ по узкой долинѣ чрезъ городъ. Ключи находят-

ся на восточномъ берегу, а на противоположномъ, западномъ, къ которому ведетъ мостъ, круто подымается скала. На ея вершинѣ лежатъ развалины замка среднихъ вѣковъ, а въ самомъ утесѣ, на верху одной большой квадратной пещеры, находится нѣсколько малыхъ нишей, назначенныхъ, какъ кажется, для принятія обѣтныхъ даровъ. Большая пещера можетъ быть не очень древняго времени. Я не замѣтилъ вовсе древняго фриза, объ которомъ говоритъ Джелль; многое въ самой формѣ этого углубленія указываетъ, по моему мнѣнію, на христіанскія времена. Какъ бы то ни было, но я не сомнѣваюсь, что здѣсь находилось прежде святилище Трофонія и многіе остатки древняго фундамента, около другаго углубленія, доказываютъ, что здѣсь былъ входъ въ пещеру оракула, описанную Павзаніемъ. Здѣсь, вѣроятно, можно было бы получить интересные и важные результаты, еслибъ приступить къ разрытію. Я также замѣтилъ внизу, но не разсматривалъ близко, третью пещеру, которая находится далѣе въ глубинѣ оврага и высоко въ утесѣ на восточной сторонѣ. Джелль говоритъ, что въ ея внутренности находятся примѣты древняго богослуженія, но во всякомъ

случаѣ онѣ не могутъ имѣть ничего общаго съ святилищемъ Трофонія. Древній городъ находился, по словамъ Павзанія, въ равнинѣ, слѣдовательно не на нынѣшнемъ мѣстѣ. Предположенія Джелла по сему предмету для меня вовсе непонятны.»

Вторникъ $^{16}/_{28}$. — Нашъ сегодняшній путь отъ Ливадіи до Ѳивъ былъ чрезвычайно тяжелъ и изнурителенъ. Обманутые нашими провожатыми, которые сдали насъ своимъ товарищамъ, мы потеряли поутру много времени въ ожиданіи муловъ и выѣхали очень поздно. Долго тянулись мы около подошвы длинной цѣпи горъ, замыкающей вправо пространную долину. Она обработана довольно порядочно: часть ея засѣяна рожью, а часть употреблена на пастбища; она вообще напоминаетъ собою русскія степи.

Достигши средины долины, мы остановились около полудня въ бѣдномъ кабакѣ. Здѣсь нѣтъ такихъ живописныхъ мѣстъ для отдыха, какъ въ Мореѣ, и мы были счастливы, что могли укрыться отъ дождя подъ какою бы то ни было кровлею.

Отобѣдавъ тамъ, мы продолжали путь свой ми-

мо множества разбросанныхъ остатковъ, которые должно принять за остатки города Халіарта. Они весьма незначительны. Мы только къ вечеру приближались къ городу Оивамъ, расположенному весьма выгодно на возвышенности и видимому еще издали. Небо было багровое отъ приближающейся грозы, и видъ всей страны, какъ горъ, такъ и долины, при этомъ зловѣщемъ освѣщеніи, былъ очень великолѣпенъ. Но, Боже мой, какая нищета въ городѣ! Я опередилъ моихъ товарищей, и пошелъ искать порядочной квартиры, но совершенно по пустому. Въ отсутствіе эпарха, его намѣстникъ ввелъ меня въ трактиръ, называемый здѣсь ханомъ, и въ которомъ я нашелъ только одну длинную комнату, ниже роста человѣческаго, безъ стола, безъ стульевъ, безъ окошекъ. Не смотря на всю мою усталость отъ дороги, я не могъ здѣсь остановиться, и рѣшился дождаться товарищей, которые въѣхали съ другой стороны въ эту пародію городовъ и уже гдѣ-то нашли себѣ пріютъ. Я присоединился къ нимъ и мы помѣстились въ двухъ однокомнатныхъ домахъ, которые были, также какъ и ханъ, безъ оконъ. Я не могу умолчать о пѣніи, которымъ тѣшатся наши провожатые. Оно усугубля-

ло нашу усталость, ибо нельзя ничего вообразить себѣ заунывнѣе и однообразнѣе ихъ напѣва, который наконецъ выводитъ совершенно изъ терпѣнія. Если, бывало, кто либо изъ насъ вспомнитъ и запоетъ про себя что-нибудь изъ прелестныхъ мотивовъ Беллини, переносящихъ насъ мысленно ко всѣмъ радостямъ Италіи, то этого было достаточно, чтобъ весь полкъ нашихъ провожатыхъ, вѣроятно изъ желанія развеселить насъ, подпялъ какой нибудь патріотической вой, отъ котораго нѣтъ спасенія на многіе часы. Они, кажется, очень отстали отъ просвѣщенія, ибо самые ихъ органы и вкусъ испорчены. По словамъ Брюллова, голосъ у нихъ выходитъ не изъ груди, а изъ живота. Я обязанъ доктору Крамеру слѣдующими замѣчаніями о дорогѣ, нами пройденной, которая, какъ бы изнурительна ни была, все таки очень важна въ историческомъ отношеніи.

«Дорога наша лежала сперва по скату горы Граница (часть Геликона); проѣхавъ, послѣ часа пути, незначительную деревню, расположенную близь источника, мы спустились въ долину, гдѣ Геликонъ явился намъ во всемъ величіи. Эта гора имѣетъ красивую форму; до значительной высоты она покрыта рѣдкимъ лѣсомъ и кустарникомъ,

но на самой вершинѣ гола и камениста. У подошвы всей этой цѣпи горъ бьютъ многіе ключи самой лучшей воды, замѣчательные по древнимъ преданіямъ, съ ними соединеннымъ: но це совсѣмъ легко угадать то положительное названіе, которое каждому изъ нихъ принадлежало въ древности. На лѣво отъ дороги простирается равнина, по мѣстамъ покрытая болотами, которыя приближаются къ дорогѣ въ направленіи древняго Халіарта. Мы остановились въ ханѣ, подлѣ мѣстечка Мази, въ разстояніи четырехъ часовъ отъ Ливадіи. Къ востоку отъ Халіарта видна возвышенность на разстояніи одного получаса. Страбонъ описываетъ мѣстоположеніе Халіарта весьма правильно *μετα του υπερκειμενου ορους και της κωπαιδος λιμνης*. Даже отсюда не видать озера, но уже въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ города начинаются болота. Развалины Халіарта, какъ видно съ дороги, состоятъ изъ обвалившихся стѣнъ. Возвышенность, на которой онѣ стоятъ, умѣренна, но круто спускается въ долину къ сѣверной сторонѣ. Проѣхавъ мимо Халіарта, я примѣтилъ, на разстояніи десяти минутъ пути, остатки древнихъ строеній. На самой дорогѣ видно каменное древнее зданіе съ основаніемъ,

весьма чисто сложеннымъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги видны остатки небольшой церкви, выстроенной изъ древнихъ обломковъ. Оттуда дорога все болѣе и болѣе отдаляется вправо отъ церкви. Долина, лежащая между дорогой и озерами, довольно хорошо обработана. Не доходя до Ѳивской равнины, мы проѣхали по дикому оврагу, въ которомъ древніе полагали мѣсто жительства Сфинкса. Наконецъ мы увидѣли пригорокъ Кадмею и городъ, который и теперь, какъ во времена Павзанія, представляется въ самомъ жалкомъ видѣ.»

Середа $^{17}/_{29}$. — Ночь, проведенная нами, была столь безпокойна, что этого даже и описать нельзя. Кажется, по словамъ одного изъ моихъ товарищей, что насѣкомыя, къ несчастію всему свѣту извѣстныя, одарены только здѣсь шиломъ, чтобъ доводить почти до слезъ усталыхъ путешественниковъ. Капитанъ Лайонсъ предувѣдомилъ меня, что въ Аѳинахъ нельзя найдти свободной квартиры; а потому рѣшился я послать нарочнаго и провести еще лишніе сутки въ скучныхъ Ѳивахъ, чтобы дать моему посланному время распорядиться. Въ ожиданіи второй ночи, мы цѣлый день бродили по окрестности; но здѣсь немного интересныхъ остатковъ. Вотъ какъ докторъ Крамеръ описываетъ это мѣсто.

«Возвышенность, на которой стоятъ нынѣшніе Ѳивы, отличается отъ сосѣднихъ съ ней тѣмъ, что она съ трехъ сторонъ стоитъ отдѣльно, и только съ

юга соединяется съ другими возвышенностями. По всѣмъ направленіямъ бьютъ прекрасные ключи. Она простирается въ длину отъ юга къ сѣверу. Ея поверхность для одного акрополиса кажется слишкомъ велика и нынѣшній городъ не покрываетъ ее всю Вѣроятно акрополисъ, собственно такъ называемый, занималъ только верхнюю ея часть къ западу. Слѣды разрушенія здѣсь ужасны. Остатки древнихъ и даже позднѣйшихъ памятниковъ состоятъ изъ однихъ разломанныхъ и разбросанныхъ кусковъ колоннъ, капителей и надписей, изъ коихъ весьма трудно извлечь какую либо общую идею. Одинъ, какъ кажется, вѣрный топографическій пунктъ есть источникъ Марса на югозападномъ углу горы, съ пещерою дракона вверху. Сія послѣдняя необширна, но въ этомъ нѣтъ и нужды. Недалеко оттуда Изменусъ. Изъ этого можно вывести много заключеній. Окрестность Ѳивъ печальна и скучна. Въ южномъ направленіи плоскіе холмы безъ деревьевъ простираются отдѣльно другъ отъ друга и пересѣкаются оврагами, ничѣмъ не замѣчательными. Къ западу видно нѣсколько садовъ, а къ сѣверу плоскость, вчера нами пройденная и доходящая до подошвы крутой горы Кадмея.»

Четверкъ $^{18}/_{30}$. — Наемъ муловъ до Аѳинъ и укладка вещей задержали насъ почти весь день и мы только около четырехъ часовъ послѣ обѣда тронулись съ мѣста въ направленіи къ Платеѣ.

Мы скоро увидѣли ея обширную долину, простирающуюся до подошвы горы Киѳеронъ. Чрезъ нее текутъ двѣ небольшія рѣчки, которыя мы переѣхали. Одна изъ нихъ долженъ быть Азопусъ, но которая именно, опредѣлить мудрено. Остатки Платеи находятся въ разстояніи трехъ часовъ ѣзды отъ Ѳивъ, у подошвы Киѳерона. Они особенно замѣчательны тѣмъ, что древнее мѣстоположеніе не занято новыми постройками и окружныя стѣны города такъ хорошо сохранились, что его форма видна съ перваго взгляда. Онъ укрѣпленъ съ юга, гдѣ остатки лучше сохранились, башнями и двумя стѣнами, соединяющимися угломъ въ на-

правленіи горы. Мы не могли рѣшить: принадлежитъ ли она къ городскимъ стѣнамъ или къ части города, особенно сооруженной въ видѣ внутренняго укрѣпленія. Вся форма города четвероугольная. Посреди его стоитъ небольшая, полуразвалившаяся церковь, выстроенная изъ древнихъ обломковъ.

Разсмотрѣвъ всѣ эти остатки и бросивъ взглядъ на горы, окружающія эту равнину, между коими Геликонъ и могучій Парнасъ еще видны, я пошелъ въ деревню, въ которой мы должны были ночевать, и увидѣлъ по сторонамъ дороги нѣсколько гробовъ, высѣченныхъ изъ дикаго камня, а иногда и въ самой скалѣ такъ, что продолговатое углубленіе видно въ камнѣ, но бока гробовъ не вырѣзаны. Не были ли они посвящены сохраненію праха Грековъ, павшихъ въ славномъ сраженіи, которое положило конецъ войнѣ Персидской? Сосѣдняя Албанская деревня Кокла, на скатѣ горы, показалась мнѣ, послѣ города Ѳивъ, весьма порядочною, и мы въ ней располагаемся ночевать. Поля вокругъ нея обработаны и, судя по качеству ржи, почва кажется весьма плодородною.

Пятница $\frac{19\ \text{июня.}}{1\ \text{июля.}}$ — Наши провожатые, настоящіе Беотійцы по уму, завели насъ въ самую скучную страну и кончили тѣмъ, что совершенно потеряли дорогу. Цѣлью нашею были Рамносъ и Мараѳонское поле, которые мы хотѣли осмотрѣть прежде въѣзда въ Аѳины. Для сего должны мы были пересѣчь прямую дорогу, идущую изъ Ѳивъ въ Аѳины, что̀ и сдѣлали въ деревенькѣ Аррападосса, гдѣ обѣдали. Но вмѣсто того, чтобъ держаться на юго-востокъ, наши провожатые взяли къ сѣверу. Послѣ довольно утомительной ѣзды утромъ по Платейской равнинѣ, ограничивающейся Киѳерономъ и Парнассомъ (?), а вечеромъ по горамъ, мы наконецъ выбрались на вершину и увидѣли, въ небольшомъ разстояніи, длинный гористый берегъ Негропонта. Городъ Эгрипо и перешеекъ, отдѣляющій его отъ материка Гре-

ціи, были совершенно противъ насъ за прекрасной и плодородной равниной. Признаюсь, этотъ видъ былъ, при всѣхъ его красотахъ, вовсе неутѣшителенъ. Во все продолженіе пути, весьма изнурительнаго, я наслаждался одною мыслью, что мы приближаемся къ Аѳинамъ, гдѣ отдохнемъ наконецъ отъ нашихъ трудовъ, и вотъ — вышло напротивъ: мы теперь еще далѣе отъ нихъ, чѣмъ въ той деревнѣ, въ которой провели прошлую ночь. Не смотря однако на нашу досаду, которую нашъ толмачь Дмитрій передалъ со всею выразительностью нашимъ провожатымъ, намъ пришлось ѣхать по неизвѣстной долинѣ до-тѣхъ-поръ, пока найдемъ себѣ пріютъ для ночи. Нѣсколько разъ переѣзжали мы мелкій ручей, коего вода отводится въ канавы для орошенія полей. Въ одну изъ этихъ канавъ упалъ мулъ, нагруженный вещами нашими и, наши книги, одѣяла и платья промокли какъ нельзя болѣе. Наконецъ мы увидѣли сквозь мелкій сосновый лѣсъ нѣсколько хижинъ и разрушенную башню, и рѣшились окончить здѣсь путь, совершенный нами въ теченіе сего несчастнаго дня. Эта весьма непривлекательная деревенька называется *Станитза*. Жители ея казались очень недоволь-

ными нашимъ пріѣздомъ, но ѣхать далѣе не было возможности. Судя по недостатку хорошей воды и по блѣдному цвѣту лица дѣтей, воздухъ долженъ быть здѣсь очень нездоровъ. За всѣмъ тѣмъ надо намъ постлать на землю наши шинели и спать какъ удастся, ибо внутри домовъ нѣтъ никакого средства расположиться. Наши Страбоны, Павзаніи, Геродоты сушатся съ нашими сертуками и проч. вокругъ дымящагося огня, который намъ едва позволили развести въ одной изъ хижинъ. *Станитзы* нѣтъ на нашихъ картахъ. Кажется, будто мы первые открыли это дикое мѣсто. Докторъ Крамеръ полагаетъ, что Танагра отсюда самый близкій изъ древнихъ городовъ.

Суббота $^{20}/_{2}$. — Обстоятельство, между прочимъ характеризирующее какъ нельзя лучше настоящее положеніе Греціи, то, что, приближаясь къ Аѳинамъ, теперешней столицѣ, мы уже второй день блуждаемъ и не можемъ найдти дороги *въ Рамносъ*. Его новое имя, по свидѣтельству Джелла — Эвреò Кастрò; но оно оказало намъ не болѣе услугъ, какъ и древнее. Наши провожатые справлялись о дорогѣ у каждаго пастуха и каждаго ребенка, но мы руководствовались болѣе ландкартою и компасомъ, какъ будто бы скитались по пустынямъ Африки. Послѣ нѣкотораго совѣщанія, мы рѣшились идти къ юго-востоку, не взирая на едва примѣтные слѣды пересѣкающихся тропинокъ; мы имѣли здѣсь въ виду гору Парнезъ, въ той части, гдѣ впадина указывала издалека на возможность найдти дорогу,

Мы ѣхали пріятной страной, украшенной коегдѣ деревьями, и перебрались чрезъ двѣ рѣчки, изъ коихъ первая немного пошире и совершенно высохла, а вторая такъ мило украшена олеандрами, что мы рѣшились назвать ее Идиліей, пока не увѣримся, что это древній Азопусъ. Томимые жаромъ, приближались мы цѣлые три часа къ Парнезу. Эта гора живописнѣе Киѳерона, какъ по своей смѣлой формѣ, такъ и по слѣдамъ зелени, на ней растущей; Киѳеронъ же имѣетъ вершину продолговатую и плоскую. Еще два часа томились мы въ той части, гдѣ Парнезъ спускается, взбираясь съ одной горы на другую до-тѣхъ-поръ, пока достигли деревеньки Мази, состоящей изъ нѣсколькихъ хижинъ и довольно опрятной церкви. Мы увидѣли отсюда въ первый разъ прекрасно рисовавшуюся цѣпь Пентиликона.

Увидя нарванную и положенную для сушки бобовую траву, мы завладѣли ею и, наславъ ея подъ фиговымъ деревомъ, усталые, бросились на нее; но едва не пришлось намъ заплатить слишкомъ дорого за такую постель. Въ бобахъ находилась небольшая змѣя, самаго ядовитаго рода, которая подняла свою головку и шипѣла возлѣ самаго мѣста, гдѣ мы лежали. Одинъ изъ провожатыхъ бросился на нее, и, очень ловко схвативъ ее за шею,

такъ что она не могла коснуться его руки шипящимъ жаломъ, придавилъ ее двумя пальцами, и бросилъ умирающую въ поле. Прочіе провожатые сказали мнѣ, что товарищъ ихъ такъ храбръ отъ того, что выпилъ какого-то напитка, предохраняющаго, по ихъ мнѣнію, отъ послѣдствій змѣинаго ужаленія. Нравственное дѣйствіе этого талисмана вѣроятно сильнѣе медицинскаго. Я однако не могу не замѣтить, что жители и путешественники равно совѣтуютъ не останавливаться для отдыха подъ фиговыми деревьями. Во всякомъ случаѣ я не намѣренъ болѣе этого дѣлать. Отобѣдавъ въ Мази у священника, человѣка повидимому совсѣмъ необразованнаго, мы продолжали путь нашъ къ юго-востоку по крутымъ пригоркамъ и долинамъ Парнеза, который подымается отсюда болѣе широкими массами между моремъ и Пентиликономъ. Мы шли уже вечеромъ по грунту, состоящему мѣстами изъ бѣлаго мрамора. На ночь мы пріѣхали не въ Аѳины, согласно предположенію и договору, сдѣланному въ Ѳивахъ съ провожатыми, но въ какую-то деревню Грамматико, очень пріятно расположенную въ оврагѣ и богатую источниками. Въ ней много разведено виноградныхъ садовъ. Но кромѣ веселаго вида, намъ было отъ нея очень мало пользы. Молока нельзя

было достать ни за какія деньги, комаровъ пропасть, несмотря на огни, коими мы противъ нихъ вооружились; наконецъ, что̀ болѣе всего насъ огорчило — провизія нашего сахара кончилась, и до Аѳинъ мы должны безъ него пить чай.

Воскресенье $^{21}/_{3}$. — Рѣшившись во что̀ бы то ни стало добраться до Рамноса и пріѣхать въ тотъ же день въ Аѳины, мы до восхожденія солнца отправились изъ Грамматико. Но такъ какъ Эвреò Кастрò находится въ сторонѣ отъ дороги, то мы отправили муловъ съ вещами прямо въ Мараѳонъ, а сами поѣхали по горамъ, держась къ востоку. Послѣ весьма тяжелой ѣзды, мы опять потеряли въ небольшомъ лѣсу, состоящемъ большею частью изъ кустарника, всѣ слѣды дороги; но къ счастію встрѣтился съ нами старый пастухъ, который провелъ насъ до Рамноса; безъ него мы едвали бы нашли это мѣсто. Мы взяли слишкомъ много на югъ, и пастухъ провелъ насъ обратно по кустамъ, до узкаго оврага и чрезъ него на противоположную сторону горъ, идущихъ вдоль берега. Мы здѣсь увидѣли прекрасный заливъ, отдѣляющій Негропонтъ отъ твердой

земли и почти въ ту же минуту уединенныя развалины храма Немезиды и города. Мѣстоположеніе единственное! Заливъ, точно зеркало, отражаетъ темныя, зеленыя горы Негропонта, и самый берегъ, на которомъ мы стоимъ, также покрытъ прекрасною зеленью. Древніе Греки лучше чѣмъ кто-нибудь, умѣли выбирать приличное мѣсто для своихъ храмовъ. Кажется, будто они находили въ самой природѣ всѣ принадлежности ихъ: величіе, уединеніе, таинственность — и потомъ воздвигали искусственное святилище, какъ бы вѣнецъ къ святилищу естественному. Не соединяли ли они во всемъ богослуженіи своемъ красоты природы съ красотами искусства? Статуи героевъ, жертвенники боговъ были разсыпаны внутри священной дубравы между священными растеніями; изъ самыхъ же храмовъ, не имѣвшихъ часто крыши, виднѣлось голубое небо. Всѣ благочестивыя мысли возвышались посредствомъ предметовъ красивыхъ, и вкусъ въ выборѣ ихъ былъ такъ чистъ, оттого, что онъ основывался на красотахъ мѣстоположенія и человѣческаго тѣла. Мы тщательно разсмотрѣли развалины, заросшія травой и кустами. Здѣсь не устояла ни одна колонна; куски мрамора раскиданы въ безпорядкѣ, и змѣи вьются тамъ, гдѣ былъ прежде храмъ

Мщенія. Докторъ Крамеръ сдѣлалъ для меня слѣдующія замѣчанія:

«Храмъ Немезиды или Мщенія стоитъ на вершинѣ горы, спускающейся къ морю, а древній городъ пониже, на той же горѣ. Его развалины состоятъ изъ основаній, многочисленныхъ обломковъ всѣхъ частей храма и нѣкоторыхъ рельефныхъ кусковъ. Надо употребить много времени, чтобъ составить себѣ по остаткамъ ихъ какую-нибудь идею о цѣломъ. Пропорція храма была мала; замѣчательный фактъ, что колонны только частью канелюрованы (продорожены желобками), могу я, послѣ поверхностнаго обозрѣнія, объяснить себѣ тѣмъ, что храмъ былъ оставленъ въ недовершенномъ видѣ. Канелюры видны въ различныхъ мѣстахъ, на разныхъ колоннахъ; на нѣкоторыхъ канелюры подъ самой капителью, на другихъ у самаго основанія, а на третьихъ въ срединѣ. Мы не нашли никакихъ слѣдовъ ни окружной стѣны (περίβολος), ни двухъ стульевъ съ надписями, упоминаемыхъ Джелломъ. Кажется, здѣсь было два святилища, изъ которыхъ одно состоитъ изъ весьма малой целлы. Дорожка по узкому оврагу ведетъ отъ храма, внизъ по горѣ, до города, который стоялъ на мѣстѣ, совершенно отдѣльномъ, круто склоняющимся къ морю. Это мѣсто

такимъ-образомъ укрѣплено самой природой. Форма этой возвышенности — квадратъ съ угломъ, обращеннымъ со стороны земли къ оврагу, который спускается съ сосѣднихъ горъ. Обѣ стороны квадрата со стороны земли укрѣплены стѣнами и выложены большими, прекрасно высѣченными камнями. Противъ самаго оврага находятся ворота. Я не могъ удостовѣриться — окружали ли стѣны и тѣ двѣ части города, которыя были обращены къ морю? Внутри стѣнъ, кромѣ неглубокаго колодца, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ сѣверномъ направленіи отъ бывшаго города видна часть берега, довольно плоская и способная къ храненію и починкѣ лодокъ. Тутъ находится русло рѣчки, впадающей въ море, но теперь высохшей. Съ прочихъ сторонъ берега спускаются круто въ море отъ хребта горъ, которыя простираются до мыса Мараѳонскаго или Цинозура.»

Изъ Рамнуса, который мы съ такою настойчивостью и такимъ трудомъ отъискали, обратились мы къ югу на Мараѳонъ. Мы проѣхали по достопамятному полю или лучше мимо его, между Парнезомъ и глубокимъ болотомъ, въ которомъ, по свидѣтельству Греческихъ историковъ, погибло столько Персіянъ. Мараѳонская равнина имѣетъ видъ большаго полукружія, заключаю-

гощася между мысомъ Цинозуры и горами Парнесомъ и Пентиликономъ. Болото его такъ обширно, что весьма понятно, какъ могло погибнуть здѣсь цѣлое воинство, и такъ близко подходитъ къ утесамъ Парнеса, что едва ли оставляетъ самую узкую тропинку. Мы по ней тянулись верхомъ и весьма осторожно до деревни Сули, а оттуда, повернувъ къ западу, оставили равнину и, перешедъ возвышенность, соединяющую Парнесъ съ Пентиликономъ, прибыли въ теперешній Марѳонъ. Эта деревенька, въ разстояніи получаса ѣзды отъ равнины, расположена въ весьма уединенной долинѣ. Чрезъ нее протекаетъ рѣчка, по берегамъ которой разсыпаны олеандры.

Мы здѣсь отобѣдали, отдохнули отъ трудовъ и поднялись опять, но съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, — доѣдемъ ли на усталыхъ мулахъ до Аѳинъ. Пентиликонъ, послѣдняя преграда достиженія сей вожделѣнной цѣли, былъ еще передъ нами. Дорога довольно тяжела; мы однако дошли до перелома мраморной горы, или, лучше сказать, возвышеннаго основанія къ горамъ, болѣе высокимъ. Отсюда мы увидѣли пространную равнину, постепенно склоняющуюся къ югозападу. Видъ ея чрезвычайно мраченъ, слѣдовъ земледѣлія и на-

родонаселенія нѣтъ вовсе, и на большомъ разстояніи видна только безплодная и безводная почва, вся заросшая мастиковыми кустами.

Родъ укрѣпленія устроенъ здѣсь въ старинномъ строеніи, бывшемъ, какъ мнѣ кажется, монастыремъ. Неопрятный солдатъ, стоявшій на часахъ, спросилъ насъ, куда мы ѣдемъ, какъ видно длятого только, чтобъ напомнить путешественникамъ, что они приближаются къ столицѣ. Мы замѣтили то же самое въ послѣдствіи, когда въѣзжали въ деревню Цефизія, гдѣ новыя зданія, возводимыя посреди разрушенныхъ, свидѣтельствуютъ о ея благоденствіи. Оливковые и виноградные сады окружаютъ это мѣстечко, орошаемое прекрасными источниками. Было уже восемь часовъ и мулы почти падали отъ усталости; но какъ можно было остановиться въ трехъ часахъ разстоянія отъ Аѳинъ и съ Химеттомъ передъ глазами! Итакъ мы рѣшительно продолжали путь въ темнотѣ вечера. Скоро показалась битая дорога, признаться исчезающая часто въ болотистой почвѣ, но все таки манящая насъ посреди прелестной ночи впередъ. Наконецъ мы проѣхали мимо освѣщеннаго дома, потомъ мимо двухъ или трехъ другихъ, разсыпанныхъ въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, и обѣщающихъ намъ ско-

рый пріѣздъ въ городъ. — Но провожатые наши остановились; мы были уже въ Hermes-Strasse, у дверей Баварскаго кофейнаго дома, и слѣдовательно въ самыхъ Аѳинахъ! Но такъ какъ мнѣ квартира отведена не въ улицѣ Меркурія, гдѣ всего, кажется, неболѣе десяти домовъ, то мы продолжали путь свой, и скоро очутились посреди бѣдныхъ домовъ, слѣпленныхъ частью изъ камней, частью изъ грязи; между ними была наша квартира и я съ наслажденіемъ легъ отдохнуть послѣ изнурительнаго пути.

АѲИНЫ. *Воскресенье* $^{28}/_{9}$ *Іюня.* — Вотъ уже недѣля, какъ я въ Аѳинахъ, гдѣ удивляюсь славнымъ памятникамъ древности и убожеству нынѣшняго города. Болѣе разительной противоположности нельзя нигдѣ видѣть. Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ привела къ намъ, въ первый день нашего пребыванія здѣсь, нѣсколько гостепріимныхъ соотечественниковъ, причисленныхъ къ нашему посольству. Они тотчасъ предложили показать намъ по порядку все, чѣмъ славятся Аѳины, и, не смотря на утомительный жаръ, мы пустились съ ними осматривать акрополисъ и всѣ сокровища, въ немъ заключающіяся. Я долженъ однако признаться, что, въ первыя минуты прибытія, Аѳины были еще пріятнѣе для насъ какъ мѣсто отдохновенія, имѣющее также нѣкоторое общество, чѣмъ по классическимъ своимъ воспоминаніямъ. Правда, что большая часть новаго города составлена изъ худо выстроенныхъ до-

мовъ, между коими нѣтъ еще ни мостовой, ни фонарей, ни экипажей — словомъ ничего, что̀ моглобы напомнить о столичной или даже о самой скромной городской жизни. Но намъ дали бѣлаго хлѣба, порядочнаго вина, кой-какія кровати и все это, послѣ нашихъ продолжительныхъ лишеній, сблизило насъ съ Европой. Общество Европейское также есть, и даже нѣтъ другаго, т. е. національнаго; но я напишу о семъ въ свое время болѣе, а теперь обращаюсь къ первому дню нашего пребыванія въ Аѳинахъ. Явясь къ посланнику, мы цѣлымъ обществомъ рѣшили такъ употребить день, чтобъ составить себѣ поверхностное понятіе о мѣстности города и для того направили путь свой сперва къ антикварію Питакису длятого, чтобъ подъ его руководствомъ все увидѣть. Имѣя на лѣвой рукѣ величественную гору Акрополиса, которая входитъ главною частью во всѣ виды города, мы прошли между плохими домами и дошли такимъ образомъ до новой Агоры. Это строеніе временъ Римскихъ Императоровъ. Его тріумфальныя ворота еще существуютъ и состоятъ изъ четырехъ дорическихъ колоннъ. Теперь, какъ и прежде, мѣсто это составляетъ самую торговую часть города; здѣсь болѣе всего продаются съѣстные припасы. Узкая улица, об-

ставленная низкими домами съ множествомъ лавокъ, и покрытая отъ солнца холстомъ, ведетъ въ западную часть города, въ которой Баварцы начинаютъ строить себѣ дома въ своемъ вкусѣ, не соображаясь ни мало съ потребностями здѣшняго жаркаго климата. Я съ большимъ удовольствіемъ познакомился съ г. Питакисомъ, котораго кроткое и простое обхожденіе возбуждаетъ съ первой минуты душевное къ нему расположеніе. Онъ скромный ревнитель славы своего отечества. Въ то время, когда оно было угнетаемо Турками или опустошаемо войною, онъ старался о сохраненіи древнихъ памятниковъ, и списывалъ надписи, имъ находимыя. Имя его извѣстно всѣмъ любителямъ древностей. Домъ его достойное жилище археолога. Весь дворъ наполненъ красивыми обломками скульптуры, архитектуры, съ надписями, расположенными гораздо пристойнѣе, чѣмъ его семейство, которое помѣщается все въ одной комнатѣ. Онъ намъ показалъ твореніе, начатое имъ: описаніе мѣстоположенія и древностей Аѳинъ съ переводомъ и объясненіемъ надписей, имъ найденныхъ. Нельзя не уважить эту ревность къ сохраненію памятниковъ, часто столь недостаточныхъ, что самъ собиратель не можетъ по нимъ составить себѣ никакого понятія. Трудъ этотъ

скученъ и мелоченъ; но не должно имъ пренебрегать, ибо мелочь, приведенная въ полную систему, можетъ объяснить что-нибудь темное или дополнить недостатокъ въ наукѣ.

Г. Питакисъ получилъ отъ Баварскаго правительства назначеніе, довольно странное для археолога — именно, записывать таможенные перечни проданныхъ и покупныхъ товаровъ. Сложивъ въ кучу всѣ свои ученыя и офиціальныя бумаги, онъ сдѣлался нашимъ чичероне, и повелъ насъ въ Акрополисъ. Мало по малу подымаясь на крутую скалу, мы увидѣли обширный горизонтъ, на которомъ многія мѣста сохраняютъ еще и понынѣ древнія названія. Внизу темная скала Ареопага, съ двумя пещерами, въ которыхъ полагаютъ тюрьму Сократа, стоитъ противъ самаго входа въ пропилей Акрополиса. Налѣво отъ него примѣтна возвышенность Пникса, которую узнали потому, что тамъ находится каѳедра Ѳемистокла, изсѣченная въ дикомъ камнѣ. Далѣе въ этомъ же направленіи была академія, гдѣ Платонъ бесѣдовалъ съ своими учениками; но прелестная роща, окружавшая ее, исчезла. Море, портъ Пирея и отдаленныя возвышенности острова Саламина служатъ окончаніемъ горизонту съ южной стороны; на сѣ-

верной простирается городъ; тутъ же видны храмъ Тезея, прекрасно сохранившійся, нынѣшніе домы и за ними горы Ликабетъ, Химетъ и вся страна до Пентиликона, замѣчательная столько же по волканическимъ формамъ и прозрачности воздуха, какъ и по своимъ классическимъ воспоминаніямъ. Надо видѣть эту картину днемъ, чтобъ насладиться прелестями разнообразной природы, гдѣ развернулся геній самаго просвѣщеннаго и самаго пылкаго народа; надобно также видѣть ее посреди безмолвной ночи, при лунномъ свѣтѣ, чтобъ попеременно обращаться къ каждому мѣсту и бесѣдовать съ его духомъ. Когда нельзя слышать говора живыхъ, тогда кажется, будто мертвые говорятъ; по-крайней-мѣрѣ мы болѣе расположены вникнуть въ духъ мудрости и доблести, когда не разсѣяны тревогами окружающей насъ жизни.

Театръ или одеонъ, выстроенный, во времена Римскихъ Императоровъ, Иродомъ Аттикомъ, въ память жены его, Региллы, находится на юго-западномъ концѣ Акрополиса, передъ самымъ входомъ въ пропилей. Мѣста для зрителей изсѣчены уступами въ дикомъ камнѣ. Противоположная стѣна, замыкающая сцену, имѣетъ нѣсколько оконъ, обращенныхъ къ морю. У наружной стѣны крѣпости мы должны были остановиться, что-

бы купить билеты для входа. Нельзя осуждать этого сбора, видя бѣдность теперешней Греціи и стараніе Короля Оттона для открытія и сохраненія ея памятниковъ. — Въ самомъ дѣлѣ, мы нашли удивительную дѣятельность, какъ скоро прошли стѣны. Множество работниковъ ломали топорами и желѣзными ломами всѣ украшенія и другія застройки Турецкія, которыя заслоняютъ Греческіе храмы. Они относятъ какъ сокровище обломки, имѣющіе нѣкоторые слѣды Греческой работы, для храненія въ нарочно отведенномъ для сего мѣстѣ, но сбрасываютъ по крутому боку скалы всѣ камни, не освященные печатью древности. Такимъ образомъ разрушено теперь столько казематовъ и магазиновъ, что времена Перикла съ прекрасными своими принадлежностями начинаютъ проявляться изъ-за пестрой ограды, которою ихъ окружили разныя столѣтія Норманскаго, Венеціанскаго и Турецкаго владычества.

Рисунокъ г. Ефимова (*) представляетъ теперешнее положеніе сего строенія, которое пеменѣе Парѳенона славится въ числѣ самыхъ лучшихъ произведеній Периклова времени. Портикъ съ дву-

(*) Этотъ рисунокъ былъ литографированъ и приложенъ къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 года.

мя флигелями повидимому служилъ въ одно и то же время торжественнымъ входомъ въ самую важную часть города и укрѣпленіемъ противъ непріятеля. Ликъ описываетъ подробно систему защиты, по которой были выстроены и наружныя, и внутреннія стѣны, и замѣчаетъ, что украшенія были такъ просты, что не могли затруднять осажденныхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, простой, дорическій портикъ, въ углубленіи между двумя флигелями, былъ весьма способенъ для прикрытія войскъ, обращенныхъ лицомъ къ непріятелю; между тѣмъ какъ съ обоихъ флигелей, но наиболѣе съ лѣваго, осажденные могли бросать копья. Конечно, нѣтъ другой крѣпости въ мірѣ, столь красивой какъ эта. Теперешніе бастіоны нашихъ укрѣпленныхъ городовъ отражаютъ силу непріятеля угловыми и высокими массами, но Пропилей, являясь за стѣной легкимъ и стройнымъ своимъ портикомъ, кажется будто останавливаетъ непріятеля однимъ тихимъ своимъ благородствомъ. Въ немъ видны сила и красота, которыя мы себѣ воображаемъ на челѣ юныхъ героевъ Иліады. И конечно, красота можетъ быть сопряжена съ воинскою наружностью — это доказывается исполинскою статуей Минервы - защитницы *προμαχος*, которая возвышалась изъ - за Пропилея въ пол-

номъ вооруженіи. Сравните этотъ идеалъ вооруженнаго міра съ теперешними воинами, и вы увидите, сколько древніе думали болѣе нашего о соединеніи прекраснаго съ полезнымъ. Два піедесталя напереди служили основаніемъ для двухъ конныхъ статуй. По правую сторону зрителя показанъ, въ рисункѣ г. Ефимова, храмъ побѣды, который, находясь передъ южнымъ флигелемъ Пропилея, нарушалъ строгую симметрію, украшая преимущественно одну изъ противоположныхъ частей. Это тайна древней архитектуры, которую мы совершенно потеряли, именно: какъ наблюдать въ постройкахъ, требующихъ симметріи, нѣкоторый живописный безпорядокъ, заставляющій съ удовольствіемъ обращать глаза съ одного предмета на другой. Мы это хорошо видимъ на остаткахъ, найденныхъ въ Римѣ. Еслибы теперь возобновить на основаніяхъ, вырытыхъ изъ земли, всѣ бывшія на нихъ постройки, то они были бы расположены въ величайшемъ безпорядкѣ въ отношеніи другъ къ другу. Одинъ фронтонъ выдался бы угломъ надъ фронтономъ другаго, и изъ одного пункта были бы видны скопленныя безъ всякаго порядка строенія, подымающіяся одно надъ другимъ; тутъ было бы видно гораздо болѣе случайности и, по этому, болѣе разнообра-

зія, чѣмъ въ прямоугольныхъ строяхъ, которые отличаютъ наши теперешнія парадныя площади.

Я увѣренъ, что архитектура возбуждаетъ вообще такъ мало интереса въ сравненіи съ живописью потому только, что ее почитаютъ художествомъ, болѣе математическимъ, чѣмъ нравственнымъ. По моему мнѣнію это величайшая ошибка. Сущность человѣческой жизни и природы вообще имѣетъ много отношенія къ пропорціи построекъ, и архитекторъ, истинно понимающій свое назначеніе, долженъ предварительно выучиться рисовать нетолько человѣческое тѣло, но также животныхъ, растенія и все, имѣющее жизнь. Мы видимъ, что архитектура всегда процвѣтала наиболѣе въ то время, когда природа была прилежнѣе изучаема. Вѣкъ Перикловъ и вѣкъ папы Льва X отличались успѣхами нравственныхъ и естественныхъ наукъ; архитекторъ Пареенона и Браманте были современники лучшихъ живописцевъ, философовъ и поэтовъ.

Но красивое мѣстоположеніе маленькаго храма *неокриленной побѣды* увлекло меня слишкомъ далеко. Моя первая мысль состояла въ томъ, что этотъ храмикъ, стоя на одномъ концѣ огромной массы Пропилея, былъ тамъ поставленъ съ особенной тонкостью вкуса. Его настоящія пропорціи не

были до-сихъ-поръ извѣстны, потому-что онъ былъ покрытъ до сего года Турецкими постройками. Я въ послѣдствіи приведу въ подробности его размѣръ, а пока долженъ по совѣсти сказать, что хотя мы его возобновили въ рисункѣ, полагаясь на обѣщаніе архитектора возобновить его въ самомъ дѣлѣ изъ найденныхъ обломковъ, теперь однако видно одно только его основаніе.

Парѳенонъ стоитъ за Пропилеями на право отъ входа, на высокомъ фундаментѣ, придающемъ ему еще болѣе величія. Весь храмъ изъ мрамора, очень пожелтѣвшаго отъ времени. Общій его характеръ былъ мнѣ извѣстенъ по многимъ рисункамъ, мною видѣннымъ и по главнымъ правиламъ Дорической архитектуры, которыя дѣлаютъ сходными между собою всѣ храмы этого ордена. Рисунки, однако, не могутъ всего передать, и храмы Пестумскіе, Фигалійскій, Коринѳскій далеко отстали отъ Парѳенона. Во-первыхъ матеріалъ благороднѣе, ибо храмъ весь изъ мрамора, и пропорціональности также гораздо болѣе; но отличительная черта Парѳенона — это особенная тонкость и чистота отдѣлки не въ томъ только, что относится до скульптурныхъ украшеній, изъ коихъ главныя увезены лордомъ Эльгиномъ, но и въ подробностяхъ архитектуры, столь простой

и вмѣстѣ съ тѣмъ столь гармонической. Прибавьте къ этому прекраснѣйшее мѣстоположеніе, дающее картинѣ самый блестящій *fond*, откуда бы вы ни глядѣли на храмъ.

Всѣ знатоки почитаютъ Парѳенонъ самымъ прекраснымъ и совершеннымъ идеаломъ Греческаго вкуса. Но надо быть нѣсколько посвященнымъ въ таинства сего вкуса, чтобъ совершенно оцѣнить красоту этого храма. Тотъ, кто ожидаетъ, что высокая громада поразитъ его внезапно, какъ куполъ святаго Петра въ Римѣ, или какъ внутренность какой нибудь Готической церкви — крайне ошибется въ своемъ ожиданіи. Эти зданія дѣйствуютъ на насъ потому, что ихъ цѣлью было дѣйствовать и поражать, и они столько велики и могущи, сколько человѣкъ ничтоженъ, слабъ и суевѣренъ. Но Греческіе храмы не имѣли этой цѣли; во-первыхъ народъ очень мало входилъ въ нихъ, и оставался болѣе снаружи для принесенія своихъ жертвъ. Храмъ былъ, въ собственномъ смыслѣ, домомъ какого-нибудь мѣстнаго божества. Характеръ его составляли достоинство и скромность; онъ какъ будто хотѣлъ исполнять все то, на что онъ посвященъ, и быть равнодушнымъ къ мнѣнію, которое объ немъ имѣютъ. Это относится и до цѣлаго, и до частей. Сіи послѣднія въ

такой гармоніи съ прочимъ, что мы ихъ сначала не замѣчаемъ, но коль скоро приблизимся съ намѣреніемъ разбирать ихъ, то удивляемся совершенству ихъ отдѣлки. Статуи и барельефы на фризѣ Парѳенона не могли никогда возбуждать столько удивленія, когда они были на высокихъ мѣстахъ своихъ, какъ теперь, когда ихъ можно видѣть на землѣ гораздо ближе. Но за то весь храмъ имѣлъ въ то время единство — качество, принадлежащее одному совершенству. Мы теперь не можемъ себѣ вообразить, что̀ былъ онъ въ то время, когда свѣтлоокая, дѣвственная богиня покрывала своимъ щитомъ любимый свой городъ, когда лучшія статуи стояли вдоль стѣны храма, и когда голубое Греческое небо проглядывало черезъ отверстіе въ целлу. Антикваріи спорятъ о томъ, что древніе употребляли краски въ тѣхъ архитектурныхъ украшеніяхъ, которыя мы оставляемъ всегда бѣлыми, и безъ сомнѣнія вопросъ этотъ весьма важенъ для узнанія, какова была внутренность сихъ зданій. Но пока ученые занимаются этимъ предметомъ, всякій, кто только имѣетъ зрѣніе, заглядится на остатки Парѳенона. Размѣръ всѣхъ частей такъ удовлетворителенъ и полонъ, отношеніе колоннъ къ храму, капители къ колоннѣ, и самаго храма къ окружающему мѣсту, такъ естественно,

что ничего нельзя перемѣнить. Видно, что не произволъ, а фундаментальныя правила твердости и красоты служатъ основаніемъ этой архитектуры и что она должна, во всѣхъ вѣкахъ, нравиться человѣку по внутреннему своему достоинству. Вотъ, что будетъ отличать всегда Греческую архитектуру отъ Готической, которая также дорога нашему воображенію, но болѣе по религіознымъ и историческихъ воспоминаніямъ вѣка, въ которомъ она существовала, чѣмъ по очевидной пользѣ и красотѣ. Впрочемъ эти сравненія трудны и совершенно безполезны. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе о западномъ фронтонѣ Парѳенона; но, чтобъ вообразить себѣ всю красоту широкаго портика, надо сказать, что со всѣхъ четырехъ его сторонъ перспектива оканчивается видомъ на прелестную страну, которая составляетъ лучшее украшеніе храма. Мечеть, построенная Турками внутри Парѳенона, употребляется теперь какъ кладовая для дорогихъ обломковъ. Стѣны храма не мало искажены крупными надписями разныхъ его посѣтителей; особенно многочисленны имена Русскихъ моряковъ; было бы гораздо лучше, еслибъ ихъ не было столько.

По близости Парѳенона находится другой храмъ, неменѣе любопытный и, въ другомъ родѣ, неменѣе красивый. Это Эрехтей. Храмикъ сей состоитъ изъ двухъ отдѣленій, посвященныхъ разнымъ божествамъ; они выстроены безъ всякой симметріи. У одного изъ отдѣленій полъ слишкомъ саженью ниже другаго и заключается между двумя портиками, изъ коихъ сѣверный поддерживается Іоническими колоннами, а южный, гораздо менѣе сѣвернаго, шестью каріатидами, или драпированными женщинами, служившими образцами для всего свѣта въ этомъ родѣ украшеній. Фантазія архитектора разъигралась въ этомъ прекрасномъ произведеніи и соединила на самомъ маломъ пространствѣ разнообразіе и богатство въ украшеніяхъ, которыхъ нельзя видѣть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Нѣжность и прелесть Іоническаго ордена допускаютъ это богатство въ деталяхъ, которыхъ болѣе строгій Дорическій орденъ не позволяетъ. Кажется Гете имѣлъ въ виду что-то похожее на Эрехтей въ ту минуту, когда онъ заставляетъ Фауста, присутствующаго при волшебномъ представленіи, воскликнуть:

«Es scheint mir ja der ganze Tempel singt.»

Эти два храма, столь близкіе другъ къ другу, не

вредятъ себѣ взаимно, ибо красоты ихъ въ совершенно различномъ вкусѣ. Пареенонъ, широкій, спокойный, напоминаетъ величавую красоту нѣкоторыхъ Греческихъ статуй Юноны, у которой прекрасныя выпуклыя формы, роскошныя уста, тяжелыя рѣсницы выражаютъ задумчивость, способность любить и совершенное самозабвеніе. Эрехтей, напротивъ, представляетъ болѣе живую красавицу. Іоническій волутъ, раздѣляясь какъ локоны на двѣ стороны сверхъ каждой колонны, придаетъ храму болѣе женскій характеръ — характеръ прелести въ движеніяхъ и веселія души. Это бѣлокурая дѣвушка, которая пляшетъ и смѣется; но въ ея пляскѣ столько легкости, въ ея смѣхѣ столько любви, что, глядя на нее, думаешь, что въ ней одной соединились прелесть и радость всей вселенной.

Спустившись съ Акрополиса, мы пошли въ гостинницу Albergo Nuovo, и тамъ пообѣдали такъ, какъ не удавалось намъ обѣдать ни разу со времени отъѣзда изъ Наполи ди Романія. Возвратясь уже вечеромъ домой, мы увидѣли издалека освѣщенныя окна въ домѣ нашего посланника. Дамы, дипломаты и военные въ большомъ нарядѣ тянулись туда пѣшкомъ, перескакивая искусно съ камня на камень и освѣщая себѣ путь

фонарями, чтобъ не упасть въ какую нибудь изъ ямъ, которыхъ здѣсь надѣлано множество для приготовленія извести; онѣ мѣшаютъ проѣзду каретъ по Аѳинскимъ улицамъ. Мы не собрались съ духомъ воспользоваться приглашеніемъ нашего посланника. Усталость заставила насъ предпочесть увеселенію отдыхъ на нашей скромной квартирѣ и довольствоваться тѣмъ, что мы ужь видѣли.

Удовольствіе находиться въ самомъ занимательномъ мѣстѣ на свѣтѣ чувствительно уменьшается для меня тѣмъ, что мнѣ приходится читать много антикварныхъ описаній. Эти разсужденія, столь драгоцѣнныя для историка и для основательнаго путешественника, весьма тяжелы для того, кто торопится видѣть и чувствовать. Довольно сухія, но необходимыя описанія Павзанія примѣшиваются на каждомъ шагу къ наблюденіямъ, которыя было бы гораздо пріятнѣе дѣлать безъ его помощи. Множество ученыхъ, перерѣзывая по его слѣдамъ землю Греціи и роясь въ ней, подняли такую пыль теорій, что боишься ослѣпнуть и задохнуться при самомъ вступленіи въ какое либо историческое мѣсто. Мы веземъ съ собою множество книгъ, но, признаюсь, охота читать ихъ проходитъ у меня за исключеніемъ Лика,

который соединяетъ съ ясностью изложенія большія познанія мѣстностей и обычаевъ древнихъ. — Мнѣ кажется, что въ отношеніи къ топографіи Аѳинъ весьма немного остается прибавить къ свѣдѣніямъ, находящимся въ его книгѣ. Притомъ же путешественники теперь не имѣютъ свободы, которою пользовались при Туркахъ — рыться гдѣ хотятъ, и это весьма справедливо; ибо безъ того не было бы возможности сохранить въ Греціи сокровищъ, которыя правительство имѣетъ благое намѣреніе мало по малу отъискать для храненія въ отечественномъ музеумѣ. По обѣимъ этимъ причинамъ мы рѣшились оставить топографію Аѳинъ въ покоѣ и обратить наше вниманіе на образъ построенія и на детали Парѳенона и нѣкоторыхъ другихъ чудесныхъ зданій, которыя мы здѣсь видимъ. — Я думаю, что эта часть менѣе извѣстна и неменѣе прочихъ полезна. — Я уже получилъ, съ помощію нашего посланника, старающагося всячески доставить средство къ достиженію нашей цѣли, позволеніе изслѣдовать въ подробности Парѳенонъ и храмъ Неокриленной Побѣды, и дѣлать необходимыя разрытія для точнѣйшаго узнанія пропорцій. Такимъ образомъ, безъ всякаго вреда или потери для храмовъ, мы

постараемся только, чтобъ ихъ красоты были оцѣнены въ нашемъ отечествѣ. Нашимъ волшебнымъ жезломъ, для переселенія ихъ въ Россію, будетъ сажень или метръ, который мы будемъ прикладывать къ храмамъ во всѣхъ ихъ направленіяхъ.

ПАРѲЕНОНЪ.

Примѣчаніе 1. Слѣдующее описаніе Пареенона, равно какъ приложенные къ нему въ атласѣ рисунки, были составлены по моей просьбѣ Баварскимъ архитекторомъ Метцгеромъ, хотя, по ошибкѣ гравера, вмѣсто его имени поставлено имя Карла Брюллова. Система построенія, столько усовершенствованная у Грековъ, изложена здѣсь съ подробностями, которыя не были до-сихъ-поръ извѣстны публикѣ, и въ описаніи Пареенона, сдѣланномъ гг. Стюартомъ и Реветтомъ, свѣдѣнія, нынѣ представляемыя публикѣ, вовсе не находятся.

Примѣчаніе 2. Для измѣренія принятъ здѣсь Французскій метръ. Есть части въ чертежахъ, которыя выражены въ большихъ и малыхъ мѣрахъ, какъ того требовала ясность изложенія; но во всякомъ случаѣ, тутъ же означены десятичныя дроби, которыя показываютъ величину въ принятомъ масштабѣ.

По этому численное выраженіе : 0,01 *П. М.* значитъ, что 10 миллиметровъ представляютъ величину метра въ чертежѣ. Ибо $^{10}/_{1000} = {}^{1}/_{100} = 0,01$, означаютъ 10 миллиметровъ или одинъ сантиметръ.

Равнымъ образомъ 0, 10 $= {}^{100}/_{1000} = {}^{1}/_{100}$ означаютъ 10 сантиметровъ, соотвѣтствующихъ одному метру въ чертежѣ. 0, 50 $= {}^{1}/_{2}$ значитъ 50 сантиметровъ на одинъ метръ ипр. ипр.

ПАРФЕНОНЪ.

Этотъ храмъ построенъ архитекторами Иктиномъ и Калликратомъ, подъ главнымъ надзоромъ Фидія, въ правленіе Перикла, около 83 Олимпіады, 448 лѣтъ до Р. Х.

Плутархъ говорилъ нѣкогда о зданіяхъ, построенныхъ во время Перикла: «въ нихъ обитаетъ, кажется, духъ жизни, сообщающій имъ нерушимую твердость и неувядаемую красоту.» Конечно, время только слегка коснулось Парфенона, но за то чего не сдѣлали съ нимъ люди? Взаимная ненависть религіозныхъ партій, опустошительныя войны и хищничество образованныхъ грабителей ускорили его паденіе.

Въ 1687 году, во время осады Венеціянъ, подъ предводительствомъ графа Кёнигсмарка и Прове-

дитора Морозини, бомба, упавши въ средину города, произвела взрывъ Турецкаго пороховаго магазина, и ужасное потрясеніе обрушило часть храма.

Шотландецъ, лордъ Эльгинъ, въ 1801 и 1802 годахъ продолжалъ ненавистную сцену разрушенія, и, еслибы достало у него средствъ, онъ перетащилъ бы, кажется, цѣлый храмъ въ Лондонъ. Онъ увезъ большую часть скульптуръ и рельефовъ, способныхъ перемѣнить мѣсто.

Велеръ и Спонъ видѣли этотъ храмъ еще въ 1676 году. Въ немъ отправлялось тогда богослуженіе по обрядамъ Греческой Церкви. Легкіе слѣды этого остались донынѣ въ стѣнной живописи опистодома. Теперь доказано, что эти ученые вовсе не были свободны отъ заблужденій, которыя частію принялъ отъ нихъ и пересказалъ Стюартъ.

При точнѣйшемъ разсмотрѣніи можно замѣтить, что храмъ потерпѣлъ много измѣненій въ разныя времена своего существованія. Это доказываютъ, между прочимъ, ступеньки грубой работы, вставленныя промежъ главныхъ уступовъ храма, и ведущія къ пространству между каждою парою колоннъ, равно какъ жолобки, изсѣченные вдоль столбовъ, по угловымъ колоннамъ

и по верху второй изъ длинныхъ стѣнъ, для стока воды.

Что̀ нынѣ остается еще отъ Парѳенона, и что̀ въ этомъ остаткѣ принадлежитъ временамъ Перикла, это означено въ рисункахъ. Мѣры означены на западномъ фасадѣ, уцѣлѣвшемъ болѣе другихъ частей храма.

Фигуры на фронтонѣ, рельефы и метопы весьма недостаточны. Остаткомъ карниза надъ внутреннимъ рядомъ колоннъ портика обязаны мы заступничеству Франціи, содѣйствіемъ которой Порта остановила разрушеніе Парѳенона; это же воспрепятствовало лорду Эльгину въ дальнѣйшемъ его хищничествѣ. Фигуры и рельефы разсѣяны по всей Европѣ; но копіи съ нихъ, по предложенію маркиза де-Ноатель, сняты 1674-1678 года Голландскимъ живописцемъ Яковомъ Каррей, и теперь хранятся въ Парижской королевской библіотекѣ.

Стюартъ и художники, работавшіе для Эльгина, издали сочиненія объ этомъ предметѣ. К. О. Мюллеръ, въ прибавленіи къ Нѣмецкому переводу Стюарта, обстоятельно обработалъ эту матерію.

ПЛАНЪ ОСНОВАНІЯ.

Листъ I. Колонны и окружныя стѣны, означенныя черною краскою, стоятъ и теперь на своихъ мѣстахъ. Недостающія представлены въ очеркахъ. Пробѣлы показываютъ части основанія, которыя можно видѣть. На планѣ я точно представилъ самыя плиты камня, для яснѣйшаго понятія строительнаго искусства.

A B есть восточный фасадъ портика. Изъ колоннъ передней части храма осталась только угловая на право и часть анты.

C D целла; *e e* суть линіи, обозначающія четыреугольное пространство, лежащее нѣсколько глубже внутри.

Велеръ и Спонъ въ 1676 году видѣли вокругъ этого мѣста галлерею, которая поддерживалась двумя, одинъ на другомъ, рядами колоннъ. Мы не знаемъ навѣрно, къ какому времени должно отнести построеніе этой галлереи, — къ времени ли Перикла, или къ вѣкамъ христіанства. Витрувій описываетъ Парѳенонъ, какъ гипетросъ, т. е. открытый воздуху; но прерывающаяся кровля храма могла и безъ двойнаго ряда колоннъ быть утверждена.

Дверь, ведшая изъ опистодома въ целлу, вовсе не была такого огромнаго размѣра, въ какомъ представляетъ ее Стюартъ; она имѣла только 2

метра и 27 сантиметровъ, какъ это видно подъ лит. *q*; слѣдовательно не мѣшала галлереѣ.

G H есть опистодомъ или казнохранилище, сколько въ томъ гг. археологи согласны (*). И тутъ не могу я слѣдовать предположенію другихъ. Велеръ и Спонъ нашли 6 колоннъ, которыя означилъ Стюартъ въ своемъ планѣ; другіе принимаютъ по 4-ре на каждую сторону, всего на все 8. Напротивъ я допускаю только по двѣ въ рядъ, всего 4, какъ это видно на рисункѣ, съ точнымъ означеніемъ мѣры. Неровность плитъ не должна вводить въ заблужденіе; это мѣсто было ниже на 38 миллиметровъ, и было нѣкогда въ уровнѣ съ порогомъ, что̀ можно заключить изъ положенія остальныхъ частей помоста. Положеніемъ означенныхъ колоннъ опистодомъ раздѣляется на 3 части. Это совершенно согласно съ теоріею строительнаго исскуства. Стюартъ наудачу означаетъ мѣста колоннъ, вдоль окружныхъ стѣнъ; неосновательность этого мнѣнія бросается въ глаза.

Колонны портика имѣли между собою рядъ перилъ, примыкавшихъ къ антамъ, см. *p p p*. Устройство помоста опредѣляетъ основу этихъ

(*) Стюартъ Ч. I, стр. 271.

перилъ, что̀ также можно видѣть изъ углубленій, сдѣланныхъ въ колоннахъ, въ 560 миллиметровъ шириною. *M M* есть возвышенность, идущая двумя уступами до самыхъ стѣнъ храма.

По четыремъ угламъ, внѣшнія колонны поставлены къ сосѣднимъ на 60 сантиметровъ ближе, и сдѣланы на 63 миллиметра толще прочихъ. То же разумѣется и о колоннахъ портика. Этого требовала прочность постройки.

Листъ II. Абрисъ портика. Спайки объясняютъ его сложеніе снаружи. Фигуры на фронтонѣ и метопы, будучи извѣстны по другимъ сочиненіямъ, здѣсь опущены.

Листъ III. Фиг. I. Портикъ въ разрѣзѣ, въ ширину. Съ одной стороны видны колонны портика, съ другой онѣ опущены, и вы находите стѣну опистодома съ антою *A*. На карнизѣ, поверхъ колоннъ, были рельефы съ изображеніемъ торжественнаго панатенейскаго шествія. Далѣе концы перекладинъ въ портикѣ и постикѣ (листъ X),

образовавшіе кассетное поле. Линія *c b* означаетъ уклоненіе дверной амбразуры (chambrenle) отъ перпендикуляра; оно составляло 40 миллиметровъ, что можно видѣть изъ слѣда линіи въ направленіи къ спайкѣ камней.

Фиг. II. Измѣреніе подстройки *D E F G* храма сдѣлано со стороны западнаго фронтона, по дорогѣ отъ города вверхъ къ храму. Эта часть построена въ родѣ такъ называемой рустичной архитектуры, и, кажется, была на виду. Къ этому мнѣнію приводитъ разсмотрѣніе уровня *E G* у подножія Эрехтейскаго храма, котораго анта у восточнаго портика, до втораго уступа Парѳенона, по направленію къ западу, отстояла на 63.70 *П. М.*

Листъ IV. Фиг. I. Разрѣзъ въ длину, чрезъ портикъ и постикъ до опистодома. Между колоннами постика до анты *c d* помостъ имѣлъ, при точкѣ *c*, на 69 миллиметровъ углубленія; въ *d* на 75 возвышенія, а въ опистодомѣ опять на 38 миллиметровъ пониженія. Въ целлѣ есть другое углубленіе, о которомъ мы уже говорили. Можетъ быть, что на виду лежащія углубленія были настланы до-

рогимъ веществомъ, и потому возстановленъ общій уровень. Означенныя здѣсь перекладины встрѣтятся, въ большемъ размѣрѣ, на листѣ IX, гдѣ подробно будутъ объяснены.

Фиг. II. Видъ портика въ разрѣзѣ, въ длину. Тутъ представлена угловая колонна постика съ антою *l* и частію внѣшней длинной стѣны целлы.

Листъ V. Фиг. I. *A.* Перекладъ и капитель колоннъ портика. *B* планъ колонны въ разрѣзѣ, съ основанія до верхушки, вмѣстѣ съ уступами.

Величина этой колонны одинакова съ величиною всѣхъ другихъ, составляющихъ портикъ. Величина подножія угловыхъ колоннъ равняется 1, 915 *П. М.* Съуживаніе колоннъ происходило постепенно, что видно и въ храмѣ Тезея. При совершенномъ безвѣтріи, измѣряя посредствомъ абсциссъ и ординатъ, установленныхъ на весьма маломъ разстояніи, чѣмъ дѣлалась невозможною всякая погрѣшность, я опредѣлилъ точнѣйшимъ образомъ склоненіе линіи, по которой происходило съуживаніе, хотя я зналъ прежде по словамъ Стюарта объ этой наклонности; но теперь, при точнѣйшемъ измѣреніи, могу самъ утвердить эту

истину. — Храмъ Тезея есть одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Греко-Дорической архитектуры; изъ него можно видѣть, что до-Периклово время имѣетъ много сходства съ до-Рафаэлевскимъ, относительно чистоты и нѣжности выраженія формъ зодчества.

Фиг. II. Видъ карниза и вѣнца въ разрѣзѣ, сдѣланномъ чрезъ метону.

Фиг. III. Видъ вѣнца снизу, и часть угловаго украшенія (*a* — угловые триглифы, *b* — мѣра одного изъ триглифовъ, находящихся на фризѣ).

Фиг. IV. *a* калинора угловыхъ колоннъ, у подножія, *b* и *c* калиноры колоннъ портика у подножія и верхушки. Вмѣсто калиноръ, будто бы съуживающихся въ линіи при встрѣчѣ одной съ другою, какъ писано въ другихъ твореніяхъ, я нашелъ калиноры съ тупыми концами въ 3, $2^1/_2$ и 2 миллиметра, какъ это представлено въ пунктахъ *a, b, c.* Эти полоски могли быть отличены краскою или позолотою. Я возвращусь впослѣдствіи въ статьѣ о живописи къ этому предмету.

Фиг. V. *a* видъ капель на архитравѣ. Возлѣ этой фигуры представлена связка капель съ архитравомъ, на 34 миллиметра; остальное все было выдѣлано рѣзцомъ.

Фиг. VI. $\alpha\beta\gamma$ кривыя линіи триглифовъ. α видъ спереди. Верхняя часть оканчивается короткой четвертью круга. β кривая линія, описывающая уголъ триглифа, какъ снаружи видно, см. β фиг. II и III. γ означаетъ кривую линію, описывающую углубленіе въ срединѣ триглифовъ, что видно на фиг. III.

Фиг. VII. Капли у карниза и у вѣнца. Капли отклонялись, какъ замѣчено при точкѣ *e*, на $1^1/_2$ миллиметра отъ перендикуляра и склонялись къ плитѣ. Эта разительная тонкость отдѣлки гораздо очевиднѣе въ Тезейскомъ храмѣ, нежели въ Парѳенонѣ, по причинѣ небольшаго размѣра перваго.

Фиг. VIII. δ повторяетъ въ большемъ размѣрѣ δ фиг. II.

Листъ VI. Фиг. I. Видъ переклада въ разрѣзѣ, и колонны постика съ уступами.

Фиг. II. Видъ переклада съ капителью антъ постика.

Фиг. III. Капитель антъ и найденная тутъ живопись; объ этомъ обстоятельнѣе послѣ.

Фиг. IV. Вѣнецъ фриза, фиг. I *a;* онъ представленъ въ большемъ размѣрѣ см. листъ VIII.

Фиг. V. Измѣреніе кривой линіи, образующей калиноры, отъ подножія до верхушки колоннъ постика.

Фиг. VI. Планъ каплей на архитравѣ.

Фиг. VII. Живопись на перекладѣ. Объ этомъ ниже.

Листъ VII. Фиг. I. Капители колоннъ портика. Измѣреніе по абсциссамъ основывалось на перпендикулярѣ, опущенномъ съ абахуса, а по ординатамъ, на линіи соединенія абахуса съ эхинусомъ. Абсциссы 307 и 320 доставали до *ab,* глубины калиноръ по среднѣ.

Фиг. II. Кольца эхинуса. Настоящая величина; *c c* окончаніе калиноръ.

Фиг. III. Капитель колоннъ постика. Измѣреніе тангенсомъ *ab*. Чертежъ объяснитъ остальное.

Фиг. IV. Кольца той же капители, въ большемъ размѣрѣ; *c* конецъ калиноръ.

Листъ VIII.

ПОДРОБНОСТИ.

Фиг. I. Вѣнечный камень въ фасадѣ. Онъ имѣетъ форму цѣпи изъ яицъ превосходной работы. Тутъ яйца были разрисованы; форму ихъ можно точнымъ образомъ представить по оставшимся обломкамъ этого украшенія.

Фиг. II. Вѣнецъ фриза внутри портика. Здѣсь данъ абрисъ расписанныхъ украшеній; ихъ цвѣта означены на листѣ VI, фиг. VII.

Фиг. III. Капитель анты, съ яйцами и бусами, тутъ изваянными.

Фиг. IV. Кривая линія, описывающая вѣнечный камень восходящей плиты на верхушкѣ фронтона.

Фиг. V. Вѣнечный камень въ вѣнцѣ.

Фиг. VI. Профиль завѣнченія фриза, подъ перекладомъ въ постикѣ. Если стать сравнивать съ этою плитою сходственныя формы II, III, IV, V, VI, то нельзя не примѣтить величайшаго разнообразія, хотя каждая изъ нихъ проникнута общимъ характеромъ. Никакой математическій законъ не можетъ дать столько разнообразія; одинъ геній художника могъ ихъ родить и размножить. Для яснаго и точнаго познанія и сравненія по-

добныхъ частей, носящихъ отпечатокъ самаго очищеннаго вкуса, должно представлять ихъ, какъ онѣ есть. По этому, у меня онѣ представлены въ большомъ размѣрѣ и ясно доказываютъ свое достоинство.

Листъ IX. Фиг. I. Толща верхушки фронтона состоитъ изъ двухъ частей, изъ горизонтальнаго слоя *к к*, въ 6 рядовъ камня — это задняя часть, и вертикальнаго *l l*, образующаго лицевую сторону, по широтѣ фронтона, въ 10 камней и 2 угловыхъ оконечности. Вертикальное и горизонтальное камнесложеніе было соединено и составляло толщу верхушки фронтона. Первое имѣло цѣлію прочность сложенія; послѣднее — крѣпость слоевъ, и на немъ-то основывалось построеніе кровли. Главная причина, почему эти два способа встрѣчаются здѣсь независимо, состоитъ въ слѣдующемъ: центръ тяжести задней стѣны *к к* падаетъ рѣшительно на средину архитрава и колонны. Если бы продолжили этотъ способъ камнесложенія до лицевой стороны, то центръ тяжести, по пунктированной линіи *z z*, упалъ бы односторонно на средній камень архитрава, вывернулъ бы его и уронилъ. Если прибавить къ тому тяжесть фигуръ, находившихся на фронтонѣ, то

выйдетъ рѣшительно основательнымъ способъ, по которому древніе архитекторы приняли для задней стѣны особенный центръ тяжести. Какъ они сильно были убѣждены въ этомъ, доказываетъ также пустота *f*, которая сдѣлана ими въ стѣнѣ *l*, гдѣ камни сложены вертикально, для большаго облегченія. При ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣлается также яснымъ, почему не продолжили они горизонтальнаго камнесложенія задней стѣны въ передней части фронтона. Всегда таки оставался здѣсь излишекъ тяжести, который уравновѣшивался и исчезалъ только противодѣйствіемъ портика и уединеннаго чрезъ то рычага, каменнаго переклада и кассетнаго поля.

p p p, верхушка фронтона, была втиснута внутрь, и служила для принятія дождевой воды, собиравшейся на плоскостяхъ фронтона. Вода отводилась далѣе по сторонамъ находившимися львиными головами, какъ это видно на фиг. V *A B D p p p*. — Эти львиныя головы находились на всѣхъ 4-хъ углахъ.

И это принадлежало къ украшеніямъ, вынужденнымъ природою. Выборъ для этой цѣли львиныхъ головъ по преимуществу, объясняется тѣмъ, что храмъ посвященъ былъ божеству сильному и мудрому.

Я не засталъ на прежнемъ мѣстѣ верхняго камня фронтонной верхушки фиг. I, а нашелъ другой, ему подобный, нѣсколько ниже. Если вѣрить аналогіи, встрѣчающейся въ другихъ храмахъ, то главная перекладина, долженствовавшая поддерживать бронзовыя балки кровли, должна была находиться въ пространствѣ *x*. Но какъ я не нашелъ этого камня на мѣстѣ, то нельзя опредѣлить, какимъ образомъ онъ содѣйствовалъ къ утвержденію украшеній фронтона. Я возвращусь послѣ къ этому предмету.

Фиг. III. Планъ. Два триглифа *a a* заключаютъ въ своемъ промежуткѣ метопу *h*. *β β* показываютъ, какъ плита метопы внесена была промежъ триглифовъ *α α*.

На этихъ плитахъ метопы представлены въ горельефахъ. Нестрихованныя пространства *f f f* означаютъ пустыя мѣста между переднею и заднею стѣнами. Не облегченіе было причиною этихъ пустотъ, и не экономія насчетъ матеріаловъ; припомните анектотъ Фидія съ Аѳинянами, по случаю матеріала для изваянія Минервы во весь ростъ. Да если бы хотѣли сберечь матеріалъ, то для камней *G*, что позади метопъ, употребили бы не Пентелическій мраморъ, а другой матеріалъ, такъ какъ ихъ нельзя было видѣть, если только не

пугало архитекторовъ различіе въ матеріалахъ. Нельзя ли открыть основательнѣйшей причины этому явленію? — Если вѣрить преданіямъ, переходящимъ въ Греціи отъ отца къ сыну, по которымъ опасность отъ землетрясенія, столь частаго въ этомъ краю, уменьшается упругимъ камнесложеніемъ, то должно признаться, что подобное предположеніе можетъ легко объяснить способъ построенія фриза въ Парѳенонѣ. Только въ построеніи фриза можно было воспользоваться этою тайною зодчества; остальныя части защищались тѣмъ, что, въ случаѣ землетрясенія, онѣ получали равномѣрный и единообразный толчекъ, отъ чего опасность уменьшалась, если не вовсе исчезала.

На рисункѣ видно, что почти каждый камень имѣетъ свой особенный центръ тяжести, сообщавшій ему силу постоянно удерживать свое мѣсто. Возможность сотрясенія, безъ потери мѣста, была, сверхъ того, сообщена камнямъ взаимнымъ сцѣпленіемъ съ разныхъ сторонъ крючьями. Главные крючья имѣли просторъ для движенія, въ случаѣ нужды, потому-что они впускались на глубину $4^1/_2$ сантиметровъ, какъ фиг. X показываетъ. Отъ выпаданія защищались камни натискомъ вѣнца. По этому закону независимости

плиты легко помѣщаемы были между триглифами, и снаружи имѣли видъ одной непрерывной линіи. Это-то есть метопы, означенныя буквою *h*. Какъ облегчено было украшеніе этихъ мѣстъ скульптурою тѣмъ, что художнику можно было оканчивать каждую метопу въ своей мастерской, и только по окончаніи всей работы приносить къ храму и впускать ихъ въ пустыя мѣста, оставленныя между триглифами *β β*?

Но въ храмѣ Тезея построеніе метопъ боковыхъ, хотя онѣ *и не имѣли никакихъ рельефовъ*, совершенно то же. Тамъ онѣ были, по моему мнѣнію, раскрашены.

Не смотря на пустое пространство, фиг. I и II, камни *e* и *g* опирались на центральномъ камнѣ архитрава *b*, и потому верхняя тяжесть падала на средину колоннъ.

Фиг. I, II, III. Всѣ *q* означаютъ то же, именно завершеніе фриза, подведеннаго подъ перекладъ *r*. Начиная съ фиг I (фронтонъ въ разрѣзѣ) до фиг. IV (перекладъ на колоннахъ постика въ разрѣзѣ), лежали перекладины *r*, на коихъ утверждено кассетное поле; см. X листъ. Всѣ эти части, по недостатку мѣста, представлены на рисункѣ въ слишкомъ близкомъ разстояніи. Камень *e* въ фризѣ постика, фиг. IV, потому, кажет-

ся, не поставленъ на среднемъ камнѣ *b'* архитрава, чтобы лучше разложить на колоннахъ тяжесть кассетныхъ полей, которыя на 15 сантиметровъ уже надъ постикомъ, чѣмъ съ другой стороны; къ чему могла вести также основа кровли, теперь несуществующая.

Архитравъ. Сложеніе архитрава изъ трехъ каменныхъ перекладинъ основывалось на потребности возможно прочнаго утвержденія. И въ его двухъ боковыхъ камняхъ есть пустоты, не имѣвшія другаго назначенія, кромѣ уменьшенія точекъ соприкосновенія съ среднимъ камнемъ и возможно большаго соединенія въ спайкахъ трехъ перекладинъ.

Фиг. III. Сложеніе камней по угламъ. Сущность построенія та же, что и объясненная выше. Особенность угловаго камнесложенія означена въ фиг. V *A B C*, и на листѣ X, фиг. I, *w*.

Фиг. V. Буква *A* — планъ сложенія угловъ. *D* разрѣзъ ихъ съ боку, *B* - видъ спереди, вдоль длинной стѣны (листъ V, фиг. I). *C* видъ вѣнечнаго камня *M* и основаній стропилъ, или *балкопріемниковъ n*, какъ я буду называть ихъ.

z-z показываютъ, на фиг. *A* и *D*, углубленія для украшеній по угламъ.

M суть вѣнечные камни; *m'* выдѣланъ на восхо-

дящей плитѣ фронтона, въ точкѣ, гдѣ она начинаетъ подниматься; толща этой плиты составлена по общему способу построенія (въ разрѣзѣ фиг. II. *m'*). *n n* суть пріемники восходящихъ на верхушкѣ фронтона каменныхъ перекладинъ; они поддерживали массу перекладинъ во всю ширину фронтона. Что это въ самомъ дѣлѣ пріемники для балокъ, въ томъ можно убѣдиться, разсматривая ихъ сзади, фиг. V. *A* и *C* въ точкахъ *n n*, и съ боку, фиг. II. *n*. Что самыя балки должны были имѣть значительную массивность, это доказываетъ въ фиг. I. пустое пространство *x*, позади верхней плиты фронтонной верхушки. Видъ фронтона съ боку, въ фигурѣ I, на листѣ V, доказываетъ, что можно возстановить прежнюю ширину фронтонной верхушки. Листъ X, фиг. I. объясняетъ это въ связи на планѣ. Остальныя стропила кровли входили, можетъ быть, глубоко въ мѣстѣ, означенномъ на фиг. V. листъ IX, *o q*, и разрѣзъ на этомъ листѣ поддерживаетъ также это предположеніе.

Фиг. VI. Видъ архитрава и завершенія фриза съ боку.

Фиг. VII. Завершеніе надъ западною дверью. Дверь имѣетъ 7,110 *П. М.*

Фиг. VIII. Завершеніе вставленныхъ плитъ

съ частію переклада, что въ портикѣ (см. X, фиг. I).

Фиг. IX. A. Видъ сверху на барабанѣ колоннъ; *a* было чисто выполировано; *b* выдолблено, какъ показываютъ *B C*. Въ *c* былъ, вѣроятно, деревянный колъ, на который ставили оба барабана колонны и ворочали до тѣхъ поръ, пока линія соединенія не дѣлалась незамѣтною. По моему мнѣнію, колонны были канелюрованы послѣ того, какъ поставлены.

Листъ X. Фиг. I. Планъ переклада и кассетнаго поля, у западнаго фронтона, портика и постика.

p p балки — сверху; *p′ p′* — снизу.

r и *q* кассетное поле, какъ полагать должно по найденнымъ обломкамъ. Чтобы дать понятіе о завершеніи при помощи кассетныхъ полей, я слѣдую аналогіи храма Тезея. Вслѣдствіе того получимъ:

r′ и *q′* завершеніе посредствомъ крышекъ (подвижныхъ), какъ *q′ q′* фиг. III доказываетъ: крышки лежали на плитахъ, поддерживаемыхъ перекладинами. Въ каждой изъ подобныхъ плитъ, въ храмѣ Тезея, было сдѣлано четыре квадратныхъ

отверстія для кассетныхъ крышекъ. При q', линіею ab, cd сдѣлалъ я два разрѣза, и такимъ образомъ представилъ кассетное поле въ трехъ частяхъ. Можетъ быть, что прежде было пять плитъ, изъ коихъ каждая имѣла три отверстія для кассетнаго поля.

x плиты для завершенія кассетнаго поля у каждыхъ двухъ балокъ.

q' и r' видъ кассетнаго поля, закрытаго сверху.

q'' и r'' полный видъ снизу.

Фиг. II. a b дѣлаетъ видъ яснѣе. — Крышки кассетъ (коробокъ) въ храмѣ Тезея были снизу выкрашены въ видѣ звѣздъ.

Фиг. I. Кажется, что кассетныя поля произведены были въ крылѣ постика только посредствомъ крѣпкихъ плитъ, положенныхъ сверху, что показываетъ форма длинной перекладины, H M и углубленія e k въ оныхъ; ибо h f есть вся его ширина.

s s s суть колонны портика и постика; s' s' три перекладины архитрава, лежащія на колоннахъ и достигающія до середины колонны.

t–t видъ сверху на фризъ съ триглифами и метопами; w сложеніе угла; wg — tu линіи соприкосновенія между описанными выше перекладинами фронтона, при ихъ восхожденіи; g покры-

шечныя плиты фронтона, какъ онѣ кажутся сверху.

v v отвѣсная стѣна, образующая лицевую сторону фронтона, по обѣимъ сторонамъ спай вѣнца.

K L M стѣны, отдѣляющія опистодомъ отъ постика.

Фиг. II. v v вертикальные спаи передовой стѣны.

Фиг. III. Двѣ перекладины *n*. Между ними кассетная система, только что разобранная нами.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о живописи. Существованіе ея въ храмѣ Парѳенона и происхожденіе изъ лучшихъ временъ Греческаго искусства готовъ я доказывать: ибо только формы украшеній и краски опредѣляютъ періоды искусства, что̀ бы ни говорили противъ или въ пользу этого положенія (*).

(*) *Broensted Dr.* Путешествія и изъисканія. Греція.
Chandler Dr.
Cokrell on the Aegina Marbles Journal of Science on the arts. Vol. VI.
Hiltorf architecture antique de la Sicile.
Kugler frz. Polychrömie der Alten.
Quatremère de Quincy.

Конечно, живопись была дыханіемъ, сообщившимъ жизнь всему этому творенію. Собственно, одно XV столѣтіе представляетъ намъ архитектуру безъ красокъ и цвѣтовъ; но причиною тому была долгая ночь, отдѣлявшая время искусствъ древнихъ отъ періода ихъ возрожденія. Когда начали изучать древности, то случайное, видимое отсутствіе на нихъ красокъ, заставило новѣйшихъ идти въ архитектурѣ путемъ, который не согласенъ былъ съ преданіями о древнихъ произведеніяхъ зодчества. — Впрочемъ и они никогда не оставляли вовсе покрывать красками свои произведенія. Италія, Франція, Испанія и Германія доказываютъ нашу истину. Византійцы, Саксонцы, Норманны, Сарацины, Готѳы, Мавры (*), Венеціанцы и Флорентинцы свидѣтельствуютъ о древней полихроміи. Южные Американцы доказываютъ также пристрастіе ко внѣшнему укра-

---

(*) *Cap. Maler* Maurische Polychromie.

Raoul Rochette.

Semper G. bemalte Architectur, Plastik der Alten.

Stuart и *Revett* примѣчанія.

Annali del Instituto di corrispondenza archeologica Vol. II p. 263.

Нынѣ открытыя надписи на строеніяхъ, изданныя *Dr. Ross.*

шенію зданій своими памятниками; на внѣшнихъ сторонахъ древнихъ жреческихъ домовъ найдете вы мозаику. Правда, эта мозаика состоитъ изъ сѣраго песчанника; но не случилось ли здѣсь того же, что съ остатками древнихъ Греческихъ храмовъ? Ихъ раскрашенные гіероглифы даютъ также пищу изъискательности. — На хижинахъ Тирольскихъ до-сихъ-поръ встрѣчается полихромія.

Должно признаться, что въ первыя времена возрожденія искусствъ, могли болѣе открыть касательно цвѣтовъ на древнихъ памятникахъ, чѣмъ нынѣ, если бы съ большею точностію принялись тогда за разъисканія. Сохраненіе красокъ зависитъ отъ мѣстъ, гдѣ памятники находятся, и воздуха, которому они подвержены. Поэтому совсѣмъ не должно удивляться, если видимъ храмы, лишенные красокъ въ мѣстахъ неблагопріятныхъ; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ не найдете вы тутъ никакихъ слѣдовъ живописи. Такъ объясняется то, что говорили о карнизѣ храма у мыса Суніума, гдѣ слова: «Bellona Austriaca» написанныя экипажемъ одного суда, легко можно было прочесть въ 1827 года; они были написаны большими буквами и притомъ корабельною смо-

лою или черною масляною краскою; между тѣмъ какъ черезъ годъ едва можно было отличить легкій абрисъ словъ. Есть также доказательства, что краски хорошо сохранялись въ темномъ мѣстѣ, а на свѣтѣ и воздухѣ совершенно блѣднѣли, исчезали. Такъ, напримѣръ, одинъ сфинксъ, только что вырытый изъ развалинъ Помпеи, имѣлъ крылья, раскрашенныя зеленою, голубою и темною красками; а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ краски эти сдѣлались вовсе непримѣтными.

Краски суть потребность для жителей юга, которые любятъ все пестрое, раскрашенное. Нельзя повѣрить, чтобы Грекъ довольствовался холодною, бездушною бѣлизною своихъ зданій. Мы видимъ одинъ скелетъ древнихъ произведеній зодчества. — Конечно, и въ теперешнемъ видѣ, они поражаютъ наши взоры своимъ величіемъ, выраженіемъ силы и соразмѣрности и прелестію отдѣлки въ частяхъ. Но если бы къ этому присоединились очарованія другихъ искусствъ; если бы герои зодчества совершили что нибудь вмѣстѣ съ исполинами ваянія и живописи, тогда бы только произошло блистательное, совершенное единство. Кто останется безчувственнымъ при видѣ площади Св. Марка въ Венеціи!

Наши понятія объ искусствѣ, отъ привычки, сдѣлались невѣрными и притупляютъ даже чувство изящнаго. Парадоксы философовъ изгнали благодѣтельное вліяніе цвѣтовъ и потребность въ краскахъ. Это противорѣчитъ древнимъ образцамъ, хотя на нихъ же ссылаются нынѣ отвергающіе краски. Истинное искусство оттого сдѣлалось бы независимымъ. Конечно, должно удивляться постоянству, съ которымъ притупляютъ истинное чувство, замѣчая своенравный вкусъ въ архитектурныхъ произведеніяхъ нашего времени.

Въ помощь къ живописи, Греки призывали позолоту и украшенія изъ металловъ. Мы знаемъ о существованіи позолоты линій между спайками. Надписи свидѣтельствуютъ о металлическихъ украшеніяхъ, гдѣ ихъ теперь нѣтъ вовсе. Кассетныя поля въ Эрехтейскомъ храмѣ были украшены розеттами изъ металла. Пальметты въ волютахъ, какъ это видно изъ просверленныхъ отверстій, были также изъ металла. Треножникъ надъ цвѣткомъ въ Лизикратовомъ памятникѣ, находившійся тазомъ въ цвѣткѣ, а ногами утвержденный на кровлѣ, былъ также изъ металла. Щиты на архитравахъ Греко-Дорическихъ храмовъ были изъ металла. Слѣды гвоздей, видимыхъ на архитравѣ Парѳенона, убѣждаютъ, что тутъ бы-

ли повѣшены трофеи или что̀ нибудь подобное. Самыя фигуры были украшены металломъ, что видно изъ пробуравленныхъ дырочекъ. На одной фигурѣ, стоявшей во фризѣ по восточной сторонѣ, на самой головѣ было какое-то металлическое украшеніе, что доказываютъ пробуравленныя дырочки вокругъ этого мѣста, и пр. и пр. Такимъ образомъ богатство и красота храма были еще возвышены.

Послѣ этихъ соображеній, я предложу все, что найдено касательно цвѣтовъ въ украшеніяхъ, сколько это теперь можно доказать. Были раскрашены слѣдующіе предметы:

Яйца въ вѣнечномъ камнѣ фронтона; листья, одинъ на другой наброшенные надъ завѣнчаніемъ висячихъ плитъ; меандры надъ капителями триглифовъ и метопъ; также меандры въ завѣнчаніи архитрава; щиты на архитравѣ; украшенія на эхинусѣ неизвѣстной формы могли быть расписаны въ видѣ яицъ, — предположеніе, поддерживаемое скульптурными украшеніями въ Самосѣ, и надъ верхнею частію каріатидъ въ Пандрозіумѣ, въ Аѳинскомъ акрополисѣ. Нерѣдко, раскрашенныя формы украшеній объясняютъ значеніе и взаимное отношеніе разныхъ частей, что опять подтверждается іоническимъ памятникомъ

въ Аѳинахъ, въ акрополисѣ. Тамъ также можно встрѣтить скульптурныя украшенія, продолженныя въ краскахъ. Равнымъ образомъ и Дорическіе храмы этимъ смѣшеніемъ сходны между собою. Въ храмѣ Тезея украшенія анты, въ видѣ яицъ, были также разрисованы; въ большемъ и новѣйшемъ Парѳенонѣ, они были уже означены плоскостною скульптурою. То же имѣло мѣсто въ бусахъ надъ триглифами и метопами. Въ Парѳенонѣ были они совершенно изваяны; въ Тезеевомъ храмѣ расписаны. Если вѣрить аналогіи, встрѣчающейся въ Пандрозіумѣ, то на плитѣ надъ яичникомъ фронтона бусы были разрисованы.

Голубая, красная, зеленая были главными красками; онѣ встрѣчаются также въ отливахъ. Золото употребляемо было въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствіе его могло замѣнить всякую краску. Такимъ образомъ, въ яицахъ фронтоннаго завѣнчанія золото хорошо отражалось отъ голубаго неба. Равномѣрно позолота хорошо шла къ нѣжному переливу въ бѣлое по угламъ абахуса, въ яицахъ, вдоль колоннъ, при встрѣчѣ двухъ калиноръ. Подобнымъ образомъ щиты покрыты были позолотою; а можетъ быть, они сдѣланы были изъ

бронзы; въ такомъ случаѣ требовалось еще болѣе окрашеннаго грунта.

Я упоминаю о краскахъ только въ мѣстахъ, гдѣ могъ открыть ихъ. Но вѣроятно, что онѣ находились и въ другихъ мѣстахъ. Остатокъ позолоты въ Дорическихъ храмахъ Аѳинъ заставляетъ предполагать, что все было тамъ окрашено. Отсюда не были изъяты самыя колонны; напротивъ, колонны храма Юпитерова, памятника Лизикратова и въ Эрехтеѣ, были безъ позолоты. Корка, видимая на украшеніяхъ въ томъ и другомъ, имѣетъ цвѣтъ то темно-голубой, то бѣлый, то сѣрый, то голубой. Остатокъ корки окрашенія въ калиноpахъ Парѳенона далъ поводъ Фогелю въ Мюнхенѣ, къ разложенію, послѣ чего нашли тутъ желѣзо, глину, извѣстковую землю и часть гипса, — смѣсь, которой нельзя предполагать въ мраморѣ, который былъ также подвергнутъ химическому разложенію. Шаубертъ, въ Аѳинахъ, доказываетъ, что онъ нашелъ на стѣнахъ целлы желтую охру, въ кусочкахъ. Эти факты подтверждаютъ существованіе красокъ; но каковы онѣ были, этого нельзя сказать утвердительно; мы не хотимъ ставить предположеній на мѣсто истинъ. Замѣтимъ только, что бѣлый цвѣтъ, въ сліяніи съ другими, дѣлаетъ переходы

необыкновенно нѣжными, и потому иногда употребляется какъ краска, а иногда какъ переходъ.

Если стѣны целлы были окрашены, въ чемъ я не хочу сомнѣваться, такъ какъ онѣ служили нѣкотораго рода грунтомъ для колоннъ, то сіи последнія, будучи украшены позолотою, должны были производить пріятное дѣйствіе, и это очень согласно съ законами перелива цвѣтовъ.

Листъ VI. Фиг. VII. Живопись на перекладинахъ постика. Украшенія балокъ взяты съ видовъ храма Тезея.

Фиг. III. Окрашенная анта, сколько это можно было открыть изъ аналогіи съ тѣмъ, что представляетъ храмъ Тезея; подобные цвѣта могли быть и въ Парѳенонѣ.

ЭДУАРДЪ МЕТЦГЕРЪ.

Примѣчаніе. На всѣхъ листахъ находятся масштабы, относящіеся къ Парижскимъ метрамъ такъ, какъ изображаемые предметы относятся къ существеннымъ. Если хотятъ узнать величину части предмета, то измѣряютъ его циркулемъ и прикладываютъ эту длину къ масштабу, и тогда получится величина въ Парижскихъ метрахъ. Численныя мѣры на оригинальныхъ рисункахъ были бы излишни, если принять вѣрность сихъ послѣднихъ. Числа должны были остаться, потому-что чрезъ нихъ можно вѣрнѣе обозрѣть отношенія частей другъ къ другу. Знаки, напр. 0,005 *П. М.* нужны для узнанія, въ какомъ отношеніи находятся числа къ предметамъ. — Если бы листъ VIII въ оригиналѣ имѣлъ настоящую величину, то въ текстѣ нужно бы только замѣтить, что въ оттискахъ принята *половина* настоящей величины.

На листѣ I принятъ масштабъ произвольно въ 30 метровъ, но его можно было принять и длиннѣе, и короче.

Не одинъ духъ древности наполняетъ Аѳины; геній новѣйшихъ временъ воздвигъ себѣ здѣсь алтарь, и я не знаю другаго, о комъ вспоминаешь такъ часто, какъ о немъ, когда находишься въ этомъ городѣ. Это тотъ мрачный, но увлекательный поэтъ, который не исключилъ изъ сердца, какъ Платонъ, все, что мѣшаетъ жить пріятно длятого, чтобъ оставить одно чистое наслажденіе и найдти «самую высокую гармонію»; но употреблялъ гармонію, чтобъ растрогать сердца описаніемъ всѣхъ безъ исключенія страстей человѣческихъ. Онъ возбудилъ до такой степени наше участіе своимъ восторгомъ и прелестными Гречанками, изображенными въ его поэмахъ, что мы безпрестанно о немъ вспоминаемъ, когда находимся посреди народа, которому онъ посвятилъ

послѣднюю часть своей жизни. — Эти сложныя воспоминанія о древности и о новѣйшихъ временахъ Греціи соединяются въ первомъ впечатлѣніи, которое производятъ Аѳины. Но какъ объяснить всѣ несовершенства и недостатки нынѣшняго города? Не одна его бѣдность насъ поражаетъ: надобно также привыкнуть не только къ совершенному отсутствію женщинъ, которыхъ здѣсь нигдѣ не видно, но и къ перевѣсу иностранцевъ всѣхъ націй надъ уроженцами въ собственной ихъ столицѣ. Идя по улицамъ, я вижу въ порядочномъ платьѣ только нѣкоторыхъ Италіанскихъ лавочниковъ, Баварскихъ солдатъ, чиновниковъ и нѣкоторыхъ изъ членовъ здѣшняго дипломатическаго корпуса. Только около кофейныхъ домовъ можно видѣть по вечерамъ нѣкоторыхъ Грековъ въ богатомъ отечественномъ платьѣ, которые, не имѣя, по видимому, никакаго дѣла, сидятъ и курятъ свои трубки, разговаривая вѣроятно о томъ времени, когда ихъ сабли не ржавѣли въ ножнахъ и бурная жизнь была полезна для отечества. Но кромѣ ограниченнаго числа сихъ поликаровъ, столь нѣкогда драгоцѣнныхъ своему отечеству, а теперь совершенно заброшенныхъ, можетъ быть даже вредныхъ, по давнишнимъ привычкамъ къ безначалію и войнѣ, мы видимъ въ Греческомъ одѣяніи

только нѣсколько ремесленниковъ, работниковъ и нищихъ. Мнѣ случилось разъ пройдти мимо харчевни и видѣть, какъ оттуда выскочилъ Баварскій полупьяный солдатъ и потихоньку пробирался къ своимъ товарищамъ. Нѣсколько Грековъ бросилось за нимъ въ погоню, требуя, съ громкими криками и сверкающими глазами, чтобъ онъ заплатилъ харчевнику долгъ свой. Это событіе, само по себѣ довольно незначительное, не изображаетъ ли теперешняго положенія Греціи? Не доказываетъ ли оно, какъ много она терпитъ обидъ въ высшихъ, равно какъ въ самыхъ низшихъ сословіяхъ? Станъ Баварскихъ солдатъ, получающихъ плату на счетъ Греческаго народа, расположенъ около самаго города; цѣль этого воинства — защищать короля отъ злонамѣренныхъ Грековъ. Вмѣсто деревянныхъ стѣнъ Ѳемистокла, въ гавани Пирея находятся двѣ эскадры, одна Французская, другая Австрійская. Высшіе и низшіе чиновники почти всѣ иностранцы. Здѣсь завели Kriegsministerium и Finanzministerium, которые посылаютъ Баварскихъ солдатъ противъ Майнотовъ и деньги въ Баварію. Не было, можетъ быть, средствъ распорядиться иначе, но по-крайней-мѣрѣ можно было все это сдѣлать половчѣе, и тѣмъ избѣгнуть толковъ, которые по-

всюду слышны на счетъ существующихъ здѣсь злоупотребленій (*).

Общество, разумѣя подъ этимъ словомъ гостиныя, въ которыхъ высшіе классы собираются, носитъ еще примѣтный характеръ ничтожества жителей и перевѣса иностранцевъ. Армія дипломатовъ прибавляетъ къ нимъ свои легіоны, которые, какъ бы раздѣлены ни были между собою, еще заглушаютъ языкъ и нравы Грековъ. По краткому знакомству съ здѣшнимъ обществомъ, я убѣдился, что, несмотря на многіе любопытные предметы въ этомъ городѣ, столь богатомъ для ученія, въ немъ должно быть очень тяжело жить, особенно для тѣхъ, которые не любятъ интриги и дорожатъ добрымъ именемъ.

Я имѣлъ честь въ прошедшую среду представляться канцлеру королевства Греческаго, графу Армансперу и всей его семьѣ. Три прелестныя дочери, изъ коихъ одна помолвлена за потомка славной фамиліи Кантакузеновъ, украшаютъ его домъ. Два дня послѣ этого я получилъ приглаше-

---

(*) Съ того времени, какъ эти строки были написаны, Баварское войско было переведено изъ Греціи назадъ въ свое отечество, и дѣла этого королевства производятся нынѣ подъ управленіемъ министровъ, назначаемыхъ не регентствомъ, а самимъ королемъ Оттономъ.

ніе явиться во дворецъ, и былъ представленъ нашимъ посланникомъ его величеству королю Оттону. — Весьма кроткое и пріятное выраженіе отличаетъ лицо этого молодаго монарха. Станъ его высокъ и строенъ. На немъ былъ голубой Греческій мундиръ и онъ принялъ насъ въ тронной своей залѣ. Его положеніе возбуждаетъ всеобщее участіе. Нѣжно любимый матерью и всѣмъ своимъ семействомъ, онъ вдругъ долженъ былъ ихъ оставить, переселиться въ землю чуждую и посвятить свои силы и жизнь благу народа, еще непривыкшаго оцѣнять дары просвѣщенія и гражданскаго порядка. — Но высокая его цѣль служитъ сама собой ему утѣшеніемъ, и, несмотря на неудовольствія жителей противъ его министровъ и солдатъ, онъ самъ служитъ предметомъ всенародной любви, и должно надѣяться, что всѣ пожертвованія, имъ сдѣланныя, и не вознаграждаемыя блескомъ трона, будутъ со временемъ увѣнчаны успѣхомъ. Разговоръ нашъ, продолжавшійся около четверти часа, шелъ о странѣ, мною пройденной, особенно о берегахъ Альфея, и о карантинѣ. Эта послѣдняя статья весьма важна для Греціи, по ея положенію между землями, часто опустошаемыми чумою, и тѣми, въ которыхъ учреждены карантины. Вопросъ состоитъ въ

томъ: менѣе ли торговля потерпитъ отъ существованія полнаго карантина со стороны Италіи и свободнаго пропуска изъ Турціи, или раздѣленія этого карантина на два, наблюденіемъ половиннаго карантина для судовъ, приходящихъ изъ Турецкихъ владѣній? Этотъ послѣдній карантинъ теперь учрежденъ, но весьма слабо наблюдается по причинѣ трудности охранять пространныя берега и пристани, въ коихъ весьма легко морякамъ выгружать свои товары. Опытность нашего посланника, изучившаго въ подробности нужды и положеніе Греціи, даетъ ему большой вѣсъ при здѣшнемъ дворѣ, и король въ особенности дорожитъ его совѣтами.

Образъ жизни нашей въ теченіе истекшей недѣли странно разнится отъ времени, проведеннаго нами съ-тѣхъ-поръ, какъ мы путешествуемъ. Гостепріимный домъ нашего посланника открытъ для всѣхъ Русскихъ, и это есть благодѣяніе не для однихъ путешественниковъ, но и для живущихъ здѣсь постоянно; безъ этого пріюта они должны бы таскаться безпрестанно по трактирамъ для своего обѣда, и по гостиннымъ иностранныхъ посланниковъ для развлеченія. Большой домъ, въ которомъ живетъ нашъ посланникъ, имѣетъ прекрасный видъ на храмъ Юпитера Олимпійскаго, о

которомъ я еще не говорилъ, на почти изсохшую достопамятную рѣчку Илиссусъ и на горы Химетскія. Послѣ обѣда общество собирается на балконѣ, имѣя передъ собой эту классическую картину; курятъ трубки и разговариваютъ, наслаждаясь первыми прохладными минутами вечера. Къ сожалѣнію, минуты эти весьма часто бываютъ отравляемы непріятными впечатлѣніями. Не знаю почему Баварцы выбрали окресности храма Юпитера для своего кладбища. Рѣдко проходитъ день, въ который какой нибудь новый гость не приходилъ бы при звукахъ барабана увеличивать собою и безъ того уже многочисленное общество покойниковъ. Причину такой смертности должно полагать, во первыхъ, въ лихорадочномъ климатѣ, особенно злокачественномъ и вредномъ въ мѣстахъ болотистыхъ и на дорогѣ изъ Аѳинъ въ Пирей, на которой большая часть Баварскихъ солдатъ теперь работаетъ, а во вторыхъ въ невоздержности чужеземцевъ, которые ѣдятъ всѣ фрукты, попадающіеся имъ, а между тѣмъ не отстаютъ отъ своего пива. Мы проводимъ вечера въ прогулкахъ къ загородному дому, который посланникъ строитъ для пользы и увеселенія Аѳинской публики, или слушаемъ военную музыку, которая два раза въ недѣлю играетъ на открытомъ воздухѣ. Такимъ

образомъ мы, признаться, нѣсколько ослабѣли для трудовъ и, боясь жара, остаемся почти цѣлыя утра у себя дома.

Извѣстный въ Греческой революціи адмиралъ Міаулисъ скончался. Бренные остатки его перевезли на этой недѣлѣ съ большимъ торжествомъ изъ Аѳинъ въ окрестности Пирея; тамъ похоронятъ ихъ въ землѣ, ему принадлежащей, на морскомъ берегу, недалеко отъ могилы Ѳемистокла. Длинная программа о ходѣ всей церемоніи и объ участіи, которое разные военные и гражданскіе чины должны были принять въ ней, была публикована въ здѣшнихъ газетахъ. Мнѣ показалось, что весь напечатанный церемоніалъ слишкомъ отзывается западными нравами, и что простота, составляющая, наравнѣ съ отважностью, одну изъ главныхъ чертъ жизни Греческаго воина, потеряна изъ вида при пышныхъ похоронахъ. — Какая надобность внушать преждевременно Грекамъ столь безполезную и ложную роскошь? Она придетъ сама собою, послѣ волтеровскихъ креселъ, раздушенныхъ мужчинъ и лицемѣрныхъ изъявленій горести; а пока сихъ послѣднихъ улучшеній нѣтъ, пусть сыновья предаютъ прахъ своихъ родителей землѣ по древнему своему обычаю. Впрочемъ я церемоніи не видалъ: она должна была со-

вершиться въ 5 часовъ утра, чтобъ избѣжать жара, а я, надѣясь на медленность Баварцевъ, пришелъ на мѣсто въ половину шестаго и опоздалъ.

Здѣсь и въ Наполи-ди-Романія издаются двѣ газеты на Греческомъ и на Французскомъ языкахъ; но не думайте почерпнуть изъ нихъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Греціи: вы найдете въ нихъ только одну полемику и смѣсь теорій, другъ другу противорѣчащихъ и совсѣмъ несвойственныхъ пользамъ народа, еще непривыкшаго ни къ какому порядку. — Такія газеты можно бы издавать, не выходя изъ Парижа или Лондона.

Не стоитъ говорить о лицахъ, съ которыми я познакомился; они не принадлежатъ странѣ, мною посѣщенной и подобныя имъ встрѣчаются во всѣхъ городахъ. Стòитъ однако упомянуть объ одномъ родѣ людей, которые въ другихъ земляхъ не встрѣчаются, по-крайней-мѣрѣ по здѣшнему образчику. Это консулы разныхъ державъ. Ихъ происхожденіе по-большой-части Греческое; но, находя выгоду въ продажѣ своего отечественнаго усердія какому-нибудь изъ иностранныхъ посланниковъ, они промышляютъ тѣмъ, что заводятъ въ разныхъ портахъ, гдѣ они находятся, интриги и стараются провѣдать тѣ, которыми заняты ихъ противники. Они, по большой части, почитаютъ

себя большими политиками и, чтобъ внушить другимъ это мнѣніе и выказать свое усердіе, распространяютъ самыя ложныя свѣдѣнія о затѣяхъ, ими прекращенныхъ, и услугахъ, ими оказанныхъ. Бѣда тому, кто хочетъ составить себѣ мнѣніе о народѣ по ихъ словамъ.

Середа $^{1}/_{13}$ *Іюля.* — Переходъ отъ трудной дороги къ покойной теперешней жизни не обошелся для насъ безъ худыхъ послѣдствій. Брюлловъ получилъ отъ неосторожнаго купанья въ морѣ, въ которомъ сидѣлъ часа полтора во время полуденнаго жара, сильный солнечный ударъ. — Болѣзнь началась болью въ спинѣ и лихорадкой, и увеличилась невозможностью спать въ нашей прозрачной квартирѣ. Надъ его комнатой живетъ, къ несчастью, Греческое семейство, и если бы даже оно было не столь шумливо, то живущему вблизи его все таки нельзя было бы ничего дѣлать безъ его вѣдома, благодаря широчкимъ скважинамъ въ потолкѣ, раздѣляющемъ два этажа. Нѣсколько ночей тому назадъ они, вѣроятно отъ безсонницы, стали около двухъ часовъ ночи колоть сахаръ надъ самой головой больнаго, который воображалъ, что видитъ фальшивую мо-

нету во второмъ этажѣ. По рекомендаціи посланника, я просилъ лейбмедика короля, доктора Видмера, навѣщать нашего больнаго. Онъ уже два раза пустилъ ему кровь очень обильно, но лихорадка все его не оставляетъ, и больной часто бываетъ въ бреду. Очевидная опасность его положенія еще увеличивается тѣмъ, что эпидемическая лихорадка свирѣпствуетъ въ городѣ, и что̀ день, то похоронный поѣздъ какого нибудь Баварца проходитъ подъ нашими окнами. Но я благодарю Бога, что эта болѣзнь не открылась посреди пустыней Мореи, когда мы день и ночь проводили подъ открытымъ небомъ. — Что̀ бы тогда намъ дѣлать? Теперь, по-крайней-мѣрѣ, мы имѣемъ помощь искусства, и я могу проводить большую часть дня у постели Брюллова, который показываетъ рѣдкое терпѣніе и твердость. Это непріятное событіе остановило всѣ предпріятія, которыя я имѣлъ въ виду во время моего пребыванія въ Аѳинахъ. Но еще другое обстоятельство меня раастроило и безпокоитъ на счетъ успѣховъ нашего путешествія: докторъ Крамеръ принужденъ по разнымъ причинамъ оставить меня и возвратиться въ Италію. Потеря эта для меня очень чувствительна, потому-что я лишаюсь въ немъ равно трудолюбиваго и ученаго сотрудни-

ка. Я ему обязанъ всѣми надписями, которыя мы до-сихъ-поръ нашли, и разными топографическими замѣчаніями, что видно въ разныхъ отдѣленіяхъ моего журнала, гдѣ я привожу его свидѣтельство.

Въ понедѣльникъ былъ вечеръ у нашего посланника, и я имѣлъ случай видѣть большую часть дипломатической Аѳинской публики. Одна черта, отличающая это общество отъ блистательныхъ собраній, которыя мы видимъ во всей Европѣ и, по моему мнѣнію, пріятно его отличающая, та, что кавалерамъ подаютъ длинныя трубки и они, сидя на балконѣ, могутъ бесѣдовать и вмѣстѣ съ тѣмъ глядѣть на звѣзды, горящія надъ Химетомъ. Запахъ дыма не входитъ вовсе въ гостинную и не безпокоитъ дамъ. — Музыкантъ, пріѣхавшій изъ Молдавіи и играющій на флейтѣ довольно плохо, и чревовѣщатель забавляли гостей, занимавшихся то разговоромъ, то картами.

Я посвятилъ одно утро на посѣщеніе фонаря Демосѳенова, развалинъ Олимпіума (храма Юпитера Олимпійскаго) и всей занимательной страны, которая его окружаетъ. Этотъ храмъ, безъ сомнѣнія, самый огромный размѣромъ своимъ во всѣхъ Аѳинахъ и, по описанію древнихъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ, — обратилъ на

себя гораздо менѣе прочихъ вниманіе путешественниковъ. Не оттого ли, можетъ быть, что онъ принадлежитъ больше къ Римскому, чѣмъ къ Греческому вкусу, что въ Римѣ много видно остатковъ въ его родѣ и что цѣль пріѣзжающихъ въ Грецію изучать памятники, которые носятъ на себѣ отпечатокъ чистаго Греческаго вкуса? Но тѣ, которые въ своихъ замѣчаніяхъ слѣдуютъ своему собственному вкусу болѣе, чѣмъ какой нибудь предположенной себѣ системѣ, непремѣнно остановятся на нѣсколько времени у подошвы величественныхъ колоннъ, остающихся отъ прежняго зданія. Онѣ стоятъ внѣ теперешняго города на берегу рѣчки Илиссусъ и, по неимѣнію никакого другаго строенія въ ихъ сосѣдствѣ, весь городъ и южный скатъ акрополиса видны съ сего пункта. Это едвали не лучшій видъ Аѳинъ.

Что же касается собственно до развалинъ, онѣ не только очень занимательны, какъ памятникъ времени, когда царственный Римъ простеръ свое вліяніе на Грецію, но какъ прекрасное художественное произведеніе. Это уже не низкій размѣръ Дорическихъ зданій, и не скромность въ главныхъ линіяхъ и во всѣхъ украшеніяхъ, но высота въ цѣломъ и пышность въ частяхъ. Изъ всѣхъ орденовъ архитектуры, это былъ самый свойственный

характеру Римлянъ; но это не мѣшаетъ однакоже почитать его Греческимъ и способнымъ въ такой же степени, какъ Іоническій и Дорическій къ утонченностямъ вкуса. Хорагическій монументъ Лизикрата, болѣе извѣстный подъ названіемъ Демосѳенова фонаря, есть тому доказательство. Этотъ небольшой памятникъ можетъ служить въ Коринѳскомъ орденѣ образцемъ совершенства, точно такъже, какъ Эрехтей въ Іоническомъ. Храмъ Юпитера далеко отстоитъ отъ монумента Лизикратова красотой своей отдѣлки, какъ ясно видно по сравненію деталей, и этотъ упадокъ приписать должно большому измѣненію вкуса отъ временъ Перикла до Адріана (*). Со всѣмъ тѣмъ Олимпіумъ невольно поражаетъ насъ, и мнѣ особенно понравился потому, что напомнилъ Campo Vaccino. Весьма любопытно было бы для архитектора сравнить развалины древняго Рима съ

(*) Опредѣленіе правилъ вкуса въ архитектурѣ мудренѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ искусствахъ. Шинкель, на вопросъ мой: въ чемъ состоитъ очевидное превосходство въ стилѣ Хорагическаго монумента надъ Олимпіумомъ, сказалъ между прочимъ, что изгибы и волуты Аканѳскаго листа относятся гораздо ближе къ первомъ, чѣмъ въ послѣднемъ къ архитектонической формѣ (σχημα) украшенія. Это замѣчаніе, обличающее въ Шинкелѣ мастера своего дѣла, будетъ всѣмъ понятно по сравненію деталей того и другаго строенія, описанныхъ въ книгѣ Стюарта (Antiquities of Athens).

развалинами этихъ и сосѣднихъ съ нимъ тріумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ Римскимъ императоромъ на землѣ Греческой и съ помощью работниковъ Греческихъ.

Находясь уже у береговъ Илисса, рѣчки, прославленной въ исторіи и прекрасно описанной въ Платоновомъ Федрѣ, я продолжалъ путь свой по берегу, но искалъ понапрасну свѣжаго мѣста, столько очаровавшаго Сократа. Деревьевъ не видать нигдѣ; трава вовсе незелена и сгорѣла на окостенѣвшей почвѣ; сама рѣчка едва примѣтна, но она, вѣроятно, не много уменьшилась, потому-что Федръ предлагалъ Сократу ходить по ея теченію для освѣженія своихъ ногъ. На противномъ или лѣвомъ берегу рѣчки примѣтны остатки Стадіума; еще далѣе были Лицей и сады, куда собирались ученики Аристотеля. Въ этихъ, нѣкогда прохладныхъ мѣстахъ, Аѳинское юношество соединяло умственныя свои занятія и размышленія о высокомъ нравственномъ благѣ съ тѣлесными движеніями гимнастики. При усовершенствованіи души, тѣло также развертывалось въ способности гибкости и силѣ, которыя даны ему отъ природы. Здѣсь, наконецъ, возрождались эти высокіе идеалы о человѣкѣ, исполненіе коихъ мы видимъ въ прелестныхъ твореніяхъ Фидія.

Суббота $^{4}/_{16}$ *Іюля.* — Желая отправить въ Россію точные образцы архитектурныхъ украшеній, которые такъ трудно передать въ описаніяхъ и даже рисункахъ, я придумалъ снять слѣпки съ разбросанныхъ обломковъ Эрехтея и Парѳенона. Но такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ вѣдома правительства, то я ходилъ сегодня къ антикварію, г. Россу, для исходатайствованія позволенія и получилъ его съ условіемъ, чтобъ формы, заказанныя мной для слѣпковъ, остались въ пользу правительства. На возвратномъ пути отъ г. Росса, который живетъ на покатости Акрополиса, я услышалъ громкую духовую музыку, и, слѣдуя звукамъ, пришелъ вплоть къ осмиугольной Башнѣ Вѣтровъ, которую Баварцы обратили въ школу трубачей. Полдюжина солдатъ, желая насладиться прохладою, входила во внутренность этого строенія и подымала такой шумъ въ святилищѣ

бурь и вѣтровъ, что не было никакой возможности тамъ оставаться. Эта башня, возвышающаяся въ сосѣдствѣ Агоры, служила прежде не только указателемъ вѣтровъ, но часами и календаремъ. Вода, проведенная въ нее изъ подъ грота Пана, на горѣ, приводила въ движеніе внутренній механизмъ. Украшенія состоятъ изъ скульптурныхъ изображеній восьми главныхъ вѣтровъ на восьми сторонахъ башни. Двѣ колонны при входѣ принадлежатъ къ Коринѳскому ордену.

Я посѣтилъ еще обращенный въ кладовую для мраморныхъ обломковъ храмъ Ѳезея; это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ Греческой архитектуры и сохранился удивительно хорошо. Кровля, хотя частью возобновлена, показываетъ однако же древнюю систему каменныхъ перекладинъ, столь прочныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь красивыхъ для вида (*). Мѣры и подробности этого храма описаны довольно пространно въ Ликѣ. Онъ былъ начатъ до временъ Перикла, и многіе находятъ, что стиль его архитектуры еще чище Парѳенона. Онъ гораздо менѣе сего послѣднаго, но въ томъ же орденѣ и вкусѣ. Находясь теперь посреди

(*) Система сія подробно изложена выше, въ описаніи Парѳенона.

большаго пространства, не занятаго постройками и на самомъ краю города, онъ кажется съ нѣкотораго разстоянія чрезвычайно малъ и не производитъ никакаго дѣйствія. Замѣтивъ уже выше, что Греческіе храмы не имѣли никогда назначенія поражать своею наружностью, я долженъ еще припомнить, что всѣ окружавшіе ихъ домы были столь скромны, и улицы такъ узки и низки, что въ сравненіи съ ними храмы казались не только прелестными, но даже величественными. Ни у какого дома не было оконъ на улицу, но только дверь, ведущая во внутренность и иногда открытое мѣсто для лавки. Слѣдовательно стѣны домовъ не отличались ничѣмъ особеннымъ; колонны и фронтоны были запрещены частнымъ лицамъ, которымъ предоставлялось право украшать внутренность своихъ домовъ совершенно по своему произволу. Всѣ же торжественныя наружныя украшенія оставались принадлежностью только однихъ храмовъ (*).

Зданія частныхъ лицъ были слишкомъ скромны, чтобы удовлетворять вкусу публики, и по

(*) Доказательствомъ сему служитъ рѣчь Демосѳена, въ которой онъ негодуетъ на надменную пышность украшеній, присвоиваемыхъ въ его время частными домами и принадлежащихъ по справедливости только однимъ храмамъ.

этой причинѣ Греки были нѣкоторымъ образомъ принуждены *искать* красивое и не находили мелкимъ того, что показалось бы намъ таковымъ при теперешнемъ размѣрѣ и ложномъ блескѣ частныхъ домовъ.

Время, которое я могу посвятить Аѳинамъ, такъ коротко, и притомъ жары такъ утомительны, что я не чувствую въ себѣ довольно силы разсмотрѣть въ большой подробности всѣ здѣшніе памятники. Я вообще стараюсь осмотрѣть ихъ въ полномъ ихъ объемѣ, и хочу представить себѣ весь городъ такимъ, какимъ онъ былъ прежде.

Множество памятниковъ, сохранившихся во всей Греціи, особенно же въ Аѳинахъ, и показывающихъ совершенство ихъ отдѣлки, превосходитъ все, что можно видѣть въ нынѣшнихъ городахъ. Они тѣмъ болѣе должны удивлять насъ, что здѣшнее народонаселеніе было гораздо менѣе народонаселенія многихъ Европейскихъ столицъ. Употребленныя на нихъ суммы были неисчислимы, и это заставляетъ насъ заключить, что жители были побуждаемы къ столь огромнымъ пожертвованіямъ не однимъ правительствомъ, но воспитаніемъ, врожденнымъ вкусомъ и самыми нравами. Голубое небо манило ихъ изъ тѣсныхъ

домовъ на открытый воздухъ, а душа влеклась къ изящнымъ твореніямъ, красоту которыхъ понималъ весь народъ, одаренный въ то же время высшею способностію къ художествамъ. Что касается до простаго народа или черни, должно полагать, что онъ здѣсь жилъ точно такъже, какъ живутъ теперь въ Неаполѣ и Римѣ бѣдные люди. Лавочники сидѣли въ своихъ лавкахъ, а мелкіе торгаши, поденьщики и лѣнивцы останавливали прохожихъ, какъ это дѣлается даже теперь, или сидѣли по троттуарамъ, которые, будучи вышиною въ аршинъ, позволяли имъ свѣшивать ноги. Граждане, болѣе независимые, стремились между тѣмъ къ агорѣ или Пниксу; ученые соединялись въ рощахъ Академіи, или въ садахъ Лицея; праздные собирались въ трактиры для разговоровъ. Словомъ, всѣ классы и всѣ званія проводили большую часть своей жизни и имѣли самыя важныя занятія на открытомъ воздухѣ, и должны были не только гордиться своими памятниками, но оцѣнять ихъ, какъ мы цѣнимъ наши собственныя фамильныя сокровища. Въ этомъ смыслѣ патріотизмъ древнихъ былъ сильнѣе нынѣшняго; пожертвованія, ими дѣлаемыя, не почитались налогами. Они, по своему вкусу, посвящали все свое время и большую часть своихъ денегъ об-

щественной пользѣ. Рабы уменьшали ихъ труды, а простота домашней ихъ жизни — издержки; но тотъ, кто хотѣлъ наслаждаться семейнымъ уединеніемъ и спокойствіемъ, могъ лучше нашего укрыться отъ шумнаго свѣта. Любопытные сосѣди не могли заглядывать въ его домъ, который освѣщался только посредствомъ внутренныхъ дворовъ, и такъ удобно раздѣлялся на двѣ половины, что хозяинъ могъ въ одной изъ нихъ предаваться занятіямъ въ совершенномъ уединеніи, а въ другой пользоваться бесѣдою женщинъ. И въ домашнемъ быту, и въ кругу общества, всѣ стремились только къ одному — къ наслажденію жизнью. Цѣль эта бывала часто предметомъ государственныхъ разсужденій. Философы толковали о ней, а софисты прельщали юношество своими шарлатанскими, часто развратными мудрствованіями, потому-что главною ихъ темою было облегченіе науки и дозволеніе всякихъ наслажденій. Дѣйствительно, народъ имѣлъ тогда гораздо болѣе наслажденій всякаго рода, чѣмъ теперь. Однако не должно забывать и то, что въ то время было гораздо легче управлять государствомъ, чѣмъ нынѣ. Тогда было менѣе народонаселенія и менѣе людей, пользовавшихся разными отдѣльными правами. Мы теперь менѣе украшаемъ города свои,

но гораздо болѣе жертвуемъ обществу и деньгами, и временемъ, и уваженіемъ къ мнѣнію другихъ; настанетъ время, когда пожертвованія эти еще увеличатся. Говорятъ, что въ Сѣверной Америкѣ есть уже одна колонія, основанная Овенномъ, гдѣ начальство имѣетъ право предписывать каждому семейству сколько ему должно имѣть дѣтей. Крайность эта есть противоположность той свободы, коей слѣды видны даже на остаткахъ изящныхъ произведеній Греческихъ.

Воскресенье $^{5}/_{17}$ *Іюля.* — Оставляю древности, чтобъ поговорить о своихъ товарищахъ, о себѣ и нынѣшнихъ Аѳинахъ. Болѣзнь Брюллова все въ одномъ положеніи и онъ еще не вышелъ изъ опасности. Во всѣ эти дни проводилъ я утро по большой части дома. Одинъ разъ былъ я приглашенъ къ канцлеру Армансперу, который угощалъ Русскаго посланника и трехъ Австрійцевъ, пріѣхавшихъ на фрегатѣ и имѣющихъ намѣреніе посѣтить Палестину. Это были генералъ Леппель, князь Шварценбергъ и князь Лобковицъ, находившійся при Австрійской миссіи въ Петербургѣ. За столомъ не было ничего особенно занимательнаго; но видно, что Аѳины, издревле славные своими поварами, (объ этомъ говоритъ Аристофанъ), пріобрѣтутъ опять этихъ артистовъ гораздо скорѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ. Послѣ обѣда король

пріѣхалъ во фракѣ и разговаривалъ какъ съ домашними, такъ и съ гостями.

У его величества я также имѣлъ честь обѣдать съ пріѣхавшимъ изъ Константинополя Прусскимъ посланникомъ Мартенсомъ. Кромѣ свиты, состоявшей частью изъ Грековъ, частью изъ Баварцевъ, было нѣсколько старыхъ Греческихъ капитановъ. Мавро-Михалисъ, племянникъ того, который убилъ Каподистрія, Цавелласъ, который отмстилъ за смерть своихъ соотечественниковъ, заклеймивъ свое имя на челѣ нѣсколькихъ сотенъ Турецкихъ плѣнниковъ, и другіе, коихъ имена я не могъ упомнить, щеголяли за столомъ своими шитыми куртками съ фустанелью (полукафтанъ или родъ юбки). Я замѣтилъ, что король говорилъ съ ними по Гречески безъ примѣтнаго затрудненія. Случалось однако, что паликары, иногда не дослушавъ его, спрашивали другъ друга: «что онъ говоритъ?» Вчерашній вечеръ у канцлера было многочисленное собраніе, которое у него бываетъ каждую недѣлю два раза. Залы были полны дамами и кавалерами; король пріѣхалъ при мнѣ. Проѣзжая дорога проведена отъ дворца къ графу Армансперу, и такъ его величество не принуждено идти пѣшкомъ, какъ большая часть здѣшнихъ обывателей.

Почти все общество состояло изъ дипломатовъ и Баварцевъ, но явилось также нѣсколько Грековъ. Между прочими Никита *Туркопьдъ*, и другія лица, извѣстныя въ исторіи революціи Греческой. Ихъ застѣнчивость при входѣ въ гостинную очень примѣтна и очень понятна. Они являются въ сферѣ, совершенно для нихъ новой, и тѣ, которые по торговымъ или другимъ дѣламъ не имѣли сношеній съ иностранцами, обнаруживаютъ неловкость и робость въ обхожденіи. Они, кажется, не знаютъ, дѣлаютъ ли они честь обществу, являясь въ немъ, или общество дѣлаетъ имъ честь, принимая ихъ. Впрочемъ провести одинъ вечеръ у Греческаго канцлера довольно интересно для того, кто хочетъ имѣть хоть поверхностное понятіе о смѣси общества въ здѣшнемъ краю.

По упомянутымъ выше причинамъ, я, въ теченіе минувшихъ дней, мало занимался Аѳинскими древностями; но обратимъ теперь вниманіе на нынѣшнее состояніе города и Греціи вообще.

Аѳины были, вѣроятно, во время Турокъ, нерегулярнымъ городомъ; — всѣ старинныя улицы, теперь существующія, застроены узко и безъ всякой симметріи. Зато онѣ прохладны и дома стоятъ не дорого. Должно полагать, что и древній городъ былъ самый нерегулярной, въ родѣ ста-

ринныхъ нѣмецкихъ городовъ. Къ сожалѣнію этотъ характеръ, повидимому предписанный самымъ климатомъ, измѣняется въ новыхъ постройкахъ, начатыхъ Баварцами. Огромный планъ съ улицами и площадьми, въ родѣ Берлина, уже сдѣланъ, и, если его приведутъ въ исполненіе, то солнце будетъ безпрепятственно палить жителей и въ домахъ, и на улицахъ. Но остается еще одна надежда: постройки и всѣ работы вообще чрезвычайно дороги, а у правительства очень мало денегъ. Что же касается до жителей, то они строятъ дома свои такимъ образомъ, что, въ теченіе десяти или пятьнадцати лѣтъ, они неминуемо должны обвалиться. Капиталы такъ рѣдки, что ихъ нельзя достать иначе, какъ за огромные проценты по 20 и даже по 30%. Въ слѣдствіе этого, желающій строить домъ имѣетъ весьма рѣдко достаточныя денежныя средства, чтобъ употреблять правильно высѣченный камень и долженъ выводить стѣны изъ разныхъ каменьевъ, необтесанныхъ и сложенныхъ на удачу. Эти постройки, немногимъ лучше нашихъ Малороссійскихъ хатъ, не долго устоятъ, и хозяинъ долженъ класть самую неумѣренную цѣну за самую скверную квартиру, чтобъ выручить свои деньги. Но если этимъ домамъ суждено скоро развалиться, за то

и строятся они скоро. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, поднимаются новыя стѣны со всѣхъ сторонъ, и случается иногда, что иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Аѳины и требующихъ квартиры, ведутъ по улицамъ для выбора мѣста, въ которомъ черезъ три или четыре дня обѣщаютъ выстроить для нихъ домъ, не много хуже того, въ которомъ я теперь живу. Дороговизна простирается не на однѣ квартиры, но на всѣ потребности жизни. Переѣздъ двора изъ Навпліи въ Аѳины, ничѣмъ еще не запасенные, былъ вѣрно одною изъ главныхъ причинъ высокихъ здѣшнихъ цѣнъ, мало чѣмъ уступающихъ Лондонскимъ.

Впрочемъ, недостатокъ кредита примѣтенъ не въ одной столицѣ; онъ видѣнъ также и въ малоцѣнности недвижимыхъ имѣній вообще, и въ огромныхъ процентахъ, платимыхъ за капиталы. Обширныя земли, уступленныя Турками по окончаніи войны, остаются до сего времени безъ всякой пользы для помѣщика, потому-что обработываніе ихъ, при наложенныхъ повинностяхъ, превзошло бы цѣну самаго имѣнія. Нельзя въ теперешнемъ положеніи исчислить, какими огромными средствами обладаетъ Греція, ибо онѣ теперь не цѣнятся даже самыми уроженцами. Но мнѣ кажется, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ и по

разговору, который я имѣлъ съ однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ Грековъ, что материкъ Греціи былъ бы еще способнѣе Мореи къ пропитанію народонаселенія, если бъ оно даже увеличилось колонистами. Во-первыхъ Морея, какъ пуста она мнѣ ни показалась, населена уже теперь болѣе материка Греціи. Во-вторыхъ Греки Морейскіе, сошедши съ горъ въ болѣе плодородныя равнины, принадлежавшія Туркамъ, не уступятъ ихъ охотно иноземцамъ, которымъ нельзя отдать и горы, такъ какъ сіи послѣднія равномѣрно принадлежатъ теперешнимъ жителямъ. Въ-третьихъ Греки, обитающіе на материкѣ, предпочитаютъ напротивъ горы равнинамъ, потому-что тамъ воздухъ чище и вода лучше, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, въ этой части Греціи гораздо болѣе равнинъ. Если эти подробности, при теперешнемъ бездѣйствіи, покажутся лишними, то скоро будутъ онѣ имѣть нѣкоторый вѣсъ, ибо при продолженіи мира, капиталы западной Европы непремѣнно будутъ привлечены на столь выгодное для нихъ поприще. Теперь находится здѣсь, въ родѣ ихъ предшественника, одинъ Англичанинъ, пріѣхавшій сюда съ предложеніями одной компаніи для учрежденія національнаго банка. Его кондиціи показались весьма умѣренными. Во первыхъ

онъ предполагаетъ ссудить деньгами подъ залогъ недвижимостей, а Греки цѣнятъ сіи послѣднія очень низко; во вторыхъ, онъ проситъ только 6% за капиталъ, отдаваемый имъ въ ссуду. Что же касается до перваго пункта, то я полагаю, что онъ вѣрно устроитъ свои дѣла такъ, что не приметъ въ залогъ сухія горы, но только однѣ нивы и виноградные сады; а на второй пунктъ надо замѣтить, что онъ проситъ сверхъ 6% на капиталъ дозволеніе, пустить въ ходъ ассигнаціи на цѣну, равную капиталу, что тотчасъ же возвыситъ его процентъ до 12%. Греки довольно хитры въ ежедневныхъ денежныхъ дѣлахъ, но не очень опытны въ финансовыхъ оборотахъ, и я боюсь, что они прельстятся предложеніями, которыя имъ будутъ сдѣланы, и видя наличныя деньги, уступятъ лучшія части своего отечества иностраннымъ спекуляторамъ.

Учрежденное въ Греціи правительство не ознаменовало себя до-сихъ-поръ большимъ искусствомъ въ отношеніи къ финансамъ. Съ восшествія короля Оттона на престолъ издержки казенныя превышаютъ доходы почти цѣлой половиной и правительство спаслось отъ банкротства единственно посредствомъ займа, имъ сдѣланнаго, и коего двѣ первыя серіи уже истрачены. Эти

деньги пошли на жалованье арміи и чиновникамъ Баварскимъ, на обезпеченіе невыгодныхъ оборотовъ и на мелочныя, придворныя учрежденія, бывшія поводомъ къ неимовѣрнымъ злоупотребленіямъ. Между тѣмъ всѣ повинности очень высоки, а именно, 10% на продукты помѣстій частныхъ и 25% на продукты казенныхъ земель; пошлина на привозные товари, бывшая при Туркахъ только около 3, теперь возвышена до 12%. Все это, вмѣсто того, чтобъ привлекать въ ихъ нынѣшнее отечество Грековъ изъ Турціи, принудило, напротивъ, многихъ изъ нихъ перейдти къ Туркамъ и записаться въ *раи* въ разныхъ частяхъ Европейской и Азіатской Турціи, гдѣ повинности коммерческія остались на прежней, умѣренной ногѣ. Явно, что, при такомъ управленіи, несмѣтныя выгоды климата и почвы Греческой останутся безъ всякаго дѣйствія.

Неудовольствія, изъявляемыя жителями въ сѣверныхъ частяхъ Греціи, и разныя мѣстныя возмущенія, о которыхъ намъ говорили на дорогѣ въ Аѳины, до того увеличились, что правительство посылаетъ сильный отрядъ для усмиренія всей этой страны, и поручило команду онаго Шотландскому полковнику Гордону. Всеобщее чувство уваженія къ этому старику, принимавшему всегда

дѣятельное участіе въ благосостояніи Греціи, произвело то, что никто не ропщетъ на его назначеніе къ такой важной должности. Со всѣмъ тѣмъ паликары говорятъ съ основательностью, что еслибъ Грекъ предводительствовалъ въ этомъ походѣ, то одно его имя дало бы болѣе національности предпріятію. Можетъ быть впрочемъ было бы и болѣе раздоровъ, и многіе изъ тѣхъ, которые пойдутъ теперь подъ начальствомъ иностранца, не покорились бы охотно своему земляку.

О выборѣ лицъ нельзя разсуждать; но что касается до системы военнаго управленія въ Греціи, то я имѣлъ продолжительный разговоръ съ однимъ уроженцемъ, предводительствовавшемъ долго партіею и участвовавшемъ болѣе или менѣе въ дѣлахъ Греческой революціи. Я запишу на память нѣкоторыя слова его, потому-что они показались мнѣ достопамятными, какъ въ отношеніи къ землѣ, такъ и къ характеру, немного шарлатанскому, человѣка, говорившаго со мною.

«Вы не въ состояніи», такъ началъ онъ: «судить о нашихъ нуждахъ и о системѣ, которую слѣдовало бы ввести у насъ. Вы знаете нашъ край только поверхностно, а характеръ народный еще менѣе, и только видѣли послѣдствія того, что Баварцы сдѣлали, когда они вздумали

составлять изъ Грековъ большое регулярное войско; но что слѣдовало сдѣлать, этого вамъ никакой иностранецъ не скажетъ, и всѣ впали бы въ ту же ошибку, если попеременно взялись бы управлять нами.» Я признался въ своемъ невѣдѣніи и просилъ его сообщить мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя одни Греки, а между Греками особенно онъ, въ состояніи былъ дать мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что я не могу такъ легко, какъ воображалъ себѣ, узнать то, въ чемъ онъ убѣдился послѣ долгаго и тягостнаго опыта на поляхъ битвы и въ гражданской жизни. А такъ какъ я сужу по европейскимъ понятіямъ и по примѣру другихъ земель, гдѣ обстоятельства Греческія неизвѣстны, то онъ, не почитая нужнымъ входить въ разсмотрѣніе болѣе отвлеченныхъ предметовъ, отъ разрѣшенія коихъ зависятъ военныя учрежденія, скажетъ мнѣ только свое мнѣніе объ участіи, которое народъ долженъ принять въ защитѣ своей родины.

«Вы замѣтили, что у насъ такъ мало земледѣльцевъ и такъ много необработанной земли. Въ силахъ ли» продолжалъ онъ: «Греція, уже столь бѣдная народомъ, поддерживать большое войско? Но знаете ли вы, что самимъ Грекамъ, набраннымъ въ солдаты, эта служба вовсе не лестна? Тѣ, которые прославились въ сраженіяхъ противъ Турковъ,

и много разъ проливали съ восторгомъ кровь свою, не могутъ привыкнуть во время мира къ форменному ружью и къ ранцу. Это для нихъ какъ ноша для поденьщика, и унижаетъ въ ихъ мнѣніи достоинство воина. По обѣимъ этимъ причинамъ, чѣмъ ограниченнѣе число регулярныхъ войскъ, признанныхъ необходимыми для защиты отъ иноземнаго нападенія, тѣмъ лучше. Но вокругъ этого центра должно было бы составить изъ прежнихъ паликаровъ родъ милиціи, которая имѣла бы двойную цѣль — охранять границы и внутренній порядокъ, а въ случаѣ войны могла бы составить баталіоны и въ видѣ волтижеровъ присоединиться къ главному корпусу. Положите около 200 человѣкъ на баталіонъ. Распустите на земледѣльческую работу всѣхъ, которые не нужны на постоянную службу, учредите мѣстную милицію на отвѣтственности жителей каждой эпархіи; пусть они сами снабдятъ ихъ нужнымъ оружіемъ и выберутъ клефта, который долженъ ими командовать. Такимъ учрежденіемъ вы не отнимете много рукъ у земледѣлія, и то только на ограниченное время, а между тѣмъ этотъ партизанный и вольный характеръ, который такъ свойственъ Греку, будетъ сохраненъ.» — Что же, спросилъ я: дѣлать въ случаѣ возмущеній, како-

выя здѣсь такъ часто бываютъ? Для этого у меня были всегда два правила: ходить на возмущенныхъ съ войсками той части Греціи, которая, по старинной ненависти или ревности, находится съ ними въ враждѣ, а также схватывать всѣхъ родныхъ или друзей мятежниковъ, хотя бы они состояли у меня на службѣ, и наказывать ихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, удалять ихъ отъ себя въ вѣрное мѣсто, пока всѣ мятежники не усмирятся. Это надо дѣлать даже съ тѣми родственниками, которые кажутся въ ссорѣ съ семействомъ, потому-что часто случается, что они, подъ личиной вражды, помогаютъ имъ доставленіемъ точныхъ свѣдѣній.»

Я не упомню всего, что этотъ патріотъ мнѣ сказалъ; но общее впечатлѣніе, оставленное во мнѣ его словами, было то, что онъ одаренъ природною тонкостью, которую показываетъ то въ истинномъ познаніи государственныхъ интересовъ, то въ хитростяхъ, кои онъ привыкъ употреблять въ обращеніи съ людьми.

Середа $\frac{27\ \text{іюня.}}{5\ \text{іюля.}}$ — Брюллову, слава Богу, гораздо легче, и по всему видно, что здоровье его возвращается; онъ рисуетъ разныя фигуры на сосновомъ столикѣ, который стоитъ возлѣ его постели. Планъ, сдѣланный г. Ефимовымъ храму неокрилленной побѣды, былъ первымъ предметомъ, возбудившимъ его дѣятельность, потому-что этотъ храмъ прежде украшался статуей, которую Брюлловъ взялся списать, когда ресторировка будетъ окончена. Я поспѣшу отправить въ Академію Наукъ сей плодъ трудовъ нашихъ, который считаю не совсѣмъ безполезнымъ, потому-что настоящія пропорціи храма до-сихъ-поръ не были извѣстны (*).

Офицеры Русскаго брига Ѳемистокла пригласили меня къ себѣ на бригъ, стоящій теперь въ

(*) Этотъ рисунокъ возобновленнаго храма былъ помѣщенъ въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. на 1836 годъ.

Пирейской гавани; я отправился верхомъ до этого города, и видѣлъ на дорогѣ нѣсколько остатковъ древнихъ, длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ прежде городъ съ портомъ; но, по данному мнѣ совѣту, не останавливался, потому-что воздухъ тамошній очень нездоровъ. Баварскіе солдаты заняты теперь дѣланіемъ шоссе и умираютъ какъ мухи. Баркасъ дожидался насъ у берега. Мы сѣли въ него и плыли до брига, имѣя передъ собою вдали эскадры: Австрійскую, подъ командой Дандоло и Французскую, которую я недавно видѣлъ въ Наполи-ди-Романія. Нашихъ судовъ теперь здѣсь только два: корветта Ифигенія и бригъ Ѳемистоклъ; оба они заслужили своими морскими маневрами и военнымъ устройствомъ одобреніе иностранныхъ моряковъ. Одинъ бригъ и одна вооруженная яхта составляютъ весь Греческій флотъ въ Пиреѣ; другіе корабли находятся въ разныхъ мѣстахъ, подвластныхъ королю Оттону. Позавтракавъ на Ѳемистоклѣ и посѣтивъ капитана Ифигеніи, мы поѣхали смотрѣть отрытые въ приморскихъ каменныхъ утесахъ гробы, извѣстные подъ именемъ гроба Ѳемистоклова и названные такъ, вѣроятно, по сосѣдству острова Саламина, близъ котораго этотъ великій человѣкъ прославилъ себя. Ликъ опровергаетъ, на основаніи

историческихъ доводовъ, это преданіе, и полагаетъ, что они принадлежали другимъ лицамъ, прославившимся на морѣ.

Еще видны нѣкоторые слѣды прекрасныхъ произведеній, украшавшихъ прежній Пирей; но теперь всего скорѣе бросаются въ глаза, какъ пріѣзжающимъ съ моря, такъ и Аѳинянамъ, новые, каменные магазины, построенные предпріимчивымъ Италіанцемъ Феральди.

Мы возвратились въ Аѳины до заката солнца. Ходя по городу съ первымъ секретаремъ Русскаго посольства, я увидѣлъ вдали длинную цѣпь Грековъ, идущихъ одинъ за другимъ. Я не могъ понять, для чего они шли такимъ образомъ; но скоро первый изъ нихъ, старикъ въ Греческомъ національномъ платьѣ, съ сѣдыми волосами, орлинымъ носомъ и яркими темными глазами, подошелъ къ моему товарищу и поцаловалъ его. Потомъ онъ спросилъ его по-Гречески о здоровьи и прибавилъ съ улыбкой, говоря о себѣ, что секретарь поцаловалъ только двѣнадцатимѣсячнаго ребенка. Это былъ знаменитый Колокотрони, который напомнилъ намъ этой шуткой, что годъ тому назадъ, онъ былъ осужденъ на смерть, и, получивъ прощеніе, съ того времени какъ бы началъ новую жизнь. За нимъ шли Никита Тур-

коѣдъ и другіе его приверженцы, торжествовавшіе съ нимъ его освобожденіе изъ тюрьмы, и показывавшіе ему городъ, столько измѣнившійся съ тѣхъ-поръ, какъ Турки изъ него вышли.

Въ тотъ же вечеръ увидѣлъ я другую характеристическую группу людей, собравшихся на открытомъ воздухѣ вокругъ двухъ мужчинъ, которые танцовали, или, лучше сказать, прыгали до изнеможенія *романку*, національный танецъ Грековъ. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ очень понравился. Музыка такъ же однообразна, какъ движеніе двухъ танцовщиковъ, которые другъ противъ друга прыгали, повторяя тѣже самые па и перемѣняя только мѣсто. Неаполитанская тарантелла и Шотландскій риль гораздо живѣе романки. — Суніумъ, нынѣшній мысъ Колонна или южный мысъ Аттики, славный своими архитектурными остатками и мѣстоположеніемъ, требуетъ, чтобы я по-крайней-мѣрѣ бросилъ на него бѣглый взглядъ, и такъ я рѣшаюсь завтрашній день отправиться въ эту сторону.

Воскресенье $^{12}/_{24}$ *Іюля.* — Чтобъ избавиться отъ слишкомъ сильнаго жара, я 9 числа выѣхалъ около 5 часовъ вечера изъ Аѳинъ, и отправился въ Суніумъ медленнымъ шагомъ, въ обществѣ молодаго Русскаго архитектора Кузьмина. Такъ какъ горы Химета, простирающіяся къ востоку отъ Аѳинъ, высоки и круты, то двѣ дороги, ведущія въ Суніумъ, обходятъ ихъ. Одна идетъ тотчасъ къ югу отъ Аѳинъ вдоль моря, другая немного къ сѣверу, до ската Химета, а потомъ на востокъ. По данному мнѣ совѣту, я пустился по послѣдней. Полная луна благопріятствовала нашему путешествію; мы остановились къ 11 часамъ ночи въ довольно опрятной деревенькѣ Мегалопило, и спали на молотильномъ дворѣ. На слѣдующее утро, выѣхавъ рано, мы стали держаться къ югу, и часа черезъ два пріѣхали въ деревню Кератія (богатую вишнями), а еще че-

резъ пять изнурительныхъ часовъ, проведенныхъ большею частію на буграхъ и каменьяхъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ, не дающимъ ни малѣйшей тѣни, мы остановились возлѣ колоннъ храма Минервы. Во все продолженіе пути, горы справа и слѣва ограничиваютъ горизонтъ, — съ одной стороны Химетъ, съ другой вершины Негропонта. Мы подошли такъ близко къ послѣднимъ, что дорога наша сошлась съ морскимъ берегомъ, въ который врѣзываются многіе заливы. Сильный морской вѣтеръ показывалъ всю ихъ важность для торговли и разныя мелкія суда, вѣроятно съ острововъ Греческихъ, стояли здѣсь на якоряхъ. Колонны храма стоятъ на самой вершинѣ мыса и видны на далекомъ разстояніи. Число стоящихъ еще на своихъ основаніяхъ колоннъ — двѣнадцать. Онѣ принадлежатъ къ Дорическому ордену и отличаются бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, который, вѣроятно, происходитъ отъ вліянія морскаго вѣтра, столь ѣдкаго, что калиноры мраморныхъ колоннъ безпрестанно крошатся. Но окрестная природа такъ очаровательна, что невольно отвлекаетъ вниманіе отъ произведеній искусства. Кажется, будто отсюда видишь всю Грецію, всю поэтическую страну, о которой мы воображали, читая о славѣ и просвѣщеніи Грековъ. Голубое Греческое море

разстилается прямо направо и налѣво отъ подошвы горы до небосклона, съ которымъ наконецъ сливается. Множество острововъ, имѣющихъ видъ дикій и безплодный, разсыпаны на этой голубой равнинѣ, и, не смотря на ихъ наружное безплодіе, они изобилуютъ виноградомъ и на ихъ берегахъ возросло то племя отважныхъ матросовъ, которые принимали такое участіе въ славѣ древнихъ и новѣйшихъ временъ. Легкія барки летаютъ съ одного на другой до самого мыса, и смуглый житель неподвижнаго юга издалека направляетъ ладью, нагруженную произведеніями своей родины, на перистиль, который вѣнчаетъ берегъ Греціи. Есть нѣкоторыя лица, столь ясныя и радостныя, что кажется, будто на нихъ выражается одно счастье, и я сравнилъ бы съ ними Суніумъ.

Пробывъ на этой вершинѣ около четырехъ часовъ, мы поѣхали назадъ и возвратились въ Аѳины на второй день, т. е. вчера вечеромъ. На возвратномъ пути нашемъ между Суніумомъ и деревней Кератія, два вооруженные человѣка выскочили изъ кустовъ съ намѣреніемъ напасть на насъ; но видя, что насъ было трое и что мы также имѣли оружіе, они не остановили насъ, и на вопросъ мой: отчего они ходятъ съ ружьями? отвѣчали, что они имъ необходимы для защиты отъ кабановъ.

Мы провели спокойно и безъ новыхъ предпріятій вчерашній и сегодняшній день; завтра сбираемся посѣтить занимательнѣйшій изъ всѣхъ Греческихъ острововъ — Эгину.

Четвергъ $^{4}/_{16}$ *Іюля.* — Я возвратился вчера вечеромъ изъ Эгины, оставивъ на бригѣ Ѳемистоклѣ Брюллова, для котораго морской воздухъ здоровѣе Аѳинскаго. Эта поѣздка доставила мнѣ случай увидѣть другой пунктъ, совершенно отличный отъ всего того, что я до сихъ-поръ здѣсь видѣлъ. Эгина такъ богата древностями, что нигдѣ вниманіе не можетъ быть живѣе возбуждено, и она тѣмъ болѣе интересна для наблюдателя нынѣшняго положенія Греціи, что покойный президентъ сосредоточилъ на ней всѣ тѣ заведенія, которыя полагалъ полезнѣйшими для своей родины. Впрочемъ въ ней нѣтъ ни дѣятельности, ни богатства острововъ Архипелага. Она болѣе принадлежитъ материку Греціи, чѣмъ сіи послѣдніе, которые я скоро надѣюсь увидѣть.

Мы отправились третьяго дня рано поутру въ коляскѣ изъ Аѳинъ въ Пирей, и оттуда на

лодкѣ доплыли до брига Ѳемистокла, который стоялъ на якорѣ въ заливѣ Амбелаки близъ острова Саламины. Такъ какъ бригъ, въ ожиданіи приказанія отправиться въ Смирну съ депешами, не имѣетъ здѣсь никакаго занятія, то капитанъ охотно взялся отвезти насъ въ Эгину и велѣлъ тотчасъ сняться съ якоря. Раздался свистокъ и матросы, по-большой-части малые ростомъ, но крѣпкіе, какъ Геркулесы, начали вывертывать якорь, пока другіе, взлетѣвъ на реи, распускали паруса. Черезъ четверть часа мы поплыли подъ тихимъ, но попутнымъ вѣтеркомъ къ Эгинѣ и скоро увидѣли на горѣ колонны Юпитера Панелленійскаго. Еслибъ вѣтеръ былъ немного сильнѣе, мы прибыли бы часа черезъ два въ городъ, который стоитъ на противоположной сторонѣ острова; но погода была такъ тиха, что мы только къ вечеру приблизились къ нему. Капитанъ далъ намъ баркасъ и мы пустились на веслахъ до набережной, усѣянной купцами, матросами и множествомъ празднаго народа, который здѣсь прогуливается. Мы вышли на берегъ и, остановясь въ кофейномъ домѣ, гдѣ Баварцы играли на стертомъ почти билліардѣ разломанными шарами, стали дожидаться муловъ, чтобъ отправиться въ храмъ Юпитера. Между тѣмъ люди всякаго

званія, узнавъ о пріѣздѣ Русскихъ на военномъ баркасѣ, входили и выходили изъ комнаты и стояли у дверей и окошекъ. Одинъ былъ посмѣлѣе прочихъ. Худощавый, бѣлокурый Французъ, уже много лѣтъ находящійся здѣсь учителемъ словесности, представился намъ и предложилъ свои услуги, вызвавшись показать намъ древности Эгины. Подъ его руководствомъ, мы посѣтили обширное заведеніе Орфанотропа, учрежденное Каподистріемъ, и, какъ самое имя показываетъ, посвященное воспитанію сиротъ. Оно теперь обращено въ военную школу. Направо и налѣво отъ церкви, которая учреждена среди главнаго корпуса, открытое мѣсто служитъ музеумомъ для складки скульптурныхъ обломковъ, найденныхъ на островѣ. Очень было бы желательно, чтобъ во всѣхъ Греческихъ городахъ подобныя мѣста были учреждены для помѣщенія найденныхъ вблизи древностей. Драгоцѣнные для исторіи матеріалы остались бы тогда на самомъ мѣстѣ, гдѣ они были поставлены, и не было бы опасенія, чтобъ они смѣшались съ иноземными предметами, собранными со всѣхъ сторонъ, какъ случается, когда только одинъ главный музеумъ служитъ для всего королевства. Антикварій, историкъ и художникъ нашли бы занятіе на нѣ-

сколько недѣль, не выходя изъ этого хранилища. По совѣту нашего Французскаго чичероне, мы не замедлили отправиться въ Панелленіумъ, какъ скоро наши мулы были готовы. Солнце уже начинало клониться къ западу и мы хотѣли дойдти до храма засвѣтло. Намъ особенно совѣтовали взять ту дорогу, которая идетъ между древними гробами; но сколько мы этого ни повторяли нашему провожатому, онъ не понималъ насъ и показалъ намъ дорогу въ южномъ направленіи прямо въ долины, которыя пересѣкаютъ внутренность острова. Страна, хотя каменистая, оживлена разнаго рода деревьями и частыми дачами и хуторами. Виноградъ и оливковыя деревья составляютъ главныя произведенія острова. На самой вершинѣ одной изъ горъ, у подошвы коихъ мы проѣзжали, видны остатки города, въ свое время весьма значительнаго. Стѣны домовъ еще стоятъ, но, сколько я могъ понять изъ словъ провожатаго, ни одна душа не живетъ въ нихъ и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя вообразить мѣста менѣе удобнаго для жительства. Это настоящее орлиное гнѣздо, висящее на крутой и самой неплодородной скалѣ, такъ что жители были бы принуждены ходить внизъ и очень далеко за всѣми нужными для жизни потребностями. Чандлеръ

полагаетъ, что это остатки древняго города Эа. Не смотря на всѣ наши старанія, мы пріѣхали цѣлымъ получасомъ послѣ захожденія солнца на возвышенность, занимаемую Панелленіумомъ. Мы могли однако въ сумеркахъ свѣтлаго Греческаго вечера хорошо видѣть самый храмъ и составить себѣ понятіе о волшебномъ видѣ, который является здѣсь взору чрезъ все пространство моря до Аѳинскаго акрополиса. Этотъ храмъ, равно какъ Суніумскій, показываетъ, что Греки украшали не одну землю своими прекрасными строеніями, но вводили, такъ сказать, самое море въ освященный предѣлъ. Панелленіумъ выстроенъ изъ такого же сѣраго камня, какъ храмъ Аполлона Эпикурейскаго въ Бассѣ, и имѣетъ тотъ же цвѣтъ, но размѣръ его гораздо менѣе и притомъ онъ сохранился хуже. Видя храмы, основанные, подобно Панелленіуму, на скалахъ, и выстроенные по всѣмъ правиламъ архитектурной прочности, въ такомъ жалкомъ и совершенномъ раззореніи, нельзя удержаться отъ мысли, что не одно время ихъ разрушило, но что и рука человѣка въ томъ также участвовала. Доказательствомъ тому служитъ неодинаковое состояніе храмовъ, выстроенныхъ въ одно и то же время; напримѣръ Ѳезейскій храмъ былъ выстроенъ около того же времени, какъ и

Эгинскій и сохранился удивительно хорошо, хотя стоитъ на низкомъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ Панелленіумъ, выстроенный на высокомъ камнѣ, почти весь развалился. Христіане первыхъ вѣковъ, подъ византійскимъ владычествомъ, вѣроятно истребили большую часть Греческихъ храмовъ; а ученые нынѣшняго вѣка унесли самыя красивыя и драгоцѣнныя ихъ части, какъ лежавшія на землѣ, такъ и тѣ, которыя еще держались на мѣстахъ, куда рука скульптора ихъ поставила. Мы хотимъ теперь судить о Греческихъ зданіяхъ; но даже не видимъ ихъ холоднаго скелета, а еще менѣе краски жизни, которою они нѣкогда цвѣли. — Было уже темно, когда мы возвратились изъ Панелленіума и, полагаясь совершенно на муловъ относительно дороги, благополучно пріѣхали около полночи въ городъ, хотя раза два или три усталыя животныя заносили насъ на молотильные дворы. Мы провели остатокъ ночи на скамейкахъ кофейнаго дома, и съ разсвѣтомъ принялись опять осматривать памятники Эгины. Мы начали тѣмъ, что обозрѣли гробы, на которые накапунѣ нашъ Французскій чичероне обратилъ наше вниманіе. Они въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно замѣчательны. Большая часть ихъ завалена землею, и по сей причинѣ нельзя судить о ихъ

внутреннихъ украшеніяхъ, но нѣкоторые очищены, и мы нашли въ одномъ изъ нихъ слѣды древней отдѣлки. Полагаютъ, что эти гробы служили жилищемъ большой части воинственнаго народа во время сраженія при Саламинѣ. Какъ большая часть подобныхъ мѣстъ, они вѣроятно также служили убѣжищемъ первымъ христіанамъ. Теперь церковь надмогильная учреждена въ одномъ изъ этихъ гробовъ. Г. Ефимовъ списалъ найденные въ ней остатки древней живописи.

Мы возвратились въ городъ, чтобы пройдти на противную его сторону, гдѣ показываютъ остатки театра и храма Венеры. Сей послѣдній имѣетъ обширную подстройку; но одна тощая колонна, уцѣлѣвшая отъ всего храма, выходитъ изъ земли. Видно, что много употребили камней прежняго храма на новыя постройки. Можетъ быть часть ихъ служила для сооруженія смирительнаго дома въ видѣ *панoптика*, который находится по сосѣдству. Большая разноцвѣтная мозаика, представляющая арабески, заслуживаетъ также вниманіе.

Къ 10 часамъ утра мы должны были возвратиться на бригъ, и тихій вѣтерокъ пригналъ насъ къ вечеру въ заливъ Амбелаки. Возвратъ мой въ

Аѳины былъ довольно печальный, ибо первая вещь, которую я увидѣлъ, проходя агору, были похороны, такъ сказать, гуртовыя. Лихорадка до того свирѣпствуетъ, что теперь везутъ возами Баварцевъ въ Олимпійскій храмъ. При мнѣ нагружали двѣ телеги семью тѣлами.

Конецъ первой части.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Съ дозволенія Г. Шинкеля я перевелъ это описаніе рисунка, имъ же сдѣланнаго по моей просьбѣ, и приложеннаго въ атласѣ. Любители изящнаго найдутъ и въ томъ, и въ другомъ много мыслей тонкихъ и глубокихъ о томъ усовершенствованномъ вкусѣ древнихъ, который, при всей образованности новѣйшихъ временъ, едва ли возродится.

ОПИСАНІЕ РИСУНКА,

представляющаго

АЛЬТИСЪ,

священную рощу вокругъ храма Юпитера въ Олимпійской долинѣ.

Ни въ какомъ мѣстѣ древности классическій геній не былъ разлитъ въ такой полнотѣ, какъ во внутренности священной рощи Олимпійской; нигдѣ роскошь искусства не превосходила такъ далеко всѣ произведенія новѣйшихъ временъ и не возносилась такъ высоко въ собственномъ незаимствованномъ характерѣ, какъ въ Альтисѣ. Безпрестанно образующійся снова міръ искусствъ произошедъ отъ почтеннѣйшихъ сказаній и высокаго чувства народа къ поэзіи, замысловато соединился съ прелестями природы, представляемыми прекрасною мѣстностью, и съ чувствомъ симметріи; въ этомъ счастливомъ соединеніи напечатлѣвался на окружающій міръ тотъ возвышенный характеръ, который представлялся сосредоточеннымъ въ обозрѣніи Альтиса. Благочестіе и пламенное стремленіе къ увѣковѣченію

своихъ дѣлъ, собрали въ священную Олимпійскую рощу изъ всего образованнѣйшаго древняго міра драгоцѣннѣйшее, изящнѣйшее и умнѣйшее въ такомъ изобиліи, что людямъ новѣйшихъ временъ не достаетъ воображенія, чтобы ясно представить себѣ изображеніе такого предмета; и даже сохранившіяся, къ счастію, до нашихъ временъ, описи и описанія этого священнаго мѣста, составленныя Павзаніемъ и другими, способны только еще болѣе смутить разсудокъ и задать воображенію новыя, неразрѣшимыя задачи.

Составить вѣрный планъ для совершеннаго возобновленія этого волшебнаго мѣста, невозможно въ наше время, исключая развѣ того случая, еслибы мы сдѣлали неожиданныя и обильныя открытія на самомъ мѣстѣ, на что не мало заставляетъ насъ надѣяться недавнее открытіе прославленнаго во всемъ мірѣ храма Юпитера. Распростертая нынѣ, вокругъ священной рощи, пустыня, которой природа сохранила древнюю прелесть посредствомъ травъ и цвѣтовъ, нигдѣ не представляетъ выразительныхъ примѣтъ древнихъ, священныхъ, столь часто воспѣтыхъ празднествъ: меланхолическая безлюдность царствуетъ надъ обширною равниною, лишь изрѣдка преры-

ваемая призывами пастуховъ и журчаніемъ водъ Альфея, катящихся по песчаному ложу.

Въ приложенномъ здѣсь опытѣ представить обзоръ одной части Альтиса, который состоялся при помощи рисунковъ и плановъ г. Давыдова, сдѣланныхъ на мѣстѣ искуснѣйшими художниками и сообщенныхъ мнѣ, выбранъ пунктъ, съ котораго фантазія можетъ держаться главныхъ предметовъ, дѣйствительно отъисканныхъ усиліями, сдѣланными въ новѣйшія времена, а къ нимъ прибавить другія, ближайшія произведенія священнаго мѣста, и въ нѣкоторой степени поставить каждый на надлежащемъ и соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Прежде всего представляется огромный храмъ Юпитера, во всемъ своемъ протяженіи, какъ онъ долженъ былъ открываться взору съ возвышенностей между горою Кроніонъ и рѣкою Кладеемъ. Храмъ принадлежитъ къ древне-Дорической архитектурѣ; число колоннъ лицевой и боковыхъ сторонъ извѣстно по ископаніямъ; форму крыши опредѣлили гипетросову. Акротеріи и наполненіе фронтонныхъ полей рельефами описаны достаточно. На верху фронтона стояла вызолоченная статуя Викторіи (богини побѣды); подъ нею былъ повѣшенъ золотой щитъ съ изображе-

ніемъ головы Горгоны — жертвоприношеніе Лакедемонянъ послѣ побѣды, одержанной ими надъ Ахаянами, Аѳинянами и Іонянами. По угламъ фронтоновъ стояли бронзовые треножники. Римскій полководецъ Муммій повѣсилъ двадцать позолоченныхъ щитовъ къ архитравѣ храма за побѣду, одержанную имъ надъ Ахеянами, Коринѳянами и Дорянами. На переднемъ фронтонѣ изображалась въ рельефахъ скачка Пелопса и Эномаія, работы Макопія Мендійскаго, Ѳракійскаго уроженца. На заднемъ фронтонѣ была изображена битва Лапитовъ съ кентаврами на сватьбѣ Пирѳоа — произведеніе Алкамена, современника Фидіева. Въ метопахъ, которыя были расположены въ вѣнкѣ надъ дверьми храма, были изображены дѣянія и подвиги Геркулеса въ горельефахъ. Во внутренности храма находилась Фидіева знаменитая колоссальная статуя Юпитера, сидящаго на тронѣ и окруженнаго безчисленнымъ множествомъ жертвенныхъ даровъ.

Въ нашемъ видѣ купы деревъ въ углубленіи закрываютъ частію храмъ Юпитера; онѣ принадлежатъ къ священному мѣсту Пелопса, которое, бывъ окружено стѣною, тянулось вдоль длинной стороны храма и хранило во внутренности своей

множество освященныхъ статуй, треножниковъ и алтарей (жертвенниковъ).

Предъ храмомъ и сейчасъ упомянутымъ мѣстомъ Пелопса, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, видѣнъ сооруженный Геркулесу алтарь, устроенный двумя уступами, къ которымъ всходили съ двухъ сторонъ по ступенямъ. На нынѣ онъ представленъ наполненнымъ людьми, приносящими жертву или присутствующими при жертвоприношеніи. Алтарь этотъ былъ воздвигнутъ Геркулесомъ Идейскимъ, или героями страны изъ пепла животныхъ, принесенныхъ въ жертву Юпитеру. Основаніе его имѣетъ въ объемѣ 125 футовъ а вышина его 22 фута. Дѣвы и женщины могли всходить только на первый уступъ. Прорицатели тщательно соблюдали обязанность обмазывать ежегодно алтарь тѣстомъ изъ золы, смѣшанной съ водою Альфея.

Между жертвенникомъ Геркулеса, храмомъ и пелоніумомъ простирается площадь, составляющая, можетъ быть, переднюю часть гиподрома, на которомъ разставлены разные дары и жертвы; углы стѣны пелоніума обозначаются треножниковъ; другіе алтари и статуи украшали площадь; особенно замѣчательна была здѣсь деревянная колонна дома Эномая, которая хранилась подъ кры-

шею, поддерживаемой четырьмя столбами; рисунокъ намекаетъ о ней.

Гипподромъ должно предполагать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма, на низменномъ мѣстѣ, образуемомъ Альфеемъ. На рисункѣ представлены пространныя мѣста для зрителей, увѣнчанныя отдаленными купами деревъ, предъ которыми возвышаются многообразные памятники побѣдителей. Входъ съ бѣговой площади къ храму обозначается двумя высоко стоящими золотыми конями, потому что эти животныя наиболѣе участвовали въ играхъ.

Между купами деревъ рощи за гипподромомъ видна блестящая поверхность Альфея, а за нимъ цѣпь возвышеній, идущихъ въ направленіи къ Саміку и Пиаціанѣ, заключаетъ видъ.

На переднемъ планѣ картины, къ которому мы должны возвратиться снова, видны террасы и улицы, которыми должны были быть архитектонически снабжены скаты Кронійской цѣпи пригорковъ, и между деревьями рощи, по краямъ и бокамъ ея, толпище статуй побѣдителей и жертвоприношеній всякаго рода, принесенныхъ по случаю особенно-замѣчательныхъ происшествій.

Здѣсь, на правомъ, замѣтна одна изъ колоссаль-

ныхъ статуй Юпитера, какихъ въ Альтисѣ было слишкомъ до пятидесяти. Предъ нею мраморный треножникъ на возвышеніи, на которое восходятъ по немногимъ ступенямъ, дабы благочестивый посѣтитель Альтиса могъ здѣсь принести свою жертву. Если эта статуя Юпитера есть та, которую соорудили Книдійцы, то это оправдало бы въ то же время рядомъ поставленную, описанную Павзаніемъ, статую рѣчнаго бога Альфея; за нею видна богиня побѣды въ бигѣ изъ бронзы — трофеи, какихъ сооружено здѣсь чрезвычайно много.

Далѣе, въ углубленіи, поставленъ также знакъ побѣды, съ двумя золотыми конями по сторонамъ; а рядомъ, на стѣнѣ пелопіума, замѣчаешь статуи юношей въ положеніи молящихся, которыя должно почитать жертвоприношеніемъ Агригентинцевъ за побѣду надъ городомъ Мотіе на Сицилійскомъ мысѣ Пахинумѣ, гдѣ Финикіяне и Дорянцы обитали вмѣстѣ.

На площадкѣ, имѣющей видъ полукружія, передвигнута богиня побѣды на колоннѣ, и считается произведеніемъ Пэонія изъ Мендеи: эта статуя сооружена изъ добычи, взятой Мессенянами у Акарнанцевъ и Эніадовъ. На передней стѣнѣ полукруглой площадки и ведущей къ ней аллеи, раз-

ставлены статуи побѣдителей на этрусцахъ. Они представлены въ различныхъ положеніяхъ, приготовляясь къ бою.

Бронзовый Марсъ въ вооруженіи, съ поднятымъ копьемъ и защищающимъ щитомъ, юноши въ гимнастическихъ положеніяхъ, одна женская статуя, группа, изображающая молодаго мужчину и молодую женщину, нѣсколько кулачныхъ бойцовъ и, наконецъ, налѣво, группа изъ четырехъ новоловенныхъ коней, образуютъ передній планъ, сквозь который видны гипподромъ и дальнѣйшее пространство.

У подножія возвышенія, на которомъ находится зритель, можно предполагать подлѣ пелопіума храмъ Юноны а далѣе влѣво алтарь Геркулеса, Метроумъ, храмъ матери боговъ, и такимъ образомъ все замѣчательнѣйшее Альтиса частію представлялось бы взору, частію заставляло бы предполагать о себѣ, сколько это возможно теперь на простомъ ландшафтѣ, и воображенію былъ бы приуготовленъ путь докончивать дальнѣйшее изображеніе этого чуднаго мѣста во всѣхъ направленіяхъ.

ШИНКЕЛЬ.

ОПЕЧАТКИ.

страница	53	строка	17	напечатано:	муловъ	читай:	муловъ,
»	62	»	9	»	противъ	»	противъ
»	64	»	14	»	долину	»	долину
»	99	»	1	»	расыпаны	»	разсыпаны
»	103	»	11	»	землею	»	землю
»	110	»	посл.	»	ѿзвалянъ	»	развалинъ
»	130	»	20	»	въвесьма	»	въ весьма
»	131	»	6	»	я на	»	я не
»	—	»	11	»	ежедоевному	»	ежедневному
»	165	»	посл.	»	Апостота	»	Апостола
»	171	»	5	»	тамже	»	тамъ же
»	192	»	9	»	развеселитъ	»	развеселить
»	202	»	посл.	»	дорогу,	»	дорогу.
»	205	»	1	»	дос тать	»	достать
»	—	»	3	»	нъса	»	насъ
»	210	»	1	»	гощася	»	щагося

ПУТЕВЫЯ

ЗАПИСКИ.

ПУТЕВЫЯ
ЗАПИСКИ,

ВЕДЕННЫЯ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ

НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ, ВЪ ГРЕЦІИ, МАЛОЙ АЗІИ И ТУРЦІИ ВЪ 1835 ГОДУ,

Владиміромъ Давыдовымъ.

ЧАСТЬ II.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 4 Октября 1839 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

СМИРНА, 4/16 *Іюля* 1835 *года*. — Я окончилъ журналъ моего пребыванія въ Аѳинахъ, и какъ замѣчаю теперь, кончилъ довольно мрачною картиною — описаніемъ похоронъ. Послѣ довольно значительнаго промежутка времени, мнѣ опять приходится продолжать его. Причиною остановки было то, что вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Эгины, я захворалъ тою самою лихорадкою, отъ которой умерли семь Баварцевъ, тѣла коихъ при мнѣ наваливали на телѣгу, когда я проѣзжалъ чрезъ Агору.

Мнѣ однакожь оставалось еще многое видѣть въ Аѳинахъ, и потому потащился я кое-какъ на Пниксъ, Ареопагъ, и холмы, окружающіе Акрополисъ, гдѣ ходилъ до тѣхъ поръ, пока у меня вовсе недостало силъ, и я принужденъ былъ слечь въ постелю, въ душной, наполненной комарами комнатѣ. Хотя и теперь еще я весьма слабъ, но

все таки могу назвать нынѣшнее состояніе мое счастливымъ, въ сравненіи съ тогдашними моими страданіями. Дмитрій приносилъ мнѣ, Богъ знаетъ какого-то, мерзкаго лимонада, и я съ жадностію пилъ эту дрянь, на которую и не взглянулъ бы въ другое время. Докторъ Видмеръ, который спасъ Брюлова, поставилъ и меня, послѣ трехъдневнаго леченія, на ноги, и я могъ, хотя еще чрезвычайно слабый, дотащиться до Пирея, въ ту самую минуту, когда нашъ корветъ Ифигенія поднималъ якорь, отплывая въ Смирну. Во все время плаванія по Архипелагу, я лежалъ полумертвый, и страдалъ такъ жестоко отъ новаго лихорадочнаго припадка, что не могъ, ни взглянуть на прелестные Цикладскіе острова, ни подумать о чемъ либо другомъ. Помню только, что мнѣ показывали, сквозь небольшое окно моей каюты, колонны Суніумскаго храма, бѣлѣвшіяся на вершинѣ мыса сего имени, но даже и этотъ видъ не имѣлъ для меня никакой прелести.

На второй день плаванія, минута штиля дозволила нашимъ матрозамъ купаться, и мнѣ казалось довольно забавно смотрѣть какъ они бросались съ палубы надъ моею постелью въ спокойныя морскія воды. Я замѣтилъ, что по большей части, они очень малы ростомъ, но широкоплечи и ода-

рены атлетическими формами. Вдругъ поднялся небольшой вѣтерокъ, и матрозы, послѣ кратковременной, но шумной забавы своей, мигомъ полѣзли по веревкамъ, находившимся сзади корабля. День былъ праздничный, и вечеромъ Капитанъ позволилъ имъ веселиться. Они стали играть въ жгуты. Въ этой игрѣ нѣсколько человѣкъ садятся въ кружокъ около одного изъ своихъ товарищей, и до тѣхъ поръ бьютъ его изъ всей силы, пока ему не удастся вырвать жгутъ изъ рукъ ихъ. Окончивъ игру свою, они запѣли наши простонародныя пѣсни, и на синихъ водахъ Архипелага вдругъ раздались напѣвы, которые слыхалъ я нѣкогда на Волгѣ. Отдаленныя, величественныя картины родоваго селенія окружили меня, и мнѣ казалось, что я начиналъ опять пріобрѣтать и питать надежду на выздоровленіе и возвращеніе въ кругъ моего семейства.

Благодаря здѣшняго медика, г-на Метаксиди, совершенно перемѣнившаго образъ леченія, какой употреблялъ корабельный лекарь, слава Богу, я теперь очень поправился, и если бы даже мое путешествіе по здѣшнимъ опаснымъ странамъ не принесло мнѣ той пользы, какой я надѣялся, то для меня слишкомъ уже довольно, когда судьба допуститъ меня дожить вѣкъ мой на родинѣ.

Сильный, но попутный вѣтеръ скоро пригналъ насъ къ Смирнѣ и спасъ меня отъ моего корабельнаго лекаря. Въ короткое время плаванія, я узналъ тягостную, но безпечную жизнь нашихъ матрозовъ, которые, по окончаніи своихъ трудовъ, склоняютъ голову на пушечное ядро и спятъ, какъ блаженные, въ томъ упованіи, что по прибытіи въ портъ пропьютъ все свое жалованье. На нашихъ корабляхъ нѣтъ ни того веселья, ни того чувства удальства, которыя выражаются на Англійскихъ судахъ громкимъ смѣхомъ, нѣтъ также и хвастливости Французовъ, но терпѣливость и твердая рѣшимость изображаются на лицахъ и во всѣхъ поступкахъ, а два такія качества могутъ произвесть чудеса.

Смирна видна издалека, въ углубленіи ея широкой гавани, и манитъ къ себѣ моряка своею красотою. Я восхищался зеленью кипарисовъ и другихъ деревъ, растущихъ купами между домовъ, по скату горы, на вершинѣ которой видны развалины замка, построеннаго Генуэзцами. Мы бросили якорь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ набережной. Впереди насъ стоялъ Англійскій станціонный фрегатъ Трибунъ. Капитанъ его тотчасъ пріѣхалъ въ гости къ нашему, съ предложеніемъ своихъ услугъ. Простая ли то была учтивость, или жела-

ніе показаться въ здѣшнемъ портѣ хозяевами, что очень соглашается съ правиломъ Англичанъ — почитать себя повелителями на всѣхъ моряхъ—я не могъ разобрать. Замѣчу только, что наши офицеры мало знаются съ Англійскими, и съ утра до вечера играютъ на бильярдѣ въ гостинницѣ, гдѣ я живу.

Іюля $^{16}/_{28}$ — Слабость моя принуждаетъ меня цѣлый день сидѣть дома. Скучно думать, что въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ надѣялся начать дѣятельнѣйшія изысканія, будучи такъ недалеко отъ древняго Эфеса, отъ Магнезіи и Сардъ, я пораженъ такимъ безсиліемъ, что съ трудомъ могу замѣчать одно—какъ безполезно проходитъ мое время. Общество, которое съ такими великими надеждами и съ такимъ предпріимчивымъ духомъ отправилось со мною изъ Анконы, теперь разсыпалось. Докторъ Крамеръ отсталъ еще въ Аѳинахъ; Брюловъ плыветъ за нами на Ѳемистоклѣ, въ веселой компаніи знакомыхъ, и только одинъ Ефимовъ остался неразлучнымъ моимъ товарищемъ. Выходя по утру съ портфейлемъ, онъ возвращается къ обѣду, и разсказываетъ мнѣ, сколько видѣлъ онъ красивыхъ фонтановъ, прелестныхъ лицъ и богатыхъ костюмовъ, показывая притомъ въ своихъ

эскизахъ самые оригинальные образцы Восточнаго вкуса. Меня навѣщаетъ еще одинъ нашъ соотечественникъ, человѣкъ такого рода, какихъ не часто встрѣтите, ни у насъ, ни въ другихъ странахъ: это инженерный офицеръ, г-нъ Вронченко; онъ получилъ ученое порученіе, и мучится теперь уже третій годъ надъ ландкартою Малой Азіи. Изъ двухъ данныхъ ему товарищей одинъ умеръ отъ лихорадки, и онъ самъ было сильно захворалъ ею, но при безпрестанной опасности отъ смертельнаго климата и людей, исполненныхъ ненависти ко всему христіанскому, продолжаетъ онъ огромный трудъ свой, и когда останавливаютъ его непреодолимыя препятствія, то вынимаетъ изъ своего чемодана Шекспира и утѣшается среди безжизненныхъ пустынь картинами поэзіи, которыя утѣшаютъ и приводятъ въ восторгъ безчисленныхъ зрителей на сценѣ Европейскихъ театровъ. Консулъ нашъ, г-нъ Ивановъ, очень внимателенъ ко мнѣ, и посылаетъ газеты Смирнскую и Франкфуртскую — послѣднюю для того, чтобы не забывать о томъ, что дѣлается на коммерческой и политической сценѣ суетливаго Запада. Но первая вѣсть, которую мнѣ передали газеты, была самая грустная: я узналъ о кончинѣ одной знакомой и близкой ко мнѣ особы, при

чемъ нахожусь въ горестномъ сомнѣніи, потому, что двѣ особы называются однимъ и тѣмъ же именемъ, и я не знаю, которая изъ нихъ оставила бренную жизнь? Такимъ образомъ, потеря сообщается мнѣ здѣсь, какъ Траппистамъ, у которыхъ только одинъ аббатъ имѣетъ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ, и говоритъ торжественно своимъ монахамъ: «Братія! молитесь, ибо одинъ изъ васъ претерпѣлъ тяжкую потерю.»

Іюля $^{17}/_{29}$ — При помощи весьма любезнаго молодаго человѣка, служащаго въ канцеляріи нашего Консула, въ первый разъ сегодня покусился я выйдти изъ трактира, гдѣ живу, чтобы посмотрѣть на городъ и взглянуть на море съ развалинъ Генуэзскаго замка. Но я долженъ былъ отказаться отъ сего важнаго предпріятія, превышавшаго мои силы. За то видѣлъ я большую часть города, оригинальнаго и прелестнаго. Его иногда называютъ Англіей Востока, вѣроятно, потому, что роскошь заморская сливается въ Смирнѣ съ богатствомъ здѣшней страны, изобилующей многоразличными произведеніями. Переходя съ набережной, на которой живу, во внутренность города, мы проходили, для сокращенія дороги, чрезъ тѣсные дворы, служащіе для купцовъ складочнымъ мѣстомъ. Что можетъ быть скучнѣе такихъ складочныхъ мѣстъ въ городахъ на Западѣ? Но здѣсь эти дворы жи-

вописны. Виноградъ свѣшивается въ нихъ съ одной крыши на другую и покрываетъ своею сѣнью весь дворъ, что составляетъ для пѣшеходовъ самые близкіе и тѣнистые переходы съ одной улицы на другую. Узкія улицы здѣшнія загромождены корзинками съ такими дынями, арбузами и виноградомъ, какихъ не найдете ни въ какой странѣ Европы. Домы раскрашены яркими красками.

Мы прошли по кварталамъ Греческому, Армянскому и Турецкому; послѣдній отличается отъ другихъ тѣмъ, что окна въ домахъ, либо обращены на дворъ, либо задѣланы частою рѣшеткою, сквозь которую взоръ никакъ не можетъ проникнуть во внутренность жилища. На концѣ Турецкаго квартала и самаго города находится обширный, но крайне запущенный домъ паши, здѣшняго губернатора, а возлѣ него огороженная стѣною площадь для ученья войскъ.

Турецкій чиновникъ, занимающій на время должность паши, уѣхавшаго изъ Смирны, попался намъ на встрѣчу, и поклонившись моему товарищу съ большою учтивостью, спросилъ: «Кто я? Изъ какой части Россіи?» и потомъ прибавилъ: «Странно, что всѣ Рускіе выдаютъ себя за жителей Петербурга.» Въ самомъ дѣлѣ, эта черта отличаетъ насъ отъ большей части другихъ народовъ, кото-

рые разсыпаны гораздо равнѣе по своей родинѣ и не толпятся такъ около столицъ. Оставивъ Турка при его мнѣніи о моемъ провинціялизмѣ, которымъ я ни мало не оскорбился, и желая, напротивъ, даже заслужить когда нибудь на самомъ дѣлѣ такой упрекъ, я началъ подыматься на гору, чтобъ увидѣть развалины Генуэзскаго замка, но дошелъ не далѣе кладбища. Здѣсь замѣтилъ я множество разбросанныхъ Латинскихъ и Греческихъ надписей. Какое обширное поле для изысканій открывается путешественнику, если онъ пріѣдетъ сюда не истощивъ ни силъ своихъ, ни духа! Въ Мореѣ, мы бросились бы на эти камни, какъ на богатую добычу, а теперь, когда всѣ мои спутники разсѣялись, и самъ я едва скитаюсь полуживой, мнѣ даже непріятно глядѣть на нихъ. За то картина природы всегда прелестна и утѣшительна, и съ удовольствіемъ отдохнулъ я на тѣнистомъ берегу рѣки близъ моста (Ponte della Caravaia), по которому переходятъ всѣ караваны, отправляясь во внутренность Анатоліи. Надобно было возвратиться домой, но послѣ обѣда я опять вышелъ и заглянулъ въ Греческую церковь, гдѣ Архіерей служилъ вечерню, съ многочисленнымъ духовенствомъ, но вяло и небрежно. Говорятъ, что Католики обращаютъ въ свою вѣру множество здѣшнихъ жи-

телей. Не удивляюсь, потому, что они ревностно стараются о распространеніи Папской власти, между тѣмъ, какъ здѣшніе Греки не находятъ никакихъ свѣтскихъ выгодъ въ поддержаніи своей вѣры, и потому къ ней весьма слабо привержены. Они безпечны, алчны и развратны до крайности.

Едва вечерній морской вѣтеръ начинаетъ нѣсколько освѣжать воздухъ, вся Смирнская публика собирается на набережную. Величавый Турокъ, ловкій Грекъ, корыстолюбивый Армянинъ, Англійскій морякъ, купцы и конторщики всѣхъ націй, кто окончивъ свои труды, а кто и праздно проведенный день, выходятъ на гулянье, и составляютъ разнообразную толпу, не думая о томъ, какъ они далеки другъ отъ друга по религіи, нравамъ и обычаямъ. Предразсудки, ненависть, презрѣніе должны скрываться, если не совершенно исчезнуть при ежедневныхъ столкновеніяхъ по дѣламъ торговли. Женщины здѣшнія носятъ странную одежду и уродливый головной уборъ, но не смотря на то, я видѣлъ двухъ, которыя всѣмъ своимъ дурнымъ нарядомъ не могли однакожь затмить своей красоты и дѣйствія черныхъ глазъ, какіе едвали можно увидѣть на нашемъ холодномъ, блѣдномъ сѣверѣ. Меня влечетъ однакожь туда непреодолимая сила, и съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣлъ

я на отплывавшій въ Константинополь пароходъ Марія Доротея, сожалѣя, что не могу на немъ отправиться. Говорятъ, что чума открылась въ городѣ, и со всѣхъ сторонъ принимаютъ мѣры предосторожности.

Іюля $^{16}/_{30}$—Прибылъ еще Англійскій фрегатъ и бросилъ якорь противъ моего окна, въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія отъ Трибуна. Съ какою цѣлью прибылъ онъ и какая судьба ожидаетъ его? Богъ знаетъ! Подъ вечеръ, когда воздухъ нѣсколько освѣжился, по приглашенію Капитана Ифигеніи поплылъ я съ нимъ на барказѣ по заливу, въ направленіи къ мѣстечку, у котораго съ одной стороны оканчивается Смирнскій заливъ. Только что отправились мы въ обратный путь, какъ одинъ изъ бывшихъ съ нами матрозовъ указалъ намъ на приближавшійся бригъ, и мы скоро узнали нашего Ѳемистокла. Онъ стоялъ уже на якорѣ, когда мы возвратились въ Смирну. Нетерпѣливо хотѣлъ я увидѣться съ моимъ спутникомъ Брюловымъ, чтобы распорядиться съ нимъ на счетъ дальнѣйшаго пути, но ему было уже не до путешествія по сушѣ: онъ вкусилъ спокойную жизнь на кораблѣ, хорошо

снабженномъ всѣмъ нужнымъ, и не хотѣлъ болѣе подвергаться лишеніямъ и опасностямъ пути, какъ впрочемъ ни былъ любопытенъ посмотрѣть на Востокъ. У меня нѣтъ ничего изъ трудовъ его, кромѣ нѣсколькихъ легкихъ эскизовъ, и Богъ знаетъ будутъ ли другіе живописцы въ состояніи сдѣлать изъ нихъ что нибудь цѣлое. Но съ судьбою нельзя бороться. Жаль только, что я не могъ заранѣе этого предвидѣть. Ѳемистоклъ и Ифигенія отправляются завтра въ Константинополь; Брюловъ плыветъ на первомъ. Мой докторъ Метаксиди еще не отпускаетъ меня, и я такъ обязанъ ему, что не могу ослушаться.

Іюля $^{9}/_{21}$ — Мнѣ должно было пролежать большую часть дня, и смотрѣть изъ окна, какъ барказы безпрестанно ходили взадъ и впередъ между нашими судами и берегомъ; но ни одинъ не зашелъ въ ту сторону, гдѣ я находился, потому что чума распространяется въ нашемъ кварталѣ и люди не хотятъ отваживать по пустому своей жизни. Я теперь почти безъ ногъ, но такъ же пламенно, какъ всякій здоровый, желалъ бы оставить Смирну. Къ вечеру, оба наши корабли подняли якори, поставили паруса и начали удаляться, такъ быстро, что вскорѣ ихъ едва можно было еще видѣть близъ южнаго мыса Смирнскаго залива. Смерклось и они скрылись совершенно.

Іюля/Августа 20/1 — Дмитрій удивилъ меня поутру извѣстіемъ, что оба наши корабля, отплывшіе вчера, все еще видны въ заливѣ, и паруса на нихъ убраны. Кормщикъ небольшой барки, ѣхавшій мимо корабля, увѣрялъ, что оба они сѣли на мѣль, но вечеромъ узнали мы, что такое несчастіе случилось въ самомъ дѣлѣ съ однимъ только Ѳемистокломъ, а Ифигенія остановилась для того, чтобы помочь Ѳемистоклу сойдти съ мѣли, на которой какъ видно было, онъ засѣлъ довольно крѣпко. Говорятъ, что Смирнскій заливъ опасенъ для кораблей, и что такіе случаи совсѣмъ не рѣдки. Къ счастію погода тихая, и для брига нѣтъ никакой опасности, но участь архитектурныхъ слѣпковъ съ Парѳенона, отправленныхъ мною на Ѳемистоклѣ, очень безпокоитъ меня. Я подарилъ ихъ С. Петербургской Академіи Художествъ, и боюсь, чтобы ихъ не бросили въ море для облегченія корабля.

Если бы такъ и случилось, мнѣ нельзя жаловаться, потому, что Капитанъ единственно изъ одолженія принялъ ихъ на свой бригъ, и художественные предметы, особенно гипсовые, не могутъ быть пощажены, когда опасность угрожаетъ жизни цѣлаго экипажа. Черезъ два, или три дня, пароходъ Марія Доротея возвратится сюда изъ Константинополя, и я намѣренъ на немъ отправиться. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, я буду раньше въ Константинополѣ Ѳемистокла. Пароходъ употребляетъ на переходъ только двои сутки, а корабли иногда бываютъ задерживаемы по цѣлымъ недѣлямъ противными вѣтрами, у самаго Дарданельскаго пролива.

Я слушалъ обѣдню въ Католической церкви. Обитатели монастыря, устроеннаго, при ней, состоятъ изъ Армянъ. Впрочемъ, въ Смирнѣ есть и Капуцины. Бѣдность этого Ордена, братія котораго должны ходить босые, можетъ производить на Востокѣ сильное впечатлѣніе, особенно при вспоминаніи о бѣдности первыхъ христіанъ и самаго Божественнаго Зиждителя нашей Святой Вѣры. Но раздоры Католиковъ между собою часто производятъ совершенно противное дѣйствіе. Церковь Французскаго Консула заперта по причинѣ существующей между нимъ и Епископомъ непріязни.

Іюля / Августа 22/4 *На пароходѣ.* — Наконецъ, пламенное желаніе мое исполнилось: вчера вечеромъ оставилъ я прекрасную Смирну, въ которой думалъ уже положить свои кости, и отправился на пароходѣ Марія Доротея. Мое намѣреніе было ѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ, и осмотрѣть Сарды, и другіе важные города древней Персидской монархіи. Мнѣ очень хорошо теперь на пароходѣ, и мы быстро несемся по синему морю, но все таки не могу я думать безъ сожалѣнія о пути, который сначала хотѣлъ избрать. Какими открытіями можно бы обогатить исторію и словесность въ той странѣ, гдѣ даровитый Французъ Тексіе пожинаетъ теперь лавры! Но тужить нечего. Другое общество, предпріимчивѣе нашего, составится съ Божіею помощію когда нибудь, достигнетъ цѣли, для которой у насъ недостало силы, и Малая Азія, которая зоветъ Русскихъ для ея обозрѣнія, обогатитъ

насъ познаніями, и наполнитъ, можетъ быть цѣлый Одесскій музей драгоцѣнными обломками древности. Какое лучшее занятіе можно дать экипажамъ двухъ Рускихъ судовъ, безпрестанно стоящихъ близъ здѣшнихъ мѣстъ?

Пассажиры на Маріи Доротеѣ, подобно народонаселенію Смирны, составляютъ разнообразную смѣсь, и между ними почти столько же иностранцовъ, сколько Турковъ. Дыни, арбузы, виноградъ, размѣщенные въ корзинкахъ по всей палубѣ, составляютъ весь грузъ парохода. Большая часть пассажировъ провели прекрасную тихую ночь между плодами изобильной страны, столь недавно оставленной. Но не всѣ одинаково располагались къ ночлегу. Чалмоносные Турки, старые и малые, толстые, и такіе, которые по тонкости ногъ и сухости смуглаго лица казались изсохшими въ пустынѣ, равнымъ образомъ приготовлялись молитвою ко вкушенію сна. Всѣ они исполняли одинъ и тотъ же обрядъ, обращаясь лицомъ къ Меккѣ. Шевеля губами, поперемѣнно стояли они на колѣняхъ, и держали руки за ушами, или наклоняли головы до земли, а другую часть молитвы произносили стоя на ногахъ. Между тѣмъ Англичане, Итальянцы, Греки, сидя, или лежа, перемигивались и тихонько смѣялись надъ обрядами Мусуль-

мановъ. Но къ сожалѣнію, не было ни одного изъ нихъ, который осмѣлился бы стать на колѣни по обряду собственной церкви, и доказать тѣмъ, что онъ также воздаетъ благодареніе Творцу. Если Турки не стыдятся своего заблужденія, отъ чего же мы стыдимся истины?

Въ числѣ пассажировъ и товарищей нашихъ находится одинъ молодой Итальянецъ съ весьма непріятною наружностью; его въ цѣпяхъ везутъ въ Константинополь. Капитанъ сказалъ мнѣ, что уже прежде былъ онъ схваченъ по подозрѣнію въ убійствѣ, и представленъ суду, но какъ-то умѣлъ выпутаться и не былъ наказанъ. Теперь замѣшанъ онъ въ другое подобное дѣло и его везутъ на судъ. Но, нимало не смущенный, онъ разгуливаетъ между нами, ругая неправосудіе Турецкаго Правительства, между тѣмъ, какъ именно этому неправосудію обязанъ онъ своею жизнію. Онъ Тосканскій уроженецъ, а въ паспортѣ названъ Австрійскимъ подданнымъ, потому пользуется покровительствомъ Посланника Австрійскаго двора и не подлежитъ Турецкому суду, подобно множеству другихъ подобныхъ ему побродягъ. Съ нимъ находится и жена его, молодая Гречанка. Она мила, но нисколько не плѣнительна для меня, потому, что чрезвычайно неопрятна, и точно также держитъ и своего

ребенка. Капитанъ парохода, Англичанинъ, очень вѣжливъ, и за ужиномъ подчивалъ насъ бараниною, какой не ѣдалъ я съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Шотландію.

Пѣсни одного молодаго Турка, довольно дикія и печальныя, хотя и нельзя назвать ихъ непріятными, раздавались довольно долго ночью, въ то время, когда всѣ другіе пассажиры и большая часть матрозовъ уже спали. Около полуночи, я замѣтилъ, что пароходъ вдругъ остановился; вышедъ на палубу, я увидѣлъ, при мѣсячномъ сіяніи, берегъ. То былъ островъ Митиленъ, съ его развалинами древней крѣпости на горѣ и съ новымъ, незначительнымъ Турецкимъ укрѣпленіемъ близъ моря. Еще разъ остановились мы противъ мыса Баба, гдѣ спустили однихъ пассажировъ и приняли другихъ. Примѣтно было, что Капитанъ нашъ очень боялся, чтобы нашъ Итальянецъ не воспользовался удобнымъ случаемъ убѣжать, пока пароходъ имѣлъ сношеніе съ берегомъ.

Было около восьми часовъ утра, когда мы находились близъ острова Тенедоса и плыли мимо низменнаго берега Трои. Природа ничѣмъ не украсила этого мѣста, величіе коего основано на восторгѣ перваго поэта древности, и на почтеніи, съ какимъ смотримъ мы на тѣ мѣста, гдѣ все-

мірная исторія, такъ сказать, начинается, и гдѣ быль сливается съ вымыслами воображенія и лѣтопись съ преданіями. Нѣтъ здѣсь ни горъ высокихъ, суровыхъ и дикихъ, ни такихъ мѣстоположеній, которыя, разнообразя морской берегъ, манятъ къ себѣ своею общностью. На плоской и безцвѣтной равнинѣ, ограниченной лишь синими вершинами Иды, возвышаются, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, коническіе холмы, именуемые гробницами Ахиллеса и Аякса. Но мы пристальнѣе смотрѣли на сіи простые бугры, нежели на самый великолѣпный водопадъ въ Италіи или Швейцаріи. Живопись не соединяется здѣсь съ поэзіею; развѣ только образъ слѣпаго старца, который мечтается здѣсь передъ глазами, будетъ присвоенъ первою, для того, чтобы доказать, что и здѣсь она нераздѣльна съ послѣднею.

Въ настоящее время года, пароходы, одинъ или два раза въ недѣлю, коптятъ своимъ чернымъ дымомъ здѣшнюю почтенную атмосферу. Мы промчались мимо мѣста дѣйствія самой отдаленной древности, но не потерявъ еще ея изъ вида, очутились уже на мѣстѣ новѣйшихъ, современныхъ намъ происшествій. И здѣсь-то столпились корабли, ожидая благопріятнаго вѣтра, и свидѣтельствуя своимъ направленіемъ, что за симъ зали-

вомъ скрывается нѣчто, имѣющее большой интересъ, какъ для настоящихъ, такъ и для будущихъ временъ: мы теперь въ Дарданельскомъ проливѣ, и не смотря на сильное теченіе, быстро подвигаемся впередъ, между тѣмъ, какъ корабли, идущіе парусами, стоятъ на якоряхъ и завидуютъ намъ. Чѣмъ больше затрудненій, тѣмъ заманчивѣе и драгоцѣннѣе кажется желаемый предметъ. Такъ, сильное теченіе, останавливающее корабли на самомъ послѣднемъ шагѣ въ Мармарное море, хочетъ какъ будто приготовить путешественника къ великолѣпному зрѣлищу Царьграда.

Азія сблизилась здѣсь съ Европою, и обѣ представляютъ зрителю увлекательные предметы, которыхъ вмѣстѣ собрано столько, что они не даютъ времени опомниться. Сестосъ, Абидосъ, Азіятскій и Европейскій замки, съ ихъ неуклюжими пушками и каменными ядрами, напоминаютъ вамъ, то Ксеркса, то Александра Македонскаго; то Байрона, который, подражая Леандру, также переплылъ проливъ, отдѣляющій Европу отъ Азіи, хотя и не былъ влюбленъ, какъ обожатель Геро; то, наконецъ, нашъ Русскій флотъ, блокировавшій этотъ проливъ въ 1829 году. — Европейскій берегъ крутѣе Азіятскаго; мы держались однакожь ближе къ послѣднему. Сѣверный вѣтеръ и теченіе,

пробѣгающее 3½ мили (слишкомъ 4½ версты) въ часъ, затрудняли нашъ ходъ. Азіятскій замокъ похожъ болѣе на дворецъ, нежели на крѣпость. Только проплывая очень близко къ берегу можно замѣтить огромныя пушки, лежащія на землѣ подъ арками, сдѣланными въ стѣнѣ. Ихъ заряжаютъ огромными каменными шарами, но онѣ не могутъ быть поворочены съ мѣста ни въ какую сторону. Европейскій замокъ болѣе похожъ на готическое укрѣпленіе, но и онъ не важенъ и гораздо старѣе Азіятскаго. Сильное теченіе, почти періодическій сѣверный вѣтръ, и тѣснота пролива, не дозволяющая лавировать, лучше военнаго искуства укрѣпили мѣста, гдѣ такъ часто состязались люди о выгодахъ всего міра. Но умѣренное возвышеніе береговъ и близость ихъ одного отъ другаго представляютъ притомъ легкія и возможныя средства къ лучшему искуственному укрѣпленію. Судьба вознаградила насъ за сотоварищество Итальянскаго колодника присоединеніемъ къ нашему обществу милой, интересной пятнадцатилѣтней дѣвушки, которую привезли на нашъ пароходъ съ Французскаго торговаго корабля, стоявшаго, вмѣстѣ съ другими, на якорѣ; это дочь Редактора Оттоманскаго Монитера, и она ѣдетъ навѣстить отца, котораго еще не знаетъ, потому, что онъ оставилъ

Францію, когда ей было не болѣе года, или двухъ лѣтъ. Бѣдняжка трепещетъ отъ нетерпѣнія и любопытства.—Ложусь спать на палубѣ, желая увидѣть Константинополь при первыхъ лучахъ восходящаго солнца.

СТАМБУЛЪ, или КОНСТАНТИНОПОЛЬ, $\frac{\text{Іюля}}{\text{Августа}}$ $^{24}/_{6}$.

Если писать къ кому нибудь со всею отчетливостью, то можно сказать, что я еще не въ Константинополѣ, то есть, еще не въ самомъ городѣ, а въ предмѣстіи его Перѣ, отдѣленномъ отъ настоящаго города Золотымъ Рогомъ, или портомъ Царяградскимъ. Это предмѣстіе было основано Генуэзцами и нынѣ населено иностранцами, или Франками. Но я начинаю еще далѣе, и именно съ парохода, желая описать первую минуту нашего прибытія въ портъ.

Іюля 24, въ 7 часовъ поутру, мы плыли уже около того мѣста, гдѣ сближаются берега Мармарнаго моря. Олимпъ, съ его снѣжными вершинами, и такъ называемые *Княжескіе острова*, остались отъ насъ вправо, и мы вступили въ Босфоръ. По лѣвую руку показался Армянскій кварталъ; за нимъ находится опустошенный кварталъ Янычаровъ. Здѣсь

деревянныя постройки, тѣсно прилегающія одна къ другой, не представляютъ ничего разительнаго. Часть города и залива, доставившая Константинополю славу самаго живописнаго, самаго выгоднаго и самаго важнаго въ мірѣ положенія, начинается тамъ, гдѣ оканчивается, такъ называемый, *Серальскій садъ*; здѣсь берегъ выдвигается въ заливъ и сближается съ противоположнымъ берегомъ Скутари. Если вы обогнули этотъ уголъ, вамъ вдругъ представляется, наполненный кораблями всѣхъ народовъ, Золотой Рогъ, а надъ нимъ амфитіатромъ возвышается весь городъ. Картина его составлена изъ обширныхъ мечетей, съ величественными куполами и тонкими иглами минаретовъ. Одно зданіе высится надъ другимъ, а между ними зеленѣютъ кипарисы. Взоръ со всѣхъ сторонъ окруженъ декораціями, но душа томится, созерцая ихъ. Даже самый Неаполь не производитъ такого волшебнаго впечатлѣнія, хотя нѣкоторые и предпочитаютъ его въ отношеніи красоты. Тамъ все открыто зрѣнію—восхищаешся безпрепятственно. Но здѣсь, сколько ни глядишь, все бываешь недоволенъ и желаешь видѣть еще что-то больше. На каждомъ шагу Константинополь являетъ что-то таинственное. Мѣстами берега Босфора окружаютъ васъ почти со всѣхъ сторонъ,

и не будь быстраго теченія и множества кораблей, вы могли бы подумать, что плывете по какому нибудь озеру. Корабли спереди и сзади окружены берегомъ, такъ, что вы не можете понять, какимъ образомъ проложили они себѣ путь въ то мѣсто, гдѣ находятся. Мечети возбуждаютъ какое-то тревожное чувство: не христіяне совершаютъ въ нихъ моленія, а потомки кровожаднаго Магомета исполняютъ завѣщанные имъ обряды. Тѣнистые сады, ихъ окружающіе и скрывающіе все зданіе, кромѣ вершины, манятъ васъ къ дальнѣйшему обозрѣнію и изысканію красотъ. Сильное любопытство возбуждаютъ Сераль, и домы Турокъ, внутренность коихъ тщательно закрыта отъ взора прохожаго и исключительно посвящена нѣгѣ владѣтеля. Что происходитъ въ гаремахъ? Какія нѣжныя существа томятся тамъ, отлученныя отъ всего міра, осужденныя удовлетворять исключительно чувственность одного сластолюбца, предназначенныя, или увядать въ отчаяніи, или ревновать другъ къ другу подобно тигрицамъ, или, что еще печальнѣе, прозябать, не сочувствуя души своей?

Константинополь всѣмъ похожъ на декорацію: онъ блестящъ, какъ она, и возбуждаетъ точно такой интересъ, какъ представленіе театральное, видимое нами въ первый разъ въ жизни. Вступая

потомъ за кулисы, мы какъ на театрѣ, удивляемся нечистотѣ, бѣдности и уродливости того, что прельщало насъ издали. Улицы узки, кривы, нечисты; домы, сколоченные изъ досокъ и расписанные разными красками, заходятъ одинъ за другой уступами и портятъ перспективу. Лавки вообще выходятъ на улицы, но въ нихъ не найдете ничего изящнаго; народъ, толпящійся по улицамъ, кажется путешественнику съ перваго взгляда наряженнымъ въ театральные костюмы. Наслаждаетесь городомъ только тамъ, гдѣ кладбища, обсаженныя кипарисами, устраняя домы, открываютъ вамъ видъ на синій Босфоръ, и корабли, по немъ плывущіе.

Мы, то есть Ефимовъ, я и Дмитрій, оставили пароходъ, который бросилъ якорь при входѣ въ Золотой Рогъ, поѣхали на берегъ и вышли на мѣстѣ, называемомъ *Топхана* или Артиллерійскія казармы. Розовый цвѣтъ, выбранный для сихъ строеній довольно страненъ, но, вѣроятно, онъ скоро будетъ замѣненъ другимъ, потому, что здѣсь очень часто перекрашиваютъ строенія. По рекомендаціи Капитана парохода, мы отыскали домъ Итальянца Джозепино, который содержитъ трактиръ и нѣчто въ родѣ пансіона для пріѣзжающихъ. Здѣсь встрѣтилъ я нѣсколько Англичанъ, и между

ними двухъ, которые только что возвратились изъ Персіи, бывши передъ тѣмъ въ Россіи. Намъ отвели двѣ порядочныя комнаты, съ окнами, выходившими во дворъ, и еще одну маленькую, изъ которой открывается прелестный видъ на Константинополь. Но за то нашъ обѣдъ былъ такъ дуренъ, что я далъ себѣ слово: какъ можно рѣже пользоваться хлѣбосольствомъ г-на Джозепино, который садится съ нами за одинъ столъ, съ женою и четырьмя братьями. Они записались подъ разные флаги. Одинъ изъ нихъ, къ стыду нашему, называется Русскимъ; другой торгуетъ съ Англичанами и снабженъ Англійскимъ паспортомъ; третій Австріецъ, а самъ хозяинъ, содержа пансіонъ для всѣхъ, кто платитъ деньги, остался Итальянцемъ, пока не откроется чего нибудь болѣе выгоднѣйшаго, что заставитъ его перемѣнить отечество свое на другое.

Мы начали пребываніе наше въ Константинополѣ очень дѣятельно, и имѣли счастіе видѣть сегодня самую величайшую рѣдкость, изъ всѣхъ, какія находятся здѣсь, и которую удается видѣть немногимъ. Я лежалъ еще въ постели, когда мнѣ принесли письмо отъ одного Грека, извѣстнаго мнѣ до сихъ поръ только по слуху, какъ иностранца, усердно преданнаго всѣмъ Русскимъ,

пріѣзжающимъ въ Турецкую столицу. Онъ увѣдомлялъ меня въ письмѣ своемъ, что Султанъ, уважая Греческаго Посланника, выдалъ фирманъ объ открытіи для него всѣхъ мечетей, не исключая даже святой Софіи, и что это событіе будетъ для меня единственнымъ случаемъ видѣть сей древній храмъ, если я присоединюсь къ свитѣ Посланника. Мы поспѣшно одѣлись и побѣжали внизъ къ Золотому Рогу, куда со всѣхъ сторонъ сбѣжались уже мастеровые изъ Перы, стараясь присоединиться также къ посольству, и такимъ образомъ увидѣть мечеть, всегда запертую для христіанъ. Я съ Ефимовымъ пріѣхалъ въ ограду бывшаго собора прежде г-на Кобеля, Греческаго Посланника, которому выданъ былъ фирманъ, и потому Турки стали гнать насъ прочь. Посланникъ не Грекъ, но, что нынѣ почти тоже, Баварецъ, весьма важный и суровый. Когда онъ подъѣхалъ къ мечети, окруженный своею свитою, мы сняли сапоги и вошли за нимъ въ высокія, выложенныя мраморомъ, продолговатыя сѣни.

Мечеть Софійская, памятникъ Императора Юстиніана, самая любопытная и самая недоступная изъ всѣхъ мечетей въ Константинополѣ. Три огромныя двери въ правой стѣнѣ служатъ для входа въ сей древній Византійскій соборъ. — Вышина, гро-

мадность объема, простота и единство въ частяхъ зодчества поражаютъ взоры при первомъ взглядѣ. Здѣсь является болѣе огромности для взора, нежели въ самой церкви Св. Петра въ Римѣ, и въ противность ей, все обманчиво представляется въ большемъ размѣрѣ, нежели есть въ самомъ дѣлѣ. Широкій Византійскій куполъ, весьма мудреной постройки, потому, что онъ плоскій, опирается на четыре столба. Св. Софія напоминаетъ Римскій Пантеонъ, но отличается отъ него тѣмъ особенно, что стѣны не образуютъ круга, подобно куполу, но составляютъ четвероугольникъ, имѣющій на каждомъ углу, какъ равно и по срединѣ восточной стѣны, обширныя ниши или углубленія, гдѣ можетъ помѣститься множество народа. Три галлереи, на низенькихъ столбахъ, возвышаются одна надъ другою, и придаютъ храму еще большую высоту мелкостью своихъ частей. Низшая изъ сихъ галлерей служила у Грековъ и нынѣ служитъ у Турковъ, для помѣщенія женщинъ. Вторая галлерея служитъ теперь для поднятія и спуска лампъ, горящихъ среди мечети. Она имѣетъ такую же форму, какъ низшая и сопредѣльна съ наружными стѣнами. Третья, самая верхняя галлерея, идетъ вокругъ внутренней стороны купола. Здѣсь кое-гдѣ видны остатки Византійской

мозаики, и между ними кресты; но самая большая часть стѣнныхъ украшеній замазана и замѣнена разными арабскими надписями. Богатство строительныхъ матеріяловъ достойно удивленія. Колонны и вся нижняя часть стѣнъ покрыты порфиромъ античнымъ зеленымъ, и другими, еще болѣе драгоцѣнными мраморами, но подробности такъ искусно соразмѣрены съ цѣлымъ, что не только не отвлекаютъ отъ его величія, но еще увеличиваютъ эффектъ своимъ расположеніемъ и своею дробностью, что совершенно противоположно подробностямъ церкви Св. Петра въ Римѣ, гдѣ зодчій далъ имъ колоссальный размѣръ и тѣмъ повредилъ дѣйствію цѣлаго, подобно сочинителю, употребляющему надутый слогъ для выраженія своихъ мыслей.

Св. Софія достойна своего перваго назначенія и представляетъ совершенный характеръ христіанскаго собора. Въ ней не видно искусно изваянныхъ изображеній человѣка и зодчество отличается только богатствомъ матеріяловъ и основною, видимою прочностью.

Насъ провели по всѣмъ галлереямъ, начиная отъ женской до купола, и г-нъ Ефимовъ далъ мнѣ замѣтить, какъ ужасно наклонились колонны. Видно, что зданіе испытало много сильныхъ зем-

летрясеній. На галлереѣ, проведенной подъ куполомъ, я выцарапалъ изъ мозаики нѣсколько золотистыхъ камешковъ, принадлежавшихъ къ украшеніямъ храма въ тѣ времена, когда еще обладаемъ онъ былъ христіанами, и которыхъ при всѣхъ своихъ стараніяхъ, Турки не могли истребить совершенно. «Придетъ, можетъ быть,» думалъ я, «время, когда снова явятся они здѣсь во всемъ «прежнемъ своемъ блескѣ!» Для перехода изъ второй галлереи въ третью, или самую высшую, надобно проходить, отчасти по угловатымъ лѣстницамъ, отчасти по свинцовой крышѣ собора, откуда очень любопытно посмотрѣть на странные контрафорсы, поддерживающіе куполъ снаружи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ продѣланы ниши; они весьма безобразили бы наружный видъ храма, еслибы онъ не былъ окруженъ домами. Вѣроятно однакожь, что они не принадлежатъ къ первоначальному плану, но были въ послѣдствіи придѣланы какимъ нибудь неискуснымъ художникомъ.

Осмотрѣвъ все зданіе вдоль и поперегъ, но все еще весьма неудовлетворительно, мы вышли изъ собора, надѣли опять свои сапоги, и отправились въ другія мечети, которыхъ видѣли съ полъдюжины. Всѣ онѣ выстроены въ одномъ вкусѣ, если не ошибаюсь, по образцу Св. Софіи. Подроб-

ности различны, но главныя части постоянно одинаковы — четыреугольная форма и плоскій, широкій куполъ.

Г-нъ Ефимовъ намѣренъ посвятить свои труды мечети Султана Ахмета, на Атъ-Майданѣ, потому что она весьма красива и доступнѣе другихъ для христіанина. Куполъ ея поддерживается четырьмя толстыми столбами, въ видѣ связки палокъ; онъ прекрасенъ въ своемъ родѣ, но Софійскій нравится мнѣ гораздо болѣе. Во всѣхъ вообще мечетяхъ устроены фонтаны, съ самою свѣжею водою. Изъ Ахметовой мечети прошли мы въ мечеть Османье; она гораздо менѣе другихъ, свѣтла и блистаетъ убранствомъ, но не можетъ выдержать сравненія съ ними. Мечеть Магомета II-го менѣе замѣчательна, и ея украшенія отличаются надутостію и низостію стиля (baroque).

Мечеть Солиманова огромна и едвали уступитъ красотою Софійской. Въ нишѣ противоположной входу, гдѣ совершается Музульманское богослуженіе, прекрасное таинственное освѣщеніе, проникающее сквозь разписныя стекла. Переходя изъ одной мечети въ другую, мы видѣли также мѣсто, гдѣ находятся гробницы разныхъ Султановъ и дѣтей нынѣшняго Султана. Онѣ

украшены чалмами, стоятъ одна возлѣ другой, а между ними горятъ толстыя восковыя свѣчи. Историческую прогулку нашу кончили мы посѣщеніемъ гроба Магомета II-го, покорителя Константинополя и основателя Оттоманской славы въ Европѣ. Въ головахъ его огромная бѣлая чалма. По смерти нынѣшняго Султана, вѣроятно, феска, имъ введенная въ общее употребленіе, и которую конечно изобразятъ на его гробницѣ, не будетъ ли въ глазахъ потомства знакомъ противоположнымъ чалмѣ Магомета, т. е. знакомъ заката Турецкой славы?

На дорогѣ къ симъ памятникамъ Турецкаго благочестія и пышности, мы видѣли убогій образчикъ Турецкихъ заведеній для несчастныхъ умалишенныхъ. Оно состоитъ изъ четвероугольнаго двора, по сторонамъ котораго находятся комнаты, съ окнами, закрытыми рѣшетками. Съ больными обходятся, какъ съ преступниками; они закованы въ кандалы; пища, подаваемая имъ самая скудная и отвратительная, а на полу настлана для нихъ солома, служащая имъ вмѣсто постелей. Народъ проходитъ безпрепятственно по двору, и утѣшается жалкимъ зрѣлищемъ настоящихъ страданій, или ложныхъ радостей несчастливцовъ, лишенныхъ разсудка!

Въ числѣ спутниковъ нашихъ при обозрѣніи мечетей находился Швейцарскій живописецъ Вольфенсбергеръ; онъ посѣщалъ Грецію, Смирну, и теперь пріѣхалъ сюда. Говорятъ, что его портфейль наполненъ прекрасными ландшафтами.

$\frac{\text{Іюля}}{\text{Августа}}$ $^{20}/_{8}$ *пятница.* — Я отправился водою въ Буюкдере къ нашему Посланнику. Пустившись отъ Топхана, или артиллерійскихъ казармъ, построенныхъ у подножія горы, на которой стоитъ Пера, мы должны были бороться съ сильнымъ теченіемъ и противнымъ вѣтромъ. Направо отъ меня былъ *Скутари;* на Европейской, лѣвой сторонѣ разнообразныя деревянныя строенія, составляющія дворецъ Султана. Посреди пролива стоятъ военныя суда разнаго размѣра, начиная отъ корвета до линейнаго корабля, включительно. Множество дельфиновъ и морскихъ птицъ оживляютъ синюю, прозрачную влагу, по которой величественно несутся корабли на всѣхъ парусахъ изъ Чернаго въ Мармарное море, а легкія Турецкія каики молніею скользятъ по водѣ, во всѣхъ направленіяхъ. Европейскій берегъ населенъ болѣе Азіятскаго, и предмѣстья, одни за другими, тянутся непрерывною

цѣпью до самаго Буюкдере. Напротивъ того, на правомъ берегу дворцы Султана и разныя казенныя строенія разсыпаны отдѣльно по берегу. Сила теченія принудила гребцовъ моихъ держаться праваго берега, такъ близко, что мы плыли подъ самыми Турецкими домами. Но напрасно взоръ силится проникнуть сквозь тростниковыя рѣшетки, которыми завѣшаны окна; онѣ непроницаемы. Въ мѣстечкѣ Терапіи, на лѣвомъ берегу, находятся домы Англійскаго и Французскаго Посланниковъ, окруженные прелестными садами. Я замѣтилъ, что у Французскаго Посланника былъ выставленъ трехъ-цвѣтный національный флагъ. Далѣе, по тому же берегу, лежитъ мѣстечко Буюкдере, и въ немъ дворецъ Русскаго Посла; онъ болѣе дворцовъ двухъ упомянутыхъ Посланниковъ, и превосходитъ ихъ красотою своего сада. Я ѣхалъ около 4-хъ часовъ отъ Топхана до Буюкдере, но навѣрное могъ совершить мой переѣздъ въ половину сего времени, если бы не препятствовалъ мнѣ вѣтеръ.

По совѣту нашего министра, А. П. Бутенева, я заѣхалъ на возвратномъ пути на Азіятскія Прѣсныя Воды. Тутъ всегда бываетъ по пятницамъ гулянье, но я опоздалъ и не засталъ уже Султана, а видѣлъ только множество народа, группами

расположившагося на зелени. Иные сидѣли на коврахъ и курили трубки; другіе толпились около фокусниковъ, которые всячески прыгали и кривлялись. Жиды занимаются здѣсь такимъ ремесломъ, ибо Турки слишкомъ важны для него, не хотятъ унижаться до фиглярства, и едва улыбаются, смотря на унижающія человѣческую природу кривлянья. Мѣсто получило названіе свое отъ находящихся здѣсь источниковъ. Фонтанъ, въ самомъ роскошномъ Турецкомъ вкусѣ, устроенъ посреди, и мѣстоположеніе замѣчательно еще тѣмъ, что съ него видны двѣ выстроенныя Магометомъ крѣпости, раздѣленныя одна отъ другой Босфоромъ. Всего любопытнѣе было мнѣ смотрѣть на повозки (каретами ихъ назвать нельзя), снаружи красныя, а внутри вызолоченныя и набитыя Турецкими женщинами. Каждый такой экипажъ имѣетъ своего стража, который недопускаетъ слишкомъ близко постороннихъ мужчинъ. Однакожь между Турчанками не замѣтно прежней строгости, дѣлавшей ихъ неприступными; иныя спускали покрывала, чтобы курить, а другія, чтобы торговать фрукты. Въ нѣкоторыя повозки были запряжены лошади, а въ другія волы, украшенные разноцвѣтною сбруею и небольшими зеркалами на лбу. Небольшіе отряды гвардіи, худо одѣтые, въ запачканныхъ крас-

ныхъ мундирахъ, разхаживали съ ружьями для соблюденія порядка; офицеръ, командовавшій ими, вмѣсто сабли держалъ въ рукахъ длинный арапникъ.

$\frac{\text{Іюля}}{\text{Августа}}$ $^{27}/_{8}$ *суббота.* — Нынѣшній день употребилъ я на отдыхъ и записыванье наскорую руку предметовъ, видѣнныхъ мною въ послѣдніе дни. Замѣчу здѣсь кое что на счетъ моего жилища, какъ перваго плана картины, меня окружающей. Видъ изъ моего кабинета довольно живописенъ: здѣсь представляется дворъ, окруженный пятью, или шестью деревянными домами, принадлежащими разнымъ владѣльцамъ, и отличающимися одинъ отъ другаго всякими яркими цвѣтами. Тутъ нѣтъ примѣтъ настоящаго *Восточнаго* вкуса, и Пера составляетъ, вмѣстѣ съ Галатою, Европейскую или Франкскую часть Константинополя. Но въ обоихъ предмѣстьяхъ есть также много совершенно чуждаго Европейскому вкусу и какая-то побочная смѣсь Восточнаго съ Западнымъ. Въ самой комнатѣ, гдѣ я теперь пишу, протянутъ вдоль наружной стѣны длинный диванъ, подъ всѣми окнами,

а остальная мебель Европейская. Полъ изъ некрашеныхъ сосновыхъ досокъ, а потолокъ весь испещренъ краскою, такъ, что входя въ комнату, думаешь, будто полъ находится надъ головою, а потолокъ подъ ногами.

Кромѣ двухъ Англичанъ, весьма нерасположенныхъ къ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ они путешествовали по ней, здѣсь живетъ еще нѣкто Слейдъ, написавшій книгу о послѣдней войнѣ нашей съ Турками; я еще не читалъ ея, но слышалъ, что авторъ описалъ насъ не слишкомъ заманчиво. Четвертый членъ нашего общества Шотландскій помѣщикъ, который находится въ сомнѣніи: какой изъ разныхъ, составленныхъ имъ плановъ путешествія выбрать лучше: ѣхать ли отсюда въ Персію и изъ Персіи въ Россію, или по Малой Азіи въ Святую Землю, или моремъ въ Египетъ, откуда онъ нестрашится перехода по пустынѣ, въ Палестину? Впрочемъ, во всѣхъ его проэктахъ замѣтно одно—желаніе безпрестанно перемѣнять мѣста, и пріобрѣтать тѣмъ право говорить, что онъ бывалъ въ отдаленныхъ странахъ. До обѣда прогуливался я по сю сторону Золотаго Рога, и не безъ труда отыскалъ дорогу по узкимъ улицамъ на кладбище, усѣянное Турецкими стоячими каменными памятниками и кипарисами. Отсюда от-

крылся мнѣ обширный видъ на Босфоръ и здѣсь не тревожили меня ни люди, ни собаки, которыхъ очень много бродитъ по улицамъ. Сіи животныя, подобно нищимъ, собираются у воротъ домовъ, гдѣ одни кормятъ ихъ изъ суевѣрія, другіе изъ жалости, при чемъ собаки остаются тощи и худы, какъ все живущее подаяніемъ. Проходя третьяго дня мимо воротъ Визирскаго дома, я увидѣлъ съ полсотни собакъ, стоящихъ у дверей судилища, какъ будто онѣ имѣли тамъ какое нибудь тяжебное дѣло.

Смотря съ высотъ Перы, то на Босфоръ, то на Золотой Рогъ, я думалъ, что нельзя было выбрать въ Европѣ лучше мѣстоположенія для устройства второй всемірной столицы, когда владѣнія Рима до того распространились, и правители его до того ослабѣли, что одной столицы было уже недостаточно. Когда Европа должна была имѣть только одну столицу, какъ въ первыя времена имперіи, то оною не могъ быть иной городъ, кромѣ Рима, находящагося среди южной полосы Европы, почти въ равномъ разстояніи отъ Греціи и Испаніи, и въ самомъ центрѣ всегда благопріятствуемой Богами Италіи. Но когда предѣлы расширились, и открылась надобность во второй метрополіи, нельзя было вы-

брать болѣе удобнаго мѣста, какъ эта точка прикосновенія Европы къ самой благодатной и плодоносной части Азіи. Если Римъ по одному центральному положенію своему долженъ былъ представлять неизмѣняемость и неприкосновенность господствующихъ въ Европѣ мыслей, то Константинополю, напротивъ какъ пограничному мѣсту, суждено было сдѣлаться средоточіемъ безпрерывнаго обмѣна вліяній Азіи и Европы. Для пріѣхавшаго съ Запада Константинополь кажется имѣющимъ характеръ Азіятскій. Религія, языкъ, одежда, зодчество, все носитъ на себѣ отпечатокъ не Европейскій, и можно сказать утвердительно, что въ настоящее время онъ подверженъ игу Азіятскаго вліянія. Но такое обстоятельство будетъ минутнымъ въ исторіи знаменитаго города. Въ безпрестанной борьбѣ Запада съ Востокомъ, основаніе города и его гражданское образованіе произошли съ Запада, и потому суждено ему и въ будущихъ вѣкахъ отвергать вліянія Востока.

$\frac{\text{Іюля}}{\text{Августа}}$ $^{28}/_{9}$ *воскресенье.* — Руководствуемый тѣмъ самымъ *чичероне*, г-мъ Комидасомъ, который въ первый день пребыванія моего въ Константинополѣ доставилъ мнѣ случай видѣть здѣшнія мечети, я отправился сегодня въ Стамбулъ, осматривать всѣ его рѣдкости. *Стамбулъ*, или Константинополь, собственно такъ называемый, отдѣляется отъ предмѣстьевъ его, *Галаты* и *Перы*, заливомъ *Золотаго Рога*, и исключительно населенъ *Турками*, между тѣмъ, какъ упомянутыя два предмѣстія заняты *Франками* и выходцами изъ всѣхъ странъ Европы. Переплывъ въ лодкѣ черезъ Золотой Рогъ, мы отправились на Египетскій рынокъ, длинное и высокое строеніе. Это остатокъ памятниковъ временъ императорскихъ, и на немъ продаются москотильные и аптекарскіе товары. Часть его обведена стѣною и служитъ таможнею для шелка, который составляетъ предметъ

монополія и служитъ однимъ изъ важныхъ источниковъ казенныхъ доходовъ. Мы прошли по рынку, наполненному народомъ, избѣгая по возможности прикосновенія съ проходящими, потому что въ Константинополѣ свирѣпствуетъ чума. Отсюда прошли мы по прекрасному двору, обсаженному деревьями, и принадлежащему къ мечети, называющейся мечетью Султанской Матери (Султанъ-валиде).

Великолѣпныя Султанскія бани сдѣлались предметомъ особеннаго моего удивленія, какъ по странному образу ихъ освѣщенія, такъ по прекраснымъ формамъ зодчества и по богатству украшенія. Входите въ рядъ высокихъ залъ, отдѣланныхъ совершенно въ Византійскомъ вкусѣ; полъ изъ бѣлаго мрамора, съ большими вставками изъ разноцвѣтнаго древняго. Отопленіе производится подъ поломъ и мраморныя плиты пола такъ горячи, что по нимъ нельзя ходить иначе, какъ въ туфляхъ съ высокими желѣзными каблуками. Многія изъ залъ въ баняхъ стоило бы срисовать, но жаръ былъ такъ силенъ, что я едва могъ заглянуть въ нихъ. Потолки сдѣланы по формѣ плоскихъ Византійскихъ куполовъ, сквозь которые продѣланы небольшія круглыя отверстія, куда сверху проникаетъ свѣтъ въ наполненныя парами покои. При

входѣ въ комнату такія окна кажутся сдѣланными изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, разсыпанныхъ по куполу.

Комидасъ повелъ меня потомъ въ Персидскій Ханъ, родъ базара для складки товаровъ, принадлежащій частнымъ лицамъ и мечетямъ, которыя отдаютъ здѣсь помѣщеніе на время на откупъ обществу купцовъ. Персидскій Ханъ состоитъ изъ большаго строенія въ нѣсколько этажей, обведеннаго вокругъ обширнаго двора. Нашъ Гостиный Дворъ и Ряды въ Москвѣ, на Ильинкѣ, нѣсколько походятъ на эти зданія. *Ханы* вообще принадлежность Восточныхъ городовъ, и были строены въ тѣ времена, когда купцы пріѣзжали цѣлыми караванами и нуждались въ особенно устроенныхъ мѣстахъ для складки огромнаго количества своихъ товаровъ. Мы находимъ и въ Россіи слѣды подобныхъ заведеній, и даже можно сказать, что наши *гостиные дворы*, хотя довольно удалившіеся въ образѣ устройства отъ Восточныхъ Хановъ, имѣютъ то же происхожденіе. Ханъ, посѣщенный мною, былъ наполненъ Персіянами, которые набивали мѣшки *кальяномъ* (крѣпкій табакъ, который курятъ сквозь воду).

Жевайеръ-Безестенъ (оружейный базаръ), находящійся недалеко отъ Персидскаго Хана, служитъ

мѣстомъ продажи древнихъ вещей разнаго рода. Между ними замѣтилъ я много рѣдкихъ и любопытныхъ. Купецъ сидитъ на возвышеніи, покрытомъ ковромъ, а товары развѣшены у него по стѣнамъ въ живописномъ безпорядкѣ, такъ, что проходящій видитъ все, и однимъ взглядомъ можетъ обозрѣть нѣсколько лавокъ.—Въ купцахъ замѣтна большая важность и какая-то вялость при продажѣ; на распросы о цѣнѣ и качествѣ какого нибудь товара иногда отвѣчаютъ они съ характеристическою вѣрою въ предопредѣленіе: «Этого смотрѣть тебѣ не для чего—оно дорого,» или: «Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.» Если же замѣчаютъ въ покупателѣ настойчивость, то начинаютъ торговаться пуще нашихъ купцовъ, и запрашиваютъ вчетверо дороже, чтобы потомъ уступить товаръ за настоящую цѣну. Впрочемъ, я замѣтилъ, что имъ всегда вѣрятъ, когда они покажутъ въ книгѣ, чего имъ самимъ стоила какая нибудь вещь. Турки вообще слывутъ народомъ гораздо честнѣе Армянъ, Грековъ и Евреевъ, которыхъ здѣсь бездна. Евреи переселились сюда изъ Испаніи, и до сихъ поръ носятъ еще свой тамошній костюмъ.

Ессиръ-базаръ (рынокъ рабовъ) находится далѣе во внутренности Стамбула. Зрѣлище, какое пред-

ставляетъ онъ взорамъ, вовсе не привлекательно и не соблазнительно, но, напротивъ, жалко и отвратительно. Бѣлыхъ и красивыхъ рабовъ, обоихъ половъ, совсѣмъ не выставляютъ на показъ, а продаютъ только Араповъ, по большей части невольницъ, вовсе не привлекательной наружности. Онѣ сидятъ на скамьяхъ, въ лавкахъ, закрытыхъ спереди рѣшеткою, что придаетъ имъ видъ тюрьмы. Купцы скрываютъ разными средствами болѣзни рабовъ. Такъ, напримѣръ, они окрашиваютъ, черною краскою, которая зеленѣетъ на воздухѣ, рѣсницы ихъ, чтобы не замѣтно было, по красному цвѣту, что глаза у нихъ болятъ. Составъ проникаетъ въ тѣло, и еще болѣе растравляетъ боль, но торговцу до того нѣтъ дѣла, и онъ печется только о томъ, чтобы сбыть скорѣе свой живой товаръ съ рукъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ примѣра еще большей жестокости противъ одной Африканской дѣвушки, ноги которой были покрыты язвами. Купецъ показалъ ее доктору, и требовалъ, чтобы онъ вогналъ всѣ раны несчастной на сутки въ тѣло, желая воспользоваться тѣмъ временемъ для ея продажи. Комидасъ перевелъ мнѣ разговоръ врача съ торгашемъ. Онъ разсказалъ мнѣ при семъ случаѣ, что однажды видѣлъ, какъ купецъ догналъ въ глазахъ его Египтянку,

убѣжавшую изъ его лавки; онъ не могъ оторвать ее отъ рѣшетки, за которую она ухватилась съ судорожнымъ усиліемъ, и потому сталъ бросать въ нее каменьями съ мостовой, и никто изъ предстоявшихъ притомъ не смѣлъ остановить его въ исполненіи власти, хотя каждый ударъ грозилъ несчастной жертвѣ смертью. Но здѣсь такіе случаи поражаютъ даже и самаго иностранца менѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ. Хладнокровіе зрителей, пробѣгающихъ критическимъ взглядомъ каждую лавку и каждое продаваемое лицо, приводитъ сердце посторонняго наблюдателя въ волненіе, но самыя жертвы торга, кажется, почитаютъ себя вьючнымъ скотомъ: и, дѣйствительно, всѣ примѣты, отличающія породу ихъ отъ нашей, невольно заставляютъ думать, что они не прямо принадлежатъ къ человѣческому роду. Пища невольниковъ на базарѣ состоитъ изъ вареныхъ бобовъ; постель ихъ—голая земля; покровъ—самая грубая ткань, ночью служащая одѣяломъ, а днемъ платьемъ. Я поспѣшно оставилъ это унизительное для человѣчества позорище, желая продолжать путь и осмотрѣть разныя рѣдкости минувшихъ вѣковъ и настоящаго времени.

Турокъ, разносившій шербетъ, предложилъ мнѣ отвѣдать его: это напитокъ, составленный изъ

сока винограда и розовой воды; онъ продается расхоложенный и освѣжаетъ во время жара, но для вкуса Европейца приторенъ.

Древній *Ипподромъ*, нынѣ *Атъ-Мейданъ*, или Конная Площадь, называется также портомъ Колодниковъ. Теперь онъ застроенъ со стороны моря, и со времени основанія арсенала колодники уже не работаютъ здѣсь, а потому и названіе не соотвѣтствуетъ болѣе мѣсту. Три гранитныя колонны лежатъ посреди площади. Всѣ строенія, нѣкогда ее украшавшія, исчезли, и замѣнены ничтожными постройками, за исключеніемъ Ахметовой мечети, которая достойно занимаетъ одну ея сторону. Египетскій обелискъ, названный *Ѳеодосіевымъ*, стоитъ еще посреди площади; онъ весь покрытъ гіероглифическими знаками. Я ничего не могъ разобрать изъ надписи, потому что большая часть пьедестала вросла въ землю. Мнѣ сказывали, что она начинается величавыми словами: Omnes Theodosio cedunt, но такія слова кажутся печальною насмѣшкою надъ мірской славой, когда видимъ, что и Великій Ѳеодосій и дѣянія его должны были уступить всесокрушающему времени.

На другомъ концѣ площади находится колонна изъ краснаго камня. Вѣроятно, что она была прежде украшена бронзою; на основаніи ея видны

два обвившіе другъ друга змѣя, безъ головъ; полагаютъ, что они перенесены сюда изъ храма Дельфійскаго Аполлона. Нынѣшнее Турецкое названіе площади происходитъ, кажется, отъ того, что Турки забавляются здѣсь игрою, состоящею въ скачкѣ на лошадяхъ, при чемъ бросаютъ они *джериты*, или палки.

Каретъ въ Константинополѣ нѣтъ, но за то здѣсь вездѣ можно найдти верховыхъ лошадей, хорошо осѣдланныхъ. Я проѣхалъ верхомъ по Армянскому кварталу и по *Этмейдану*, или Мясной площади, къ бывшимъ казармамъ и мечети Янычаровъ. Мѣсто достопамятно въ Исторіи по ужасному, совершенному здѣсь за нѣсколько лѣтъ избіенію Янычаровъ; оно остается въ развалинахъ, которыя такъ дики и пустынны, какъ будто разрушеніе совершилось за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Теперь продаютъ здѣсь мѣста подъ новыя строенія. На концѣ квартала видна *колонна Марціана*, называемая въ народѣ колонною Дѣвы, по преданію, что она имѣетъ таинственную силу принудить дѣвушку, къ ней приведенную, сознаться въ своей винѣ. Недалеко оттуда, ближе къ Мармарному морю, видно основаніе, оставшееся отъ колонны Императоровъ Аркадія и Гонорія.

Недолго останавливался я на разсматриваніи всѣхъ исчисленныхъ мною древностей; меня увлекалъ болѣе живой интересъ современныхъ намъ нравовъ, заключающійся въ Текіе, или мечети, гдѣ дервиши собираются на богослуженіе. Дервишей два рода: *крикуны* и *плясуны*; собраніе ихъ, мною видѣнное, состояло изъ первыхъ. По особенному снисхожденію, насъ допустили до самыхъ дверей Текіе, и мы могли видѣть всю духовную церемонію. Старшій изъ общества дервишей прочелъ молитву, по окончаніи которой всѣ другіе, не исключая даже дѣтей, схватили другъ друга за руки и стали кружиться, возглашая въ тактъ, сначала медленно, но потомъ все скорѣе и скорѣе, имя Бога по Арабски, и прибавляя къ тому: «Это онъ! Это онъ!» и другія слова. Старшій стоялъ между тѣмъ среди круга, и тихимъ, пріятнымъ голосомъ пѣлъ стихи. Кружась безостановочно и ускоряя все болѣе свои крики, они также ускоряли и тѣлодвиженія. Подъ конецъ, они охрипли совершенно, но, обливаясь потомъ и изнемогая, все еще кричали, какъ будто ихъ жгли или душили. По окончаніи обряда, спокойно вышли они изъ мечети, какъ ни въ чемъ не бывали, и расположились въ сосѣднемъ домѣ пить кофе. По приглашенію старшаго дервиша, весьма кроткаго и

благороднаго въ обхожденіи, мы выпили съ ними по чашкѣ кофе.

Бывши недалеко отъ городскихъ стѣнъ, выѣхали мы изъ города, желая осмотрѣть ихъ и обратить особенное вниманіе на знаменитый Эдикуль, или замокъ Семи-башенный. Городская стѣна, имѣющая въ длину около 12-ти верстъ, построена была въ разныя времена, частію самимъ Константиномъ Великимъ, частію во время Крестовыхъ походовъ; нынѣ, она совершенно негодна для защиты города, но чрезвычайно живописна, и украшена зеленью, растущею въ окружающихъ ее рвахъ. Двѣнадцать воротъ ведутъ во внутренность города.

Семи-башенный замокъ былъ первоначально выстроенъ для обороны угла стѣны, образуемаго ею и Мармарнымъ моремъ; онъ получилъ свое названіе отъ семи башень, изъ которыхъ двѣ послѣднія, построены Императоромъ Ѳеодосіемъ, послѣ побѣды, одержанной имъ надъ Максимомъ. Смотрѣвши только извнѣ на этотъ прекрасный замокъ, окруженный огромными и живописными грудами развалинъ и земли, не могу подробно описать его. Я замѣтилъ, что къ сожалѣнію, наружныя починки и возобновленія много повредили живописности зданія. Благодаря руководству г-на Комидаса, я могъ

видѣть, хотя и съ большимъ трудомъ, покрытыя нынѣ густымъ плющемъ, но нѣкогда знаменитыя *Златыя Врата*, считавшіяся однимъ изъ богатѣйшихъ произведеній зодчества въ своемъ родѣ. Мнѣ сказывали, что на другихъ, не столь древнихъ воротахъ замка, изваянъ точно такой же орелъ, какъ на воротахъ Жевайеръ-Безестена. Хотя Семибашенный замокъ нынѣ не служитъ уже болѣе государственною тюрьмою, и даже вмѣщаетъ въ себѣ частные домы, однакожь въ него нельзя входить безъ фирмана, и потому я долженъ былъ довольствоваться только поверхностнымъ и недостаточнымъ понятіемъ объ немъ, а между тѣмъ, онъ чрезвычайно любопытенъ, по важной роли, которую игралъ въ исторіи Константинополя, какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена.

Мы продолжали прогулку свою верхомъ, и обратившись назадъ, стали объѣзжать городскія стѣны. Больница зараженныхъ чумою устроена за ними. Она такъ запущена, что кажется, и самые содержатели почитаютъ ее не столько больницею, сколько мѣстомъ, гдѣ больные могутъ спокойно умирать, не заражая другихъ. Въ этомъ направленіи находится также Греческая церковь, называемая *Рыбною*, потому что рыба, какъ увѣряютъ, водится въ цитернѣ, или водохранилищѣ подъ цер-

ковью. Вѣря въ чудотворную силу воды сей цитерны, многіе больные приходятъ лечиться ею, и мы сами видѣли здѣсь молодую женщину, которая пришла исцѣлиться отъ опасной простуды, хотя тѣмъ, вѣроятно, удвоила свои страданія. Замѣчательно, что церковь мраморная, построена большею частію изъ надгробныхъ камней Грековъ, и, по особенному разрѣшенію Султана, на Турецкомъ кладбищѣ. Когда церковь была отдѣлана, Султанъ пріѣхалъ изъ любопытства осматривать ее, былъ встрѣченъ духовенствомъ и изъявилъ готовность всѣми средствами доказать уваженіе свое къ храму. Нечаянно и вовсе безъ намѣренія, онъ оказалъ ту услугу Св. Захаріи, что образъ его стоитъ теперь въ сей церкви. Увидѣвъ въ иконостасѣ образъ Іоанна Крестителя, Его Величество спросилъ у священника: отъ чего не изображенъ также отецъ его? Въ слѣдствіе этого вопроса строители поставили образъ Св. Захаріи, а какъ иконостасъ былъ тогда уже оконченъ, то маленькій образъ его поставили въ сторону къ самой стѣнѣ, и странность такого украшенія соотвѣтствуетъ теперь странности причины, его произведшей.

Вся окрестность городскихъ стѣнъ прекрасна; хотя по большей части занята она кладбищами, но тѣмъ не менѣе весела, и потому жители города

приходятъ сюда обѣдать, гулять и забавляться. На краю одного изъ кладбищъ увидѣлъ я столбы, поставленные надъ прахомъ знаменитаго Али-Паши Янинскаго, много лѣтъ бунтовавшаго противъ Султана. Тутъ и дѣти и внуки его. Они всѣ были обезглавлены, и по близости разстоянія надгробныхъ камней одного отъ другаго можно заключать, что здѣсь погребены только головы. Проѣхавъ мимо воротъ Силивріи и Божьяго Дома, я въѣхалъ обратно въ городъ воротами Пушки (Топъ Капуси), такъ названными съ того дня, когда знаменитая кулеврина, принадлежавшая ополченію Магомеда II-го, была направлена на сіи ворота христіаниномъ. Мы проѣхали по кварталу Цыгановъ, мимо Адріанопольскихъ воротъ и дворца Велизарія, который теперь занятъ Евреями, и продолжали свой путь до красивой слободы, или предмѣстія, *Эйюбъ*, такъ названнаго отъ находящейся тамъ гробницы, почитаемаго Турками за святаго, Эйюба Энзари. Здѣсь, за рѣшеткою и кипарисами, показываютъ могилы Султанской матери и Султанской дочери; у первой раздаютъ бѣднымъ, въ извѣстные дни, милостыню. Противъ нея, за вызолоченною рѣшеткою гробница какого-то Султанскаго оруженосца. Все это предмѣстіе заимствуетъ свои украшенія наиболѣе отъ мечети и могиль-

ныхъ оградъ, и оно гораздо спокойнѣе всѣхъ другихъ частей города. Я проѣхалъ отсюда на прелестное гулянье, Прѣсныя Европейскія Воды, которыя составляются изъ двухъ рѣчекъ, истекающихъ въ Босфоръ; постепенно расширяясь, онѣ образуютъ Золотой Рогъ. Небольшой, выстроенный здѣсь увеселительный домъ принадлежитъ Султану, который посѣщаетъ здѣшнее мѣсто для отдохновенія отъ трудовъ. Впрочемъ, здѣсь собирается гораздо болѣе Франковъ, нежели Турковъ, и какъ сегодня воскресенье, то я засталъ ихъ, гуляющихъ здѣсь довольно много. Они забавлялись подобно Туркамъ, смотря на прыжки и коверканья Жидовъ, или развалившись на муравѣ, наслаждались свѣжестью воздуха подъ тѣнью деревъ. Отсюда возвратился я въ Константинополь полемъ, и кладбищемъ, называющимся: Большое поле мертвыхъ. Кажется, рѣдко совершалъ я, во всю мою жизнь, столь далекую и продолжительную прогулку, но опасеніе чумы, свирѣпствующей въ городѣ, и мысль, что мнѣ остается еще осмотрѣть здѣсь очень многое, принуждаютъ меня обхватывать въ каждой поѣздкѣ сколько возможно большее число предметовъ.

$\frac{\text{Іюля}}{\text{Августа}}$ $^{20}/_{10}$ *понедѣльникъ*. — Боясь развлечь свое вниманіе, отъ всего, видѣннаго мною вчера, сегодня ограничился я вторичнымъ обозрѣніемъ Жевайеръ-Безестена, гдѣ накупилъ разныхъ старинныхъ оружій и другихъ вещей, могущихъ напомнить мнѣ здѣшнюю страну. Потомъ посѣтилъ я ученика Восточныхъ языковъ, г-на Петрашевскаго, занимающагося собираніемъ монетъ Византійской имперіи. Чума, усиливаясь въ Перѣ, принуждаетъ принимать большія предосторожности. Мнѣ совѣтовали ходить въ клеенчатомъ плащѣ, сквозь который прикосновеніе зачумленнаго не заразительно, и я послѣдовалъ совѣту, хотя такой черный плащъ жжетъ спину, отъ дѣйствія на него солнечныхъ лучей.

Всѣ иностранцы, съ которыми встрѣчался я здѣсь, очень недовольны Константинополемъ, и говорятъ, что онъ сносенъ только для проѣзжаго.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь большой недостатокъ во всѣхъ предметахъ Европейской прихоти, и нигдѣ не видно слѣдовъ общежитія, которымъ мы привыкли пользоваться. Улицы темны, кривы и тѣсны; домы имѣютъ видъ мрачный, отъ того, что задѣланныя окна ихъ, подобно закрытымъ глазамъ, неприступны для сообщенія, а тамъ, гдѣ оканчиваются улицы, видны только опустошенныя пожарами мѣста или кладбища. Нѣтъ ни одной правильной площади, какія у насъ на Сѣверѣ и Западѣ устроены для съѣзда и сообщенія людей. Нѣтъ ни одного замѣчательнаго по зданіямъ квартала, а мечети и фонтаны, которые могли бы украсить длинную перспективу, или открытое мѣсто, со всѣхъ сторонъ застроены самыми гадкими домами, и самыя даже лавки до того стѣснены, что не представляютъ взору ничего привлекательнаго. Но общее правило, что не надобно судить о городѣ, ни о чемъ бы то ни было другомъ, отрицательнымъ образомъ, то есть, по тѣмъ качествамъ, которыхъ предметъ не имѣетъ. Человѣкъ умѣющій наслаждаться жизнью, будетъ искать во всемъ хорошихъ качествъ, точно такъ, какъ философъ изъ разговоровъ съ сумасшедшимъ будетъ извлекать истины, которыя не возникли бы въ умѣ, болѣе систематическомъ. Константинополь мѣ-

сто удивительное, собраніе драгоцѣнностей, перемѣшанныхъ съ соромъ и открытыхъ глазамъ каждаго, такъ, что вся Европа обращаетъ на него свои взоры. Султанъ, кажется, безъ стыда могъ бы сказать въ манифестѣ своемъ, что его столица потому неприкосновенна для чужихъ властей, что каждый желалъ бы имѣть ее для себя, и не дозволить другому пользоваться ею спокойно. Константинополь любопытнѣе всякаго другаго города въ Европѣ по той причинѣ, что въ немъ происходятъ явленія, какихъ не встрѣтимъ мы ни въ одномъ порядочно и прочно устроенномъ государствѣ. — Я купилъ здѣсь книгу Итальянца Боратта, который прекрасно объясняетъ характеръ Султанской столицы: «Рѣдко,» говоритъ онъ, «въ теченіе «года бываютъ здѣсь два дня, сходные между со«бою: то отправляется караванъ, многочисленное, «религіозно-торговое ополченіе, которое пройдетъ «двѣ части свѣта, чтобы поклониться гробу про«рока; то океанъ пламени, распространяясь съ «неимовѣрною силою и быстротою, приводитъ зем«лю въ трепетъ и покрываетъ небо заревомъ; то «возникаютъ внутреннее смятеніе и кровавыя про«исшествія, составляющія эпоху въ исторіи, то «происходитъ дипломатическое торжество, на ко«торомъ присутствуетъ весь народъ и описанія

«котораго, съ самыми мѣлочными подробностями, «ожидаютъ нетерпѣливо государственные люди «всего свѣта — таковы явленія Стамбула. Правда, «при многихъ изъ сихъ величественныхъ зрѣлищъ «горечь смѣшана съ сладостью, но всякій согла«сится, что ряды дворцовъ и тріумфальныхъ во«ротъ неудовлетворятъ нашего духа столько, сколь«ко пріятное сознаніе, что мы были участниками, «или свидѣтелями, одного изъ вышеописанныхъ «событій.» Тотъ же авторъ говоритъ о безпорядкахъ въ планѣ и средствахъ сообщенія города, что онъ бывалъ часто разрушаемъ и вновь строенъ на скорую руку, и что Турки находятъ такое же удовольствіе въ сидѣньи, какое мы находимъ въ перемѣнѣ мѣста, а потому-то болѣе помышляютъ о томъ, какъ имъ спокойнѣе расположиться на софѣ и курить трубку, а мы, какъ пріятнѣе прогуливаться.

Іюля / Августа 10/11 *вторникъ.* — Этотъ день посвятилъ я обозрѣнію Азіятскаго берега, и для того рано утромъ отправился съ г-мъ Комидасомъ на лодкѣ чрезъ Босфоръ, въ предмѣстіе Скутари. Не останавливаясь въ немъ для осмотра его подробностей, мы взяли лошадей и поѣхали на гору Буй-Гуру, желая насладиться обширнымъ видомъ, открывающимся съ ея вершины. Большія казармы учреждены въ Скутари, и мы проѣхали мимо лагеря войскъ, въ то время бывшихъ на ученьи. Но насъ не допускали близко, и я не могу ничего сказать объ исправности ихъ воинскихъ экзерцицій. Съ горы Буй-Гуру видны весь Стамбулъ, большое пространство Мармарнаго моря, и ряды зеленѣющихъ холмовъ, между которыми извивается Босфоръ, то открываясь взору, то заставляя предполагать его по однѣмъ мачтамъ кораблей. Съ горы поѣхали мы, на такъ называемую *Халкедонскую*

иглу, мысъ, входящій въ Мармарное море. Здѣсь отдохнули мы въ Турецкомъ кофейномъ домѣ, устроенномъ для *кейфа* на живописной точкѣ берега, въ мѣстѣ особенно пріятномъ по чистому морскому воздуху. Оттуда возвратились мы большимъ кладбищемъ, издавно любимомъ коренными Турками. Не почитая Европейской стороны довольно безопасною для успокоенія своихъ бренныхъ останковъ, и опасаясь, что когда нибудь покорится она иностранцамъ, велятъ они погребать себя здѣсь. Приближаясь къ Скутари, мы проѣхали мимо текье гдѣ было собраніе дервишей, еще болѣе изступленныхъ, нежели видѣнные нами въ воскресенье на Европейской сторонѣ Босфора; но за то они и суровѣе тѣхъ, ибо, не смотря на учтивость, съ какою мы просили позволенія войдти къ нимъ, они оттолкнули насъ отъ дверей, зеперли ихъ, и только съ улицы слышали мы, какъ дервиши ревѣли въ тактъ, все скорѣе и скорѣе. На сей разъ не видалъ я въ прогулкѣ моей такого множества различныхъ предметовъ, какъ въ день обозрѣнія мною Константинополя, но за то болѣе ознакомился съ мѣстоположеніемъ Азіятской стороны, и употребилъ на то цѣлый день, ибо мѣста, обозрѣнныя мною, находятся въ большемъ одно отъ другаго разстояніи. Возвра-

тившись въ Скутари, гдѣ много лавокъ съ съѣстными припасами, и кабаковъ, оживлявшихся въ то время толпою людей разныхъ націй, вѣръ и одѣяній, мы остановились для подкрѣпленія силъ у Грека, который далъ намъ хлѣба и весьма хорошаго кроснаго вина. Лодка перевезла насъ обратно изъ Скутари къ пристани Топхана. Вмѣсто того, чтобы прямо идти на гору Перы, я хотѣлъ взглянуть на новую дорогу, проведенную нынѣшнимъ Султаномъ. Она начинается у его зимняго дворца, *Бешикъ-Таша*, строенія деревяннаго и довольно жалкаго, но которое все таки лучше его карточнаго Азіятскаго дворца, не носящаго на себѣ никакихъ признаковъ Восточнаго вкуса. Султанъ уничтожилъ прекрасный садъ, бывшій передъ Бешикъ-Ташемъ, хотя устроиваемая дорога вовсе не требовала такого пожертвованія, и проложена только для того, чтобы дать мѣсто народнымъ увеселеніямъ, во время праздниствъ по случаю бракосочетанія дочери Султанской съ Галиль-Пашею. Иллюминація, *джериды* и угощенія были произведены на лишенной деревъ площади. Народъ всѣхъ сословій участвовалъ въ празднествахъ. Любопытную черту, изъ числа тѣхъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ Константинополя, нельзя видѣть, представилъ обѣдъ, данный тогда патріар-

хамъ и архіепископамъ всѣхъ терпимыхъ въ Турецкой столицѣ вѣроисповѣданій. Когда пришло время садиться за общій столъ, вдругъ открылось затрудненіе: кому быть предсѣдателемъ? Духовные сановники, не смотря на всю учтивость, какую взаимно оказывали другъ другу, не уступали своихъ мѣстъ. Споръ длился, и наконецъ доложили объ немъ Султану, который разрѣшилъ вопросъ своимъ замѣчаніемъ, что Еврейская религія есть самая древняя изъ всѣхъ, и потому первосвященникъ Евреевъ долженъ занимать первое мѣсто. Рѣшеніе Султана было исполнено, и Армянскіе, Греческіе и Католическіе архіепископы безъ ропота усѣлись по сторонамъ стола, уступая первенство Жиду. Послѣ обѣда, изъ особеннаго уваженія къ Греческому Патріарху, вытребовали изъ Галаты Греческихъ мальчиковъ и заставили ихъ плясать, но пляски были такъ неблагопристойны, что Патріархъ удалился.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ма любопытенъ, потому, что оттуда представляются весь Константинополь, большое пространство Мармарнаго моря, длинная перспектива Золотаго Рога, наполненнаго лѣсомъ корабельныхъ мачтъ, равнины Европы и горы Азіятскія, граничащія съ Олимпомъ. Нѣсколько оборванныхъ солдатовъ, которымъ поручены караулъ при башнѣ и наблюденіе за пожарами, лежали на диванахъ, и сперва не хотѣли позволить намъ ходить по галлереѣ, съ которой развертывается вся описанная мною картина, но нѣсколько мѣлкихъ монетъ уничтожили ихъ сомнѣніе и прекратили грубость. Послѣ того возвратились мы черезъ Золотой Рогъ въ Перу, и поспѣли еще туда къ обѣду.

Августа $^{7}/_{19}$ *четвергъ.* — Письма въ Россію и записыванье въ журналъ заняли у меня весь день, неознаменованный никакими новыми преслѣдованіями.

Августа $^{9}/_{21}$ *пятница.*—Насъ увѣдомили, что Султанъ отправится сегодня, торжественно на лодкѣ, изъ Азіятскаго дворца въ мечеть, на богомолье, и что такое зрѣлище стоитъ вниманія. Тотчасъ побѣжали мы къ Топхану, и взявъ лодку, поплыли въ направленіи къ Азіятскому дворцу. Салютованіе изъ пушекъ крѣпости, построенной на Азіятскомъ берегу, дало намъ знать, что Султанъ сѣлъ въ лодку. За послѣднимъ крѣпостнымъ выстрѣломъ, *Махмутъ*, первый адмиральскій корабль, выпалилъ изъ пушки, и въ одну минуту всѣ мачты и реи Турецкихъ кораблей покрылись разноцвѣтными флагами. Пальба, поддерживаемая всѣми кораблями, произвела такой дымъ, что одни только разноцвѣтные верхи кораблей видѣлись изъ него, да вдали мелькали мечети и минареты Константинопольскіе. Казалось, будто прекрасный историческій городъ этотъ осажденъ былъ огромною морскою силою;

вся поверхность Босфора содрагалась отъ выстрѣловъ. Зрѣлище было великолѣпно, какъ все, показывающее власть, силу и національный характеръ. Сцена, совершенно противоположная величественной картинѣ, видѣнной нами на Босфорѣ, ожидала насъ на берегу. Мы приплыли слишкомъ поздно и не видали уже вступленія Султана въ маленькую мечеть, гдѣ онъ молился въ то время; но мы видѣли построенныхъ въ четыреугольникъ солдатъ, неопрятныхъ и оборванныхъ. Если сообразить, что они принадлежатъ къ гвардіи и такъ одѣты въ торжественный день, то невольно возникаетъ мысль о жалкомъ положеніи обмундировки Турецкой арміи въ будни. Большая часть гвардейцовъ показались мнѣ мальчиками, не старѣе 16-ти лѣтъ; они одѣты были въ платьѣ изъ толстаго сукна, какимъ мы незахотѣли бы покрыть даже лошадей своихъ; вмѣсто сапоговъ носятъ они башмаки; панталоны у нихъ безъ штрипокъ и короткія куртки, такъ, что эта одежда не можетъ совершенно прикрыть исподняго платья. Пока мы стояли за солдатами, ожидая, когда Султанъ выйдетъ изъ мечети, они попеременно уходили въ лавочки, оставляя свои ружья товарищамъ, или постороннимъ людямъ, тутъ находившимся. Послѣ двадцати-минутнаго ожиданія, разные чи-

новники начали выходить одинъ за другимъ изъ мечети, и между другими и Намикъ-Паша, бывшій при Петербургскомъ и разныхъ Европейскихъ дворахъ, а также и Сераскиръ, восьмидесятилѣтній старикъ, но еще съ свѣжимъ, веселымъ лицомъ, представляющимъ странную противоположность его кровавой душѣ. До сихъ поръ продолжаетъ онъ осуждать и казнить, и только послѣ исполненія приговора доноситъ о числѣ снятыхъ имъ головъ, ибо для порядка нужно, чтобы все было извѣстно Султану, который обыкновенно треплетъ его въ такихъ случаяхъ по плечу, говоря: «Ты дѣдушка, поступилъ хорошо!» Не ручаюсь впрочемъ за истину моего расказа, но повторяю то, что слышалъ отъ другихъ. Наконецъ послѣ выхода чиновниковъ и каммергеровъ, одѣтыхъ немного лучше солдатъ, начали сметать вѣниками пыль съ лѣстницы и явился Султанъ. Ему подвели Арабскаго коня, на котораго сѣлъ онъ довольно ловко. Сановники окружили его и начали поддерживать за ноги и за кушакъ, по странному, принятому здѣсь обычаю. Въ ту же минуту, подлѣ насъ, дюжина молодыхъ людей закричали: «Аллахъ, да подастъ здравіе Султану!» и потомъ побѣжали кратчайшимъ путемъ впередъ, на то мѣсто, гдѣ Султанъ долженъ сойдти съ лошади, чтобы повторить ему то

же привѣтствіе. Между тѣмъ музыканты играли пьесу изъ какой-то Итальянской оперы. Во всей сценѣ было замѣтно для Европейца много нищеты и мишурнаго блеска. Султанъ былъ въ зеленой шинели, и въ фескѣ, украшенной брильянтами. За окружавшей его толпою, я не могъ видѣть его нижняго платья. Смотря въ первый разъ на человѣка столь высокаго сана и твердаго характера, каковъ Султанъ Махмутъ, стараешся запомнить всѣ черты его и найдти въ нихъ отпечатокъ души его. Согласно съ другими, я замѣтилъ въ глазахъ его твердость и рѣшительность. Борода его была выкрашена черною краскою. Онъ вошелъ въ домикъ, отдохнуть отъ довольно краткой, признаться, молитвы, и мы отправились впередъ на Азіятскія воды, надѣясь тамъ еще разъ увидѣть его. Хотя намъ и не удалось, однакожь мы были за то утѣшены любопытною картиною, какую представляли Турки, ѣхавшіе въ странныхъ загородныхъ каретахъ своихъ (араба) на гулянье. Всѣ подобныя картины невольно напоминаютъ прошедшія столѣтія Русской Исторіи, и можно предполагать, что въ царствованіе Бориса Годунова было много подобнаго тому, что нынѣ мы видимъ здѣсь. Въ то время у насъ женщины жили въ заперти, какъ Турчанки, которыхъ

видимъ теперь издали, закрытыхъ покрывалами, и даже мужчины не могли быть дѣятельнѣе нынѣшнихъ Турковъ, которые, отъ нечего дѣлать, считаютъ клубы дыма, выходящіе у нихъ изо рта. Въ то время алый цвѣтъ съ золотомъ былъ у насъ также вездѣ видѣнъ, и безъ сомнѣнія царствовали тотъ же Азіятскій вкусъ и тѣ же нравы, какіе нынѣ здѣсь. На Азіятскихъ водахъ началась неожиданно сильная ссора между г-мъ Комидасомъ и Турецкимъ солдатомъ, который находилъ, что мы очень близко подошли къ женскимъ каретамъ и за то чуть не рѣшился гнать насъ кнутомъ. Мы избѣжали преслѣдованія только посредствомъ благоразумнаго бѣгства на лодку, которая перевезла насъ обратно въ Перу.

Августа $^{5}/_{17}$ *суббота.* — Я ознакомился нѣсколько съ книгою моего сосѣда Слейда о Турціи и Россіи. Въ ней замѣтны острота и умъ, но въ то же время поверхностное знаніе предметовъ и самыя ложныя заключенія; много находится насмѣшекъ на нашъ счетъ, но есть нѣсколько и дѣльныхъ замѣчаній. Чувство, производимое чтеніемъ книгъ такого рода, непріятно, если читатель находится вдали отъ своей родины, когда, напротивъ, будучи въ Россіи, онъ хочетъ имѣть въ рукахъ все, что можетъ открыть недостатки его отечества. Намъ непріятно слышать въ обществѣ о своихъ порокахъ, но тѣмъ прилежнѣе можно заняться ими въ тишинѣ своего кабинета. Нынѣшній день посвятилъ я на отдыхъ, и ходилъ только прогуляться на кладбищѣ между могилами и кипарисами; тамъ остановился я на горѣ, откуда зрѣніе проникаетъ сквозь густую зелень на Бос-

форъ и не успѣлъ еще я оглянуться, какъ Турокъ подалъ мнѣ стулъ, трубку и чашку густаго кофе, свареннаго на Арабскій манеръ. Сначала я не могъ пить его, но теперь нахожу очень пріятнымъ.

Августа $^{7}/_{19}$ *воскресенье.* — По приглашенію Посланника, отправился я сегодня прожить нѣсколько дней въ Буюкдере, гдѣ мнѣ отвели комнату въ Россійскомъ дворцѣ. Когда я пріѣхалъ, Посланника не было дома, и я отправился гулять по берегу залива, имѣя въ виду Черное море. Узкій проливъ Босфорскій кажется дверью, въ Россію, и воображаешь себѣ, что дойдя до крайняго мыса, непремѣнно увидишь въ отдаленіи Одессу. Однакожь я не дошелъ до этого мыса, потому что желалъ осмотрѣть до обѣда великолѣпный садъ, принадлежащій Русскому дворцу. Отъ роду не видалъ я такаго пышнаго и богатаго прекраснѣйшими деревьями сада. Если надобно дать ему какой нибудь характеръ названіемъ, то можно назвать его *Посольскимъ*. Въ немъ много важности, величія и въ тоже время прелести. Онъ очень удобенъ для дипломатическихъ праздниковъ, что

извѣстно всѣмъ бывшимъ здѣсь въ 1833-мъ году, но не тѣмъ только однимъ поддерживается данный ему мною дипломатическій эпитетъ. Здѣсь нельзя заблудиться, какъ въ извивистыхъ тропинкахъ Англійскаго сада. Большія, тѣнистыя аллеи ведутъ на широкія террасы, кончаясь ими, будто исторія великихъ происшествій, которая оканчивается какимъ нибудь всемірнымъ трактатомъ. Оставляя въ сторонѣ можетъ быть, слишкомъ прихотливое сравненіе, скажу только о террасахъ, что нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе въ семъ родѣ. Онѣ окружены съ трехъ сторонъ стѣнами самыхъ высокихъ столѣтнихъ деревъ, а съ четвертой стороны открывается съ нихъ видъ на Босфоръ и противоположный берегъ, такъ, что нерѣдко, выходя изъ густой дубравы, вдругъ видите предъ собою паруса линейнаго корабля, прежде еще нежели дойдете до края горы, откуда показываются синія воды пролива.

Посланникъ нашъ пригласилъ къ обѣду весь дипломатическій корпусъ, и разные члены его явились, съ церемоніями, которыхъ здѣсь несравненно больше, нежели въ другихъ столицахъ Европы. Англійскій и Французскій Послы приплыли въ длинныхъ лодкахъ, украшенныхъ рѣзьбою и позолотою въ Турецкомъ вкусѣ. На рулѣ у каж-

даго изъ нихъ развѣвался національный флагъ. Любопытно было смотрѣть на соединеніе столькихъ лицъ, имена которыхъ принадлежатъ современной исторіи. Обѣдъ соотвѣтствовалъ роскоши, какую Рускіе любятъ выказывать въ торжественныхъ случаяхъ. Вышедъ изъ-за стола, мы встрѣтили въ гостиной нѣсколькихъ обоего пола особъ, приглашенныхъ на вечеръ, но какъ весь почти дипломатическій корпусъ находился за обѣдомъ, то къ чаю явились только пероты и перотки, по большей части драгоманы и нижніе канцелярскіе чиновники разныхъ званій и жены ихъ. Тутъ замѣтилъ я нѣсколько весьма живописныхъ фигуръ. Дамы были разряжены, Богъ знаетъ какъ, въ платьяхъ, иная съ длинными, иная съ короткими рукавами, а на двухъ, или трехъ были ситцовыя платья. Всѣ онѣ усѣлись довольно забавно на стульяхъ, разставленныхъ въ нѣсколько рядовъ прямымъ угломъ съ диваномъ, на которомъ могли любоваться лицами трехъ Посланницъ. То была церемонная часть вечера, который кончился баломъ, а балъ разъѣздомъ, сигналъ коего былъ поданъ почетнѣйшими особами общества.

Этикетъ, господствующій въ семъ обществѣ, ясно показываетъ, какимъ вѣсомъ пользуются въ Константинополѣ посланники. Кажется, что ихъ

всегда почитаютъ представителями державныхъ лицъ и обращаются съ ними согласно этому великому характеру. Въ другихъ государствахъ, гдѣ общественныя отношенія развиты болѣе, посолъ можетъ стать съ самымъ неважнымъ молодымъ человѣкомъ на нѣкоторой степени равенства, но здѣсь не скоро забываетъ онъ свою важность, особенно потому, что въ числѣ подчиненныхъ ему лицъ очень мало бываетъ благовоспитанныхъ людей. Кромѣ общественныхъ отношеній, въ самыхъ дѣлахъ двумя главными причинами можно изъяснить уваженіе, какое чувствуютъ здѣсь къ лицамъ дипломатическимъ. Первая состоитъ въ томъ, что Турецкое Правительство устроено недовольно твердо, и будучи недовольно постоянно въ своихъ правилахъ, не можетъ оно не встрѣчать на каждомъ шагу такихъ случаевъ, гдѣ вмѣшательство гг. дипломатовъ не только возможно, но и полезно. Совѣты ихъ, основанные на познаніяхъ и опытности, должны, по необходимости, имѣть вѣсъ, соразмѣрный съ невѣжествомъ того правительства, при которомъ находятся сіи лица. Слѣдовательно, дипломатическій корпусъ долженъ имѣть въ Константинополѣ большой вѣсъ, по той самой причинѣ, по которой онъ имѣетъ очень мало вѣса при Берлинскомъ и Лондонскомъ Дворахъ. Во вторыхъ, министры поль-

зуются въ Константинополѣ не только наружными почестями, но и важными судебными правами. Можно сказать, что подданные всѣхъ иностранныхъ державъ не подвержены Турецкому уголовному суду и пользуются покровительствомъ каждый своего посланника*. Такое покровительство, увеличивая непомѣрно власть дипломатическихъ особъ, ведетъ иногда къ большимъ злоупотребленіямъ. Мнѣ разсказывали, между прочимъ, слѣдующій случай, могущій служить доказательствомъ вреда обширныхъ правъ дипломатическихъ. Одинъ иностранецъ былъ схваченъ Турецкимъ таможеннымъ смотрителемъ и обличенъ въ торгѣ какимъ-то непозволеннымъ товаромъ. Смотритель, отнявъ у него товары, приказалъ бить его палками по пятамъ. Виновный пожаловался своему посланнику; тотъ принялъ его подъ свою защиту и потребовалъ отъ Турецкаго Правительства, чтобы таможенный приставъ былъ отставленъ отъ должности, что и было исполнено. Двойная несправедливость! Во первыхъ потому, что Турокъ былъ правъ, а во вторыхъ потому, что и виноватый, онъ дол-

* Не могу утверждать, чтобы такая ненаказанность была признана закономъ, но знаю навѣрное, что она существуетъ на самомъ дѣлѣ, чему доказательствомъ можетъ служить то, что во Франціи начали обращать вниманіе на составленіе законовъ и устройство судопроизводства въ Турецкихъ портахъ.

женствовалъ быть отрѣшенъ только по благоусмотрѣнію собственнаго начальства.

Гостепріимное приглашеніе нашего Посланника не ограничилось для меня однимъ обѣдомъ и баломъ, которые сами по себѣ были для меня очень любопытны, потому что я познакомился при семъ случаѣ со многими замѣчательными лицами. Прочіе гости должны были возвратиться домой въ тотъ же вечеръ, по волнамъ Босфора или по извивистой и неровной прибрежной дорогѣ, а я нашелъ въ самомъ дворцѣ Посланника прекрасную комнату, какою не пользовался съ самаго выѣзда моего изъ Рима.

Августа $^{7}/_{19}$ *понедѣльникъ.* — Раскрывъ занавѣсы оконъ моей комнаты, обращенныхъ на Босфоръ, съ удивленіемъ увидѣлъ я Русскій пароходъ у самыхъ воротъ дворца, и прочелъ на боку его слово: Громоносецъ. Графъ Строгановъ прибылъ на немъ ночью, и черезъ нѣсколько дней отправится далѣе, въ Аѳины, для врученія Королю Оттону знаковъ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Такія мѣста для отдохновенія, какъ Буюкдере, встрѣчаются не часто, и потому рѣшился я воспользоваться случаемъ и провести нѣсколько часовъ въ пріятномъ бездѣйствіи. Утро прошло непримѣтно, въ прогулкѣ по волшебному саду и чтеніи путешествія Муравьева, въ которомъ находятся краснорѣчивыя описанія главныхъ мѣстностей Константинополя. Умъ соединяется въ нихъ съ глубокимъ знаніемъ Византійской и нашей Исторіи, столь тѣсно связанныхъ между собою.

Не смотря на свѣжій вѣтеръ, я отправился на лодкѣ къ Англійскому и Французскому Посламъ, и къ другимъ лицамъ, съ которыми познакомился вчера. Но все видѣнное мною у нихъ не выходитъ изъ ряда обыкновеннаго. Англійскій дворецъ, подобно Русскому, деревянный; онъ устроенъ очень уютно и служитъ также зимнимъ жилищемъ Посла, но ни одинъ изъ дворцовъ посланническихъ не можетъ сравняться съ Русскимъ въ отношеніи объема строенія и красоты сада.

Послѣ обѣда сдѣлалъ я весьма занимательную прогулку: прошелъ чрезъ деревню Буюкдере, и вышелъ на долину, которая въ углубленіи залива раздѣляетъ деревню Терапію отъ Буюкдере. Эта равнина украшена семью огромными платанами, извѣстными подъ именемъ *Готфредовыхъ*. Говорятъ, что ополченіе Крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Готфреда Бульонскаго, предъ отбытіемъ своимъ въ Малую Азію, расположилось отдыхать подъ этими деревьями.

Гора на противоположномъ берегу замѣчательна тѣмъ, что на ней было расположено Русское войско, приходившее въ 1833 году, для защиты Константинополя отъ нападеній Египетскихъ войскъ, предводимыхъ Ибрагимомъ Пашею. На высотѣ горы былъ сожженъ фейерверкъ, о которомъ Ла-

мартинъ говоритъ, въ своемъ описаніи тогдашняго памятнаго праздника, что онъ «озарилъ стѣны «стараго Сераля и былъ видѣнъ во внутренности «Азіи.»

Августа $^{9}/_{18}$ *вторникъ.* — Я поѣхалъ верхомъ осматривать окрестности Буюкдере, и направилъ путь къ прекраснымъ, высокимъ водопроводамъ, называемымъ *Юстиніановыми.* Здѣсь въ цистернахъ, или водохранилищахъ, скопляется вода, которою пользуются Константинополь и его обширныя предмѣстья. Два водопровода образуютъ сообщеніе между водохранилищами и городомъ. Первый называется *Бѣлградскимъ*, по имени сосѣдняго мѣстечка; другой, если не ошибаюсь, *Юстиніановымъ.* Около того и другаго находится густой прекрасный лѣсъ, гдѣ смѣлыя арки водопровода возвышаются въ нѣсколько этажей. Плотины, укрѣпляющія цистерны, также живописны въ своемъ родѣ, высоки, сдѣланы изъ бѣлаго мрамора и издали похожи нѣсколько на укрѣпленные замки. *Водопроводы* такой родъ строеній, который въ нашъ просвѣщенный вѣкъ не употребляется

болѣе; гидравлика дѣлаетъ его безполезнымъ. Общее правило: чѣмъ болѣе просвѣщенія и механическаго усовершенствованія, тѣмъ менѣе живописи и поэзіи.

Августа $^{7}/_{19}$, *среда.* — Не безъ сожалѣнія разстался я съ Буюкдере, чтобъ возобновить свои прогулки, часто довольно утомительныя, по Константинополю. Въ лодкѣ моей проѣзжалъ я мимо дворца Азіятскаго, въ то время, когда въ немъ находился Султанъ, и потому меня заставили свернуть зонтикъ. Здѣсь опускаютъ зонтики въ знакъ почтенія, точно такъ же, какъ мы снимаемъ шляпы.

Возвратясь въ Перу, я узналъ, что въ теченіе послѣднихъ дней, восемь человѣкъ изъ рабочихъ въ арсеналѣ были обличены въ злоупотребленіи, немедленно казнены, и тѣла ихъ, брошенныя въ море, три дня сряду плавали по его поверхности.

Какія противоположности встрѣчаются въ мірѣ! Въ странахъ, гдѣ такъ много восхитительнаго, должны быть и противныя крайности, приводящія сердце въ содраганіе и трепетъ, точно такъ же, какъ въ самыхъ роскошныхъ климатахъ живутъ тигры и ядовитыя змѣи.

Августа $^{6}/_{20}$ *четвергъ.* — Сегодня произошла живая и характеристическая сцена на Оружейномъ рынкѣ, мѣстѣ моей обыкновенной и любимой прогулки. Комидасъ отыскалъ въ одной лавкѣ чашу, покрытую таинственными надписями, и хотѣлъ пріобрѣсть ее для меня, какъ вещь любопытную; къ несчастію, онъ оскорбилъ Турка, который сначала былъ очень расположенъ къ продажѣ, и разсерженный продавецъ, созвавъ всѣхъ своихъ сосѣдей, жаловался, что Гяуры осмѣливаются торговать священныя принадлежности Музульманской вѣры. Мой проводникъ разгорячился и грозилъ, что чрезъ высшее начальство принудитъ Турка къ продажѣ. Тутъ, разумѣется, толпа, безпрестанно увеличиваясь, разсердилась, освирѣпѣла на насъ еще болѣе, и мы должны были уйдти изъ Безестена, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ крикомъ: *Гяуръ, Гяуръ!* Стараясь утѣшиться въ нашей неудачѣ, мы обратились къ древностямъ, и Коми-

дасъ, придумалъ развлеченіе достойнымъ любопытства предметомъ. Онъ повелъ меня въ мечеть, называемую Малою мечетью Святой Софіи, увѣряя, что она самая интересная вещь въ цѣломъ городѣ. Говорятъ, что сей храмъ былъ построенъ Императоромъ Константиномъ Великимъ. Древняя Греческая надпись, вырѣзанная на карнизѣ, подъ самымъ куполомъ храма, еще и теперь замѣтна, хотя забѣлена, но намъ не дали времени списать ея. Храмъ, посвященный нѣкогда Святымъ Апостоламъ, состоитъ изъ трехъ церквей, или зданій, изъ коихъ каждое имѣетъ особый куполъ, но всѣ они соединены между собою сводами. Всего болѣе удивило меня, что дервишъ, смотритель, или сторожъ мечети, устроилъ во внутренности ея каморку, и живетъ въ ней съ женою и взрослыми дѣтьми, что должно бы казаться Магометанамъ неприличнымъ. Замѣчу кстати, что Константинополь имѣетъ сходство съ Римомъ именно въ томъ, что бывшія здѣсь христіанскія церкви превращены нынѣ въ Магометанскія мечети, точно такъ, какъ храмы язычниковъ въ Римѣ посвящены нынѣ разнымъ святымъ. Изъ Малой Святой Софіи отправились мы осматривать церковь Константинопольскаго Патріарха, находящуюся посреди *Фанара*, предмѣстья, занятаго съ давняго времени лучшими

Греческими семействами. Церковь богата, и многія Русскія, особенно старинныя Московскія церкви могутъ дать объ ней ясное понятіе. Патріаршій престолъ украшенъ двуглавымъ орломъ; на креслахъ, стоящихъ близь него, и на царскихъ дверяхъ, видно такое же украшеніе. Я осмотрѣлъ еще церкви Іерусалимскаго Патріарха и новую Армянскую, отличающуюся болѣе всего неуклюжими чугунными воротами, весьма грубой работы. Прошедъ Фанаръ во всю длину его, мы вышли на Золотой Рогъ. Многіе изъ Грековъ, живущихъ въ Фанарѣ, происходятъ отъ древнихъ Византійскихъ родовъ. До возстанія Греціи, нѣкоторые изъ нихъ имѣли большое вліяніе на совѣты Дивана, и даже принимали участіе въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Говорятъ, что теперь начинаютъ они опять приходить постепенно въ прежнюю силу. Переѣзжая черезъ Золотой Рогъ въ Перу, мы встрѣтили весьма близко Султана, возвращавшагося на лодкѣ съ Европейскихъ Прѣсныхъ водъ. Довольно странно было видѣть, какъ солдаты, стоявшіе на часахъ въ Галатѣ, отдавали честь своему государю. Хотя они держали ружья на плечѣ, но подымали однакожь правую руку къ своей фескѣ, а офицеръ, оборотивъ конецъ шпаги внизъ, кланялся Султану, дотрогиваясь рукою до земли.

Августа $^{9}/_{21}$ *пятница.* — Два наши корабля, отправившіеся изъ Смирны за нѣсколько дней до моего оттуда отбытія, только третьяго дня прибыли сюда, и стоятъ теперь на якорѣ въ Босфорѣ. Сѣверный вѣтеръ долго задерживалъ ихъ близъ устья Дарданелловъ, но Ѳемистоклъ пробился черезъ узкій проливъ съ удивительною ловкостью, и Англичане, посѣщающіе домъ Джозепино, разсказывали мнѣ, что капитанъ Ѳемистокла заслужилъ при семъ случаѣ удивленіе опытнѣйшихъ Англійскихъ моряковъ.

Августа $^{10}/_{22}$ *суббота.* — Я познакомился съ весьма замѣчательнымъ человѣкомъ, докторомъ Миллингеномъ. Уже много лѣтъ находится онъ въ Турціи, сопутствовалъ Ибрагиму-Пашѣ въ его походѣ и хорошо ознакомился съ Турецкими обычаями *. Онъ сообщилъ мнѣ разныя подробности о болѣзняхъ, существующихъ между Турками, и я нахожу ихъ столь любопытными, что рѣшаюсь сообщить читателямъ. Самая опасная изъ болѣзней чума. Она свирѣпствуетъ сильнѣе всѣхъ другихъ въ Турціи и обращаетъ на себя особенное вниманіе. Недавно появилось Французское сочиненіе какого-то медика, утверждающаго, будто чума болѣзнь вовсе неприлипчивая, но г. Миллингенъ рѣшительно противнаго мнѣнія, и имѣлъ многіе случаи увѣриться въ томъ, что чума, вмѣстѣ

* Ему обязанъ я свѣденіями о походѣ Ибрагима Паши, которыя изложены мною при обозрѣніи Мореи.

и прилипчива отъ прикосновенія и заразительна въ воздухѣ. Кажется, что она входитъ въ лимфатическіе сосуды, какъ будто испареніе. Признаки ея различны и непостоянны: у иныхъ при ея появленіи открываются нарывы и сильная лихорадка; у другихъ одна лихорадка безъ нарывовъ. Иной больной подвергается отъ нарывовъ, самымъ жестокимъ мученіямъ, а между тѣмъ встрѣчаются другіе съ двумя, тремя нарывами на шеѣ, которые не мѣшаютъ имъ преспокойно ходить. Вообще чума заключается въ воспаленіи желудка и мозга, и средствъ къ избавленію отъ нея извѣстно весьма мало. Отъ того происходитъ страхъ, съ которымъ узнаютъ что кто нибудь заразился, и каждаго больнаго нѣкоторымъ образомъ почитаютъ уже умершимъ. Для избѣжанія болѣзни, врачи вообще предписываютъ противное тому, что употребляется для избѣжанія холеры, а именно: ѣсть и пить, сколько можно больше. Холера никогда еще не являлась въ Константинополѣ и неоспоривала власти чумы, которая царствуетъ здѣсь безпрепятственно и почти весь годъ. Можно замѣтить, что жители говорятъ о холерѣ несравненно съ большимъ страхомъ, нежели о чумѣ, но, по моему мнѣнію, чума въ тысячу разъ ужаснѣе, потому что она сообщается малѣйшимъ прикосновe-

ніемъ къ больному, и всѣ друзья и родственники покидаютъ зараженнаго чумою, когда страждущій холерою можетъ до самой смерти пользоваться попеченіями своего семейства.

Подагра и каменная болѣзнь почти неизвѣстны Туркамъ, и причиною тому полагаютъ то, что они вообще живутъ трезво. Ихъ образъ жизни спокойнѣе нашего, и душа Турка не имѣетъ столько случаевъ взволновать тѣло, какъ въ нашей Европейской оболочкѣ. Турки не мучатъ себя ежедневно бездѣлицами, а потому ихъ нервная система несравненно менѣе раздражается. Но въ замѣнъ того у нихъ свирѣпствуютъ болѣзни сердца, которыя можно приписать сильнымъ душевнымъ потрясеніямъ, отъ опасности и страха лишиться жизни. По сей причинѣ заключеніе въ тюрьму бываетъ у нихъ часто началомъ долговременной болѣзни. Но, за исключеніемъ такихъ необыкновенныхъ случаевъ, Турки вѣря въ предопредѣленіе, въ фаталическое счастіе и бѣдствіе, совершенные Стоики. Докторъ Миллингенъ былъ призванъ поспѣшно къ Турку, который, въ противность обыкновенія своихъ соотечественниковъ, предавался ужасному отчаянію, по причинѣ болѣзни жены своей, прекрасной Хіосской рабы, у которой, послѣ родовъ, открылось сильное кровоте-

ченіе. Онъ цѣловалъ у медика руки и ноги, и когда докторъ объявилъ ему, что не было ни малѣйшей надежды къ спасенію его любезной подруги, Турокъ сталъ рвать бороду, бить себя по вискамъ кулаками, и въ изступленной горести бросался на полъ. На слѣдующій день медикъ пришелъ къ нему снова; жены уже не было въ живыхъ, но вдовецъ (если можно такъ назвать кого нибудь въ такой странѣ, гдѣ закономъ дозволено имѣть четырехъ женъ), принялъ доктора съ веселымъ видомъ. «Ахъ!» сказалъ онъ, «вы здѣсь? «Я радъ видѣть васъ—милости просимъ! Я тол«ко что хотѣлъ выбрать себѣ новую жену, и хочу «воспользоваться вашимъ совѣтомъ.» Въ самомъ дѣлѣ, тутъ стояло цѣлая полудюжина Черкешенокъ. По просьбѣ Турка, докторъ осмотрѣлъ въ подробности наружность каждой изъ нихъ, для того, чтобы узнать, которая изъ нихъ самая здоровая, и наконецъ показалъ на одну, по видимому, имѣвшую сложеніе крѣпче другихъ. «Ахъ! какъ я радъ!» возразилъ Турокъ, «вы подтверждаете мой «вкусъ—я хотѣлъ именно выбрать эту самую!»

Подробности, переданныя мнѣ докторомъ Миллингеномъ о внутреннемъ устройствѣ гаремовъ, возбудили до такой степени мое любопытство, что мнѣ пришла въ голову мысль: пойдти съ нимъ на

консультацію при первомъ случаѣ. Но я подумалъ что рано или поздно могутъ открыть, что званіе медика было принято мною единственно для того, чтобы скрыть свое любопытство, и такая продѣлка неминуемо должна лишить г-на Миллингена довѣренности, какою онъ здѣсь пользуется, а потому отложилъ свое намѣреніе. По его словамъ, въ гаремахъ царствуетъ рабская подчиненность. У каждой изъ женъ Турка находится, по крайней мѣрѣ, по одной служанкѣ, состоящей совершенно подъ ея властью, а самыми женами управляетъ женщина, нѣчто въ родѣ начальницы пансіона. Должность ея состоитъ въ томъ, что она должна смотрѣть за порядкомъ между женами, и научать ихъ: какимъ образомъ сдѣлаться пріятными мужу, какъ должно идти къ нему на встрѣчу, провожать его къ дивану, подавать ему трубку, танцовать, пѣть — однимъ словомъ: изыскивать всѣ средства для его развлеченія.

Во внутреннемъ образѣ жизни, Турки сохранили много общаго съ обычаями древнихъ Грековъ. Д'Оссонъ находитъ большое сходство между Турецкими гаремами и древними *гинекіями*, которые также были недоступны постороннимъ мужчинамъ, какъ гаремы, и между одалыками и дѣвушками, которыя у Грековъ прислуживали женамъ и назы-

вались *гетерами*. Прежній *триклиніумъ* существуетъ и теперь въ Турецкихъ домахъ, въ видѣ трехъсторонняго дивана; въ кушаньи замѣчается также большое сходство съ ѣствами древнихъ, и наконецъ, къ несчастію, господствуетъ тотъ же самый неестественный развратъ, о которомъ можно только намѣкнуть слегка. Разница между Турками и Греками состоитъ особенно въ томъ, что послѣдніе были дѣятельны, особенно въ дѣлахъ, относившихся до государственнаго управленія, и *политика* у нихъ получила свое начало, такъ, что и самымъ названіемъ ея обязаны мы Грекамъ. Напротивъ, Турки никогда не занимаются государственными дѣлами, и имъ неизвѣстно слово *честолюбіе*. При спокойномъ характерѣ ихъ, курительный табакъ необходимъ для ихъ усыпленія. Ихъ, такъ же, какъ другихъ, волнуютъ желанія и страсти, но не получивъ никакого образованія, они не знаютъ куда направить свои умственныя силы, и находятъ удовлетвореніе въ усыпленіи ихъ трубкою. Трубка занятіе Турка, и *наргилесъ* (посредствомъ котораго они втягиваютъ дымъ сквозь воду, съ нѣкоторымъ усиліемъ) замѣняетъ имъ гимнастическія упражненія, а опіумъ служитъ дополнительною потѣхою и отдыхомъ.

По свидѣтельству всѣхъ Европейцовъ, посѣщавшихъ гаремы, женщины Турецкія находятся въ такомъ же, или еще болѣе невѣжественномъ положеніи, какъ и мужчины, и проводятъ время въ заточеніи своемъ въ самыхъ ребяческихъ занятіяхъ, или, лучше сказать, забавахъ. Разсказываютъ, что онѣ утѣшаются наряжаясь мужчинами, и по очереди играя роли любовниковъ или любовницъ. Можетъ ли душа не онѣмѣть совершенно при такомъ бездѣйственномъ образѣ жизни? Но забавы не могутъ утолить страстей, и потому необходимы въ Турціи ревнивый глазъ эвнуха и опасеніе самыхъ жестокихъ наказаній. Избѣгая ихъ, несчастныя затворницы, впадшія въ вину, скрываютъ ее посредствомъ преступленій. Проникать далѣе во внутренній составъ гарема и невозможно и грустно для христіанина — пусть Музульмане не поднимаютъ завѣсы, которою задернута самая мрачная часть картины ихъ общественнаго быта.

Я сообщилъ мои мысли одному знакомому, и онъ отвѣчалъ мнѣ, какъ художникъ, двумя словами поясняя всѣ мои замѣчанія. «Турчанки,» сказалъ онъ, «похожи на мухъ, которыя попались между зим«нею и лѣтнею рамою въ окнахъ: блеснетъ лучъ «минутнаго физическаго наслажденія — онѣ ожив-

«ляются; исчезнетъ этотъ лучъ, и мухи опять засыпаютъ прежнею постоянною дремотою.».

Примѣромъ того, что у Турковъ нѣтъ желаній, и во всемъ видно пресыщеніе, можетъ служить самъ Султанъ. Однажды остановился я близъ дворца его, и видѣлъ, думаю, съ сотню блюдъ, которыя носили служители на головахъ, изъ кухни во дворецъ Султанскій. Этого мало: увѣряютъ, что удовлетворяя своей склонности къ питью, онъ велитъ смѣшивать для себя въ одинъ большой кубокъ вино пяти, или шести разныхъ сортовъ, и всю такую смѣсь выпиваетъ вдругъ. Чѣмъ болѣе у насъ средствъ наслажденія, тѣмъ менѣе умѣемъ мы ими пользоваться; желаніе, удовлетворяемое безпрерывно, должно притупиться, и требуетъ наконецъ того, что покажется отвратительнымъ человѣку съ неиспорченнымъ вкусомъ.

Августа $^{11}/_{23}$ *воскресенье.* — Мы условились съ Комидасомъ и г-мъ Петрашевскимъ ѣхать сегодня на *острова Принцовъ*, такъ называемые потому, какъ сказывали мнѣ, что еще во времена Греческихъ Императоровъ царскіе сыновья были посылаемы туда, какъ въ безопасное мѣсто, не имѣющее при томъ слишкомъ частаго сношенія съ столицею. Около 8-ми часовъ утра отправились мы изъ Галаты, въ лодкѣ, съ четырьмя гребцами, и спустились внизъ по теченію Босфора, между волшебными берегами Европы и Азіи, которые, дружно сходясь въ направленіи къ Черному морю, здѣсь напротивъ расходятся и образуютъ берега Мармарнаго моря. Оставивъ за собою стѣны Сераля, съ ихъ золотыми воротами и печальнымъ скатомъ, по которому обличенныхъ въ винѣ серальскихъ затворницъ бросаютъ въ море, проплыли мы въ противномъ направленіи мимо всей той

части города, которую видѣлъ я въ день прибытія, моего на пароходѣ. Мои товарищи обратили мое вниманіе между прочимъ на одно зданіе, весьма скромное по наружности, называемое *Балыкъ-Хань* (рыбный базаръ). Сюда заключали прежде отставныхъ визирей и нерѣдко совершалась здѣсь казнь ихъ. Зданіе это, устроенное сообразно съ его цѣлью, нынѣ превращено въ таможенное заведеніе.

Послѣ четырехъ часовъ плаванія, мы прибыли на средній изъ Принцовыхъ островов, называемый Греками *Халки*. Всѣ сіи острова съ моря кажутся безплодны и каменисты, и таково точно настоящее свойство ихъ почвы, хотя кое гдѣ и разсѣяны на нихъ виноградные сады. Нынѣ населены они Греками и Перотами, которые пріѣзжаютъ сюда дня на три, отдыхать отъ торговыхъ занятій и взаимныхъ распрей. На горахъ видны монастыри, приходящіе въ разрушеніе, а у береговъ селенія, напоминавшія мнѣ своею наружностію видѣнныя мною въ Греціи. Мы обошли нѣкоторые изъ здѣшнихъ бѣдныхъ монастырей, и съ горы открылся намъ прекрасный видъ. Монастырь *Панаги* (Богородицы) принадлежалъ князю Ипсилантію и былъ возобновленъ имъ. Во время послѣдней нашей войны съ Турками въ немъ помѣстили нашихъ плѣнныхъ солдатъ, числомъ до

550 человѣкъ; изъ нихъ триста, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, умерли, и были тутъ же похоронены. Холмы, возвышающіеся надъ ихъ могилами, видны доселѣ, но другаго памятника нѣтъ никакого.—По заключеніи мира, настоятель монастыря потребовалъ возмездія, за поврежденія, сдѣланныя въ немъ плѣнниками. Наше Правительство предоставило ему назначить сумму, и онъ, посовѣтовавшись съ монахами, попросилъ 10,000 піастровъ, т. е. около 2,500 рублей ассигнаціями. Въ отвѣтъ на такое требованіе была отправлена къ нему сумма вдвое болѣе просимой. Монахи вмѣсто радости, изъявили единодушное сожалѣніе, что сами опредѣлили сумму, и непредоставили мѣры вознагражденія великодушію Рускихъ, которые, конечно, дали бы добровольно еще болѣе, если бы сами монахи слишкомъ умѣреннымъ требованіемъ не доказали маловажности поврежденій, причиненныхъ въ монастырѣ нашими плѣнниками.

Хозяинъ дома, гдѣ мы пристали, угостилъ насъ весьма хорошимъ обѣдомъ, послѣ чего мы отправились на собственно такъ называемый *Принцовъ островъ* (Принчипо). Онъ обширнѣе и многолюднѣе Халки. Въ то время, когда мы пристали къ нему, на берегу моря было гулянье; но строенія

и общество гуляющихъ болѣе напоминали Грецію, нежели Турцію. Меня увѣряли, что я увижу здѣсь представленіе, весьма оригинальное и любопытное, изображающее Восточные нравы, или, такъ называемыя *Китайскія тѣни*, которыя впрочемъ представляютъ иногда дѣла самыя неблагопристойныя и гадкія. Признаюсь, что пріѣхавъ въ Турцію съ намѣреніемъ изучать нравы ея, желалъ я видѣть нынѣшнюю Турецкую комедію, и тѣмъ дополнить мои понятія о нравственномъ состояніи здѣшней страны. Но мы не имѣли желаемаго успѣха. Представленія, которое дается всегда втайнѣ, на сей разъ не было, и до темной ночи навѣдываясь объ немъ, мы по пустому ходили изъ дома въ домъ, спрашивая, когда начнется зрѣлище. Можетъ быть, неудача была и къ лучшему, думалъ я, и повторялъ себѣ слова, вырѣзанныя надъ входомъ въ библіотеку Вальтеръ-Скотта въ Абботсфордѣ: «Войдите всѣ, желающіе научиться добродѣтели; порокамъ и безъ учителя научаются.»

Толпы, гулявшія на набережной, уже начали примѣтно рѣдѣть, и мы поспѣшили обратно на островъ Халки. Хотя здѣсь видите монастыри, но никогда не услышите колокола, ибо употребленіе колоколовъ не дозволено Грекамъ; призывая на молитву, они бьютъ палками объ мостовую. До-

вольно замѣчательно, что Католики, какъ мнѣ сказывали, преимущественно пользуются колоколами. Какой-то ловкій Французскій Посолъ велѣлъ зазвонить въ колокола, безъ всякаго предварительнаго спроса, при освященіи новой Французской церкви, и съ тѣхъ поръ звонъ ихъ раздается на Католическихъ колокольняхъ въ Турціи.

Августа $^{7}/_{14}$ *понедѣльникъ*. — Мы рано встали, расплатились съ хозяиномъ, при всей его учтивости угощавшимъ насъ не даромъ, и поплыли на ближній островъ, *Антигону*, лежащій въ направленіи къ Константинополю. Иглы минаретовъ прорѣзывались сквозь туманъ, покрывавшій весь городъ. Намъ не столько хотѣлось видѣть островъ, сколько желали мы посѣтить двухъ замѣчательныхъ особъ: Русскаго купца *Захарова* и бывшаго Константинопольскаго патріарха *Константина*. Землякъ угостилъ насъ чаемъ и вареньемъ. Предметомъ разговора нашего съ нимъ была торговля Россіи съ Турціею. Имѣя здѣсь большія дѣла, и уже много лѣтъ находясь въ Константинополѣ, г. Захаровъ собралъ большія свѣдѣнія по предмету своихъ занятій. Онъ сказалъ мнѣ, что сюда привозятъ изъ Россіи желѣзо, пеньку, коровье масло, и берутъ въ замѣнъ масло деревянное, фрук-

ты и вина, но послѣднихъ стали брать гораздо менѣе съ тѣхъ поръ, какъ виноградные сады начали совершенствоваться въ Крыму. Въ размѣнъ за полученныя отъ г. Захарова свѣдѣнія, я говорилъ ему о проэктѣ соединенія Рейна съ Дунаемъ, занимающемъ нынѣ капиталистовъ въ Европѣ. Но г. Захаровъ не предполагаетъ большаго переворота въ Турецкой торговлѣ отъ исполненія сего предпріятія.

Вообще малыя купеческія суда на Черномъ морѣ выгоднѣе большихъ, потому что большой капиталъ потребенъ для нагруженія огромнаго числа товаровъ, а сбытъ ихъ въ Турціи бываетъ иногда очень медленный. Отправленіе корабельнаго лѣса изъ Россіи для продажи въ разныхъ странахъ Европы было бы для насъ очень выгодно, но говорятъ, что провозъ его черезъ Босфоръ былъ запрещенъ Султаномъ, съ согласія нашего Правительства. Султанъ боится, чтобы Египетскій Паша не воспользовался такою торговлею, и не получилъ такимъ образомъ новыхъ средствъ къ увеличенію своего флота, уже и безъ того теперь слишкомъ сильнаго. Но доски, привозимыя изъ Адріатическихъ протовъ въ Египетъ, почитаются вообще лучше нашихъ.

Султанъ кажется, очень расположенъ къ свободѣ торговли, и должно полагать, что только

однимъ этимъ средствомъ столь удивительно возраждается Турція послѣ всѣхъ ея потерь и раззорительныхъ войнъ.

Монополія, существующая въ Турціи, вовсе не такова, какъ мы ее себѣ воображаемъ, ибо привиллегіи на покупку какого нибудь товара, на примѣръ, шерсти, даются по мѣстной (внутренней) цѣнѣ, за которую жители уступаютъ его одинъ другому. Налоги собираются съ имѣній старшинами въ каждой деревни, послѣ сбора жатвъ. Вообще у всѣхъ Турковъ есть земли; ни одинъ народъ не имѣетъ пищи лучше ихъ и нищихъ здѣсь совсѣмъ почти не видно. Налоги на ввозъ и вывозъ товаровъ не превышаютъ 3%. и потому, съ тѣхъ поръ, какъ Король Оттонъ возвысилъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ до 12%, многіе изъ его подданныхъ переѣзжаютъ въ Турцію, находя гораздо выгоднѣйшимъ состояніе раіи *, нежели свободнаго Грека.

Замѣтимъ разительный примѣръ столкновенія крайностей въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Турціи, двухъ государствахъ, самомъ свободномъ, по общему мнѣнію, и самомъ деспотическомъ. Ни тамъ, ни здѣсь государственнаго долга не существуетъ вовсе, когда

* Турецкое имя христіанъ, подданныхъ Султана.

между тѣмъ онъ входитъ въ финансовую систему всѣхъ другихъ державъ.

Бывшій патріархъ *Константинъ* принялъ меня очень ласково. Говорятъ, что онъ былъ отставленъ отъ должности въ слѣдствіе ложнаго доноса, о дозволенныхъ будто бы имъ злоупотребленіяхъ въ собраніи, или взносѣ *харача*, т. е. дани, платимой Греческимъ духовенствомъ Турецкому Правительству. Онъ написалъ какую-то книгу, но однакожъ показался мнѣ человѣкомъ не ученымъ, и не могъ передать мнѣ никакихъ свѣдѣній объ Аѳонской горѣ, столь любопытномъ мѣстѣ для путешественника, не смотря на то, что она находится въ бывшей его патріархіи. Онъ потчивалъ насъ вареньемъ, табакомъ и кофе, которые дьяконъ подавалъ и выносилъ. Самъ Патріархъ во все время сидѣлъ на диванѣ, сложивъ подъ себя ноги.

Архіереи выбираютъ изъ среды своей патріарха, но представляютъ объ немъ Султану, который по своему произволу утверждаетъ, или отвергаетъ ихъ избраніе, и потому окончательное утвержденіе всегда зависитъ отъ Султана. Не обходится въ такихъ случаяхъ безъ интригъ и подкуповъ между членами Дивана, а подобное обстоятельство даетъ поводъ къ опасенію, что верховная духовная власть, снискиваемая столь унизительными средствами,

не всегда бываетъ достойно выполнена. Патріархъ, будучи выбранъ, рукополагаетъ въ архіереи и эпархи въ разныя мѣста тѣхъ особъ, которые поднесутъ ему болѣе подарковъ. Это настоящій аукціонъ. Сверхъ того, онъ беретъ, по существующему издавна обыкновенію, всѣ ризы умершаго или отставленнаго архіерея, и продаетъ ихъ новоопредѣляемому.

Архіереи пользуются доходами съ своихъ эпархій, но большая часть изъ нихъ живутъ самымъ постыднымъ образомъ въ Константинополѣ, и опредѣляютъ вмѣсто себя викаріевъ, которые вознаграждаютъ трудъ свой, какъ могутъ. Злоупотребленіе подобнаго церковнаго управленія, довольно похожаго на откупъ, существующій во всѣхъ степеняхъ Турецкой гражданской власти слишкомъ явно. Паши получаютъ также свои области посредствомъ интригъ, и мѣста ихъ отданы имъ почти какъ въ аренду, за что обязаны они платить извѣстную дань Султану, а весь избытокъ могутъ класть въ свой карманъ.

Другое обстоятельство, весьма сомнительное для всякаго, желающаго сохранить неизмѣнными и чистыми источники православія въ Греціи, есть то, что всѣ Греческія церковныя книги, коими здѣсь руководствуются, напечатаны въ Венеціи. Надоб-

но бы каждый разъ сличать ихъ съ рукописями, а кажется, что этого не дѣлаютъ, да при нынѣшнемъ порядкѣ церковнаго правленія никакъ нельзя быть увѣреннымъ и въ томъ, чтобы рукописи не были измѣняемы подъ вліяніемъ Римско-Католической Цензуры. Римско-Католическая вѣра удивительно распространяется по всему Востоку. Пропаганда ея учредила въ одномъ Константинополѣ семь монастырей; по Малой Азіи наиболѣе разсыпаны монастыри Лазаристовъ и Доминикановъ. Католическіе Армяне повинуются своему Патріарху, утвержденному Папою, и имѣютъ въ Константинополѣ около девяноста священниковъ, не включая въ то число иностранцовъ и Перотовъ.

Кстати объ распространеніи по Востоку Католической вѣры, Пертюзье разсказываетъ въ своей книжкѣ (Promenades pittoresques à Constantinople), что Римская Церковь, желая привлечь къ себѣ Армянъ, дозволяетъ имъ пріобщаться Святыхъ Тайнъ отъ своихъ собственныхъ священниковъ, если они боятся сознаться передъ своими земляками въ перемѣнѣ религіи. Одинъ весьма свѣдущій соотечественникъ мой, живущій много лѣтъ въ Константинополѣ, представилъ мнѣ весьма разительный примѣръ іезуитизма Католиковъ для достиженія ихъ неизмѣнной цѣли: въ 1828 и 29-мъ годахъ,

когда Порта вовсе не была расположена къ Римско-Католической религіи, хитрое Католическое духовенство дозволяло православнымъ Греческимъ священникамъ крестить и хоронить Римско-Католическихъ христіанъ, и пользоваться платою за исполненіе сихъ требъ, безъ которыхъ нельзя было бы продолжать метрическихъ книгъ, гдѣ всѣ Армяне до того времени записывались. Между тѣмъ Католическіе священники давали втайнѣ причастіе, руководствовали воспитаніемъ дѣтей и сохраняли, какъ всегда, вліяніе на совѣсть и образъ жизни. Всего прискорбнѣе было то, что они могли найдти въ числѣ Греческихъ православныхъ священниковъ людей, согласившихся на подобную сдѣлку.

Я возвратился довольно рано въ Константинополь, намѣреваясь отправиться въ *Фанаръ*, съ визитомъ къ Епископу Иларіону. Отъ него получилъ я самыя любопытныя свѣденія объ Аѳонской горѣ, которыя еще болѣе усилили мое желаніе посѣтить это замѣчательное мѣсто.

Августа 14/26 *среда.*— Послѣдніе дни прошли для меня безъ замѣчательныхъ происшествій. Я воспользовался свободнымъ временемъ, и дописалъ записки мои обо всемъ видѣнномъ на прошедшей недѣлѣ. Въ это время не ходилъ я даже на Оружейный рынокъ, потому что Турки не охотно принимали насъ послѣ приключенія съ таинственною чашкою. Въ свободное время посѣщалъ я живописца Вольфенсбергера и разсматривалъ у него прелестные виды странъ, осмотрѣнныхъ имъ и мною. Почитаю себя счастливымъ, что встрѣтился съ этимъ художникомъ, ибо его искуству обязанъ я нѣсколькими прекрасными видами Греціи и Турціи. *

* Виды, написанные г-мъ Вольфенсбергеромъ суть: храмъ Эрехтея, хорагическій храмъ Лизикрата и храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Аѳинахъ, Панелленіумъ въ Эгинѣ, Золотой Рогъ, съ видомъ Константинополя, Прѣсныя Азіятскія воды, Готфредовы платаны и мечеть Эйюбская. Они выгравированы, и находятся въ атласѣ, приложенномъ къ симъ Запискамъ.

Располагая предпринять путешествіе на Аѳонскую гору и изслѣдовать тамошнія обители въ отношеніи рукописей, которыхъ, по словамъ Джеля, тамъ должно быть очень много, я предложилъ гг. Петрашевскому и Френу сопутствовать мнѣ. Мой неутомимый Ефимовъ, страстный любитель Восточной архитектуры, будетъ для меня также весьма полезенъ съемкою видовъ разныхъ монастырей. Не надѣясь на себя одного въ разборѣ Греческихъ рукописей, я нанялъ въ помощники молодаго Грека, и беру еще Грузинца, для разбиранія Иверскихъ, или Грузинскихъ рукописей. Много не напечатанныхъ и даже неизвѣстныхъ памятниковъ Иверской литтературы должны, какъ увѣряютъ меня, храниться въ Иверскомъ монастырѣ на горѣ Аѳонской. Съ большимъ трудомъ отыскалъ я себѣ грамотнаго Грузинца, здѣшняго мѣлочнаго торгаша, впрочемъ не очень надѣюсь на его знаніе; но онъ стараясь убѣдить меня въ своихъ свѣдѣніяхъ, подвергался моему экзамену, и доказывалъ мнѣ, что всегда узнаетъ Грузинскія буквы и не придаетъ имъ произвольныхъ звуковъ при чтеніи. Конечно, это утѣшительно, но не смѣю думать, чтобы при такой учености мы ушли съ нимъ далеко. Онъ берется также смотрѣть за платьемъ и вещами нашими, и потому соединяетъ

въ лицѣ своемъ двѣ важныя должности. Разумѣется, что мой вѣрный Дмитрій не оставитъ меня въ моемъ новомъ предпріятіи.

Мы разстанемся на долгое время съ образованнымъ обществомъ, съ которымъ завтра буду имѣть случай проститься въ Буюкдере, куда намѣренъ ѣхать.

Августа $^{11}/_{23}$ *четвергъ.* — На сихъ дняхъ Пера была приведена въ волненіе прибытіемъ Англійскаго пароваго фрегата, обращеннаго въ яхту для свободнаго прохода чрезъ Босфоръ. Объясняя проходъ его, надобно сказать, что въ силу существующихъ трактатовъ съ Турціею, плаваніе вооруженныхъ кораблей черезъ проливъ Дарданельскій и Босфоръ не дозволяется, безъ особаго разрѣшенія, испрашиваемаго каждый разъ Посломъ для ожидаемаго военнаго судна. Въ избѣжаніе всякихъ затрудненій на сей разъ, Англійскій фрегатъ, какъ я сказалъ выше, былъ обращенъ въ яхту, что сдѣлано было весьма просто, а именно: закрытіемъ всѣхъ пушекъ, такъ, что корабль совершенно потерялъ видъ вооруженнаго судна. На этомъ фрегатѣ, или яхтѣ, прибылъ г. Эллисъ, назначенный Чрезвычайнымъ Посломъ въ Персіи, откуда онъ долженъ направить путь свой въ Россію.

Я засталъ большую часть моихъ знакомыхъ въ Буюкдере весьма занятыхъ приготовленіями къ театральному представленію, въ которомъ, разумѣется, должны были участвовать актеры большаго свѣта, за неимѣніемъ настоящихъ. Я узналъ о приготовленіяхъ потому, что ко мнѣ прислали за моею широкою, бѣлою дорожною шляпою, полагая, что она можетъ произвесть большой эффектъ на сценѣ. Но вмѣсто того, чтобы отдать шляпу, я подумалъ: не сдѣлаю ли еще лучше, если поѣду самъ на праздникъ. Среди моихъ занятій и лишенія всякихъ удовольствій, онъ могъ походить на лакомый кусокъ для человѣка, питающагося сухимъ хлѣбомъ. Я нашелъ Брюлова уже завербованнымъ, не въ актеры, а въ декоратеры. Онъ написалъ прелестную декорацію, гдѣ игривость его генія выразилась въ самыхъ смѣшныхъ сближеніяхъ. Счастливъ человѣкъ, когда онъ можетъ, подобно Брюлову, занимать и уединенную мастерскую и мѣсто въ обществѣ! Безпрестанно погружаться въ уединенное мысленіе недостаточно и даже вредно человѣку. Надобно приспособлять свои мысли къ нуждамъ и вкусамъ другихъ, быть въ одно и тоже время художникомъ и публикою. Затворники обыкновенно впадаютъ въ систему, и бываютъ несносны въ свѣтѣ. Представленіе будетъ

не ранѣе субботы, а время для меня дорого, и я, возвратясь послѣ обѣда въ Перу, присталъ въ Топханѣ среди глубокой темноты, при чѣмъ былъ привѣтствованъ и сопровождаемъ до своей квартиры лаемъ многочисленной стаи голодныхъ собакъ, которыя сбѣгаются со всѣхъ сторонъ при видѣ фонарей.

Августа $^{17}/_{29}$ *суббота.*— Вчерашній день ничего не случилось достойнаго вниманія. Сегодня обѣдалъ я у нашего Посла въ Буюкдере; разговоръ былъ не весьма живъ, потому, что часть общества была занята разучиваніемъ своихъ ролей для вечера. Наконецъ, вечеръ, ожидаемый иными съ нетерпѣніемъ, другими съ трепетомъ, наступилъ, и мы отправились къ Австрійскому Посланнику, барону Штюрмеру, гдѣ нашли уже большое общество, и въ томъ числѣ Англійскаго дипломата, назначеннаго Посломъ въ Персію. Представленіе удалось, какъ нельзя лучше, и зрители и актеры были совершенно довольны одни другими.*

* Тогда вовсе не знавши, что г. Эллисъ былъ искренній другъ Вальтеръ-Скотта, я видѣлъ въ немъ только дипломата, и мнѣ не входило въ голову представиться ему. Долго послѣ того, по возвращеніи моемъ изъ Турціи, узналъ я изъ жизнеописанія Вальтеръ-Скотта, составленнаго зятемъ его Локкардомъ, что этотъ великій мужъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ г-мъ Эллисомъ, и до сихъ поръ не могу утѣшиться, что не возобновилъ при личномъ свиданіи съ нимъ воспоминаній о человѣкѣ, которому, какъ говоритъ Гамлетъ, «подобнаго никогда не увижу.»

Августа $^{10}/_{21}$ *понедѣльникъ*. Только что возвратился я въ Перу изъ Буюкдере, оживленнаго веселостью, какъ сдѣлался свидѣтелемъ ужаснаго событія! Во время занятія моего въ кабинетѣ, вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ жильцовъ въ домѣ, и пригласилъ идти за нимъ и убѣдиться, что мы окружены здѣсь чумою. Онъ побѣжалъ потомъ по лѣстницѣ въ комнаты г-на Ефимова; я слѣдовалъ за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, минута была ужасная, и доказательства, что мы дѣйствительно окружены чумою, были несомнѣнны. Въ комнатѣ г. Ефимова слышны были ужасные крики изъ сосѣдняго дома, отдѣленнаго отъ нашего узкимъ боковымъ дворикомъ. Тамъ женщина умирала отъ чумы. Ежеминутно кричала она, и вдругъ среди стоновъ и воплей, вырывался у нея такой ужасный, пронзительный вой, что казалось, будто несчастную страшно терзаютъ, или жгутъ на огнѣ. Слышно было также, что въ изступленіи бросалась

она къ дверямъ, но двери были заперты снаружи, и никто не приходилъ къ ней на помощь. Мужъ и дѣти ея стояли на балконѣ; другіе жильцы разбѣжались за *мортусами,* или людьми, которые увозятъ въ больницу зараженныхъ чумою. Можно ли порицать безчеловѣчное, по видимому, поведеніе мужа, который, не только совершенно удалилъ отъ больной дѣтей своихъ, но и самъ отъ нея удалился, между тѣмъ какъ онъ, можетъ быть, ей одной обязанъ былъ великимъ на землѣ благополучіемъ— счастіемъ семейнымъ? Въ первую минуту нельзя было глядѣть на него безъ негодованія; но, можетъ быть, въ подобномъ случаѣ (да удалитъ Провидѣніе отъ всякаго такое испытаніе!) и другіе также оставили бы погибающую, и если не для себя, то для дѣтей оградили себя отъ неизбѣжной погибели. Не умѣю описать волненія, которое чувствовалъ я, слыша безпрерывные крики несчастной. Находиться такъ близко къ страждущему существу и не имѣть возможности подать ему руку помощи, дышать между тѣмъ воздухомъ смертоноснымъ, и глядѣть на дѣтей, которыя скоро должны были осиротѣть — это такое мученіе, отъ котораго сердце приходитъ въ страшное уныніе! Но человѣкъ семейный долженъ чувствовать такое положеніе несравненно сильнѣе одинокаго.

Августа / Сентября 29/1 *вторникъ*. — Благодаря услужливости моихъ соотечественниковъ, причисленныхъ къ здѣшнему Посольству, я не выѣду изъ Константинополя не познакомившись хорошо со всѣми его достопамятностями. Сегодня удалось мнѣ видѣть мѣсто, завѣтное для большаго числа путешественниковъ, именно — *Сераль*, или *главный Султанскій дворецъ*, куда ни въ какомъ случаѣ невозможно проникнуть безъ особеннаго на то фирмана. Руководимый г. Богдановымъ, вторымъ драгоманомъ при нашемъ Посольствѣ, и сопровождаемый многими любопытными, желавшими воспользоваться симъ рѣдкимъ случаемъ, я отправился черезъ Золотой Рогъ, и на пути по Константинополю заглянулъ въ престранную подземельную цистерну, которая тянется на большое пространство. Можно плыть по ней въ лодкѣ, съ факелами, но мы не хотѣли потерять изъ вида главной нашей цѣли, Сераля, гдѣ чиновники Султанскіе уже

ожидали насъ, съ приказаніемъ водить насъ по всѣмъ дозволеннымъ для входа Гяуровъ мѣстамъ, останавливая наше любопытство, еслибы мы покусились проникнуть въ мѣста для насъ неприступныя. Большія ворота Сераля находятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мечети Святой Софіи. Между ними устроенъ фонтанъ, самый прекрасный изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Константинополѣ. Здѣшніе фонтаны вообще не походятъ на тѣ, которые мы видимъ въ другихъ мѣстахъ, и особенно на тѣ, которымъ удивляемся въ Римѣ. Тамъ вода бьетъ изъ подземельной трубы на большую высоту, а здѣсь она обыкновенно истекаетъ изъ четыреугольнаго каменнаго строенія, украшеннаго широкою вызолоченною крышею. Рисунокъ г-на Вольфенсбергера, представляющій Азіятскія Прѣсныя воды, можетъ дать нѣкоторое понятіе о такихъ фонтанахъ. Иногда, какъ въ предмѣстіи Эйюбъ, вода не вытекаетъ сама собою, а люди, стоя за золотою рѣшеткою, подаютъ ее прохожимъ въ стаканѣ, взимая за то мѣлкую монету.

Обращаюсь къ Сералю. Вступивъ въ ограду его, мы пошли сперва къ находящейся внутри ея Греческой церкви Святыя Ирины, обращенной въ хранилище рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей, или

нѣчто въ родѣ оружейной палаты. Тутъ видѣли мы многія оружія и другія вещи, напоминающія Крестоносцовъ, ихъ кольчуги, щиты и полныя вооруженія. Въ отдѣльномъ мѣстѣ, запираемомъ на замокъ, намъ показали множество богатыхъ сабель, принадлежавшихъ славнымъ султанамъ, знаменъ и городскихъ ключей, пышно отдѣланныхъ и хранимыхъ въ большихъ футлярахъ. Между прочими находился ключъ Анапы, хотя замокъ къ этому ключу не находится нынѣ во власти Турецкой! Иностранцовъ вообще не пускаютъ далѣе перваго двора, но мы были такъ счастливы, что могли пройдти чрезъ вторую дверь, на прекрасный дворъ, обсаженный огромными деревьями. Съ одной стороны его находятся Султанскія кухни, а на другой кіоскъ, гдѣ угощаютъ и одѣваютъ Пословъ, до представленія ихъ на аудіэнцію къ Султану. Украшенія и позолота этого великолѣпнаго кіоска не столько въ Турецкомъ, сколько въ старинномъ Версальскомъ, или Царскосельскомъ вкусѣ, половины XVIII-го вѣка, и потому не стоятъ особеннаго описанія. Мы прошли весь второй дворъ и думали, что тѣмъ кончится наше обозрѣніе, но намъ дозволили ступить еще нѣсколько шаговъ за предѣлъ третьихъ воротъ. Такимъ образомъ ознакомились мы съ третьимъ дворомъ, чрезвычайно

красивымъ, и съ находящимся на немъ кіоскомъ, гдѣ Султанъ принималъ прежде Пословъ. Мы замѣтили, что задняя стѣна, отдѣляющая второй дворъ отъ третьяго, подобно кіоску, украшена плитами изъ драгоцѣннаго мрамора и пестрыми изразцами. Полагаю, что этотъ дворъ должно почесть самымъ драгоцѣннымъ образцомъ истинно Турецкаго вкуса. Намъ запретили идти далѣе, но мы могли видѣть, на самомъ краю третьяго двора, четвертую дверь, черезъ которую входъ, на четвертый дворъ, предоставленъ только одному Султану. Тутъ начинаются *гаремъ* и царство черныхъ эвнуховъ. Бѣлые эвнухи окружили насъ толпою, тамъ, гдѣ мы остановились. Наморщенныя лица, похожія на печеныя яблоки, и тонкій дѣтскій голосъ дѣлаютъ ихъ отвратительными. Даже въ молодыхъ лѣтахъ кажутся они стариками, съ большимъ, отвислымъ брюхомъ, хотя пискливый голосъ сохраняется въ нихъ при всѣхъ признакахъ старости. Несчастный пустоцвѣтъ человѣческаго рода, на который нельзя смотрѣть безъ содраганія! Пажи провели насъ, за деньги (потому что здѣсь все покупается) по Серальскому саду, но кромѣ прекраснаго вида, представляющагося съ одной стороны его на Босфоръ, а съ другой на Мармарное море, онъ не заслуживаетъ вниманія.

Посреди сада находится колонна, въ Коринѳскомъ вкусѣ, но она не отличается красотою. Фирманъ давалъ намъ право посѣтить мечеть Святой Софіи, и мы вторично очутились въ этомъ изящномъ храмѣ, который можетъ стоять на ряду съ Пантеономъ и Римскою церковью Святаго Петра. Но характеръ его совершенно другой, и мнѣ кажется, что онъ болѣе приближается къ характеру вѣтхаго завѣта, и долженствовалъ бы быть посвященъ имени Бога Саваоѳа. Должно однакожь признаться, что не смотря на все искусство въ соединеніи мѣлочныхъ подробностей для увеличенія дѣйствія цѣлаго, онѣ отдѣланы не въ самомъ чистомъ видѣ, и пестрота разныхъ мраморовъ могла бы обратить на себя заслуженную критику. Дѣйствія землетрясеній, бывшихъ здѣсь въ разныя времена, произвели весьма странное дѣйствіе: ни одна колонна не упала, но многія склонились на бокъ и совершенно вышли изъ отвѣснаго положенія. Г-нъ Ефимовъ, имѣя надежду возвратиться еще въ третій и четвертый разъ въ эту достопамятную мечеть, хотѣлъ воспользоваться нашимъ посѣщеніемъ, и снять, по крайней мѣрѣ, главные размѣры зданія. Всѣ мои товарищи раздѣлили между собой храмъ, стараясь измѣрять и списать разныя части его. Самъ я вторично взошелъ на

самую высшую галлерею, устроенную подъ куполомъ, и спустилъ съ нея отвѣсъ, до втораго яруса, къ стоявшему тамъ г. Богданову. Къ несчастію, въ то самое время, когда онъ схватилъ отвѣсъ, нечаянно опрокинулъ я лампаду съ масломъ, на него и на Турковъ, которые стояли ниже и молились. Съ самаго начала глядѣвшіе очень недовольнымъ окомъ на всѣ наши дѣйствія, Музульмане взволновались, начали кричать, чтобы насъ выгнали, но съ Султанскимъ фирманомъ, и въ сопровожденіи чиновника въ полковничьемъ чинѣ, мы неустрашимо продолжали наши труды, и, въ самомъ дѣлѣ, они стоили всякаго усилія, ибо настоящая пропорція Софійской мечети донынѣ никогда еще не была измѣрена.

Мы возвратились въ Перу, весьма довольные нашимъ подвигомъ и всѣмъ видѣннымъ нами, и заключили нашъ день шумнымъ обѣдомъ въ трактирѣ *Италія* *.

* Въ прибавленіяхъ прилагаю я описаніе Софійскаго собора, сдѣланное г. Ефимовымъ. Находящіеся при немъ планъ, фасадъ и разрѣзъ храма, въ которомъ нашъ художникъ былъ разъ пять, конечно, будутъ неоцѣнимымъ подаркомъ для всѣхъ занимающихся зодчествомъ, и особенно для Рускихъ, потому, что здѣсь увидятъ они образецъ Византійскаго стиля, въ которомъ выстроена большая часть нашихъ церквей.

Августа / Сентября 25/4 *пятница.* — Я отложилъ отъѣздъ свой на Аѳонскую гору, для того, чтобы дать г. Ефимову время докончить, или, по крайней мѣрѣ, продолжить огромный трудъ измѣренія Софійской церкви. Ему удалось быть во внутренности ея нѣсколько разъ, и вчера пробылъ онъ въ мечети не менѣе пяти часовъ, хорошо воспользовавшись временемъ для собранія драгоцѣннѣйшихъ повѣрокъ и очерковъ. Между тѣмъ настали такіе сильные дожди и вѣтры, предвѣстники приближающагося равноденствія, что я былъ даже радъ прожить это время на твердой землѣ, хотя карточный домъ нашъ весь трясся на своемъ основаніи отъ бури. Мы сбираемся въ путь завтра, а сегодня ходили смотрѣть вертящихся дервишей, въ небольшомъ, но весьма красивомъ текіе, близь малаго Поля Мертвыхъ. Мы застали ихъ, стоящихъ въ кругу, а за рѣшетчатою оградою находились зри-

тели. Старшій, или начальникъ дервишей, сидѣлъ противъ самаго входа, обратясь къ нему спиною, а къ намъ лицомъ. Онъ отличался отъ другихъ зеленымъ своимъ плащемъ, и зеленою повязкою, вокругъ общаго всѣмъ дервишамъ, высокаго войлочнаго калпака. Зеленый цвѣтъ у Турковъ считается священнымъ, и его носятъ только родившіеся во дни посвященные пророку, или принадлежащіе къ его роду. Съ хоровъ надъ нашими головами раздались звуки плохой флейты, барабана, и нѣсколькихъ голосовъ, поющихъ гимны, но безъ всякой гармоніи. Начальникъ дервишей очень важно началъ ходить кругомъ въ тактъ по текіе, а всѣ другіе дервиши, одѣтые въ разноцвѣтные плащи, слѣдовали за нимъ. Послѣ нѣсколькихъ круговъ, онъ опять сѣлъ, а другіе, снявъ съ себя верхнее платье, стали кружиться. Четверо составляли внутренній кругъ, а остальные внѣшній. Они кружились не на одномъ мѣстѣ, но по всему текіе, правильно и мѣрно, какъ будто приводимые въ движеніе дѣйствіемъ машины; платья ихъ, раздуваясь, образовывали что-то похожее на колокола. Наполняя такимъ образомъ своею движущеюся драпировкою и простертыми руками все пространство строенія, они ни раза однакожь не сталкивались, хотя калпаки ихъ,

упадшіе на глаза, не дозволяли имъ видѣть ничего вокругъ себя. Но въ томъ-то и состоитъ, вѣроятно, затверженное ими искуство. Нѣкоторые до окончанія верченья своего опустили головы на плеча, какъ будто умирающіе, но я не знаю произошло ли то отъ усталости, или отъ изступленія, въ какое они приходятъ; окончивъ свое странное движеніе, всѣ дервиши пошли цѣловать руку своего начальника, и потомъ цѣловали взаимно другъ у друга, не исключая даже 12-ти лѣтняго мальчика, который находился въ числѣ ихъ. Самаго любопытнаго въ такой странной церемоніи мнѣ не удалось видѣть. Иногда, въ пылу фанатическаго изступленія, они берутъ у своего начальника раскаленное желѣзо, бьютъ имъ себя, грызутъ его, и потомъ падаютъ въ обморокъ, измученные страданіями. Дервиши, называемые *Руфаи*, собственно отличаются такими знаками фанатизма. Въ странѣ просвѣщенной, гдѣ человѣку ежедневно представляется цѣль для его дѣятельности, гдѣ онъ можетъ осуществить мысли свои подвигами добродѣтели, словомъ: тамъ, гдѣ онъ можетъ быть дѣятеленъ и полезенъ, не встрѣтите сумасбродствъ, подобныхъ описаннымъ мною, тамъ они не могутъ существовать, но весьма понятно существованіе ихъ въ Турціи, гдѣ народъ всю жизнь куритъ

табакъ и жуетъ опіумъ; здѣсь, какъ признакъ жизни, являются судорожные припадки фанатизма. Основаній ему не нужно искать въ Коранѣ оно таится въ законѣ уравненія (compensation), существующаго во всемъ нравственномъ и физическомъ мірѣ. Но крайность, сначала произведенная фанатизмомъ, перешла просто въ обманъ. Нынѣ эти Руфаи обезпечиваютъ себя отъ вреда разными, имъ только извѣстными средствами, и нисколько не страдаютъ отъ своего нелѣпаго умерщвленія плоти. Музульмане почитаютъ дервишей людьми святыми; ихъ можно бы назвать, въ нѣкоторомъ отношеніи, музульманскими монахами, а въ другомъ юродивыми, но часто одно шарлатанство скрывается подъ наружностью того и другаго. Дервиши и текіи ихъ представляютъ родъ общежительнаго заведенія; имъ дозволяется однакожь жениться, съ тѣмъ, чтобы они сходились съ женами только внѣ своего текіе. Мнѣ сказывали въ Константинополѣ, что между Турками нѣтъ званія людей болѣе распутныхъ. Къ текіе принадлежитъ небольшая библіотека, которую я осматривалъ сегодня. Она состоитъ изъ священныхъ рукописныхъ книгъ. Переписка ихъ составляетъ одно изъ занятій дервишей, потому что у музульманъ существуетъ предразсудокъ, бывшій

въ первыхъ столѣтіяхъ христіанства; они думаютъ, что подвергать священныя книги давленію типографскихъ прессовъ, значитъ унижать ихъ.

Сегоднишнюю прогулку свою кончилъ я обозрѣніемъ трактировъ въ Галатѣ, устроенныхъ съ большимъ вкусомъ, но опозоренныхъ самымъ гнуснымъ развратомъ. Здѣсь оканчивается мое пребываніе въ Константинополѣ; завтра отправляюсь на Аѳонскую гору, и оставляю городъ, гдѣ всѣ краски чувственнаго наслажденія, или ярко пестрѣютъ одна возлѣ другой, или сгустились тѣнями другъ подлѣ друга въ развратѣ. Оставляю столицу Султанскую, намѣреваясь изслѣдовать уединенную пустыню, полуостровъ, гдѣ отшельники, со временъ Константина Великаго, занимаются укрощеніемъ своихъ страстей и приготовленіемъ себя къ вѣчности. *Людей* должно тамъ потерять изъ вида, но за то *человѣкъ* долженъ развиваться тамъ во всемъ своемъ нравственномъ достоинствѣ.

Августа / Сентября 10/, *понедѣльникъ.* — Всѣ товарищи мои собрались въ домъ Джозепино послѣ обѣда, и мы отправились на пароходъ *Марія Доротея*, тотъ самый, на которомъ я приплылъ въ Константинополь. Теперь, на пути въ Смирну, онъ долженъ былъ высадить насъ въ Дарданельскомъ проливѣ. Наше плаваніе началось бѣдственнымъ приключеніемъ: желая обогнать Англійскій пароходъ, нашъ капитанъ, не смотря, что тотъ пароходъ шелъ въ направленіи противномъ нашему, и не замѣтивъ, что лодка таможеннаго смотрителя была привязана возлѣ нашего праваго колеса, велѣлъ пустить машину своего парохода со всею силою. Въ одну минуту лодка наполнилась водою, и два матроза, въ ней сидѣвшіе, были выброшены. Одинъ изъ нихъ уцѣпился за изломанную лодку и спасся, а другой исчезъ подъ водою. Я готовъ былъ бросить за нимъ самого капитана, который не смо-

тря на мои увѣщанія, не хотѣлъ остановить парохода. Его окружала толпа акціонеровъ, желавшихъ доказать преимущество своего судна надъ Англійскимъ, и самъ онъ, вѣроятно, боялся непріятностей и задержки, если его застануть близъ мѣста, гдѣ случилось несчастіе. Такимъ образомъ, мы продолжали путь нашъ, между тѣмъ, какъ несчастный боролся съ волнами и смертью. Только обогнавъ Англичанина близъ Терапіи возвратились мы на настоящую дорогу, и быстро пролетѣли мимо того мѣста, гдѣ морскія волны поглотили злополучнаго матроза.

АѲОНСКАЯ ГОРА. *Вторникъ* $^{27}/_{9}$ — Прекрасная, тихая ночь и сѣверный вѣтеръ благопріятствовали нашему плаванію по Мармарному морю. На слѣдующій день послѣ нашего отъѣзда изъ Константинополя, мы уже находились въ Дарданельскомъ проливѣ, и останавливались, то противъ одного, то противъ другаго мѣстечка, для высадки пассажировъ, или принятія новыхъ. Въ полдень прибыли мы къ Азіятскому замку Дарданелъ и вышли на берегъ. Имѣя письмо къ Рускому Консулу Тимони, я пошелъ отыскивать его жилище. Мѣстечко должно быть очень значительно, какъ для торговли, такъ равно и въ политическомъ отношеніи, и потому находятся здѣсь консулы всѣхъ націй.— Ихъ жилища отличаются отъ прочихъ выставленными на нихъ флагами. Въ послѣдній пожаръ, домъ нашего консула сгорѣлъ, но теперь отстроивается новый, на самомъ берегу моря. Мы оста-

новились здѣсь на столько времени, сколько нужно было для закупки провизіи и найма лодки. Въ городѣ свирѣпствуетъ чума; жители его не очень гостепріимны, а намъ время дорого; по такимъ тремъ причинамъ, я былъ очень радъ, когда небольшая, открытая лодка, съ семью матросами, частію Греками, частію Турками, была готова, и мы ввѣрились на ней волнамъ, не имѣя другой провизіи, кромѣ жаренаго козла, разныхъ копченыхъ вещей, которыя могли бы служить въ случаѣ голода, и нѣсколькихъ бутылокъ портера, которыя до сихъ поръ служатъ къ возобновленію чудеснымъ образомъ нашихъ умственныхъ и тѣлесныхъ силъ. Еслибы пираты заблагоразсудили напасть на насъ мы были бы самой легкой для нихъ добычей, но мы совершили наше плаваніе благополучно и чрезвычайно скоро. — Попутный вѣтеръ дулъ во все время, и пролетѣвъ ночью мимо острововъ *Имброса*, а утромъ между *Лемносомъ* и *Самотраки*, мы пристали сегодня къ берегу *Святой Горы*, употребивъ только двадцать три часа на плаваніе изъ Дарданелъ.

Гора, круто подымающаяся съ моря, вся покрыта зеленью. Длинная ограда монастыря Лавры, напоминая немного живописные Итальянскіе монастыри, представляется взору плавателя еще за

нѣсколько времени до его прибытія къ берегу. Лодка наша вошла въ небольшую, укрѣпленную пристань, окруженную съ моря скалами, между коими выстроенъ домикъ, съ зубчатыми стѣнами для караульныхъ. Встрѣтивъ на берегу монаха, понимающаго по Русски, я послалъ его впередъ съ моимъ фирманомъ, извѣстить о моемъ прибытіи и попросить позволенія посѣтить монастырь.

Черезъ четверть часа прислали намъ самый гостепріимный отвѣтъ, и двухъ муловъ, для перевоза нашихъ вещей съ лодки въ монастырь.

Нѣсколько старшихъ монаховъ ждали насъ на возвышенности у воротъ монастыря, и провели внутрь ограды. Мы прошли черезъ трое воротъ, и вступили на дворъ, прекрасный своими строеніями и зеленью. Посреди его двѣ церкви, и при нихъ два тысячелѣтнихъ кипариса, посаженныхъ основателемъ монастыря. Два Турецкіе фонтана и сады съ цвѣтами и фруктами занимаютъ остальное мѣсто. Стороны двора заняты корридорами; подъ сводами и надъ ними кельи монаховъ, а между ними находится множество деревянныхъ пристроекъ, полуразрушенныхъ лѣстницъ и черепичныхъ крышъ разной высоты. Все это покрыто мохомъ, или вьющимися по стѣнамъ виноградными лозами.

Зала, устроенная для трапезы, и за нею башня, служащая укрѣпленіемъ и тюрьмою, закрываютъ дворъ со стороны горы. Такая пестрота дѣлается еще живописнѣе отъ массы горы, которая возвышается круто сзади, образуя такимъ образомъ задній фондъ картины. Насъ повели въ *Архонъ-Дарлыкъ*, прекрасную комнату, устроенную въ Турецкомъ вкусѣ и предназначенную единственно для пріема гостей. Низкіе диваны, расположенные по тремъ сторонамъ комнаты, служатъ днемъ для сидѣнья, а ночью бываютъ постелями. Изъ оконъ со стороны моря открывается видъ на покрытый масличными и другими деревьями берегъ, и на острова Архипелага. Потолокъ комнаты украшенъ изображеніями Богородицы и Ангеловъ, но Греки дали намъ замѣтить, что глаза у нихъ были выколоты во время нападенія Турковъ, нѣсколько лѣтъ тому, на Аѳонскую гору. Монахи приготовили намъ постный, но весьма хорошій обѣдъ; старшіе изъ нихъ окружили насъ и изъявляли удовольствіе, что видятъ насъ у себя въ гостяхъ.

Призывъ къ молитвѣ совершается здѣсь обыкновенно не посредствомъ колокола, но удареніемъ по доскѣ палкою, съ которою монахъ обходитъ весь дворъ. Намъ объяснили сей обычай, когда пришла пора идти къ вечерни. Соборная церковь,

гдѣ совершалась служба, построена, какъ снаружи, такъ и внутри, въ Византійскомъ вкусѣ; форма ея очень красива и легка, особенно рисункомъ купола. Вся внутренность расписана предметами изъ Священнаго Писанія, или исторіи Аѳонской горы. Люстра, висящая посреди церкви, напоминаетъ лампады въ Софійскомъ соборѣ, и образуетъ кругъ; но въ Святой Софіи лампады привязаны къ ниткамъ, а здѣсь большое мѣдное кольцо, украшенное двуглавыми орлами и разными другими украшеніями, и равное объемомъ своимъ величинѣ купола, служитъ для поддержанія люстръ, или, какъ Греки называютъ ихъ, *хоросовъ*. Такіе хоросы составляютъ, повидимому, принадлежность Византійской архитектуры, и несравненно приличнѣе нашихъ люстръ. По обѣимъ сторонамъ церкви сдѣланы, по обычаю Греческому, деревянныя мѣста (stalles), гдѣ можно стоять, опираясь на локти. Меня отвели въ мѣсто возлѣ старшаго монаха, и служба началась и продолжалась почти въ совершенной тишинѣ. Возлѣ меня можно было видѣть двѣ, или три головы въ родѣ патріархальныхъ, опускающіяся на грудь; далѣе рядъ черныхъ клобуковъ и рясъ терялся въ тѣни церкви; одна лампада надъ царскими вратами озаряла все собраніе сомнительнымъ лучемъ.

По окончаніи службы, архимандритъ и старшіе монахи провели меня обратно въ Архонъ-Дарлыкъ, и разсказали мнѣ о своихъ обрядахъ и строгости жизни, которую ведутъ. Пища ихъ самая простая, во всякое время года, а въ постные дни довольствуются они только однимъ хлѣбомъ съ водою. Нѣкоторые носятъ подъ платьемъ вериги и всячески умерщвляютъ свою плоть. Женщинамъ возбранено житье, не только внѣ монастыря, но и на всей Святой Горѣ, и такимъ образомъ продолжаетъ исполняться чудо, уже много столѣтій тому назадъ, поразившее намѣстниковъ Римскихъ Императоровъ на Востокѣ, писавшихъ своему государю, что у христіанъ существуютъ по цѣлымъ столѣтіямъ общества, между тѣмъ, какъ въ нихъ никто не родится, и они дополняются только посредствомъ раскаянія прочихъ частей свѣта! Не только женщинъ, даже животныхъ женскаго пола нѣтъ никакихъ на Аѳонской горѣ. Монахамъ дозволяется держать барановъ, для добыванія шерсти, пѣтуховъ для пищи пріѣзжихъ, котовъ, для истребленія мышей, но ни коровъ, ни овецъ, ни курицъ, ни кошекъ здѣсь не увидите, и монахи должны получать молоко и яицы съ имѣній своихъ на островахъ и въ другихъ мѣстахъ.

Всѣхъ монаховъ, живущихъ на Аѳонской горѣ, не сдѣлано еще исчисленія, но, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, должно быть ихъ болѣе пяти тысячь человѣкъ, слѣдовательно, болѣе нежели сколько находится монашествующихъ во всей Россійской имперіи. Монастырь Лавры былъ учрежденъ Императоромъ Никифоромъ Фокою, и въ немъ живетъ не болѣе ста монаховъ, но подчиненныхъ, или приписныхъ къ нему, около трехъ сотъ, и они живутъ на разныхъ частяхъ горы, въ принадлежащихъ къ монастырю домахъ и хуторахъ. Въ семъ числѣ большую часть составляютъ Греки; Болгаровъ, Молдаванъ и Валаховъ не болѣе тридцати человѣкъ. Разговоръ мой съ монахами прекратился, когда всѣ приготовленія къ нашему ночлегу были кончены, и они пожелали мнѣ доброй ночи, удививъ меня простотою и учтивостью своего обращенія.

Пріятно, особенно при такомъ путешествіи, какое совершаю теперь я, расположиться спать подъ сѣнью монастырскою, не потому только, что мы здѣсь получаемъ покровъ, особенно драгоцѣнный послѣ ночи, проведенной на открытомъ морѣ, но и по самому святому характеру мѣста. Можетъ быть, въ числѣ обитателей его есть и заблуждшіеся люди; можетъ быть, есть и такіе, которые изъ

временныхъ выгодъ пришли въ здѣшнюю обитель, не пожертвовавъ ни чѣмъ свѣту, который они покинули изъ празднолюбія, или стараясь укрыться отъ рукъ правосудія. Но это не измѣняетъ характера обители, которая была сооружена съ намѣреніемъ благочестивымъ и должна исполнять по нынѣ это намѣреніе жизнью большей части ея обитателей. Такое чувство само по себѣ возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ благоговѣніе къ монастырю, но они еще привлекательнѣе по красотѣ мѣстъ, которыя окружаютъ, почти всѣ убѣжища иноковъ. Мнѣ случалось слыхать замѣчаніе, что большая часть столицъ Европейскихъ расположена на самыхъ невыгодныхъ мѣстахъ. Напротивъ того, можно замѣтить, что почти всѣ монастыри находятся на самыхъ прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ, какія только можно выбрать въ каждомъ краѣ. Живописная природа не можетъ занимать людей, которые находятся въ безпрестанномъ сообщеніи другъ съ другомъ и заняты дѣлами, забавами, или заботами; напротивъ того, живописная природа сохраняетъ всѣ права свои надъ человѣкомъ, когда онъ посвящаетъ себя уединенію, или усовершенствованію самого себя.

Среда $^{10}/_{9}$ — Только что встали мы сегодня по утру, какъ старшины монастыря пришли къ намъ съ привѣтствіемъ, и предложили намъ приложиться къ мощамъ, хранящимся въ монастырѣ; я пошелъ съ старшинами въ соборную церковь, и ждалъ противъ царскихъ дверей, пока они раскладывали на длинной скамьѣ драгоцѣнные раки и сосуды, гдѣ хранятся мощи. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: довольно большой кусокъ *Животворящаго Креста*, часть локтя Іоанна Златоуста, часть главы святаго апостола Андрея Первозваннаго и глава святаго Василія Великаго. Потомъ показали мнѣ богатѣйшее Евангеліе на Русскомъ языкѣ, подаренное монастырю Государынею Екатериною II-ю, и Греческое Евангеліе, подаренное Петромъ I-мъ. Осмотрѣвъ рѣдкую и богатѣйшую утварь, которая сама по себѣ заслуживала бы подробное описаніе, я попросилъ монаховъ провести

меня въ ихъ библіотеку, и получивъ отвѣтъ, что у нихъ нѣтъ библіотеки, не переставалъ настаивать на своемъ, потому, что замѣтилъ, сегодня по утру и вчера, что многія разбитыя окна въ кельяхъ задѣланы были пергаментами. «Если у васъ нѣтъ библіотеки,» сказалъ я, «то проводите меня, по крайней мѣрѣ, въ то мѣсто, откуда берете вы пергаментъ, которымъ заклеиваете разбитыя окна.» Невозможно было сдѣлать никакого возраженія на такую скромную просьбу, и монахи провели меня въ комнату, родъ кладовой, гдѣ увидѣлъ я, если не ошибаюсь, болѣе тысячи книгъ, расположенныхъ на полкахъ, но въ весьма плохомъ порядкѣ. Библіотекарь, котораго прочіе называли ενδόξοτατος, т. е. *ученѣйшій, почтеннѣйшій*, показалъ мнѣ рукописный катологъ, но ни онъ, ни я не могли отыскать книгъ по оному, а нѣкоторыя изъ найденныхъ на лицо книгъ въ каталогѣ не находились. Привести книгохранилище въ нѣкоторый порядокъ надобнобъ было немало времени. Пробывъ въ немъ цѣлое утро, пока головная боль не принудила меня бросить безплоднаго труда, я увидѣлъ много печатныхъ классическихъ авторовъ, особенно на Греческомъ языкѣ; въ томъ числѣ: Аристотелевы творенія съ комментаріями схоластиковъ; сочиненія церковныхъ отцовъ и Византій-

скихъ историковъ, въ огромномъ Византійскомъ форматѣ. Мнѣ попадались посреди хаоса рукописныя Евангелія, посланія и дѣянія Апостоловъ, и даже классическіе авторы. Часть книгъ составляютъ рукописи на пергаментѣ и на бумагѣ, но онѣ ужасно попортились отъ червей и сырости. Въ иныхъ по нѣскольку листовъ склеились вмѣстѣ и никакъ нельзя раздѣлить ихъ. Въ разныхъ путешествіяхъ читалъ я, что много рукописей было перевезено съ Святой Горы въ Венецію, Парижъ, Вѣну и другія мѣста, и что цѣлые корабли бывали нагружаемы ими. Состояніе Лаврской библіотеки заставляетъ вѣрить такимъ извѣстіямъ, потому, что она кажется вся составлена изъ остатковъ, но и въ остаткахъ, по моему мнѣнію, должно быть еще много драгоцѣннаго. Открытіе здѣсь рѣдкостей составило бы предметъ, достойный трудолюбія Европейскихъ путешественниковъ. Востокъ, можно сказать, и нынѣ служитъ цѣлью походовъ, въ родѣ крестовыхъ. Жители Запада толпами отправляются сюда, правда, не съ оружіемъ, какъ нѣкогда, а съ твердымъ намѣреніемъ обогащать себя сокровищами, которыя представляетъ Востокъ въ отношеніи торговли и наукъ. Но желательно, чтобы духъ изысканія сдѣлался нѣсколько благороднѣе того, который проникъ въ

предѣлы Святой Горы; я замѣтилъ въ нѣсколькихъ рукописяхъ, что миніатюрныя украшенія выдраны изъ нихъ, вѣроятно, бывшими здѣсь путешественниками. Такой истинно варварскій поступокъ доставляетъ его виновнику вещь, безъ исторической важности, между тѣмъ, какъ прекрасныя рукописи тѣмъ изувѣчиваются. Вышедъ изъ библіотеки, гдѣ монахи не столько помогали мнѣ, сколько мѣшали нестерпимымъ хвастовствомъ о драгоцѣнности богословскихъ сочиненій, которыя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ хотѣли отъ меня скрыть, я пошелъ взглянуть на ихъ трапезу, или мѣсто, гдѣ они собираются обѣдать. Это темная, обширная зала, съ мраморными столами. Монахи садятся за столъ по старшинству; имъ не дозволяется говорить за обѣдомъ, потому что одинъ изъ нихъ читаетъ имъ какую нибудь книгу священнаго писанія.

Четыреугольная башня на концѣ двора имѣетъ гораздо болѣе важности, нежели сколько я полагалъ при первомъ взглядѣ. Посредствомъ наружной лѣстницы взошелъ я въ нее, и увидѣлъ въ ней совершенно темное мѣсто, имѣющее нѣсколько саженъ глубины. Съ ужасомъ узналъ я, что монахи повергаютъ сюда преступниковъ изъ среды себя, и самыхъ закоснѣлыхъ оставляютъ тамъ

дней по десяти, безъ хлѣба и воды, увѣрившись впрочемъ предварительно, что они въ состояніи выдержать столь продолжительный голодъ. Мнѣ сказывали, что еще никогда не случалось вытаскивать оттуда преступника мертвымъ. Его спускаютъ внизъ на веревкѣ, но такъ какъ онъ, по окончаніи наказанія, не имѣетъ болѣе силы прицѣпиться къ ней, когда его хотятъ освободить, то спускается къ нему монахъ съ фонаремъ, привязать его и вытащить на открытый воздухъ.

Другую черту, не менѣе характеризующую здѣшніе обычаи, представляетъ огромное скопище человѣческихъ костей. По смерти монаха, прочіе братія хоронятъ его, но по истеченіи извѣстнаго срока снова вырываютъ истлѣвшіе останки его, и складываютъ кости въ большой подвалъ, который посѣщаютъ время отъ времени, замѣчая, нѣтъ ли въ нѣкоторыхъ изъ костей благоуханія? Это мѣсто, наполненное черепами и костями, служитъ и на другое употребленіе: когда кто либо изъ монаховъ, подозрѣваемый въ какомъ нибудь преступленіи, не сознается въ винѣ своей, его посылаютъ на нѣсколько дней на жительство къ мертвецамъ; часто случается, что не имѣя ничего другаго передъ глазами, кромѣ костей, мрачной картины человѣческаго ничтожества, преступ-

никъ сознается въ истинѣ. Обличеннымъ предписывается, смотря по степени вины, или кланяться извѣстное число разъ костямъ, или, за преступленія болѣе тяжкія, брать ихъ къ себѣ въ келью, для того, чтобы имѣть безпрестанно предъ своими глазами.

Прекрасный день кончилъ я прогулкою къ сосѣднему хутору, принадлежащему одному изъ Лаврскихъ монаховъ; онъ окруженъ масличными и кипарисными деревьями, и весь покрытъ виноградомъ, вѣтви котораго обвились вокругъ дома и перевѣшиваются съ одного дерева на другое.

Пятница, $^{30}/_{11}$ — Всѣ дни рылся я въ библіотекѣ и разговаривалъ съ монахами на счетъ управленія монастырей на Святой Горѣ и въ огромныхъ имѣніяхъ, которыми они до сихъ поръ пользуются. Сколько могу судить по словамъ ихъ, они почти независимы отъ Константинопольскаго Патріарха и имѣютъ родъ союзнаго правленія, которое сосредоточивается въ мѣстечкѣ Кареѣ. Представители каждаго монастыря, которыхъ всѣхъ болѣе двадцати, собираются тамъ, и составляютъ родъ сейма, для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Однакожъ между всѣми монастырями *пять*, и въ томъ числѣ Лавра, имѣютъ старшинство надъ другими, и представителю одного изъ нихъ, по очереди, ввѣряется на годъ главное управленіе дѣлами Святой Горы. Онъ представляетъ ее во всѣхъ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Турками. Лаврскій монахъ занимаетъ теперь это важное и почетное мѣсто. Греческая

революція причинила немалыя потери здѣшнимъ монастырямъ, и особенно Лаврскому; монахи разсказывали мнѣ, что по возшествіи Короля Оттона на престолъ Греческій, разныя имѣнія ихъ въ Мореѣ, Негропонтѣ и другихъ Греческихъ островахъ, стоившія мильоновъ, были отобраны у нихъ. Но въ Турціи имѣнія остались за ними, именно на островѣ Критѣ, гдѣ они имѣютъ одинъ *метохъ,* или хуторъ, въ Адріанополѣ, гдѣ находится, принадлежащая имъ церковь, въ Валахіи и на самой Святой Горѣ, и при томъ они посылаютъ во всѣ стороны, для собиранія милостыни, а потому должно полагать, что они имѣютъ весьма порядочный доходъ, но до какой суммы именно доходъ простирается, я не могъ узнать. Гораздо охотнѣе говорятъ они о своихъ потеряхъ, нежели объ имѣніяхъ, которыми еще владѣютъ.

Изслѣдованія мои въ библіотекѣ, какъ ни были неудовлетворительны, не остались однакожь совершенно тщетны; я нашелъ въ нихъ, между прочимъ, слѣдующія книги, которыхъ не выказываю вовсе самыми важными въ библіотекѣ, но привожу только потому, что онѣ попались мнѣ подъ руку въ числѣ многихъ, которыхъ вовсе не могъ или не успѣлъ я разобрать:

Πρακτικα εβδομης Συνοδου επι της βασιλειας Ειρηνης της ευσεβεστατης νυμφης Κωνσταντινου του κωπρωνίμου επι τῳ Λεοντι τῳ εκ της Χάσερας.

Дѣянія седьмаго собора въ царствованіе благочестивой Императрицы Ирины, невѣсты Константина Копронима (рукопись на бумагѣ).

Των βασιλικων βιβλια ξ. Parisis 1647 7 vol in fol.

Дѣянія Царскія, въ 14-ти книгахъ (напечатанныя въ Парижѣ 1647 года, въ 7-ми частяхъ, въ листъ).

Χρονογραφια απο Τρωαδος μεχρι της αλωσεως Κονσταντινωπολεως.

Лѣтопись отъ Троянской войны до взятія Константинополя (рукопись въ одной части въ 4°).

Εξηγησις των ιερων και θειων κανονων, τωντε αγιων και σεπτων αποστολων, και των ιερων οικουμενικων συνοδων. αλλαμην και των τοπικων και μερικων, και των λοιπων πατερων

Объясненіе священныхъ и божественныхъ каноновъ святыхъ апостоловъ, вселенскихъ соборовъ, мѣстныхъ и частныхъ соборовъ, и святыхъ отцевъ (прекраснѣйшая рукопись, переписанная, въ 1565 году, монахомъ Іоанномъ Малаксо, на полупергаментѣ, одна часть въ листъ).

Хронологическая таблица (въ стихахъ), *написанная Константиномъ изъ Манасы*, (переписанная въ 1737 году, одна часть, въ 4).

Евангеліе и Дѣянія Апостольскія, съ предисловіемъ Мартына Лютера — тексты Греческій, Латинскіе старый и новый, и Нѣмецкій.

Извлеченіе изъ Гомера и Пиндара; послѣднія съ комментаріями Ѳомы Магистра, Махопула и Макутла, тѣ и другіе съ надстрочнымъ объясненіемъ въ прозѣ на Греческомъ языкѣ. Греческаго заглавія я не могъ переписать; рукопись въ малую четверку на бумагѣ.

Евангеліе, на Греческомъ языкѣ; рукопись на пергаментѣ; когда написана не означено, но, судя по почерку въ XI-мъ, или въ XII вѣкѣ).

Евангеліе, на Греческомъ языкѣ, прекрасно переписанное на пергаментѣ, съ живописными изображеніями Евангелистовъ (по почерку можно отнести къ XI-му, или XII-му вѣку).

Дѣянія и посланія Апостоловъ, по Гречески, вполнѣ, въ томъ порядкѣ, какого держится Церковь, съ изображеніемъ Евангелистовъ (на пергаментѣ; по курсивному письму должно полагать, что писана въ XII-мъ столѣтіи; въ переплетѣ, съ изгладившимся Русскимъ письмомъ).

Толкованіе Симплиція на физику Аристотеля по Гречески. (Вмѣсто надписи служатъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ сказано, что Ѳеодора, племянница Императора Михаила VIII отъ 1260 до

1280 переписала собственноручно всю книгу. Она писана курсивомъ, но весьма повреждена отъ червей).

Лѣтопись всемірная преосвященнаго Димитрія, Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, отъ начала міробытія до Рождества Христова сочиненная. (Рукопись Русская, 1758 года, на бумагѣ, въ листъ).

Послѣднія пять книгъ попросилъ я старшинъ монастырскихъ уступить мнѣ. Они отказали сперва на отрѣзъ, но на слѣдующій день пришли въ мое жилище и объявили торжественно, отъ имени всѣхъ братій, что книги уступаются мнѣ, въ память пребыванія моего въ Лаврѣ, и что мнѣ предлагаютъ оставить имъ памятникъ на возобновленіе развалившагося кіоска, пожертвованіемъ суммы. По полученіи потребной суммы, книги были мнѣ выданы.

МОНАСТЫРЬ СВ. ПАВЛА. *Воскресенье*, $^{1}/_{13}$ — Вчерашній день употребилъ я на восхожденіе до самой вершины Аѳонской горы, чтобы такимъ образомъ вдругъ ознакомиться съ мѣстностью, какъ горы, такъ и ея окрестностей. Гг. Ефимовъ и Френъ некончили еще начатыхъ рисунковъ, представляющихъ живописный Лаврскій монастырь, и потому отправился я безъ нихъ, въ сопровожденіи г. Петрашевскаго и двухъ провожатыхъ. Я вооружился компасомъ съ діоптрами; мнѣ хотѣлось составить небольшую ландкарту горы, куда приходитъ столько поклонниковъ изъ Россіи. Мы поѣхали на мулахъ; довольно долго въ виду у насъ съ лѣвой стороны былъ Архипелагъ, или Бѣлое море, какъ его здѣсь называютъ. Бока горы, то выходятъ рѣзко въ море, то образуютъ углубленія, въ которыхъ море составляетъ заливы, и слѣдуя этою извивистою линіею, мы, то углублялись въ долину, гдѣ съ трехъ сторонъ были окру-

жены зеленою горою, а съ четвертой моремъ, то выѣзжали на выступающую горную часть дороги, и такимъ образомъ теряли изъ вида и опять видѣли, разъ пять, или шесть, гостепріимную Лавру, которая представлялась памяти моей, съ ея черными иноками и большими кошками, почти домашнею картиною.

Дорога, гдѣ мы ѣхали, составлена изъ большихъ камней, которые отшельники съ трудомъ переносятъ въ ночное время и сбиваютъ вмѣстѣ. Уже приближаясь къ краю югозападному горы, мы увидѣли вершину Диѳона, второстепенной вѣтви самаго Аѳона, и начали здѣсь подниматься. Съ весьма немногихъ сторонъ видѣнъ самый Аѳонъ, потому, что второстепенныя массы отвсюду окружаютъ его. Дорога наша была осѣнена множествомъ прекраснѣйшихъ деревъ, между коими часто встрѣчаются вѣчно-зеленые лавры и дубы. Наши мулы находили извивавшуюся между ними тропинку, и довезли насъ до часовни Пресвятыя Богородицы, гдѣ зелень прекращается и гора становится камениста и крута, такъ, что здѣсь надобно идти на нее пѣшкомъ. Тутъ прекращаются деревья, и ходя по рубежу горы можно видѣть, съ одной стороны открытое пространство моря, а съ другой опускающіеся постепен-

но зеленые холмы Аѳона. Всходъ по сей послѣдней части горы тяжелъ, но, по моему мнѣнію, этого труда не льзя сравнить съ трудомъ, какой испытываете взлѣзая на вершину Везувія, гдѣ составленная изъ золы почва разсыпается подъ вашими ногами. Не смотря на ясный солнечный день, на вершинѣ было очень холодно, и наши провожатые развели огонь у дверей бѣдной часовни, которая выстроена на этой возвышенной точкѣ и вся покрыта написанными на стѣнахъ именами поклонниковъ.

Видъ, представляющійся отсюда, самый прекрасный, какой только можно себѣ вообразить: описать его нельзя, и даже передать въ краскахъ было бы невозможно, потому, что вся эта панорама оканчивается вдали, а начинается ниже ногъ вашихъ. По нѣкоторымъ существующимъ здѣсь преданіямъ, Сатана взводилъ на эту точку Сына Божія, и отсюда показалъ ему пространство земли на которую обѣщалъ ему обладаніе, еслибы согласился онъ ему поклониться.—Какой бы вѣсъ преданіе само по себѣ ни имѣло, одинъ выборъ этой горы народомъ для такой легенды показываетъ какъ обширенъ и красивъ долженъ быть видъ отсюда. Спереди, т. е. обращаясь лицомъ къ югу, можно видѣть море, усыпанное островами, и рас-

познавать ихъ до самого Негропонта, какъ будто на ландкартѣ; изъ этихъ острововъ, самые отдаленные виднѣются только, какъ точки; на лѣво, т. е. къ востоку, хотя не безъ труда, можно видѣть все пространство до берега Малой Азіи и Дарданельскаго пролива; на право, т. е. къ западу видны Олимпъ, Пиндъ, и другія горы древней Ѳессаліи; наконецъ, съ четвертой, или сѣверной стороны, Аѳонская гора спускается волнами зелени до Македонской равнины, и точки, которыя бѣлѣются въ разныхъ сторонахъ, но особливо близъ моря, показываютъ мѣста монастырей, ничтожныхъ для зрѣнія отсюда, какъ все то, на что глядимъ мы съ высоты. Въ созерцаніи подобнаго вида есть какое-то необъяснимое, *драматическое* наслажденіе, и разные предметы, хотя и неоживленной природы, при взаимныхъ другъ съ другомъ отношеніяхъ становятся въ глазахъ нашихъ почти похожими на человѣческія лица, которыя, дѣйствуя и разговаривая другъ съ другомъ, выказываютъ свой характеръ. Здѣсь, одна гора, возвышаясь на горизонтѣ такъ постепенно, продолговатою наклонностью своею къ своему высшему пункту, представляетъ душу, которая, познавая всю красоту неба и возвышаясь къ небу, все еще содержитъ себѣ много человѣческихъ чувствъ и

любви къ человѣку. Возлѣ нея видна другая гора, которая поднимаясь круто съ равнины, кажется нахмурила брови и грозитъ разрушеніемъ своей громады: не уподобляется ли она духу человѣка, который, чувствуя себя выше другихъ, возлетѣлъ круто и гордо въ верхъ, и на концѣ своего полета, какъ мизантропъ, находитъ собственное свое возвышеніе тягостью? А острова, разсыпанные столь щедрою рукою по солнечнымъ водамъ Архипелага, какъ будто для того сгустились на одномъ пунктѣ, чтобы бесѣдовать о прежнихъ миѳологическихъ радостяхъ Греціи, а въ другомъ направленіи разсыпались, какъ будто для того, чтобы наблюдать Палестину и Египетъ! Всѣ вмѣстѣ, видимые однимъ взглядомъ, съ синими берегами Ѳессаліи, кажется, какъ будто соединились въ удивительной гармоніи для того, чтобы совокупно воспѣть хвалу своему Творцу.

Солнце катилось уже къ западу, и захожденіе его доставило мнѣ случай видѣть странное явленіе: тѣнь, отброшенная горою на море, въ направленіи востока, образовала пирамидальную форму, конецъ которой становился ежеминутно острѣе, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе приближался онъ къ горизонту. Наконецъ, онъ достигъ горизонта, и пирамидѣ должно бы быть пересѣченною въ

его линіи, но вмѣсто того, вдругъ увидѣлъ я острый конецъ подымающимся на небо, какъ будто какая нибудь дерзкая философія, которая, измѣривъ дѣла земныя, вдругъ покушается подвергнуть и небесныя тайны своему слабому сужденію. Всѣ бывшіе со мною на горѣ были свидѣтелями такаго страннаго явленія.*

Когда сошелъ я внизъ къ часовнѣ Богородицы было уже совсѣмъ темно, и мы не могли ѣхать на мулахъ, потому, что не могли разглядывать вѣтвей деревьевъ, между коими ѣхали. Провожатый нашъ привязалъ свѣчку къ древесной вѣтви, и шелъ впереди, а мы пустились за нимъ по камнямъ, и безпрестанно спотыкаясь, окончили наконецъ утомительный путь свой у хижины одного монаха, называемой здѣсь *керассіа*. Нельзя было похвастаться гостепріимствомъ хозяина; мы насилу добились у него входа. Почти принудивъ его отворить намъ дверь, вмѣсто ужина получили мы отъ него только по нѣскольку сухихъ винныхъ ягодъ, и легли спать на полу. Оставивъ нашъ

* Бывши въ Берлинѣ я сообщилъ мое наблюденіе надъ тѣнью Аѳона Гумбольдту, и онъ объяснялъ его дѣйствіямъ миража (mirage), полагая, что тѣнь горы падала на воду и отсвѣчивалась отъ воды на небѣ; но не льзя полагать, что выпуклость земли тому причиною, потому что острый конецъ тѣни долженъ бы совсѣмъ потеряться.

пріютъ, сегодня утромъ, до обѣда, прибыли въ Лавру, и тотчасъ потомъ простились съ нею, провожаемые монахами почти до морскаго берега. Тутъ нашли мы провожатаго, знающаго нѣсколько Русскій языкъ; по приказанію прочихъ братій, онъ долженъ былъ сопровождать насъ по всѣмъ окрестностямъ и указывать намъ всѣ ихъ рѣдкости.

Мы плыли около южнаго берега Аѳонской горы, и обогнули южный мысъ его, называемый мысомъ Святаго Георгія.

Нельзя было безъ живѣйшаго участія смотрѣть на пещеры отшельниковъ, врѣзанныя въ скалы, и, такъ сказать, висящія надъ моремъ. Нашъ чичероне-черноризецъ показалъ намъ, между прочимъ, одну, въ которую монахъ не можетъ иначе попасть, какъ только спускаясь со скалы по веревочной лѣстницѣ. Каково должно быть положеніе этихъ отшельниковъ въ то время, когда наступаетъ старость, лишающая ихъ бодраго движенія членовъ и нерѣдко угрожающая опасностію, даже посреди всѣхъ удобствъ самой спокойной жизни! Случается, что находятъ тѣла ихъ разбитыми на скалахъ, отъ паденія, и намъ показали одно мѣсто, гдѣ какой-то отшельникъ, хотѣвшій поразить копьемъ образъ Сатаны, явившійся передъ его глазами, ударилъ въ пустое мѣсто и свалился въ глу-

бину. Никто не смѣетъ, ни изъ любви, ни по состраданію нарушать уединенія сихъ отшельниковъ, которые, какъ должно полагать, оканчиваютъ иногда сумасшествіемъ свое продолжительное покаяніе. Стараясь пресѣчь возможность всякой встрѣчи съ человѣкомъ, монахи, отказавшіеся отъ свѣта, дѣлаютъ и объявляютъ другимъ обѣтъ: убивать всякаго, кто попадется имъ на встрѣчу; они сказываютъ только притомъ, какое мѣсто выбрали для своего уединенія, и въ какое другое мѣсто просятъ монаховъ носить имъ пищу. По такому назначенію, монахъ знакомый отшельнику приноситъ ему днемъ пищу его, состоящую большею частію изъ хлѣба и бобовъ, и уходитъ, а отшельникъ является ночью и беретъ приготовленные запасы. Если другъ отшельника находитъ, что пища въ какую нибудь изъ ночей осталась неприкосновенною, то полагаетъ, что отшельникъ боленъ, а если нѣсколько дней сряду видитъ ее нетронутою, то удостовѣряется въ его кончинѣ.

Самъ отецъ Василій, провожатый нашъ, показывалъ въ себѣ что-то весьма странное, хотя онъ былъ еще человѣкъ молодой и вовсе не суровый; но смотря на него, я думалъ: не будетъ ли онъ отшельникомъ при концѣ своей жизни. Лежа близь него на кормѣ лодки, слышалъ я слова, которыя,

онъ произносилъ, и обращался къ нему, полагая, что онъ говоритъ мнѣ, но онъ тотчасъ закрывалъ ротъ рукою, или извинялся, что говорилъ только для самого себя. Онъ показывалъ намъ разныя мѣста, гдѣ совершались несчастія, приписанныя злымъ духамъ, начиналъ заклинать ихъ, въ полголоса, про себя, а потомъ также въ полголоса упрекалъ себя за грѣшныя мысли, и за слова, которыя чуть не произнесъ въ слухъ и находитъ грѣшными. Безпокойство и робость замѣтны были во всѣхъ его движеніяхъ. Я видѣлъ въ немъ печальное изображеніе человѣка, единственно занятаго своими грѣхами, и трепещущаго объ участи души своей, не стараясь дѣлами упрочить будущаго ея блаженства.

Обогнувъ крутыя скалы совершенно отнимавшія у насъ видъ на вершину горы и мысъ Святаго Георгія, мы увидѣли передъ собою прелестную картину — множество келлій монашескихъ, разсыпанныхъ на небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Подобное соединеніе келлій называется здѣсь *скитомъ*, а тотъ, который мы сегодня видѣли, именуется *скитомъ Святой Анны*. Онъ расположенъ на крутомъ берегу моря, и разсматриваемый съ низу, представляетъ своими Византійскими куполами на небольшихъ церквахъ и садами карти-

ну очень милую. Мои товарищи непремѣнно хотѣли остановить здѣсь лодку, чтобы срисовать съ моря этотъ живописный скитъ, съ возвышенною надъ нимъ горою, но движеніе волнъ, разбивавшихся о берегъ, и потомъ на насъ возвращающихся, дѣлало рисованье невозможнымъ. Видъ этого скита съ моря долженъ быть одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ, какіе представляетъ Аѳонская гора, и онъ какъ-то приготовляетъ въ сердцѣ плавателя любовь къ жителямъ Святой горы. Монашеская жизнь, такъ часто и такъ несправедливо обращаемая въ посмѣшище, представляетъ характеръ самый высокій, и это всего болѣе доказывается для меня тѣмъ, что юноши, сохранившіе еще оплотъ невинности и чистоты душевной противъ соблазновъ міра, безпрестанно представляютъ себѣ жизнь одинокую, уединенную и созерцательную, какъ самую вожделѣнную цѣль и настоящій идеалъ человѣческаго совершенства. Монахи скита Святой Анны слывутъ весьма добрыми людьми, и мнѣ сказывали, что въ ихъ библіотекахъ находится много рукописей, весьма тщательно сбереженныхъ; такое извѣстіе возбуждаетъ мое любопытство и желаніе побывать у нихъ.*

* Мнѣ не удалось однакожь быть въ этомъ скитѣ, какъ будетъ видно изъ продолженія сихъ записокъ, ибо обозрѣніе разныхъ другихъ монастырей заняло все мое время,

Начиная отъ этого скита много келлій разбросано по западному берегу горы. Еще до заката солнца прибыли мы въ пристань, принадлежащую монастырю святаго Павла, который чрезвычайно живописно, и, можно сказать, угрюмо расположенъ на возвышенности, въ углубленіи оврага, у самой подошвы огромныхъ скалъ. Отъ моря до монастыря будетъ разстоянія около полуторы версты, и дорога идетъ по камнямъ и между кустами. Странная, но величественная архитектура обители соотвѣтствуетъ ея мѣстоположенію. Небольшія окна, съ ставнями, и деревянными балконами и пристройками, видны, точно какъ будто гнѣзда ласточекъ, привитыя къ вершинѣ высокихъ и громадныхъ стѣнъ, которыя, съ частыми ихъ выступами, походятъ на ограду крѣпости. За симъ пестрымъ фасадомъ видна недостроенная еще, зубчатая стѣна и возвышается башня, имѣющая, вѣроятно, то же печальное назначеніе, какъ и Лаврская башня.

Мы были приняты здѣсь не съ такимъ радушіемъ, какъ въ Лаврскомъ монастырѣ, но намъ отвели однакожь хорошую комнату, а потомъ при-

а я не могъ отложить далѣе возврата моего въ Константинополь. Но по всему мнѣ сказанному, полагаю, что другіе путешественники найдутъ многое, чѣмъ можно занять свое любопытство, не только въ отношеніи могущихъ быть тамъ рукописей, но и для того, чтобы познакомиться съ образомъ жизни тамошнихъ монаховъ.

гласили насъ на чай къ намѣстнику. По всему видѣнному мною, въ обители долженъ быть большой порядокъ. Монастырь здѣшній отчасти сгорѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому, и теперь отстраивается. Изъ разговора за чаемъ я узналъ, что здѣсь прежде жили Болгарскіе монахи, но теперь живутъ Греки; что обитель Св. Павла несравненно бѣднѣе Лаврскаго монастыря, но что ей принадлежитъ между прочимъ имѣніе въ Бессарабіи. Большая часть доходовъ обители употребляется на расходы по тяжебнымъ дѣламъ. Монахо́въ числится здѣсь по записи только 25-ть, но живетъ въ монастырѣ до 40 человѣкъ. Въ числѣ мощей, иноки хранятъ частицу Животворящаго Креста, и крестъ, дѣланный Императоромъ Константиномъ Великимъ по образцу видѣннаго имъ на небѣ. Въ ризницѣ находятся дары разныхъ Царей и нѣсколько Рускихъ граматъ, которыхъ мнѣ однакожь не показали; древностей особенныхъ и рукописей нѣтъ, а потому рѣшаюсь я завтрашній день, не останавливаясь долѣе здѣсь, продолжать путь мой къ сосѣднимъ монастырямъ.

Понедѣльникъ. — Простясь съ монахами обители Св. Павла отправился я изъ монастыря по утру, съ г. Петрашевскимъ, а гг. Ефимовъ и Френъ остались для окончанія внутренняго и наружнаго ея видовъ. Послѣ двухъ-часоваго шествія по крутому берегу, между кустами и каменьями, мы достигли монастыря святаго Діонисія, выстроеннаго на скалѣ, надъ самымъ моремъ. Его высокія стѣны, навислыя деревянныя пристройки и терраса весьма красивы. Непремѣнно надобно бъ было снять видъ этого монастыря, но мы не успѣемъ сего сдѣлать. Съ одной стороны крутой берегъ, съ другой спокойное море, съ видомъ противоположнаго полуострова Кассандра, окружаютъ монастырь, разноцвѣтныя части котораго связаны между собою роскошною зеленью винограда. Только на нѣсколько часовъ остановился я здѣсь, чтобы осмотрѣть монастырь и отдохнуть отъ утомитель-

наго пути, имѣя еще въ виду идти до Григоріата, или монастыря святаго Григорія.

Обитель Св. Діонисія учреждена Алексѣемъ Комниномъ, но не всѣ ея части были выстроены въ одно время. Церковь — самая древняя часть изъ всѣхъ зданій. Длинныя сѣни ея расписаны въ самомъ любопытномъ и странномъ вкусѣ. Предметы, взятые большею частію изъ откровеній Апокалипсиса, изображены со всѣмъ добродушіемъ художниковъ среднихъ вѣковъ. Особенно замѣтилъ я расписанныхъ Ангеловъ, гонящихъ Смерть, которая мчится верхомъ въ Адъ.

Въ числѣ мощей сохраняютъ здѣсь съ особеннымъ благоговѣніемъ руки до локтей Св. Іоанна Предтечи и Евангелиста Луки, черепъ Григорія Агригентскаго, челюсть Св. Первомученика Стефана, и зубъ, въ вершокъ длиною, святаго Христофора Кинокефала.

Здѣшніе монахи славятся на Аѳонской горѣ святостію своей жизни. Весь монастырь устроенъ на общежительномъ уставѣ, т. е. имѣніе монаховъ общее, какъ равно и трапеза ихъ, а кельи всѣхъ монаховъ построены на одинъ общій образецъ. Увѣдомляя меня о семъ обстоятельствѣ, мнѣ въ то же время сказали, что Лавра, напротивъ того, не есть общежительный монастырь, и что нѣко-

торые изъ ея монаховъ очень богаты, и позволяютъ себѣ роскошь, которая запрещена въ Діонисіатѣ, какъ весьма предосудительная. Монастырь не богатъ, но имѣетъ хуторы въ Валлахіи, близъ Адріанополя, и въ разныхъ сторонахъ Архипелага, собирая свои доходы не столько деньгами, сколько мѣшками хлѣба и ведрами вина; послѣднее должно быть очень хорошо, если судить по обращику, которымъ меня угощали. Библіотека не такъ велика, какъ Лаврская, но содержитъ много рукописей Священнаго Писанія, украшенныхъ миніаторною живописью. Въ числѣ печатныхъ книгъ, Пиндаръ (Франкфуртское изданіе XVI-го столѣтія), бросился мнѣ въ глаза, по странности его переплета, на которомъ изображены Спаситель, Царь Давыдъ, Аполлонъ, Музы и Мартинъ Лютеръ. — Мнѣ не удалось купить этой книги, по причинѣ отсутствія старшинъ, безъ разрѣшенія которыхъ прочіе иноки не согласились на продажу.

Монаховъ по описи числится здѣсь 35, но въ наличности находится около 80.

Не смотря на увѣщанія монаховъ, просившихъ насъ провести у нихъ нѣсколько дней, я рѣшился продолжать путь свой до ближняго монастыря, потому, что не находилъ здѣсь ничего особенно требующаго изслѣдованія. Тоже самое могу сказать

касательно обители святаго Григорія, въ которую прибыли мы сегодня вечеромъ. Мѣстоположеніе также прелестно, и монастырь, подобно Діонисіеву, выстроенъ на скалѣ, такъ, что волны морскія омываютъ самое основаніе стѣнъ. Но внутренность представляетъ менѣе характерическихъ чертъ, нежели три монастыря, уже посѣщенные мною. Церковь незначительна, и если какія древности и находились здѣсь прежде, онѣ погибли въ пожарѣ, бывшемъ нѣсколько лѣтъ тому. Вообще нашелъ я монаховъ здѣшнихъ гораздо менѣе привѣтливыми, и потому не могъ собрать никакихъ свѣденій объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, а узналъ только, что заведеніе у нихъ не общежительное, а число монаховъ по описи 22, но говорятъ, что и того нѣтъ на лицо. Весь вечеръ занимались они приготовленіями къ рыбной ловлѣ, и церковная служба отвлекала ихъ, по видимому, очень мало.

Вторникъ, 3-го. — Дождавшись нашихъ товарищей, прибывшихъ на лодкѣ изъ обители святаго Павла, мы присоединились къ нимъ, и поплыли до ближняго монастыря Симопетра, который выстроенъ на высокой, крутой горѣ, и видѣнъ весьма издалека.

Посреди залива, образующаго родъ порта, и принадлежащаго монастырю, вышли мы на берегъ. Каждая изъ здѣшнихъ обителей, сколько могъ я до сихъ поръ замѣтить, имѣетъ свою собственную пристань, и если она укрѣплена хотя небольшою башнею, то ее называютъ арсеналомъ. Приближаясь, по крутой, каменистой дорогѣ, къ высокой оградѣ монастыря, расположеннаго уединеннѣе всѣхъ прочихъ, на вершинѣ скалы, мы были привѣтствованы двумя, или тремя ударами въ колоколъ, и встрѣчены пятью, или шестью монахами изъ старшихъ въ монастырѣ. Меня провели въ гостиную,

а оттуда въ церковь, приложиться къ мощамъ. Хотя она не уступаетъ красотою другимъ, видѣннымъ мною на Аѳонской горѣ, я замѣчу только, что характеръ ея тотъ же, Византійской архитектуры, какъ и у другихъ, а подробностей я не стану описывать, потому, что онѣ въ томъ же вкусѣ. Библіотеки здѣсь нѣтъ; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ было сказано, и церковная-ризница, кажется, также не должна быть богата историческими памятниками. Общежитіе заведено здѣсь монахами, коихъ числится до 40 человѣкъ; имѣніе ихъ находится отчасти въ Бухарестѣ, и они извлекаютъ изъ него до 20 тысячь піастровъ (около пяти тысячь рублей) годоваго дохода. Пока собиралъ я эти скудныя свѣдѣнія отъ молчаливыхъ монаховъ, архимандритъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и высокаго роста, отличавшійся въ числѣ другихъ чрезвычайно выразительною физіогноміею, приближился ко мнѣ, и, къ удивленію моему, сказалъ мнѣ на ухо, по Славянски, чтобы я пошелъ за нимъ, ибо онъ имѣетъ сообщить мнѣ важную тайну. Скоро потомъ сказалъ онъ прочимъ братіямъ, которые всѣ оказывали должное почтеніе сану его, что я желаю посѣтить его келью, и сдѣлавъ мнѣ знакъ, повелъ меня по множеству узкихъ корридоровъ и лѣстницъ до

своей кельи, гдѣ не было никакой мебели, кромѣ сундука и одного стула. Усѣвшись и указавъ мнѣ мѣсто, на которомъ долженъ былъ я садиться, архимандритъ объявилъ мнѣ, что онъ родомъ Сербъ, посвященъ въ архимандриты, и имя его въ монашествѣ Онуфрій. «Знаю,» продолжалъ онъ, «дѣло, которое привело васъ сюда, и знаю, «какъ мало вы въ состояніи его исполнить, если «будете продолжать такъ, какъ начали ваше пу«тешествіе по Аѳонской горѣ. Во всѣхъ здѣшнихъ «монастыряхъ хранятся хрисовулы, или граматы, «жалованныя Греческими и вашими Царями, но «нигдѣ вамъ ихъ не покажутъ, хотя это всего лю«бопытнѣе; да, нигдѣ не покажутъ вамъ и самыхъ «драгоцѣнныхъ книгъ своихъ. Здѣсь я могу быть «вамъ полезенъ, и не только указать вамъ на ве«щи, но объяснить и самый образъ жизни мона«ховъ, который иначе совершенно ускользнетъ отъ «вашихъ глазъ. Аѳонская гора покрыта цѣлою «сѣтью многосложныхъ скошеній и сплетней, и «ихъ, даже и при моихъ объясненіяхъ, вы едвали «постигнете; но, по крайней мѣрѣ, я дамъ вамъ «средство вникнуть въ нихъ. Въ замѣнъ же того «попрошу я васъ, чтобы вы свезли меня съ со«бою въ Іерусалимъ. Жизнь на Аѳонской горѣ «неудовлетворяетъ душѣ моей, и хотя меня при-

«нимаютъ гостепріимно въ нѣкоторыхъ общежи-«тельныхъ обителяхъ, которыя нѣсколько сбли-«жаются съ настоящею цѣлью монашеской жизни, «но я однакожь тѣмъ не довольствуюсь, и чув-«ствую потребность поклониться Гробу Господню». На отвѣтъ мой отцу Онуфрію, что я сомнѣваюсь: удасться ли мнѣ ѣхать въ Іерусалимъ, онъ просилъ меня взять его съ собою до Константинополя, или, по крайней мѣрѣ, до Дарданеллъ. Я не могъ дать архимандриту слова, что исполню его желаніе, но обѣщался ему подумать, а между тѣмъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе его быть моимъ путеводителемъ по монастырямъ Аѳонской горы. Онъ провелъ меня потомъ обратно въ то мѣсто, гдѣ мы оставили всѣхъ собранныхъ монаховъ, объявилъ имъ, что сопровождаетъ меня, и ушелъ обратно въ келью, приготовить себя въ путь. Между тѣмъ, мы вышли изъ монастыря, видѣли изсѣченную въ камнѣ келью святаго Симона, перваго основателя здѣшняго монастыря, и продолжали путь свой по указанной намъ стези. Молодой отецъ Василій, о которомъ я уже говорилъ, сопровождавшій насъ отъ самой Лавры до сихъ мѣстъ, оставилъ насъ въ разстояніи полуверсты отъ монастыря, и объявилъ намъ причиною того повелѣніе отца Онуфрія: указать намъ

болѣе спокойный путь, между тѣмъ какъ самъ онъ долженъ кратчайшею дорогою догнать нашу лодку, и сказать матрозамъ, чтобы дождались поклажи Архимандрита; въ то же время сказалъ онъ намъ, что находится въ услуженіи у отца Онуфрія, и по его повелѣнію сопровождалъ насъ моремъ и сухимъ путемъ отъ Лавры до Симопетра. Только что оставилъ онъ насъ, какъ мы увидѣли самаго отца Онуфрія сложившаго съ себя свою Архимандритскую рясу, и бѣгущаго за нами въ небольшой синей епанчѣ. Во все время нашего хожденія къ сосѣднему монастырю Ксиропотаму, разговоръ не останавливался ни на минуту, Архимандритъ сообщалъ мнѣ свои планы о нашемъ путешествіи и отъѣздѣ изъ Аѳонской горы, распоряжаясь ѣхать со мною. Однакожь я замѣтилъ, что цѣль его совершенно перемѣнилась, и что онъ, не говоря уже болѣе объ Іерусалимѣ, повторяетъ безпрестанно о желаніи своемъ видѣть Россію, увѣряя, что соорудитъ тамъ самый удивительный въ мірѣ монастырь, если только ему дадутъ въ распоряженіе на нѣсколько лѣтъ какое нибудь пустынное мѣсто, даже безъ всякихъ денежныхъ пособій.

Изнуренные безпрестаннымъ хожденіемъ вверхъ и внизъ по гористой дорогѣ, мы дошли наконецъ до Ксиропотама, но увидѣли тамъ монаховъ не въ

обыкновенномъ спокойствіи и благочиніи ихъ: они были встревожены пожаромъ загорѣвшаго ихъ хутора подлѣ самыхъ воротъ монастыря расположеннаго. Огонь уже почти погасили во время нашего прибытія, и кромѣ нѣсколько сгорѣвшихъ масличныхъ деревьевъ, большой утраты не было. За нѣсколько шаговъ до мѣста, гдѣ былъ пожаръ, Архимандритъ надѣлъ свою рясу, и сказалъ намъ, что мы не должны слѣдовать за нимъ, но ожидать его рѣшенія. Самъ онъ пошелъ впередъ, и съ важностію, со всѣмъ противоположною веселому и развязному обхожденію его со мною, благословлялъ приступавшихъ къ нему братій, и взаимно просилъ ихъ благословенія; наконецъ сѣлъ онъ преспокойно на лавкѣ съ ними, и такъ мало заботился обо мнѣ, что наконецъ я рѣшился самъ представиться съ моимъ товарищемъ г. Петрашевскимъ. Всѣ монахи встали и приняли насъ съ обычайнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ, а отецъ Онуфрій, воспользовавшись благопріятной минутой, когда всѣ мы входили въ монастырь, сказалъ мнѣ по Русски въ полголоса: «я сказалъ имъ, что вы «имѣете начальство надъ всею внѣшнею торговлею «и надъ всѣми портами Россіи; если васъ о чемъ ни«будь будутъ просить, обѣщайте ваше ходатайство «а они покажутъ вамъ всѣ свои хрисовулы и акты.

Мы однакожь начали по порядку церковью, которая очень богата, обширна и украшена мраморными колоннами и прекраснымъ мраморнымъ поломъ. Изъ всѣхъ церквей, видѣнныхъ мною до сихъ поръ на Аѳонской горѣ, мнѣ кажется это самая красивая и большая, но дворъ монастырскій уступаетъ, какъ и всѣ другіе, красотою своею Лаврскому.

Мощи были, по здѣшнему обыкновенію, разложены на длинномъ столѣ передъ царскими дверями, для того, чтобы могли мы свободно къ нимъ прикладываться. Между ними особенно замѣчателенъ большой кусокъ Животворящаго Креста, съ скважиною, въ которую былъ вколоченъ одинъ изъ гвоздей. Царская грамата Императора Романа подтверждаетъ исторію сего драгоцѣннаго остатка, дарованнаго имъ монастырю Ксиропотаму.

Кромѣ главной соборной церкви, отличной по легкости зодчества и богатству матеріяловъ, находится въ семъ монастырѣ много меньшихъ церквей, расположенныхъ въ разныхъ этажахъ и углахъ обители, но я уволилъ себя отъ труда всѣ ихъ осматривать, и слѣдуя совѣту, данному мнѣ во время нашей прогулки съ отцомъ Онуфріемъ, попросилъ гостепріимныхъ монаховъ позволить мнѣ взглянуть на ихъ дипломы и хри-

совулы. Отецъ Онуфрій подхватилъ по Гречески, сколько я могъ понять, что монахамъ будетъ весьма полезно, показать всѣ свои акты, ибо я посланъ сюда для того, чтобы учинить расправу и возстановить права обиженныхъ. Мнѣ показалось, что такая рекомендація не много подѣйствовала на монаховъ; безъ всякаго понужденія показали они дипломы, древніе, но не имѣющіе никакой другой важности, кромѣ историческаго отношенія; а касательно помѣстьевъ своихъ сказали только, что они владѣютъ землею въ Валахіи, отъ которой получаютъ 20,000 піастровъ въ годъ. Дипломы, просмотрѣнные мною, были:

1-й, тотъ, о которомъ я упомянулъ выше, писанный Императоромъ Романомъ, года 6432, при пожертвованіи Царемъ монастырю части Животворящаго Креста.

2-й, дипломъ того же государя, свидѣтельствующій о мощахъ Сорока Мучениковъ, въ честь имени коихъ посвященъ храмъ Ксиропотамскій.

3-й, дипломъ Іоанна Скарлата, Григорія Гики воеводы, съ приказаніемъ, даннымъ Бухарестской Митрополіи, о платѣ въ монастырь ежегодно 500 піастровъ.

4-й, дипломъ Андроника Палеолога, года 6807, на владѣніе разными мѣстами на Святой Горѣ.

5-й, дипломъ (въ спискѣ) Ѳеодосія Малаго, года 6335, на учрежденіе монастыря во имя Сорока Мучениковъ, явившихся во снѣ сестрѣ Царской Пульхеріи и повелѣвшихъ ей соорудить монастырь. Сей монастырь предписывается въ дипломѣ окружить крѣпостьми для защиты противъ язычниковъ.

Списавъ наскоро заглавія любопытныхъ хрисовулъ Греческихъ Царей, я обратился къ монахамъ съ просьбою, несравненно для меня важнѣйшею и состоявшею въ томъ, чтобы они открыли мнѣ свою библіотеку. Но, къ удивленію моему, отецъ Онуфрій, весьма слабо помогавшій мнѣ до сихъ поръ, совершенно оставилъ все ходатайство по моей просьбѣ, и напротивъ, перешелъ въ сторону монаховъ, когда они стали отговариваться отъ показанія мнѣ книгъ своихъ. Послѣ обыкновеннаго угощенія вареньемъ и холодною водою, я вышелъ изъ монастыря, вовсе не сдѣлавъ тѣхъ блистательныхъ открытій, которыя обѣщалъ себѣ отъ пособія отца Онуфрія. Пока Ксиропотамскіе братія провожали меня до внѣшней ограды своей обители, я не могъ не изъявить ему неудовольствія, которое возбудило во мнѣ странное поведеніе его, совершенно противоположное съ его обѣщаніемъ, и лишь только мы остались съ нимъ одни, безъ обиняковъ открылъ я ему мое удивле-

ніе и все мое неудовольствіе. Архимандритъ сперва извинялся тѣмъ, что онъ взялъ сторону монаховъ потому, что ему ближе къ сердцу сохранить святость всего монастырскаго, но когда я сталъ сближать его слова съ тѣмъ, что говорено поутру, то онъ прекратилъ разговоръ громкимъ смѣхомъ, и взявъ меня подъ руку, стремглавъ побѣжалъ со мною по крутой дорогѣ къ морскому берегу. Чрезвычайно радъ я былъ, когда мы благополучно дошли до берега, ибо, при всей помощи сильнаго архимандрита, я долженъ былъ употреблять всѣ средства, чтобы не поскользнуться между каменьями. Мы отправились къ Русскому монастырю, и почтенный отецъ Онуфрій, не возобновляя разговора о спорѣ съ монахами, ограничивался увѣреніями, что если я возьму его съ собою въ Россію, то не буду даже имѣть надобности въ служителѣ, и онъ самъ будетъ чистить мои сапоги.

Солнце начинало склоняться къ берегамъ западнаго полуострова Кассандры, когда мы приближились къ Русскому монастырю. Мѣстоположеніе его пріятно, но далеко уступаетъ живописностью другимъ обителямъ. Онъ расположенъ не на столь высокой скалѣ, какъ другіе, нами видѣнные, и при томъ, онъ былъ возобновленъ въ 1812-мъ году. Ограда, окружающая его , не за-

мѣтна ни странными пристройками, ни почтеннымъ зелено-сѣрымъ цвѣтомъ, налагаемымъ столѣтіями. Характеръ новизны отличаетъ одинъ только Русскій монастырь на Аѳонской горѣ, какъ будто именно потому, что христіанство осѣнило Россію гораздо позже, нежели Грецію, и въ слѣдствіе того монастырь, какъ будто дипломъ, недавно написанный, не носитъ еще на себѣ ни пыли, ни пятенъ древности. Таково въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе, производимое на путешественника, но простой случай, а ничто иное было причиною нынѣшняго вида монастыря. Русскій монастырь считалъ уже нѣсколько столѣтій отъ своего учрежденія, когда пожаръ опустошилъ его, и потому-то былъ онъ перестроенъ, уже въ 1812-мъ году, иждивеніемъ Молдавскаго Воеводы Каллимахи.

Гг. Ефимовъ и Френъ, прибывшіе прежде насъ, въ лодкѣ, возвѣстили монахамъ, что мы скоро въ слѣдъ за ними явимся, и мы были привѣтствованы на Русскомъ языкѣ Русскими братіями, составляющими только малую часть жителей монастыря.

Усталость отъ продолжительной ходьбы по каменьямъ заставила насъ отложить до другаго дня, разсмотрѣніе здѣшняго храма, со всѣми его принадлежностями. Но между тѣмъ, пока братія готовили для насъ вечернюю трапезу и ночлегъ, я

ходилъ по берегу, любуясь прекрасною картиною Восточнаго вечера, и съ тѣмъ вмѣстѣ увлекаясь мыслями о будущей судьбѣ Русскаго монастыря. Поставленный на священномъ полуостровѣ, далеко врѣзавшемся въ свѣтлыя воды Архипелага, не кажется ли онъ предназначеннымъ излить на Грецію лучи просвѣщенія и истинной религіи? Къ несчастію, святость здѣшнихъ странъ годъ отъ года упадаетъ, и знаніемъ и нравами; ихъ-то надобно будетъ Россіи преобразовать и сдѣлать достойными ихъ высокаго назначенія. Сколь благодатно можетъ быть вліяніе просвѣщенія, и неуступитъ ли оно вліянію оружія! Сѣмя, брошенное за нѣсколько столѣтій прежде въ здѣшнюю плодородную почву прозорливостью и благочестіемъ одного изъ рода Долгорукихъ, принесетъ, быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ благодатные плоды свои.

Передъ ужиномъ, отецъ Прокофій, молодой Русскій монахъ, благородной наружности, при скромности, странно противоположной надмѣнной походкѣ отца Онуфрія, прочелъ молитву надъ кушаньемъ, и мы усѣлись вокругъ столика на низкихъ подушкахъ. Отецъ Онуфрій, хотя монахъ, но сѣлъ съ нами, пользуясь правами путешественника, и смѣшилъ все общество оригинальными своими

разсказами и метафорами, которые, послѣ втораго и третьяго стакана вина, начали сыпаться у него въ удивительномъ изобиліи.

Между тѣмъ, какъ кругъ нашъ ежеминутно болѣе оживлялся, отецъ Прокофій нечаянно напомнилъ мнѣ цѣль моего путешествія, показавъ подробныя описанія на Русскомъ языкѣ Аѳонской горы и всѣхъ монастырей ея. Съ большимъ любопытствомъ сталъ я перечитывать «Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго-Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, предпринятое имъ въ 1723-мъ году и оконченное въ 1747-мъ году.» Удивляюсь, какъ до сихъ поръ не доходила до моихъ рукъ эта книга, ни даже молва о семъ добродушномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма любопытномъ сочиненіи. Описаніе монастырей Аѳонскихъ, уже видѣнныхъ мною, нашелъ я весьма точнымъ и вѣрнымъ, но книга сія еще драгоцѣннѣе по ея *наивному* образу описанія, нежели по самымъ описаннымъ въ ней предметамъ. Всѣ мѣстныя преданія переданы точно, и видно, что самъ авторъ участвовалъ искренно во всѣхъ чувствахъ и вѣрованіяхъ жителей. Иногда, какъ человѣкъ пекущійся болѣе всего о спасеніи своей души, онъ исповѣдуется передъ чи-

тателемъ въ нечистыхъ мысляхъ, вдругъ возраждавшихся въ душѣ его, и потомъ выписываетъ цѣлую молитву, посредствомъ которой успѣлъ онъ удалить свои суетныя помышленія. Я замѣтилъ, что въ книгѣ Барскаго описана большая часть хрисовулъ, или дипломовъ, которые архимандритъ Онуфрій представлялъ мнѣ въ видѣ неоткрытаго дотолѣ клада.

Примѣчаніе. Выписываю здѣсь отрывокъ изъ путешествія Барскаго, относящійся къ видѣнному мною сегодня монастырю Ксиропотаму.

«Первѣе убо его созда Пулхерія Царица, въ честь святыхъ Четыредесяти Мученикъ, въ Севастійскомъ езерѣ пострадавшихъ, отъ нихъ же всѣхъ и частицы мощей ему дарова, съ инными многими, драгоцѣнными вещьми, но непостоянныхъ ради временъ и варварскихъ нападеній опустѣ и раззорися; потомъ вторицею на томъ же мѣстѣ еще большій создася и краснѣйшій отъ перваго: Царь Греческій Романъ Старый, и самъ тамо со святѣйшимъ Патріархомъ Константинопольскимъ пріиде, и церковь новосозданную освяти въ честь Четыредесяти Мученикъ; въ освященіи же храма, егда Святѣйшій Патріархъ возгласи имена Святыхъ Четыредесяти Мученикъ, о чудесе! въ алтарѣ низу отъ помоста святыя трапезы, си есть изъ подъ престола, про-

зябе грибъ великій, съ четыредесятьми кореньями и съ четыредесятьми главами, и вознесшися горѣ, оплетеся окрестъ престола, иже бысть въ славу и честь святыхъ Четыредесяти Мученикъ, яко всѣмъ удивлятися зримому и прославляти величіе Божіе; и неточію же тогда, но и на всякій годъ въ праздникъ ихъ обновляшеся и новый возрасташа, отъ него же съ вѣрою во освященіе пріемлющіе различнымъ недугамъ цѣльбы получаху; сіе же не точію отъ преданія отъ всѣхъ Святогорцевъ слышахъ, но и описанное Гречески же и Болгарски обрѣтохъ. Благополученъ и славенъ монастырь сей бысть отъ времени ктитора сего даже до года 6753 (1545); въ лѣто же царствованія *Мануила Палеолога* и патріаршества *Іоанна Векки*, иже насилуемы отъ Болгаровъ, отъидоша въ *Италію*, просящи помощи; óни же увѣщаша ихъ о соединеніи вѣры, иже послушавши ихъ совѣта, и соединившися приняша отъ ихъ помощь многую, и повращающимся въ Константинополь, Италіанцы пріидоша во Святую Гору, и принуждающе монастыри къ соединенію, инные отъ страха многаго воинскаго соизволиша, не соизволящихъ же различно мучиша и монастыри ограбиша, инныхъ убо въ плѣнъ взяша, инныхъ же въ море утопиша и инныхъ вервами удавиша, инныхъ же мечемъ посѣкоша, инныхъ же огнемъ сожгоша добрые *Римляне*, о чесомъ и широкая есть повѣсть Болгарски и Гречески, о ней же послѣди; прочіихъ же не сподобишася ниже ко-

спутися, ради сицевой, на нихъ сбывшейся казни: егда бо пріидоша къ монастырю сему, иноцы въ немъ тогда малодушны сущи, а наипаче слышавше пострадавшихъ лютое мученіе, устрашишася, и устрѣтоша ихъ со свѣщами и кадильницами и всякою честію, и принявшіе ихъ въ церковь, сослужиша съ ними; Богъ же, нетерпя ихъ беззаконнаго соединенія, потрясе землю, и паде церковь, и покры ихъ, и разрушишася всѣ келліи и всѣ стѣны монастырскія; Царь же съ патріархомъ, Божіимъ смотрѣніемъ сущи внѣ монастыря, зряще собывшееся устрашишася, и отплыша абіе кораблями въ Царьградъ, со всѣмъ воинствомъ, и сице прочіе монастыри отъ бѣдъ спасошася; часть же великая отъ паденія оныхъ древнихъ стѣнъ и доселѣ предъ угломъ восточнымъ, внѣ монастыря лежитъ, на вѣчное обличеніе Панежцовъ; сіе же бысть года 6753 (1545), мѣсяца Октоврія. Сказуютъ же мнози ученіи и разумнѣйшіи, яко ни Царь, ни Патріархъ до Святыя Горы не пріиде, но сами безчинствующе Латины: аще бо бы сіе было, *Кедринъ* историкъ, и прочіи знаменитыи неумолчаша бы сицевой вещи. Мимошедшу же многу времени, всѣ монастыри помощію и иждивеніемъ Царей паки обновишася; Ксиропотамская же обитель обновися отъ основанія третицею, отъ благочестиваго *Андроника* самодержца Греческаго, но уже къ тому болѣе грибъ не возрасташе предписанный, понеже дадоша святая псомъ, точію дыра остася праздно, подъ святою трапезою, на

знаменіе исправленія послѣднихъ; таже паки, по многихъ лѣтехъ, Божіимъ попущеніемъ, отъ великаго пожара весь сгорѣ, и явившися Четыредесять Мучениковъ во снѣ Султану Турецкому *Селиму*, и его начальнѣйшимъ, повелѣша отъ основаній обновити его; тогда повелѣніемъ его и коштомъ четверицею создася обитель сія съ многими его дарованіи и привилегіями, якоже въ грамотѣ своей Турецкой, именуемой *Хадишерифъ*, тамо дарованной, и донынѣ хранимой, свидѣтельствуетъ самъ; послѣди же нашествіемъ пиратовъ, си есть разбойниковъ морскихъ, паки разрушися и опустѣ; тогда уже благочестивые Господари Волосскіе Петръ и Александръ обновиша церковь и иконописаніе; такожде и весь монастырь обновиша, съ многимъ истощаніемъ, якоже обрѣтеся и во время моего тамо обхожденія, си есть года 1744-го, но и тогда руки великой и помощи требоваше къ обновленію, понеже церковь на многихъ мѣстѣхъ разсѣдеся бяше къ паденію, такожде и двѣ части монастыря обетшало: Отсюду можетъ всякъ уразумѣти: каковыхъ различныхъ и великоименитыхъ ктиторовъ имѣяше святая сія обитель и коль великое промышленіе о ней Всемогущій творя Богъ, яко въ толикихъ непостоянныхъ временахъ, и по толикихъ варварскихъ гоненіяхъ и запустѣніяхъ и различныхъ случаяхъ обновляше ю аки орлю юность, и сохрани, ими же вѣсть судьбами, честное Своего Креста Древо, и прочая духовная сокровища.«

Среда, 4-го.— Хотя вчера вечеромъ рано расположились мы спать, но очень поздно заснули, потому, что Архимандритъ, предпочитая наше общество монашескому, разлегся на одномъ изъ дивановъ, и веселыми своими разсказами, пересыпанными кое-гдѣ злыми намѣками, заставлялъ насъ хохотать до глубокой ночи. Возымѣвъ послѣ такого разговора нѣкоторое сомнѣніе касательно нравственности моего весельчака-путеводителя, я воспользовался пребываніемъ между соотечественниками, и рѣшился спросить ихъ втайнѣ: какою славою Онуфрій пользуется на Аѳонской Горѣ? Они единогласно отвѣчали, что пронырливый и безпокойный характеръ его не дозволяетъ ему уживаться ни въ одномъ монастырѣ, и что онъ безпрестанно переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, заводя сплетни. Такія свѣдѣнія, къ чему я былъ уже приготовленъ, рѣшили меня отказать отцу

Онуфрію въ дальнѣйшемъ сопутствованіи. Не безъ сожалѣнія сказалъ я ему, что мы должны здѣсь разстаться, и спросилъ: не приметъ ли онъ чего нибудь отъ меня, въ возмездіе за труды сопровожденія меня до сихъ мѣстъ, или, по крайней мѣрѣ, для раздачи бѣднымъ? Явное огорченіе изобразилось на лицѣ его, и долго старался онъ поколебать мою рѣшимость, прибавляя, что путешествіе въ Россію составляетъ главное желаніе въ его жизни. Видя наконецъ, что труды его были тщетны, онъ простился со мною, не принявъ отъ меня денегъ, и мы вышли съ нимъ изъ кельи, гдѣ безъ свидѣтелей происходилъ разговоръ нашъ.

Возвратясь къ братіи, Онуфрій поклонился всѣмъ очень низко и умильно, и потомъ, выпрямившись и показавъ сердитымъ взглядомъ дорогу своему боязливому послушнику Василію, онъ рѣшительнымъ шагомъ выступилъ изъ монастыря. Мнѣ грустно было думать: сколько прекрасныхъ дарованій помрачено въ этомъ человѣкѣ ложнымъ честолюбіемъ!

Гг. Ефимовъ и Френъ употребили утро на рисованіе видовъ монастыря, особенно зданія, выстроеннаго для братьевъ, и кельи отца Григорія, украшенной съ одной стороны небольшою пальмою, а съ другой моремъ. Между тѣмъ, я осматри-

валъ церковь, посвященную Св. Пантелеймону, и принадлежности монастыря, еще не совсѣмъ отстроеннаго. Въ сравненіи съ другими монастырями, строеніе не такъ любопытно, именно потому, что гораздо новѣе, и мѣстоположеніе, само собою красивое и весьма выгодное для жительства, не имѣетъ столь отличительныхъ и рѣзкихъ чертъ, какъ другія обители. Я осмотрѣлъ библіотеку, но не нашелъ въ ней древнихъ рукописей. Между хрисовулами замѣтилъ я слѣдующія:

1. Грамату Русскаго Царя Ѳеодора Іоанновича года 7100, Сентября 5, утверждающую постройку монастыря, которая уже разрѣшена была предшествовавшею граматою Царя Іоанна Васильевича.

2. Грамату Царя Михаила Ѳеодоровича и Патріарха Іова, о свободномъ пропускѣ монаховъ въ предѣлы Россійскіе, для прошенія милостыни.

3. Граматы Алексія Михаиловича и Петра Великаго о томъ же.*

* Во время моего путешествія не замѣтилъ я: упоминается ли въ какой нибудь изъ Царскихъ граматъ о дарахъ Князей Долгорукихъ? но монахи говорили мнѣ о князьяхъ сихъ, какъ о первоначальныхъ основателяхъ, или, по крайней мѣрѣ, покровителяхъ Русскаго монастыря. Плакиа Албовъ о томъ неупоминаетъ, но онъ неговоритъ и о граматѣ Ѳеодора Іоанновича, а это обстоятельство заставляетъ меня думать, что рѣчь идетъ о Князьяхъ Долгорукихъ именно, въ граматѣ Ѳеодора Іоанновича, Предлагаю будущимъ путешественникамъ разрѣшить вопросъ сей.

Не смотря на всѣ сіи доказательства покровительства Царей нашихъ, Русскій монастырь не имѣетъ никакихъ недвижимыхъ владѣній, кромѣ находящихся въ предѣлахъ Турціи. Доходъ его происходитъ большею частію отъ продажи строеваго лѣса.

За нѣсколько недѣль до моего прибытія на Аѳонскую гору, Князь Шихматовъ, принявшій монашество подъ именемъ Аникита, посѣтилъ монастырь сей, и въ память своего пребыванія пристроилъ въ одномъ изъ верхнихъ этажей монастыря церковь, освященную во имя святаго Митрофана. Но, если я неошибаюсь въ моихъ замѣчаніяхъ, то Русскіе монахи терпятъ въ своемъ монастырѣ много притѣсненій отъ Грековъ, не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и въ управленіи монастырскимъ имѣніемъ, и даже въ церковной службѣ, которую не дозволяется имъ отправлять на Славянскомъ языкѣ *. Однакожъ изъ уваженія къ мо-

* Плаки-Албовъ дѣлаетъ замѣчаніе о притѣсненіяхъ, причиняемымъ еще въ его время Греками Русскимъ: «Азъ же обрѣтши тамо не мало иноковъ Россійскихъ, воздержнаго житія, сѣмо и овамо по горамъ скитающихся, и отъ труда рукъ своихъ зѣло нужно и прискорбно питающихся, и отъ всѣхъ презираемыхъ, соболѣзновахъ о нихъ, яко лисы язвины имутъ и птицы гнѣзды своя, Россы же не имутъ гдѣ главы преклонити, на столь прекрасномъ и уединенномъ, и къ мноческому житію весьма приличномъ мѣстѣ, ибо въ монастыряхъ Греческихъ не могутъ общи-

ему пріѣзду отслужили послѣ нашего обѣда молебенъ по Славянски, и мы пустились въ дальнѣйшій путь, сопровождаемые отцомъ Прокофіемъ, взявъ также книгу Плаки-Албова на все время моего пребыванія въ сихъ мѣстахъ.

Я отправился на лодкѣ, сперва въ монастырь Ксенофъ, а на ночлегъ въ Духерію или Дохіаръ. Оба сіи монастыря находятся на морскомъ берегу. Первый, посвященный святому Георгію, имѣетъ земли смѣжныя съ землями Русскаго монастыря, и они даже въ спорѣ другъ съ другомъ. Я осмотрѣлъ здѣсь библіотеку, весьма порядочную. Впрочемъ, не нашелъ я много замѣчательнаго въ Ксенофѣ, которой, по словамъ моихъ путеводите-

тися, ради несогласія языка, и правила, и нравовъ, въ Сербы же и Болгары, ради предписанныхъ благословныхъ винъ; азъ же ихъ утѣшалъ елико можахъ, и благою надеждою будущаго впредь о нихъ смотрѣнія Божія и издовоздаяніемъ вѣчнымъ, еже имъ готовитъ въ небеси, и яко временемъ вся премѣняются къ первому состоянію, иногда же и къ лучшему возвращаются. Греки же на Руссовъ вину полагаютъ, глаголюще, яко суть нетерпѣливы, непостоянны, и лѣнивы: непостоянны, понеже обыкоша странствовати и преходити отъ страны въ страну, отъ мѣста на мѣсто, и отъ монастыря въ монастырь, и отъ скита въ скитъ; нетерпѣливы же, понеже необыкоша на себѣ иго Турецкое носити и дани великія на всякъ голъ давати, которыхъ не могутъ инако поплащати, точію повседневнымъ трудомъ и прошеніемъ милостыни въ мірѣ; а лѣнивы же, понеже не хощутъ земли монастырской дѣлати, и ни въ орати, и виноградовъ копати, ни маслинъ собирати.

лей, долженъ быть одинъ изъ бѣднѣйшихъ монастырей на Аѳонской горѣ. Это обстоятельство, подтверждаемое самымъ видомъ обители, не мѣшаетъ монахамъ, строить новую огромную церковь. Подобно обители Діонисія и Русскому монастырю, Ксенофъ имѣетъ устройство общежительное. Видно, что тамъ болѣе живутъ общиною, гдѣ мало есть чѣмъ подѣлиться. Монаховъ около 50-ти. Первый основатель монастыря сего былъ святой Ксенофонтъ, но въ 1565 году былъ онъ обновленъ двумя братьями изъ Угровлахіи, Дукою и Вавуломъ. По близости монастыря есть цѣлебный ключъ, имѣющій свойство слабительное. Монахи Святогорскіе приходятъ сюда очищать желудокъ отъ желчи.

Монастырь *Духерія*, или *Дохіаръ*, находится въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ Ксенофа, или обители Св. Ксенофонта. Лодка наша остановилась у подошвы лѣсистой горы, на которой выстроена Духерія; мѣстоположенія монастыря живописнѣе этого я еще не видалъ на Аѳонской горѣ. Ограда его несравненно менѣе Лаврской, но плоскіе куполы церквей его сгруппированы чрезвычайно красиво. Внутренній дворъ его тѣсенъ, но высокіе окна собора, фонтанъ и деревянныя пристройки дѣлаютъ его въ своемъ родѣ самымъ живопис-

нымъ. Плаки-Албовъ описываетъ монастырь сей такъ же подробно, какъ и другіе, и передаетъ разсказъ о чудесахъ, которыми славится Духерія. Я нашелъ здѣшнихъ монаховъ молчаливыми, и хотя угощеніе, сдѣланное ими мнѣ, было самое хорошее, незамѣтилъ я того радушія и той веселости, которыми встрѣчали меня вообще.

Четвергъ, 5-го. — Оставя довольно рано утромъ Духерію, гдѣ библіотеки, или нѣтъ, или если и есть она, то ее не показываютъ, я переѣхалъ на мулахъ съ западнаго берега Аѳонской горы къ восточному, у котораго присталъ отъ Дарданеллъ. Три монастыря были осмотрѣны мною сегодня: *Костамониту*, *Зографъ*, и *Хиландарь*, въ которомъ я теперь ночую. Костамониту есть первый изъ монастырей Аѳонскихъ, видѣнныхъ мною, который не стоитъ близъ моря. Напротивъ, онъ выстроенъ въ разстояніи часа ходьбы отъ западнаго берега, и окруженъ со всѣхъ сторонъ прекрасною каштановою рощею, дающею ему видъ гораздо уединеннѣе всѣхъ другихъ монастырей. Мѣсто здѣсь, кажется, болѣе другихъ приспособлено къ созерцательной, истинно-монашеской жизни, но въ той же степени оно менѣе выгодно для свѣтскихъ дѣлъ, и потому монастырь сей есть самый бѣднѣйшій

изъ всѣхъ на Аѳонской горѣ.—Монахи ходятъ въ бѣдномъ одѣяніи, и неимѣютъ величавыхъ пріемовъ братій Лавры и другихъ обителей; но, повторю слова Плаки-Албова: «Богъ, да подастъ имъ руку помощи, понеже добродѣтельные тогда иноки тамъ жительствоваху и страннолюбивые.»

Монастырь *Зографъ* (слово, значущее по Гречески: *живопись*), такъ названъ отъ чудеснаго явленія образа изъ Палестины, въ разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ Костамониту. Мѣстоположеніе и самый монастырь, какъ снаружи, такъ и внутри, очень красивы, но вниманіе мое было особенно занято странною живописью на стѣнахъ церковныхъ. Вообще всѣ Аѳонскіе монастыри испещрены старинною, безобразною живописью, въ коей особенно изобилуютъ изображенія явленій Апокалипсиса, и Зографская церковь была недавно расписана въ томъ же самомъ древнемъ вкусѣ, какъ по выбору предметовъ, такъ и по стилю самыхъ изображеній. Между прочимъ замѣтилъ я на стѣнахъ лодку Православія: матрозы ея Святые, вооруженные крюками, а самъ Іисусъ Христосъ держитъ руль и правитъ, между тѣмъ, какъ съ берега старики, и между ними Папа Римскій и Мартынъ Лютеръ, подъ начальствомъ Сатаны,

усиливаются зацѣпить своими крюками лодку и опрокинуть ее *.

Въ Зографѣ есть порядочная библіотека, но монастырь вообще не богатъ.

Напротивъ того, Хиландарь своею пышностью и великолѣпіемъ не уступаетъ Лаврскому монастырю, если даже еще не превышаетъ его. Но если судить по сдѣланному мнѣ въ немъ пріему, то здѣшніе монахи столько же негостепріимны, сколько богаты. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я путешествую по Святой Горѣ, меня спросили о бумагахъ моихъ, и усомнились предложить ночлегъ; я уже хотѣлъ, не смотря, на поздній часъ, продолжать путь мой до слѣдующаго монастыря, но монахи, раскаявшись, убѣдительно просили меня остаться, и я на то рѣшился, чтобы не лишиться случая видѣть сей монастырь. Странно, что и Плаки Албовъ описываетъ монаховъ здѣшнихъ сребролюбивыми. По заключеніи перемирія между мною и монахами, я прочелъ имъ, что Плаки-Албовъ объ нихъ пишетъ. Когда дошелъ я до словъ: «суть

* Не помню, здѣсь, или на стѣнахъ другой Аѳонской церкви, я видѣлъ торжественный въѣздъ Папы Римскаго въ Адъ. Папа сидитъ верхомъ и смѣется, а всѣ адскія власти, одѣтыя въ церемоніяльные мундиры, принимаютъ его съ низкими поклонами, и поздравляютъ съ новосельемъ.

«же нѣцыи подъ овчею кожею волцы и хищницы,» они всѣ расхохотались громкимъ смѣхомъ, и тѣмъ кончили разговоръ нашъ.

Пятница 6. — Церковь Хиландарская великолѣпна, и едвали не самая богатая, изъ всѣхъ видѣнныхъ нами на Святой Горѣ. Кромѣ собора множество малыхъ, или второстепенныхъ храмовъ, находится въ разныхъ этажахъ монастыря. Въ ризницѣ хранится множество даровъ Царей Русскихъ и граматъ, свидѣтельствующихъ милости ихъ къ Хиландарю. Онъ и теперь не лишенъ пособій изъ Россіи, ибо получаетъ годовую плату изъ Москвы, въ замѣнъ дома, принадлежавшаго прежде ему, въ силу граматы Царя Іоанна Васильевича, а нынѣ приписаннаго къ вѣдомству Московскаго Воспитательнаго Дома. Болгары и Сербы занимаютъ обитель сію, но въ числѣ братій находится въ нынѣшнее время 5 Рускихъ. Служба происходитъ на Славянскомъ языкѣ. И такъ вотъ третій монастырь и сей послѣдній въ разрядѣ первостепенныхъ на Аѳонской горѣ, въ ко-

торомъ понимаютъ церковный языкъ нашъ и говорятъ имъ, съ небольшими измѣненіями. Здѣсь впервые увидѣлъ я больницу, но лекаря при ней нѣтъ. Библіотека здѣсь ничтожная и полъ ея употребляется для сушенія грецкихъ орѣховъ. Сырость, происходящая отъ этой сушки, вскорѣ совершенно истребитъ остальныя книги.

Царь Сербскій былъ первымъ основателемъ Хиландаря, числящаго нынѣ около 150 монаховъ. Монастырь въ разстояніи часа ходьбы отъ берега и окруженъ съ трехъ сторонъ оврагомъ. Воздухъ здѣшній, какъ говорятъ, нездоровъ, вѣроятно, отъ закрытаго положенія.

Послѣ полудня отправился я изъ Хиландаря въ Симонъ, или Есфигменъ, послѣдній изъ монастырей Аѳонскихъ на восточной сторонѣ, и самый близкій къ материку Турціи. Онъ особеннаго характера не имѣетъ, и послѣ другихъ монастырей ни чѣмъ не поражаетъ. Монахи чрезвычайно бѣдны, но радушны, гостепріимны, и славятся святостью общественной своей жизни.

Въ порядочной библіотекѣ ихъ находятся большею частью церковныя и Византійскія книги, но есть и древнія классическія. Въ большомъ числѣ хрисовулъ, на Греческомъ, Славянскомъ и Турецкомъ языкахъ, я нашелъ одинъ дипломъ, весьма

любопытный живописнымъ изображеніемъ на пергаментѣ Царей Сербскихъ, въ полномъ костюмѣ.

При всѣхъ измѣненіяхъ, которыя нынѣ происходятъ въ политическихъ отношеніяхъ Сербіи къ Султану, разные документы Сербскіе, хранящіеся въ монастыряхъ Аѳонскихъ, воспріимутъ большой историческій интересъ, но монахи Святогорскіе найдутъ ихъ, вѣроятно, менѣе драгоцѣнными, когда Сербія совершенно отдѣлится отъ Турціи, ибо въ такомъ случаѣ имѣнія монастырей будутъ вѣроятно захвачены Правительствомъ, какъ сбылось въ Греціи при воцареніи Короля Оттона.

Суббота, 7-го. — Симоновъ монастырь есть крайній и самый близкій къ перешейку, а потому посвятилъ я день сей на тягостную, но любопытную поѣздку до соединенія Аѳонскаго полуострова съ материкомъ Румеліи, или древней Македоніи. Слѣды прорѣза, сдѣланнаго Царемъ Ксерксомъ для провода флота его, еще весьма примѣтны не только по углубленію въ землѣ, но и по зелени, которая растетъ въ бывшемъ каналѣ, между тѣмъ, какъ кругомъ вовсе не видать деревьевъ. Сухая, мѣстами песчаная почва, и малое возвышеніе ея надъ поверхностью морскою, объясняютъ возможность этого прорѣза, слѣды котораго сверхъ того для моихъ глазъ очень ясны; они находятся между двумя деревнями, на самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка.

Дорога отъ Симона до сего пункта проходитъ по большой части по камнямъ, и зелень стано-

вится все менѣе и менѣе роскошною. Каштаны замѣняются здѣсь соснами на спускающемся покатѣ, а по берегамъ морскимъ песокъ все шире врѣзывается въ землю. Крайнее владѣніе Святогорскихъ монаховъ состоитъ въ небольшой мызѣ, принадлежащей Иверскому монастырю. Будучи изнурены, мы надѣялись отдохнуть здѣсь, но хозяинъ принялъ насъ, какъ нельзя хуже, отказалъ во всемъ, и ушелъ, оставивъ насъ однихъ въ домѣ, наполненномъ бочками водки, но гдѣ не было ничего съѣстнаго. Мнѣ показалось весьма странно найдти въ этомъ бѣдномъ домѣ такое количество водки, которую монахи какъ будто скрываютъ здѣсь, вмѣсто того, чтобы держать въ своихъ погребахъ. Но, можетъ быть, эта водка хранится здѣсь для продажи, ибо портъ близокъ. Какъ бы то ни было, но еще страннѣе покажется всякому, что немного подалѣе есть деревня, вся населенная женщинами. Она-то одна изъ двухъ, о которыхъ я выше говорилъ, и находится на Святогорской сторонѣ Ксерксова прорѣза. Мы нашли здѣсь множество цыплятъ, но хозяйки ни за какія деньги не хотѣли продать намъ ничего, и провожали насъ самымъ нахальнымъ ругательствомъ до послѣдняго дома. Надобно было тащиться до другой деревни, Ериссо, и тутъ дожидаться часа два, пока намъ го-

товили въ харчевнѣ кушанье скоромное, но гораздо хуже того постнаго, какое монахи такъ проворно и гостепріимно предлагаютъ путешественникамъ. Хотя послѣднія впечатлѣнія нѣсколько поколебали уваженіе мое къ здѣшнимъ монахамъ, я думаю съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ о томъ, что мнѣ скоро придется проститься съ Аѳонскою горою, которая въ сравненіи съ бѣдною Румелійскою деревнею, гдѣ я обѣдалъ, казалась мнѣ райскимъ вертоградомъ.

На возвратномъ пути осмотрѣлъ я подробнѣе и терпѣливѣе, нежели на голодный желудокъ, пройденное уже разъ пространство, и на моей ландкартѣ начертилъ слѣды Ксерксова прорѣза.

Въ 1821-мъ году, здѣсь былъ бой между Греками и Турками. Первые, какъ мнѣ разсказывали, числомъ, съ монахами Святогорскими, до 70,000 человѣкъ, собрались вокругъ этихъ мѣстъ, и работали около мѣсяца, чтобы прорѣзать перешеекъ и сдѣлать Святую Гору островомъ; но Турки ихъ разогнали, и опасаясь будущихъ непріятельскихъ дѣйствій отняли у монастырей всѣ бывшія у нихъ до того времени пушки. Слѣды прорѣза, нами найденные, казались мнѣ вовсе не такими, которые могли бы остаться послѣ этой новѣйшей попытки. Отъ 1821 года могъ бы мѣ-

стами оставаться только признакъ частной ломки, но здѣсь видѣнъ каналъ, извивающійся между пригорками, и отдѣляющійся, какъ я уже сказалъ, слабою зеленью: явный признакъ, что почва сырѣе прочаго мѣста и нѣсколько углублена.

Уже въ сумеркахъ, мы были часто встрѣчаемы партіями монашескихъ карауловъ, которые, казалось, за нами наблюдали.

По словамъ здѣшнихъ монаховъ, моя поѣздка до перешейка возбудила непріятное дѣйствіе, и даже нѣкоторую недовѣрчивость между сосѣдними обителями, о чемъ я крайне сожалѣю.

Воскресенье, 8-го. — Добрые Симоновскіе монахи, угощая меня во все время моего пребыванія у нихъ всѣмъ, что у нихъ было въ кухнѣ, или въ погребѣ, сегодня были такъ внимательны, что просили отца Прокофія отслужить обѣдню на Славянскомъ языкѣ, дабы я могъ думать, что нахожусь въ моемъ отечествѣ. Послѣ обѣдни, простившись съ монахами, мы сѣли на лошадей и поѣхали обыкновеннымъ медленнымъ шагомъ, въ направленіи монастыря Ватопеда. Восточный берегъ Аѳонской горы уступаетъ много красотою западному. Гора не такъ крута, и не осѣняетъ монастырей, какъ тамъ, и видъ на Самосъ, Лемносъ, и другіе острова Архипелага, какъ будто отвлекаетъ къ житейскимъ отношеніямъ взоры, отъ созерцанія и безмолвія монашескаго.

Ватопедъ, самый старинный изъ монастырей Аѳонскихъ, есть также одинъ изъ самыхъ бога-

тыхъ и пышно устроенныхъ. Одни развѣ Лавра и Иверъ богаче доходами Ватопеда. Приближаясь къ монастырю, я увидѣлъ группы стоявшихъ внѣ ограды людей. Это были старшины монастыря, которые, будучи извѣщены о моемъ прибытіи, ожидали меня, чтобы ввести въ свою обитель. Какъ скоро я вошелъ въ ограду, ударили во всѣ колокола, и архимандритъ и все духовенство повели меня соборомъ во внутренность алтаря, и тамъ отслужили молебенъ передъ иконою Богородицы. Ни въ одномъ изъ монастырей, даже въ Русскомъ, меня не принимали съ такимъ торжествомъ, какъ здѣсь. Послѣ молебна повели меня прикладываться къ чудотворному образу Богородицы, находящемуся на лѣвой рукѣ, при входѣ въ храмъ, и подробно описанному Плаки-Албовымъ. Поклоненіе мощамъ монахи предложили мнѣ отложить до завтрашняго дня, и провели меня опять соборомъ до моей квартиры. Младшіе монахи потомъ ушли, а старшіе остались пить со мною кофе, и разсказывали любопытную исторію монастыря, основаннаго, какъ увѣряютъ, Константиномъ Великимъ и возобновленнаго Ѳеодосіемъ Великимъ, когда Царь сей нашелъ на этомъ мѣстѣ у берега морскаго колы-

бель съ младенцомъ сыномъ своимъ, котораго онъ почиталъ погибшимъ въ морѣ*.

Я удивился множеству стариковъ румяныхъ и веселыхъ между монахами. Двое, или трое хвастали, что они дожили до сотни лѣтъ. Когда принесли намъ обѣдъ, всѣ ушли, за исключеніемъ архимандрита Филарета и учителя, или библіотекаря, которые остались, чтобы угощать насъ и развеселять во время стола. Къ удивленію нашему, намъ въ первый разъ на Аѳонской горѣ подали скоромное блюдо, жареную козу, и когда мы тому удивлялись, отецъ Филаретъ, желая дать намъ примѣръ, въ которомъ впрочемъ никто изъ насъ не нуждался, оторвалъ пальцами кусокъ жира и проглотилъ его.

Но если онъ хотѣлъ пріобрѣсти наше довѣріе и благорасположеніе такимъ пренебреженіемъ монашескихъ правилъ, онъ забылъ коренной законъ человѣческаго ума, что мы всегда ищемъ въ нашемъ ближнемъ наблюденія тѣхъ правилъ, которыя онъ почитаетъ, хотя бы сами мы не руководствовались ими.

* На начертанной мною картѣ Аѳонской горы случай сей изображенъ на виньеткѣ. На правой рукѣ отъ зрителя, Царь Греческій, съ монастыремъ въ рукахъ, налѣво Ксерксъ, который плачетъ при мысли, что черезъ сто лѣтъ ни одного человѣка изъ огромнаго флота его не останется въ живыхъ (см. Геродота), а на вершинѣ горы представленъ патріархъ, благословляющій весь міръ.

Не могу также умолчать о томъ, что на дверяхъ церквей снаружи я видѣлъ полумѣсяцы, вышитые на коврахъ, въ видѣ украшеній. Правда, что эти ковры висятъ снаружи, и потому украшеніе полумѣсяцами не вмѣшивается въ священныя эмблеммы религіи, но все таки нельзя не осудить такого поползновенія угождать Туркамъ.

Понедѣльникъ, 9-го. — Приложившись къ мощамъ, и осмотрѣвъ бѣглымъ взглядомъ богатую утварь, подробно описанную Плаки-Албовымъ, я получилъ позволеніе пройдти по всему монастырю и заглянуть въ библіотеку. Библіотека здѣсь, рѣшительно, самая богатая и любопытная изъ всѣхъ посѣщенныхъ мной на Святой Горѣ. Рукописи прекрасныя, на пергаментѣ, въ листъ и кварто, хранятся, правда, безъ порядка, но все таки лучше, чѣмъ во многихъ другихъ монастыряхъ. Между прочими я замѣтилъ:

Бесѣды Льва Мудраго, писанныя на пергаментѣ его собственной рукой.

Его же три рѣчи на разные случаи.

Переводъ съ Латинскаго на Греческій языкъ творенія святаго Августина о Троицѣ.

Отца Діонисія Ватопедца, святаго алтаря служителя Бесѣды Святаго Евангелія, по Болгарски, (рукопись въ листъ, на бумагѣ).

Іоанна Златоуста комментаріи на Евангеліе, по Гречески, (на пергаментѣ, въ листъ).

Περι αναγκαιων υποθεσεων (на пергаментѣ, въ четверть).

Αθηλον περι μηχανευματων (на пергаментѣ, въ четверть, со многими раскрашенными рисунками старинныхъ машинъ).

Παυλου Επιςολαι μετα Σςωλιων (на пергаментѣ, въ четверть).

Γρηγοριου Θεολογου (на пергаментѣ, въ четверть).

Несравненно любопытнѣе и драгоцѣннѣе всѣхъ прочихъ рукописей Географія Птоломея и Страбона, на пергаментѣ, въ листъ, и со многими раскрашенными ландкартами. Эта книга сокровище, но, къ несчастію, здѣсь не кому познать цѣны ея; иначе она была бы сличена съ существующими изданіями и напечатана. Если какой нибудь иностранный посланникъ въ Константинополѣ пріобрѣтетъ покупкою эту книгу, то онъ можетъ украсить свою отечественную библіотеку даромъ, такимъ, какіе въ нашъ вѣкъ рѣдко удается дѣлать. Монахи не согласились продать мнѣ этой книги, но еслибы обратиться къ нимъ чрезъ Патріарха, то, вѣроятно, они не отказали бы. Заглавіе книги:

Πτωλεμαιου και Στραβονος Γεογραφια (на пергаментѣ, въ листъ). Книга довольно толстая; переплетъ коженный безъ надписи. Мы нашли ее во второй, или внутренней комнатѣ Ватопедской библіотеки. Можетъ быть, еще нѣсколько другихъ книгъ стольже дорогаго разряда ускользнули отъ нашихъ глазъ, ибо недостатокъ времени мѣшалъ мнѣ долго рыться въ библіотекахъ.

Часть значительная имѣнія Ватопедскаго монастыря находится въ Бессарабіи.

Оставивъ здѣсь гг. художниковъ, для окончанія видовъ, я поѣхалъ вечеромъ, въ сопровожденіи отца Прокофія, въ монастырь Пантократоръ (Вседержителевъ), и пріѣхалъ туда ночью. Монастырь выстроенъ на камнѣ у самаго моря, а комната гостей на наружной стѣнѣ монастыря, и даже частію виситъ надъ самымъ моремъ, которое съ ужаснымъ ревомъ разбивалось во всю ночь о скалу. Вѣтеръ продувалъ всю нашу комнату и грустно завывалъ, какъ будто оплакивая предварительно всѣ жертвы будущей бури. Раза два, три, я открывалъ окно и съ ужасомъ глядѣлъ внизъ, на сѣдую пѣну, освѣщенную луною. Скоро придется намъ пуститься въ море, вѣроятно въ самое время равноденствія.

Вторникъ, 10-го.—Монастырь Пантократоръ не имѣетъ ничего замѣчательнаго, и потому я мало въ немъ пробылъ, и по убѣдительной просьбѣ отца Прокофія посѣтилъ потомъ сосѣдній скитъ Пророка Иліи, въ которомъ большая часть Русскихъ монаховъ собрались въ ожиданіи меня. Скитъ сей, учрежденный въ послѣднемъ столѣтіи, принадлежитъ Русскимъ и находится на горѣ, въ разстояніи одного часа ходьбы отъ Пантократора. Монахи усердно просили ходатайствовать за нихъ, и жаловались на притѣсненія, терпимыя отъ Грековъ, которые отнимали у нихъ всю землю и не впускали ихъ ни въ одну изъ Аѳонскихъ обителей. При невозможности пособить имъ въ нуждахъ, я не могъ ихъ ни чѣмъ утѣшить, и продолжалъ путь мой къ монастырю Ставроникита, который, стоя также на морѣ, видѣнъ изъ Пантократора. Бѣдность этого монастыря, у котораго Иверцы отобрали много

имѣнія, оказывается и въ самой обители, въ которую я только заглянулъ. Товарищи мои осмотрѣли библіотеку, но не нашли въ ней ничего замѣчательнаго. Ставроникита владѣетъ однако жь до сихъ поръ немалымъ *метохомъ* въ близости Бухареста.

Къ вечеру прибылъ я въ Иверъ, и былъ опять принятъ съ торжествомъ и пышностью, при коихъ платье мое, разодранное отъ продолжительной ходьбы по горамъ, играло жалкую ролю. Архіерей съ архимандритомъ ждали меня снаружи дверей, а въ самыхъ дверяхъ два діакона держали Евангеліе, богато переплетенное въ серебрѣ—даръ одного изъ Царей Русскихъ. Я приложился къ Евангелію, и при громкомъ звонѣ всѣхъ колоколовъ сего огромнаго монастыря, и пѣніи всего духовенства, вошелъ въ малый храмъ, и тамъ поклонился образу Иверской Богородицы, копія котораго находится въ Москвѣ. Оттуда меня повели, тѣмъ же порядкомъ, въ большую церковь, на горнее мѣсто, и отслужили молебенъ. Архіерей, ученикъ покойнаго Патріарха Константина, убитаго Турками, и старшіе монахи, провели со мною вечеръ въ Архондарлыкѣ, и время прошло самымъ пріятнымъ образомъ. Они принимаютъ Русскихъ совершенно, какъ соотечественниковъ

и доброжелателей себѣ. Этотъ монастырь кажется обширнѣе всѣхъ прочихъ на Аѳонской горѣ, и числится въ разрядѣ первыхъ.

Четвергъ, 12. — Собираюсь третью ночь провести въ Иверскомъ монастырѣ. Вчерашній день былъ употребленъ на разсмотрѣніе монастыря, его рѣдкостей и окружностей; три четверти сего времени были посвящены библіотекѣ, но труды мои ничѣмъ удовлетворительнымъ не наградились. Я нашелъ, согласно моему ожиданію, порядочное число Грузинскихъ, или Иверскихъ рукописей, но Грузинецъ, нанятой мною въ Константинополѣ, единственно для того, чтобы переводить мнѣ ихъ заглавія, умѣетъ разбирать только свою собственную печатную книгу, а одинъ монахъ, знающій немного по Французски, умѣлъ только отличать духовную книгу отъ свѣтской, и въ томъ заключалась вся помощь, какую онъ могъ мнѣ доставить. Очень жаль, что столь богатое сокровище находится безъ употребленія. Грузинская Исторія, для насъ особенно интересная, почти вовсе неизвѣстна, и уже духов-

ныя книги, не говоря о лѣтописяхъ, которые, что весьма вѣроятно, здѣсь гдѣ нибудь гніютъ, могли бы во многомъ послужить намъ. Одно указаніе года, въ который какое нибудь Евангеліе написано, и царствованія того времени, было бы уже данною весьма драгоцѣнною. Между хрисовулами одна, богаче всѣхъ прочихъ, написана по Иверски, а другая грамата Алексія Михайловича, жалующая Иверскому монастырю, монастырь Никольскій, что за Иконнымъ рядомъ въ Москвѣ.*

Сегодня посѣтилъ я два сосѣдніе монастыря, Каракаллу и Филоѳея. Первый изъ нихъ са-

* Весьма сожалѣю, что бывши въ Иверскомъ монастырѣ, не досмотрѣлъ я любопытнаго обстоятельства, которое нахожу въ Плакц-Албовѣ, перечитывая его описаніе. Оно объясняетъ подобныя изображенія Греческихъ философовъ въ одномъ соборѣ, въ Москвѣ. «Еще же тамо, въ преддверіи, изображены суть древніи Еллинскіе философы, познавшіе Бога и Святую Троицу, проповѣдаша въ книгахъ своихъ нѣкія словеса, и иже здѣ преведя, представляю ради любви любопытныхъ читателей и слышателей. *Аристотель* убо, держай въ рукахъ своихъ хартію, написана отъ себя глаголетъ сице: *Безтрудное Божіе рожденіе отъ него бо самое существуетъ слово.* Платонъ же рече сице: *Отъ Матери нареченной невѣсты непорочной имать вспятися Божій Сынъ.* Солонъ же сице: «*Самъ Отецъ безотчій, преблаженный, Его же трепещутъ человѣцы, земля же и море.*» Хилонъ философъ: *Сый аки отъ небесъ великихъ пришедый, огнь превосходящій.* Плутархъ: *Безначальный, неприступный единъ Богъ. Слово, Его же небеса трепещутъ, человѣцы и Ангелы.* Ѳукидидъ философъ: *Единъ убо Богъ свѣтъ, и сей умный; хвала же и слава разумѣти Его.* —

мый отдаленный отъ Ивера и самый близкій къ Лаврѣ, съ которой началъ я мои странствованія; онъ стоитъ на морѣ, принадлежитъ къ числу общежительныхъ и крайне бѣденъ. Монастырь Филоѳей стоитъ на горѣ, посреди прекраснѣйшаго лѣса, на часъ разстоянія отъ моря. Поѣздка отъ Каракалла до Филоѳея самая восхитительная въ свѣтѣ; то скрываешся въ темнозеленой дубравѣ, то видишь между деревьями синеву моря съ островами. Въ обоихъ монастыряхъ видѣлъ я библіотеки, но онѣ такъ жалки, что лучше еслибы ихъ вовсе не было. Вошедъ въ чуланы, гдѣ бывшія книги прежде стояли, я увязъ по колѣна въ кипу пергаментныхъ листовъ, разбросанныхъ одинъ на другомъ. Видно, что лишь только понадобится листъ, завернуть кусокъ масла, или задѣлать окно, онъ вырывается наудачу, и книга, изувѣченная, бросается обратно. Я только увеличивалъ этотъ хаосъ на каждомъ шагу, и потому вышелъ изъ обѣихъ библіотекъ съ весьма печальнымъ чувствомъ: можетъ быть, скоро и прочіе дойдутъ до такой же степени разрушенія.

Пятница, 13-го. — Приложившись рано утромъ къ мощамъ, мы выступили изъ Ивера, который, наравнѣ съ Лаврою и Ватопедомъ, превышаетъ объемомъ своимъ всѣ прочіе Аѳонскіе монастыри, и направили путь свой на мѣстечко Карею, близъ того мѣста, гдѣ лодка ждала насъ, свезти обратно въ Дарданеллы. На пути заглянули мы въ монастырь Котломужь, двадцатый и послѣдній изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною монастырей. Тутъ библіотека, хотя не изодрана, какъ двѣ послѣднія, мною видѣнныя, *но почти вся сгнила*. Впрочемъ, монастырь, подробно описанный Плаки - Албовымъ, кажется, не заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Прибывъ довольно рано въ Карею, мы тотчасъ наняли, въ прекрасномъ Иверскомъ *Кунакѣ*, квартиру, съ террасою, обложенною подушками, и потомъ пошли по мѣстечку, которое я назову Франк-

фуртомъ Аѳонской горы. Здѣсь сосредоточено правленіе всѣхъ монастырей, и каждый имѣетъ здѣсь своего представителя и свой особенный дворъ. Но только 5 монастырей, именно: Лавра, Иверъ, Ватопедъ, Хиландарь и Діонисій, имѣютъ право поперемѣнно управлять всею горою. Монахъ одного изъ сихъ пяти монастырей рѣшаетъ дѣла и прикладываетъ печать Св. Горы къ актамъ; но печать сія формою круглая, раздѣлена на четыре части. По одной части находится у каждаго изъ четырехъ монаховъ, не управляющихъ въ тотъ годъ дѣлами, а одна ручка, соединяющая четыре части въ одну, остается въ рукахъ главнаго правителя, или Назыря, который по тому не можетъ никакого дѣла ни рѣшать, ни скрѣплять, безъ соизволенія прочихъ четырехъ, составляющихъ Верховный Совѣтъ. Такова олигархія, устроенная въ сей столицѣ Святой Горы. Второй, или низшій Совѣтъ состоитъ изъ представителей всѣхъ 20 монастырей, но по раздорамъ, между ними существующимъ, и по неимѣнію дѣйствительной власти въ рукахъ своихъ, сей совѣтъ имѣетъ очень мало вѣса, и всѣ второстепенные монастыри горько жалуются на прижимки пяти главныхъ. Одинъ Діонисій, бѣднѣйшій изъ пяти, поперемѣнно царствующихъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Лаврскій

монахъ держитъ нынѣ четыре-гранный Аѳонскій скипетръ. Онъ человѣкъ не весьма словоохотливый, но я имѣлъ интересный разговоръ съ Діонисіевскимъ монахомъ, бывшимъ начальникомъ, или Назиремъ Аѳонской горы въ 1834 году. Онъ раскрылъ мнѣ свои книги, и свѣдѣнія, отъ него полученныя, составляютъ послѣднее звѣно моихъ наблюденій надъ сею любопытною страною. Въ 1834 году было расходовъ общихъ до 315,000 піастровъ. Изъ нихъ 160,000 отправлены въ Константинополь, для уплаты податей Султану и подарковъ Патріарху, и другимъ верховнымъ лицамъ; 34,000 въ Салонику; около 14,000 Турецкому Агѣ и мѣстному начальству Турецкому, учрежденному въ Кареѣ; около 20,000 караульщикамъ горы, Грекамъ; 3,600 какимъ-то десятникамъ; Назырю, съ тремя подчиненными его, 800 піастровъ, кромѣ благодарностей, и 10,000 на покупку дровъ*. Онъ еще прибавилъ что вышеозначенная сумма на расходы взимается съ штатныхъ монаховъ, по 208 піастровъ съ человѣка и деньги употребляются въ слѣдующей пропорціи:

* Мнѣ совѣстно было слишкомъ много распрашивать благосклоннаго монаха, а теперь я замѣчаю, что итогъ упомянутыхъ мною расходовъ не доходитъ до 315,000, и составляетъ только 242,400 піастровъ. Не знаю: пропустилъ ли я какую нибудь статью, или былъ показанъ такой остатокъ къ 1835-му г.

	піастровъ.
На подати поземельныя, расходы въ Константинополѣ и въ Салоникѣ, и издержки начальства	128
Харачъ, или подать Султану. . . .	30
Въ благодарность присланному отъ Патріарха и на расходы его	39
Подать на виноградные сады близъ Константинополя	11
Итого . . .	208

Изъ приходнаго листа выписалъ я, что собирается ежегоднаго сбора, въ число вышеупомянутыхъ 315,000 піастровъ:

Съ Лавры	50,000.
— Ватопеда	30,000.
— Ивера	30,000.
— Діонисія.	8,000.
— Костамонита	4,000.

По сему списку видно, что Лавра имѣетъ большой перевѣсъ богатствомъ своимъ, и что Костамонитъ бѣднѣе всѣхъ, и менѣе всѣхъ прочихъ девятнадцати вноситъ въ общую кассу.

Вышеозначенная подать расположена на 1190 человѣкъ монаховъ*. Но всѣхъ монаховъ, живу-

* Это также не составляетъ 315,000, но только 237,620 піастровъ, что близко подходитъ къ итогу расходовъ вышепоказанному.

щихъ въ монастыряхъ, скитахъ, кельяхъ, и странствующихъ, будетъ болѣе 5,000 человѣкъ.

Въ числѣ странствующихъ безъ всякаго законнаго вида мнѣ случилось встрѣтить нѣсколько Русскихъ, которые находятъ, что здѣсь пріятно проводить время, — но, я долженъ прибавить, что приписанные къ скиту святаго Иліи съ ними вовсе незнаются.

Что касается до высшаго начальства, бывшій Назырь прибавилъ, что монастыри Аѳонскіе, въ родѣ независимыхъ княжествъ, не признаютъ надъ собою никакой власти, кромѣ устроенной ими самими; что Назырь имѣетъ въ судебныхъ дѣлахъ силу огромную; что онъ судитъ по закону Божію, потому, что у нихъ гражданскихъ законовъ нѣтъ, и что на его рѣшенія нѣтъ никакой апелляціи, и самый Патріархъ Константинопольскій почитается Святогорцами только ходатаемъ о пользахъ ихъ при Высокой Портѣ, но вовсе не начальникомъ.

Церковь въ Кареѣ именуется Протатонъ (первый) отъ древняго первенства ея надъ всѣми прочими. Она показалась мнѣ въ упадкѣ; библіотека при ней незначительная. Отецъ Прокофій отслужилъ въ небольшой церкви, принадлежащей не знаю какому монастырю, всенощную къ завтрашнему празднику Воздвиженія.

Я возвратился на квартиру свою при сіяніи прекрасной луны. Ночи прекраснѣе этой нельзя видѣть въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Расположившись близъ террасы, поздною ночью, началъ я записывать послѣднія замѣчанія мои о здѣшней священной странѣ, которую завтра должно мнѣ оставить.

Все вокругъ меня тихо, и ничего не слышно, кромѣ дикихъ восклицаній какого-то сумасшедшаго монаха, который ходитъ свободно на открытомъ воздухѣ, волнуемый дѣйствіемъ луннаго свѣта.

Суббота, 14-го. — Пришелъ день моего прощанія съ Аѳонскою горою; я отслушалъ обѣдню на Славянскомъ языкѣ въ Кунакѣ; потомъ нѣсколько разъ прошелъ по улицамъ и лавочкамъ Карейскимъ, гдѣ монахи продаютъ деревянные крестики, образа, четки, ложки, съ изображеніемъ на нихъ святыхъ, и разные другіе мѣлкіе памятники Аѳонской горы, также веревки и припасы для плавателей. Въ многолюдной улицѣ увидѣлъ я Турецкаго Агу, который здѣсь богатѣетъ, но не наслаждается жизнью; онъ тужитъ о гаремѣ, котораго ему не дозволяется переселить на Святую Гору. По просьбѣ Русскихъ отцовъ я рѣшился еще разъ посѣтить скитъ святаго Иліи, и сѣсть въ лодку въ пристани ближайшаго къ нимъ монастыря, Пантократора. На дорогѣ изъ Кареи въ направленіи къ скиту, картина, сверхъ чаянія восхитившая меня, какъ будто для того, чтобы дать мнѣ

желаніе устроиться совсѣмъ на Аѳонѣ, представилась въ жилищѣ отца Прокофія, въ небольшомъ разстояніи отъ Кареи и отъ скита святаго Иліи.

Изъ его домика, устроеннаго въ самой прекрасной и лѣсистой странѣ, зритель наслаждается видомъ всей горы, до самой ея вершины, чѣмъ ни одинъ изъ монастырей не можетъ хвастать. Другой видъ на море. Въ самомъ домѣ нѣсколько опрятныхъ комнатъ, съ Русскими печами и кухнею. Впереди и сзади террасы, которыя не уступаютъ террасамъ острова Искіи, ни красотою вида, ни фруктами, которыми они убраны. Фиги, персики, виноградъ и дыни висятъ надъ самымъ балкономъ. Чего жъ здѣсь недостаетъ? Одного лишь семейнаго блаженства, и видно, что оно немало придаетъ цѣнности вещамъ, ибо отецъ Прокофій давно ищетъ покупщика для своего прелестнаго дома и не находитъ, хотя цѣна его только 1000 піастровъ, т. е. 250 рублей ассигнаціями!

До учрежденія на Аѳонской горѣ монастырей, философы Греческіе приходили сюда на житье, и, точно, не можетъ быть въ мірѣ мѣста, болѣе приспособленнаго самою природою для размышленія и созерцанія. Миѳологическія и Христіанскія времена отдали эту честь Аѳонской го-

рѣ, которая никогда не престаетъ возбуждать удивленія и живѣйшаго участія историка и путешественника.

Монахи ждали меня и приготовили для меня ужинъ, изъ всего, что только могли достать. Послѣ ужина, мы всѣ пошли въ церковь, и старшій изъ монаховъ служилъ «молебенъ для хотящихъ плавати по морю». Молитва о поданіи помощи плавателю, подобно данной во время оно Спасителемъ Апостолу, ходившему по водамъ, была прочитана для насъ, и всѣ равно, путешествующіе и братія, преклонили колѣна въ церкви слабо освѣщенной. Когда служба была окончена, мы сошли къ морскому берегу, а монахи несли сами часть нашей поклажи до лодки. Мы въ нее сѣли и поплыли, при благословеніяхъ остающихся на берегу, и долго въ темнотѣ ночной казалось мнѣ, что я слышу еще голоса монаховъ и имя Богородицы и Ангела Хранителя, между плесками волнъ, которыя бились о нашу лодку.

Такъ точно брошенные на бурное море жизни, мы часто льстимся, что слышимъ еще утѣшительный голосъ религіи, которая — увы! уже давно молчитъ, или глохнетъ въ ревѣ страстей, суетныхъ наслажденій и недостойныхъ печалей. Мы думаемъ, что неизглаженное еще вспоминаніе добра-

го и рѣдкой вздохъ по прежней невинности — добродѣтель, и любимъ воображать, что блаженные наши родители взлелѣявшіе наше дѣтство, еще наблюдаютъ со слезами нѣжности и надежды надъ нами, когда, можетъ быть, мы уже скрылись отъ нихъ въ ночи, а они, безутѣшные направили свои взоры и шаги къ вершинѣ Святой Горы.

ОСТРОВЪ САМОТРАКИ.— *Вторникъ*, 17-го. Наше плаваніе отъ Аѳонской горы не было вовсе счастливо. Вотъ уже третій день, съ тѣхъ поръ, какъ мы бьемся, то со стилями, то съ бурею и противными вѣтрами, и подвигаемся чрезвычайно медленно. —Частые острова, мнѣ кажется, болѣе останавливаютъ, нежели облегчаютъ плаваніе, потому, что, робкіе матросы, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, заворачиваютъ къ ближайшему острову при первой непогодѣ. Такова и наша участь: мы закинуты теперь на пустынномъ островѣ, и сильный южный вѣтеръ насъ задерживаетъ. Въ воскресенье утромъ, послѣ ночи, въ которой намъ показалась, что мы быстро плывемъ, находились мы, къ большому неудовольствію нашему, противъ острова Тазоса, въ самомъ маломъ разстояніи отъ Аѳонской горы. Матросы, недовѣряясь морю, воспользовались южнымъ вѣтромъ, чтобы плыть вдоль берега и

мы подвинулись только на бездѣлицу къ нашей цѣли. Вышедъ на берегъ, мы только что взглянули на островъ, лѣсной и гористый, но малонаселенный, видѣли незначительныя развалины и возвратились на лодку. Большую часть этого дня и почти всю ночь провели на веслахъ. Вчера (16-го) южный вѣтръ еще болѣе противодѣйствовалъ намъ, и матросы хотѣли непремѣнно высадить насъ на берегъ Румеліи, что чрезвычайно должно было затруднить возвратъ нашъ въ Дарданеллы. Мнѣ стоило большаго труда отклонить ихъ отъ того. Къ счастію, вѣтеръ перемѣнился, но вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, и плыть до Дарданеллъ, наши лѣнивцы завернули въ Самотраки и развели огонь. Я согласился дать имъ часа два отдыха, но когда мы опять сѣли въ лодку, уже ночью, вѣтеръ былъ столь силенъ, и волны по выходѣ изъ бухты такъ высоки, что наша лодка стала ужасно качаться. Старикъ капитанъ бодро правилъ, но мальчишка, отправленный матросами съ носа, подкрался къ кормѣ и отрѣзалъ веревки, перевязывавшіе парусы, для того, чтобы остановить ходъ лодки. Парусы, привязанные къ мачтѣ, вдругъ разлетѣлись по воздуху; вѣтръ свисталъ между мачтами; лодка стала качаться съ боку на бокъ, и матросы,

частію Турки, частію Греки, видя крайнюю опасность, которую сами навлекли, и боясь каждую минуту быть опрокинутыми въ море, подняли крикъ, кто къ Богородицѣ, кто къ Аллаху. Къ счастію, одинъ старикъ не потерялъ головы, и мы успѣли повернуть лодку и возвратиться на веслахъ къ острову. Никогда мнѣ не было такъ пріятно чувствовать твердой земли подъ собою, какъ послѣ этого неудачнаго опыта нашихъ матросовъ, которые чуть было не перевернули лодки на морѣ.

Продолжавшійся цѣлый день вѣтеръ и сильное волненіе морское отъ ночной бури не давали намъ и думать о плаваніи; мы сложили наши вещи подъ деревомъ, и собираемся провести вторую ночь на Самотраки. Мы пристали на восточномъ краѣ острова, и я сдѣлалъ довольно большую прогулку по восточному берегу. Высокая гора покрываетъ островъ отъ востока къ западу, но она разрѣзана на глубокіе овраги; лѣсу довольно; ближе къ морю кустарникъ и терніе. Но земля, по видимому, плодородная, не показываетъ нигдѣ слѣдовъ обработки. Кое-гдѣ пасутся стада, и наши матросы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы поймать и изжарить подъ кустомъ овцу; очистивъ кости, они зарыли ихъ въ землю, чтобы пастухи не взяли на будущее время предосторожностей.

Во все время нашего пребыванія, мы видѣли только двухъ мужчинъ. Я долженъ еще упомянуть о развалинахъ, найденныхъ мною въ лѣсу на восточномъ берегу, строеніи небольшомъ, изъ бѣлаго камня; не знаю какого оно вѣка, но не можетъ быть весьма древнее.

Островъ Самотраки любопытенъ тѣмъ, что по свидѣтельству разныхъ древнихъ писателей, въ немъ было первоначально введено изъ Финикіи поклоненіе Кабировъ, столь таинственное, столь ужасное и столь развратное; оно перешло потомъ съ этого острова въ Трою, а оттуда съ Енеемъ въ Италію. Памятники этого поклоненія должны заключаться въ подземельяхъ и пещерахъ, и потому должно быть весьма трудно доискаться ихъ. Если и были въ то отдаленное время какія нибудь слѣды искуства въ этихъ пещерахъ, то, вѣроятно, они уже давно успѣли изгладиться.

Желая провести вечеръ веселѣе, мы зажгли сухіе кусты у морскаго берега, и развели пламя, которое можно было увидѣть издалека, отъ самыхъ береговъ Румеліи.

ДАРДАНЕЛЛЫ. — *Четвергъ*, 19-го. Вчера, около пяти часовъ утра, мы поплыли изъ Самотраки, съ попутнымъ вѣтромъ, но скоро густыя тучи окружили насъ, и мы услышали издали громъ и увидѣли молнію на свинцовомъ горизонтѣ. Матросы увѣряли меня, что шумъ, принимаемый мною за громъ, происходилъ изъ горы въ Самотраки, и что на вершинѣ ея находится глубокій колодецъ, выбрасывающій изъ себя все, что въ него ни бросишь. Матросы примѣчаютъ, что этотъ шумъ выходитъ изъ горы при сильныхъ порывахъ *сирокко*, или южнаго вѣтра. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, волканъ кроется еще на островѣ.

Какое благопріятное обстоятельство для поклоненія, основаннаго на страхѣ! Юноша, вводимый во внутреннія таинства Кабировъ, бывалъ заключаемъ въ темномъ пространствѣ, и самый слабый свѣтъ былъ впускаемъ къ нему, только для того, чтобы

освѣтить мертвый трупъ. Но когда подземельный громъ и трясеніе показывали, что огнь бушуетъ подъ жительствомъ человѣка, кто могъ бы удержаться отъ трепета?

Очень сожалѣю, что не могъ изслѣдовать ближе этого обстоятельства на островѣ, еще весьма малоизвѣстномъ и очень любопытномъ для Исторіи. Мы скрылись, со всею поспѣшностью трусости, отъ начавшейся вчера вечеромъ грозы, въ маломъ заливѣ на островѣ Имбросѣ, и нашли тутъ, съ полдюжины мѣлкихъ Греческихъ судовъ, приведенныхъ сюда тѣмъ же случаемъ.

Имбросъ, хотя мы видѣли двѣ хаты въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышли, чего на Самотраки не видали, показался мнѣ еще дичѣе. Лѣса здѣсь нѣтъ; одни каменья и тернія. На сторонѣ острова, обращенной къ Самотраки видны развалины, которыя, какъ мнѣ показалось, остались отъ какой нибудь крѣпости среднихъ вѣковъ. Но малое мѣстечко доселѣ существуетъ не далеко отъ южнаго берега.— Вечеръ прояснился и прекрасною тихою ночью отправились мы на веслахъ, по совершенно спокойному морю. Сегодня, рано утромъ, лодка наша должна была остановить на минуту медленный ходъ свой противъ Европейскаго замка Дарданеллъ, и отдаленный голосъ доходилъ до

насъ по поверхности спокойныхъ водъ, съ вопросомъ: «откуда? «Съ Аѳонской горы,» отвѣчалъ Капитанъ нашъ, громкимъ и протяжнымъ крикомъ. «Куда ѣдете? Вы купцы?» спросилъ опять голосъ, будто бы изъ другаго свѣта. «Нѣтъ! съ путешественниками въ Эни-Кале.»—«Ступайте съ Богомъ!» и Капитанъ, закричавъ еще благодареніе, далъ сигналъ гребцамъ. Мы однакожъ тянулись еще около четырехъ часовъ до Азіятскаго замка, гдѣ вышли очень усталые на берегъ.

Первый предметъ, представившійся намъ, вовсе не былъ пріятный. Чума не дремала здѣсь во время нашего странствованія по землѣ и морю. Мы это замѣтили по страху немногихъ жителей, которые съ предосторожностью и сомнѣніемъ дозволили намъ пристать. Одна изъ жертвъ смертоносной болѣзни была въ глазахъ нашихъ предана землѣ. Убѣгая всякаго прикосновенія, мы пошли къ Русскому Консулу, чтобы отдохнуть нѣсколько въ его домѣ и собрать свѣдѣнія о нашемъ будущемъ пути. Цѣлью моею было поле Трои.

Желая осмотрѣть его со всевозможною подробностью и составить себѣ общее понятіе объ окружающей его мѣстности, отправляюсь моремъ до дальнѣйшаго пункта, а тамъ начну свои изысканія, направляясь обратно къ Дарданельскому замку.

Нанимаю ту самую лодку, въ которой мы приплыли отъ Аѳонской горы, чтобы незаразиться въ лодкѣ намъ неизвѣстной. Вечеръ прекрасный; теченіе и слабый вѣтеръ манятъ насъ внизъ по проливу, и мы тотчасъ садимся, чтобы плыть въ Тальянъ, немного подалѣе острова Тенедоса. Маршрутъ, данный Консуломъ, есть слѣдующій: моремъ до Тальяна; оттуда пѣшкомъ до мѣльницы, у мѣльницы нанять муловъ до бань Лидіи (Лидія Хамамъ). Въ этомъ мѣстѣ Консулъ отрылъ и свезъ къ себѣ какую-то мраморную статую, которую онъ мнѣ показывалъ и предлагалъ купить, но я оставилъ ее для будущихъ охотниковъ. Далѣе надлежитъ намъ перемѣнить муловъ и ѣхать въ Эски-Стамбулъ (древнюю Alexandria Troas), осмотрѣть водоводъ Ирода Аттика и выѣхать на деревню Бунарбаши, съ которой можетъ быть видно все поле Трои. Потомъ осмотрѣть ключи Скамандра, ѣхать на Чиплакъ и осмотрѣть храмъ неизвѣстный и Стадій; оттуда въ Еликли; потомъ въ Халилъ-Ели, оттуда въ Ренкіой, и осмотрѣть курганъ Есиклеса, съ коего видны могилы Ахиллеса и Патрокла. Беру сверхъ этихъ свѣдѣній описаніе Страбона и путешествіе по Малой Азіи Лика, съ его картою.

20. Къ восхожденію солнца, мы прибыли къ Тальяну. Штиль задержалъ насъ, и послѣдняя часть нашего плаванія сдѣлана на веслахъ. Ночь была очень холодная, но съ первыми лучами солнца воздухъ согрѣлся. Тальянъ назывался древле Achaeum.

Поѣхавъ отсюда вдоль берега, на *Эски-Стамбулъ*, (Турецкое имя деревни близъ Alexandria Troas), мы скоро увидѣли огромныя гранитныя колонны, изъ цѣльнаго камня, лежащія на земли изъ коихъ многія почти заросли кустарникомъ. Кромѣ этихъ огромныхъ остатковъ, много колоннъ меньшаго размѣра, но также цѣльныхъ. Во всѣхъ направленіяхъ разсыпаны мѣлкія развалины, но важнѣе всего высокая и широкая стѣна, проведенная вдоль морскаго берега. Ликъ описываетъ театръ и стадіумъ, но остатки, нами найденные, не совершенно соотвѣтствуютъ формѣ, которую сіи

древнія строенія должны были имѣть. Полагаю, что они находятся далѣе отъ берега и что мы не дошли вовсе къ нимъ. О колоннахъ, нами видѣнныхъ, скажу только, что онѣ не представляютъ размѣра Греческихъ храмовъ, и должны, по моему мнѣнію, принадлежать Римскому времени. Но я дѣлаю мои замѣчанія со всевозможною осторожностью. Мы слишкомъ поверхностно осмотрѣли мѣста, стремясь къ важному предмету нашей поѣздки, именно полю Трои. Въ остаткахъ при Кизляръ-Сераѣ замѣчателенъ подземный сводъ. Строеніе, получившее отъ путешественниковъ наименованіе Пріамова дворца, прекрасная развалина, но нѣтъ никакой причины думать, что оно могло когда нибудь быть Пріамовымъ дворцемъ, и этому преданіе неподдерживаемо вовсе стариною строенія. Сіи развалины, вѣроятно, остатки Римскаго владычества въ здѣшнемъ краю.

Высокія стѣны, сложенныя изъ дикаго камня и нынѣ заросшія плющемъ, напоминаютъ развалины обширныхъ Императорскихъ чертоговъ и бань близъ Рима. Множество обрушившихся обломковъ наполняютъ теперь внутренность зданія, которое окружено деревьями снаружи, наполнено ими внутри и совершенно усвоено природою.

Развалины водовода Ирода Аттика видны въ лѣсу, и то сравниваются съ землею, то опять возникаютъ между роскошными и красивыми дубовыми и другими деревьями.

Въ Лидія-Хамамѣ, мы нашли безъ труда, въ углубленіи оврага, ключи теплой минеральной воды, окруженные старыми стѣнами, показывающими, что сіи воды были издревле въ употребленіи. Я опускалъ термометръ въ ключи, и нашелъ, что въ одномъ изъ нихъ до 50° Реомюра.

Болѣе всего меня сегодня поразили здѣшнія телѣги, весьма любопытныя по древней своей формѣ. Всѣ путешественники, бывшіе здѣсь, говорятъ объ нихъ, но невозможно не удивляться, какъ самая старинная форма колесницы могла сохраниться до сихъ поръ въ крестьянскихъ телѣгахъ близъ древней Трои. Кажется, самимъ рокомъ предписано, чтобы нѣкоторыя вещи никогда неизмѣнялись, и чтобы духъ обновленія никогда не проникалъ въ нѣкоторые краи. Эти телѣги имѣютъ бока плетеные изъ тростника и округленные къ концамъ; задней доски нѣтъ. Словомъ, онѣ совершенно такія, какъ мраморныя изображенія бѣговой колесницы, которыя хранятся въ Ватиканѣ, и какъ рисунки ихъ на стѣнахъ Помпейскихъ. Во всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ рисункахъ къ Иліа-

дѣ, Діомедъ и другіе Греческіе воины изображены на подобныхъ колесницахъ. Въ одномъ отношеніи нынѣшнія телѣги еще проще древнихъ колесницъ, именно въ томъ, что колеса здѣшнія неимѣютъ спицъ и составлены изъ одного цѣльнаго куска дерева. Ихъ возятъ волы.

Мы пріѣхали вечеромъ въ деревню Феранли, красиво расположенную на возвышенности, и не нашедъ муловъ должны были здѣсь ночевать.

21. Сей день былъ весь посвященъ полю Трои, разсмотрѣнному нами съ должною подробностію. Около 6-ти часовъ утра, мы выѣхали на мулахъ изъ деревни Феранли, въ направленіи деревни Химели по холмамъ, покрытымъ большею частью низкимъ дубомъ и кустарникомъ. Между деревьями, мы могли уже видѣть Троянскую равнину, простирающуюся къ сѣверу, и также покрытую частію кустарникомъ, частію мохомъ и растеніями, чрезвычайно темными, имѣющими издали цвѣтъ коришневый. Предъ нами возвышался курганъ (tumulus), который свидѣтельствовалъ, что поле нами видѣнное есть въ самомъ дѣлѣ поле бывшей брани. Но, мы увидѣли все поле, ознаменованное Гомеромъ, только съ мѣстечка Бунарбаши, послѣ 5½ часовъ ѣзды. У подошвы возвышенія, на которомъ это мѣстечко стоитъ, бьютъ два ключа и мы тотчасъ узнали, по картѣ и описанію Лика, что это ключи

знаменитаго Скамандра. Но я долженъ откровенно сказать, что не нашелъ ни малѣйшей разницы въ теплотѣ ихъ, хотя не только Гомеръ о томъ говоритъ, но и путешественники подтверждаютъ то обстоятельство своими наблюденіями. Одинъ изъ ключей выходитъ на открытый воздухъ въ топкомъ мѣстѣ, и потому, вѣроятно и теряется теплота, которую мы могли бы примѣтить, еслибы отдѣлили этотъ источникъ отъ окружающаго его болота. Испареніе изъ этого источника бываетъ, вѣроятно, замѣтно только зимою, а теперь еще было слишкомъ тепло. Я, по крайней мѣрѣ, замѣтилъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ источникѣ только отъ 14 до 15° Реомюра. Видъ всего поля нигдѣ нельзя обнять лучше, какъ съ вершины Бунарбаши. Описаніе Лика совершенно точно. Теченіе Скамандра и Симоиса замѣтно, стоящему на пригоркѣ Бунарбаши, по зелени на берегахъ, или болотистымъ растеніямъ, ибо самыя рѣки слишкомъ мелки, такъ, что невозможно видѣть ихъ издали. Нынѣшнее теченіе обѣихъ рѣкъ нѣсколько затрудняетъ насъ при чтеніи разныхъ мѣстъ въ Гомерѣ, но, судя по всѣмъ примѣтамъ, рѣка Симоисъ не всегда текла по нынѣшнему ея руслу, и даже зеленая черта подобная той, что показываетъ издали нынѣшнее русло, явно указываетъ и на прежнее ея теченіе.

Ликъ назначилъ очень вѣрно на своей картѣ и нынѣшнее и прежнее теченіе Симоиса.

Курганъ Ахиллеса, мѣсто, занимаемое лагеремъ Греческимъ, Novum Ilium и Pagus Iliensium, все это видно съ Бунарбаши въ направленіи сѣвера, а курганъ Ахиллеса къ западу, или на лѣвой рукѣ зрителя. Вся равнина, сухая и грустная, сгорѣла отъ безпрепятственнаго дѣйствія солнца. Только видъ ключей Скамандра и нѣсколько деревьевъ веселятъ глазъ своею свѣжестью, какъ равно помянутая зеленая черта, показывающая теченіе рѣкъ; прочее все желто и безжизненно. Когда я глядѣлъ на пространную равнину, кое-гдѣ подымался дымъ—единственный признакъ населенія мѣстъ, гдѣ три тысячи лѣтъ тому, происходила осада, описанная Гомеромъ. Это огромное теченіе времени наводитъ сомнѣніе, и путешественникъ невольно останавливается посреди своихъ изысканій, съ вопросомъ: неужели я долженъ непремѣнно вѣрить, что Гомеръ описалъ именно это мѣсто, а не какое другое? Одинъ путешественникъ идетъ далѣе простыхъ сомнѣній, и наконецъ предлагаетъ совершенно другую мѣстность сценою Иліады. Но слишкомъ много есть положительныхъ доказательствъ, показывающихъ, 1-е, что мѣсто совершенно соотвѣтствуетъ описанію Гомера, и 2-е, что Римляне, ко-

торые были гораздо ближе насъ къ его времени, приняли также это мѣсто за сцену Иліады. Не думаю, чтобы новый Нибуръ могъ опровергнуть тождество нынѣшняго поля съ древнимъ Гомеровскимъ, хотя, можетъ статься, онъ и доказалъ бы, что не было войны между Греками и Троянами, въ описанное Гомеромъ время. Скажу болѣе: поле къ сѣверу отъ Бунарбаши являетъ какую-то историческую откровенность, которая говоритъ: «вотъ всѣ описанные признаки Троянскаго поля; теперь они ничто—безплодная пустыня; но прошедшаго, зритель, не отнимай у меня. Оно одно мнѣ принадлежитъ!» Чѣмъ болѣе разсматриваемъ каждую часть этого поля, тѣмъ болѣе остаемся убѣжденными, что оно дѣйствительно то, за что Исторія его принимаетъ.

Естественное заключеніе, проистекающее изъ опредѣленія мѣстности Греческаго лагеря близь морскаго берега и поля военныхъ дѣйствій посредствомъ рѣкъ Симоиса и Скамандра, есть то, что самый городъ находился подалѣе Бунарбаши, т. е. немного въ юго-восточномъ направленіи отъ этого мѣстечка. Таково предположеніе Лика, и нѣтъ причины съ нимъ совершенно не согласиться; мы увѣрились собственными наблюденіями, что въ

этомъ именно направленіи находился Пергамъ (или акрополисъ, цитадель Трои).

Къ югу, за тремя курганами на горѣ, изъ коихъ Шевалье называетъ одинъ гробомъ Гектора, мы открыли, въ самой покатости горы, явные остатки стѣны, сложенной изъ большихъ обтесанныхъ каменьевъ.

Сіи остатки, почти совсѣмъ покрытые мхомъ, находятся на крутомъ берегу, который спускается почти перпендикулярно къ потоку Симоиса. Признаюсь, что открытіе, подтверждающее столь сильно мѣстность Пергама, было для меня весьма пріятно. Одно затрудненіе представляется намъ въ объясненіи, при подобномъ положеніи Пергама, сказанія Гомера, что Ахиллъ гналъ Гектора вокругъ города; потому что ни Ахиллъ, ни Гекторъ, никто на свѣтѣ не могъ бы бѣгать по такой крутой покатости горы, но Ликъ объяснилъ это затрудненіе весьма правдоподобнымъ разсужденіемъ, что Ахиллъ гналъ Гектора не вокругъ города, но предъ городомъ и въ виду города, и что они оба описывали кругъ, одинъ убѣгая, а другой наступая по пятамъ его.

Критика должна изслѣдовать каждую черту мѣстности и сличить ее съ описаніемъ въ поэмѣ.

И какъ сухъ ни былъ сей трудъ, онъ вознаграждается окончательнымъ увѣреніемъ, что это мѣсто есть то самое, которое описалъ Гомеръ.

Я не ограничился бы этими скудными замѣчаніями, еслибы имѣлъ только средство разрыть одинъ изъ кургановъ господствующихъ на горѣ Пергамской. Но физическихъ средствъ у насъ недоставало. Во первыхъ, мы не имѣемъ позволенія Султана дѣлать разрытія (excavations) и не могли бы къ нимъ приступить безъ опасеній, что жители тому воспротивятся, а второе, нѣтъ у насъ людей исполнить это дѣло, еслибы оно и было дозволено. Когда капитаны судовъ нашихъ Ифигеніи и Ѳемистокла испросили бы для себя позволенія дѣлать подобныя изысканія, въ то время, когда сѣверные вѣтры препятствуютъ входу ихъ въ Дарданеллы, то ихъ матросы могли бы въ одну недѣлю разрыть всѣ курганы, и, вѣроятно, обогатили бы свѣтъ плодомъ новыхъ изысканій.

Съ трудомъ оторвался отъ горы, господствующей надъ полемъ, памятнымъ не одною войною, но и дружбой Ахиллеса и Патрокла, горестью Пріама, и всѣми возвышенными чувствами, которыми человѣкъ всегда будетъ дорожить. Романтизмъ не изобрѣлъ ничего возвышеннѣе.

Спускаясь съ Пергама, я увидѣлъ, по указанію одного изъ моихъ товарищей, конусъ Аѳонской горы. Едва могъ я отличить его на синемъ небосклонѣ. Гора такъ отдаленна, что она оттѣняется отъ голубаго неба только что слабымъ цвѣтомъ, немного потемнѣе самаго неба. Это призракъ, бесѣдующій черезъ море съ Идою, какъ съ родственною древностью, и взволнованному воображенію кажется, что сіи двѣ горы говорятъ другъ другу о многихъ столѣтіяхъ, накопившихся на ихъ главахъ и непостижимыхъ для краткожизненнаго человѣка.

Должно прибавить, что я видѣлъ Аѳонскую гору съ подножія Иды, но самую Иду не видалъ, не только съ Аѳонской горы, но и отъ самаго ея подножія. Ида претаинственная гора. Она вовсе не видна съ мѣстоположенія древней Трои, вѣроятно, отъ весьма постепеннаго своего возвышенія. Одинъ холмъ ея отнимаетъ видъ другаго.

Спустившись съ деревни Бунарбаши, мы отправились въ мѣстечко Чиблакъ, по равнинѣ полуизсохшей, полуболотистой. Намъ попадались на встрѣчу верблюды, нагруженные хлопчатою бумагою; одинъ привязанъ къ хвосту другаго, и колокольчикъ висящій на шеѣ перваго въ ряду возвѣщаетъ пустынѣ медленное шествіе каравана. Про-

шедъ все поле Трои съ одного края до другаго, мы остановились только часа на полтора въ Чиблакѣ, и отправились при свѣтѣ луны въ деревню Ренкіой на ночлегъ.

Воскресенье, 22. — Вчерашній день, столь занимательный для насъ обозрѣніемъ памятнаго поля, окончился общимъ испугомъ. Мы уже приближались къ Ренкіой, когда Турецкій драгоманъ подъѣхавъ къ моей лошади, сказалъ мнѣ въ полголоса, что, по несомнѣннымъ признакамъ, мой служитель Дмитрій заразился чумою, и что у него уже показалась большая опухоль подъ мышкою. Какая ужасная минута! Я никогда ее не забуду. Судьба несчастнаго Дмитрія, оставившаго въ Корфу жену и дѣтей, всѣмъ намъ показалась печальною, но мы въ первую минуту не могли не думать и о себѣ, и каждый изъ насъ былъ увѣренъ, что чума сообщена намъ чрезъ безпрестанное прикосновеніе, что она уже заразила наши вещи, и что зародышъ смерти уже кроется въ тѣлахъ нашихъ. Что дѣлать? Какъ только пріѣхали мы въ Ренкіой я долженъ былъ объявить Дмитрію, что отсюда

будетъ онъ путешествовать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ общаго конвоя, что онъ не долженъ болѣе прикасаться къ вещамъ моимъ, и хотя мы надѣемся, что онъ не зараженъ, но во всякомъ случаѣ должны предостеречься. Онъ увѣрялъ меня, что онъ здоровъ, и что болячка, которою онъ страдаетъ подъ мышкою, происходитъ отъ раны, полученной имъ, когда онъ рубилъ дрова въ Самотраки. Я оставилъ его на ночь въ отдѣльной комнатѣ, готовясь найдти его сегодня или мертвымъ, или при смерти, и думая, что всѣ мы, по очереди или совокупно, захвораемъ и послѣдуемъ за нимъ. Не смотря на мучительное безпокойство, котораго я не въ силахъ описать, усталость одолѣла насъ; всѣ мы заснули и спокойно спали цѣлую ночь. Сегодня Дмитрій встрѣтилъ насъ со смѣхомъ, и показывая, что онъ ни чѣмъ не страдаетъ и не имѣетъ ни малѣйшаго жару, а только занозилъ себѣ руку, успокоилъ все наше общество на счетъ насъ самихъ. Мы воскресли, благодаря Бога, ибо уже осуждали себя на вѣрную смерть, и принялись опять за наши странствованія и изысканія. Изъ Ренкіой, по Турецкому Ишлимонъ (что значитъ «разбойники не придутъ») мы поѣхали въ западномъ направленіи на Хали-Ели, чтобы взгля-

нуть на поле Трои съ противнаго конца тому, откуда вчерашній день мы его обозрѣвали.

Въ Хали-Ели я нашелъ груду обломковъ Греческой и Римской архитектуры, лежащихъ на землѣ и образующихъ на равнинѣ фигуру огромнаго копыта. Здѣсь списалъ я одну Греческую надпись *, и возвратился въ Ренкіой другимъ путемъ, ближе къ морю, мимо Палео Кастро, древняго Segeium, какъ полагаетъ Ликъ. Курганъ, или гробница Аякса, видѣнъ съ сей дороги.

Окончивъ мою поѣздку въ Хали-Ели, предпринятую съ тѣмъ, чтобы довершить мои понятія о мѣстности Трои, я приготовился ѣхать изъ Ренкіой, оставившая въ памяти моей пріятное впечатлѣніе, не смотря на страхъ, претерпѣнный нами вчерашній день въ этомъ мѣстѣ. Крыши въ сей деревенькѣ всѣ плоскія. Греки населяютъ ее, и какъ сегодня праздникъ, то они ходили по улицамъ въ нарядномъ одѣяніи. Между дѣвицами были двѣ, или три весьма пріятной наружности. Ѣдучи по Азіятской Дарданельской землѣ, на плоской равнинѣ, я думалъ, что въ случаѣ нападенія морской силы на Константинополь, вѣрнѣйщее средство къ овладѣнію Азіятскимъ замкомъ пред-

* По ея несовершенству, я не помѣстилъ ея вмѣстѣ съ другими.

ставляется со стороны земли. Флотъ нашъ зимовалъ во все время блокады Дарданелъ, въ 1828 году, между островами Кроликовъ и берегами Анатоліи, т. е. въ разстояніи какихъ нибудь двухъ верстъ отъ берега. Если высадить отъ 3 до 4 т. человѣкъ, съ шестью орудіями, и приказать имъ обойдти замокъ съ юга, а между тѣмъ послать судно, занять крѣпость съ моря, то, я увѣренъ, что она не можетъ долго удержаться; но замокъ Европейскій и важнѣе самъ по себѣ, и еще приступнѣе Азіятскаго съ конца залива Сароса.

Приближаясь къ Дарданельскому замку, и къ самому городу Султана-Химаръ, мы были поражены мертвою тишиною и безлюдствомъ этого мѣста. Стая собакъ терзала какое-то мертвое тѣло подъ самыми городскими стѣнами. Внутри ихъ, было такъ пусто и тихо, что нельзя было безъ ужаса ѣхать по длиннымъ улицамъ, гдѣ не видать ни одного человѣка, между полуразвалившимися домами съ закрытыми ставнями. Видно, что чума наполнила страхомъ всѣхъ жителей, которые еще не достались ей въ жертву, и что многіе убѣжали изъ города, Богомъ караемаго. Это была картина самая мрачная, изъ всѣхъ, видѣнныхъ въ моемъ путешествіи. Однакожь, пріѣхавъ въ домъ нашего Консула, мы не могли удержаться отъ смѣха, при видѣ

разныхъ предосторожностей, съ которыми онъ насъ принялъ. Видно, что приключеніе съ Дмитріемъ дошло до его слуха, ибо у самыхъ дверей его намъ объявили, что Консулъ будетъ принимать насъ въ сѣняхъ, и проситъ насъ не ходить вверхъ по лѣстницѣ. Дѣйствительно, мы остались внизу, а Консулъ, явившись на какомъ-то балконѣ давалъ намъ аудіэнцію сверху внизъ, не какъ Русскій, а какъ Римскій Консулъ посламъ побѣжденнаго народа. Предметы переговоровъ были довольно важны и занимательны: 1) поѣздка въ Трою стоила мнѣ 600 піастровъ, т. е. 150 рубл., и у меня не оставалось больше ни гроша денегъ, чтобы выѣхать изъ Дарданелъ; 2) я не зналъ, какой путь выбрать: ѣхать ли моремъ около южнаго берега, Мармарнаго моря, до Константинополя, или землею по этому берегу, или наконецъ Европейскимъ берегомъ? Намъ нужны были деньги, свѣдѣнія, оффиціяльные виды для продолженія пути, и, наконецъ, квартира, чтобъ отдохнуть отъ дороги. Консулъ согласился дать намъ все, только бы мы не уменьшали благороднаго разстоянія между нимъ и нами. На первый случай, онъ отвелъ намъ недостроенный еще домъ Русскаго Консулата на Дарданельскомъ проливѣ. Здѣсь прочелъ я письмо, требовавшее моего скорѣйшаго отправленія въ Гер-

манію, и я рѣшился ѣхать сухимъ путемъ въ Бруссу, а оттуда въ Константинополь. Такимъ образомъ приближаюсь я къ окончанію моего путешествія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣду, по любопытному краю Малой Азіи, въ прежнюю столицу Турецкой имперіи. Дѣло слажено и сообщено Консулу, который, черезъ посредство Паши, готовитъ для насъ *тескере*, родъ подорожной, на нужное число лошадей, и ходатайствуетъ также объ опытномъ проводникѣ, или *татарѣ*, какъ ихъ здѣсь называютъ.

Всѣ товарищи мои спятъ. Тишина ночная прерывается только протяжными криками ночной стражи на стѣнахъ Дарданельской крѣпости.

Понедѣльникъ, 23. — Суматоха отправленія и навьючиванія вещей на лошадей началась довольно рано утромъ, но кончилась не прежде половины десятаго. Мы беремъ здѣшніе сѣдлы, обмывая ихъ уксусомъ, хоть это и слабое средство предосторожности. Окруженные чумою, надѣемся на Бога, что Его десница выведетъ насъ изъ напасти, которой сами мы отвратить не можемъ. Мы ѣдемъ вовсе не тѣмъ медленнымъ шагомъ, которымъ тащились по Греціи, но прыткою рысью, или галопомъ, и на лихихъ лошадяхъ, которыхъ должны удерживать, вмѣсто того, что прежнихъ погоняли. Нашъ *татаръ* также молодецъ, хорошій всадникъ и красивъ собою, хотя платье его самое непристойное и безобразное: на головѣ у него, вмѣсто шлема, красный фесъ, сдвинутый на самыя брови; бѣлая юбка, изъ которой торчатъ ноги въ огромныхъ сапогахъ, привязана кушакомъ, а на немъ

виситъ множество ремней, кремней и коженныхъ мѣшечковъ на разныя дорожныя надобности. Глядя сзади, подумаете, что какая нибудь дюжая баба надѣла платье убитаго солдата и скачетъ по полю на его лошади. — Имя его Хассанъ. Онъ намъ разсказывалъ, что во время войны съ Египтомъ сопровождалъ одного Пашу, ѣхавшаго изъ Сиріи съ денежною казною; что Египтяне схватили Пашу и всю его свиту, но онъ одинъ удралъ. Арабъ, который за нимъ гнался, проткнулъ пикою суму, висѣвшую у сѣдла, но онъ поворотилъ лошадь круто и такъ, что пику изломалъ, и проч.—Онъ увѣряетъ, будто бывалъ въ дѣлѣ, и что съ нимъ сладить не всякій, но объ этомъ судить нельзя по словамъ. Между тѣмъ ятаганъ его служитъ на дорожное употребленіе: онъ рѣжетъ имъ вѣтки деревьевъ, протыкаетъ дыры въ ремняхъ и рубитъ головы индѣйкамъ и цыплятамъ.

Сегодня уѣхали мы далеко впередъ; лошади съ вещами должны были идти шагомъ по слѣдамъ нашимъ, а мы черезъ пять часовъ ѣзды нагрянули въ хорошенькую деревню Лампсаку. Хассанъ сдѣлалъ знакъ, чтобы мы въѣхали въ нее галопомъ, а самъ онъ, съ провожатымъ *суруджи*, бросился впередъ, съ такими криками, какъ будто мы нападали на жителей

и хотѣли ихъ всѣхъ перерѣзать. Видно, что въ Турціи понятія, *путешествіе* и *нападеніе*, очень близки одно къ другому. Дѣйствительно, мнѣ показалось, что мы всѣхъ перепугали.—Намъ дали, съ удивительною расторопностью прекрасный ужинъ изъ говядины, морской рыбы, множества зелени и съ краснымъ виномъ, которое тѣмъ пріятнѣе, что не крѣпко, такъ, что его можно пить стаканами, Хассанъ, безъ всякой церемоніи, сѣлъ возлѣ насъ, и таково дѣйствіе величаваго Турецкаго обхожденія, что вовсе не казалось странно, какъ онъ съ нами сидѣлъ, между тѣмъ, какъ Дмитрій намъ служилъ. — Ножей и вилокъ здѣсь не даютъ; кружка воды, съ чистымъ полотенцомъ служитъ началомъ и окончаніемъ каждаго Турецкаго обѣда, и потому Турки не находятъ упомянутыхъ орудій необходимыми, и употребляютъ вмѣсто нихъ свои пальцы.

Я очень доволенъ началомъ нашего пути. Не нужно заботиться ни о чемъ, только держись на лошади; скорая ѣзда въ пути, и изобиліе на станціяхъ составляютъ двѣ пріятныя черты, отличающія здѣшній край отъ Греціи.

О странѣ, видѣнной мною отъ Дарданельскаго замка до Лампсака, скажу только, что она вообще покрыта кустарникомъ, что на берегу морскомъ не видать никакого населенія, и что мы переѣхали

черезъ три рѣчки, посреди болотъ; одна изъ нихъ почти не примѣтна. Имена ихъ, по словамъ нашего татара Хассана, Музадей, Анындакъ и Бергусъ. На картѣ Лика рѣчки означены, но безъ именъ. Цѣлая стая орловъ сидѣла по близости къ дорогѣ и вовсе не тревожилась нашимъ проѣздомъ. Обработанныя поля и виноградные сады окружаютъ Лампсаку, которая находится на пріятномъ и веселомъ мѣстоположеніи. Древніе обломки попадаются на улицахъ и въ окрестностяхъ, какъ я могъ замѣтить, прогуливаясь на досугѣ по этому мѣстечку до ночи, которую мы здѣсь проводимъ.

Вторникъ, 24. — Чтобы вещи не задерживали насъ, мы ихъ послали впередъ, въ 4 часа ночи, а сами погнались за ними около 7-ми часовъ.—Продолженіе вчерашняго кустарника; горы низменныя; направо отъ дороги стада огромныхъ буйволовъ, отличающихся мягкою шерстью. Проѣхавъ по пространной, открытой равнинѣ Адрастея, гдѣ по преданію миѳологіи, Ганимедъ былъ похищенъ и поднятъ въ небо орломъ, мы увидѣли цѣлую стаю этихъ царственныхъ птицъ. Близость ихъ къ дорогѣ дала мнѣ мысль выстрѣлить въ нихъ изъ ружья одного Турка, который встрѣтился намъ, идущій пѣшкомъ (здѣсь всѣ ходятъ съ оружіемъ; оно составляетъ часть костюма). Чтобы я не сдѣлалъ промаха, Турокъ впустилъ другую пулю въ стволъ, и благодаря развалинѣ, я могъ подойдти къ орламъ довольно близко. Но двойной зарядъ не сдѣлалъ имъ никакого вреда, и тяжело поднявшись

на воздухъ, они сѣли въ десяти шагахъ подалѣе, съ оскорбительнымъ презрѣніемъ къ моему стрѣлянью. Никогда еще не видывалъ такихъ огромныхъ птицъ; они показались мнѣ величиною аршина въ два. На этой равнинѣ увидѣли мы рѣдкость другаго рода, лагерь кочующихъ Турковъ, расположенный въ небольшомъ разстояніи отъ дороги, на лѣвой рукѣ. Звуки дикой музыки, дѣтскіе крики, и пестрота палатокъ и халатовъ приманили насъ къ ближайшему обозрѣнію. Хассанъ согласился на наши желанія, и бросившись съ обычайнымъ крикомъ, предшествовалъ намъ, но онъ не произвелъ здѣсь такого испуга, какъ вчера въ полугреческомъ мѣстечкѣ Лампсакѣ. Напротивъ, мы были приняты съ самымъ холоднымъ спокойствіемъ. Сойдя съ лошади я вошелъ было въ первую палатку, но меня не пустили далѣе порога: это было мѣсто священное, и Турки, стоя, и читая тихо, но въ слухъ, молились, преклоняли колѣни, кланялись въ землю, вставали, не заботясь о пришельцахъ, которые, какъ будто съ неба упали въ ихъ дебри. Характеръ Турка въ высшей степени религіозный: онъ поклоняется, благоговѣетъ, мыслитъ, и вся жизнь его проходитъ въ размышленіи. Я не могъ узнать, по случаю ли свадьбы, или какого нибудь другаго празднества, собрались здѣсь

Турки въ лагерь, представляющій видъ ярмарки? Когда молитвы кончились, старшіе изъ Турковъ велѣли подать намъ кислаго молока, говядины. и хлѣба спеченаго въ видѣ тонкихъ мягкихъ листовъ. Между тѣмъ барабанъ и двѣ дудки гудѣли въ ушахъ нашихъ. Дѣти бѣгали и играли вокругъ насъ, но наши суровые хозяева съ нами не ѣли; они кормили насъ, какъ собакъ, не требуя и не принимая никакой платы, но и не отдавая намъ поклона. Вотъ истинно Турки, почитающіе себя первымъ народомъ въ мірѣ! Охотно сблизился бы я съ ними, но желаніе не было обоюдное; мы будемъ цѣнить другъ друга, можетъ быть, въ другомъ свѣтѣ, лучше нежели въ здѣшнемъ.

Здѣсь было поле первой битвы Александра Македонскаго съ Царемъ Персидскимъ. Граникъ, давшій свое имя битвѣ, рѣка не глубокая, текущая въ углубленіи оврага между деревьями, которыя растутъ на обѣихъ ея берегахъ. Мы переѣхали эту маленькую рѣку въ бродъ близъ развалинъ великолѣпнаго моста; съ обоихъ концовъ, мостъ прекрасно выстроенный изъ огромныхъ дикихъ камней, держится у береговъ, но средина его провалилась вѣроятно отъ дѣйствія землетрясеній. Къ лѣвому берегу, всѣ спайки между камнями остались горизонтальны, но къ правому, онѣ всѣ искосились и

масса камней, не разрушившихся въ мѣлкіе куски, вся подалась назадъ и опирается въ берегъ. Не знаю, Римскому, или Греческому искуству должно отнести сей памятникъ, но онъ прекрасенъ и сдѣлалъ бы честь и тому и другому. Удивляясь прекрасной массѣ этихъ развалинъ, и переходя черезъ рѣку съ камня на камень, подъ обломками моста, вдругъ услышалъ я надъ головою шумъ между листьями, похожій на движеніе лошади, или человѣка; но вмѣсто ихъ, я увидѣлъ сову величиною съ вчерашнихъ орловъ; испуганная моими шагами, она распустила огромныя крылья и съ страшнымъ крикомъ пустилась по небу. — Къ удивленію моему эта хищная птица, которая могла бы поднять зайца на воздухъ, вмѣсто того, чтобы пугать другихъ птицъ, сама была ими испугана. Множество ихъ налетѣло на нее, и она скрылась въ высокомъ деревѣ на равнинѣ—подобно грѣху, который сверкаетъ очами въ ночной темнотѣ, но скрывается передъ солнечнымъ свѣтомъ.

На ночь пріѣхали мы въ мѣстечко Димотико, имѣя въ виду на горахъ, на правой рукѣ нашей, Бигу.

Теплое время и неопрятность хижинъ заставляютъ насъ располагать ночлеги наши на открытомъ воздухѣ.

Среда, 25-го.—Полагаю, что мы совсѣмъ выѣхали изъ предѣловъ Троады, но равнина Граника, часть страны, свидѣтельницы подвиговъ Александра Великаго, еще простирается передъ нами. Горы Иды, которыя вчерашній день оставались у насъ на правой рукѣ, непримѣтно уменьшаются, но далеко впереди уже виднѣются другія горы, вѣроятно, начало цѣпи Олимпа. До самаго конца пути, я не видалъ вершинъ Иды, которая съ трехъ сторонъ совершенно скрыта съ равнины.

Сегодня ѣхали мы по землѣ вовсе необработанной, но весьма плодородной, если судить о ней по вышинѣ травъ, которыми она заросла. Имѣя свѣжихъ лошадей, мы поскакали, оставивъ суруджи, или проводника, за собою, съ тяжелою частью нашего каравана, но потеряли дорогу. Нѣсколько часовъ скакали мы по берегамъ Эзена, не находя дороги и мѣста, гдѣ могли бы переѣхать черезъ рѣ-

ку. Къ вечеру мы были близъ моря и остановились на нѣсколько минутъ, чтобъ отдохнуть подлѣ домика, выстроеннаго у самаго перешейка, соединяющаго полуостровъ Cyzicus съ материкомъ. Хассанъ выкушалъ здѣсь стаканчикъ водки, какъ будто вовсе не Музульманинъ. Но Магометане разчитываютъ, что если уже нарушать Коранъ, такъ не стоитъ пить вино виноградное, а лучше выпить чего нибудь покрѣпче. Между полуостровомъ Сизикійскимъ и нами, море имѣло видъ совершенно спокойнаго озера. Лебеди плавали въ морской водѣ довольно далеко отъ берега. Мы прибыли на ночь въ Турецкую деревню Айданчикъ, въ то время, когда голосъ Дервиша сзывалъ съ минарета къ молитвамъ и протяжно и торжественно возвѣщалъ, что «нѣсть Бога, кромѣ Бога.»

Нашъ Хассанъ, отъ лишняго усердія, поссорился съ хозяиномъ дома, въ которомъ мы остановились, и ссора кончилась не въ его пользу. Стоитъ упомянуть объ ней, въ двухъ словахъ, потому, что она характеризируетъ Турковъ. Хассанъ предположилъ завладѣть домомъ Турка, какъ мы завладѣли вчера и третьяго дня домами Грековъ; онъ прискакалъ съ обычными криками, бросился на диванъ, и протянулъ ноги, требуя, чтобы хозяинъ стащилъ съ него сапоги; но хозяинъ, высокій ростомъ и

важный, по его черной бородѣ и благородной осанкѣ, не трогался съ мѣста и глядѣлъ на Хассана съ видомъ болѣе жалости, нежели презрѣнія. Хассанъ взбѣсился, вскочилъ, и, взволнованный, вѣроятно, водкою, началъ браниться самыми грубыми ругательствами. Хозяинъ все не трогался съ мѣста, но сказалъ угрюмымъ видомъ слова три. Хассанъ продолжалъ говорить, но уже гораздо тише. Хозяинъ возразилъ что-то еще, и Хассанъ смѣшался, сталъ заикаться, и тогда хозяинъ сталъ, въ свою очередь, говорить, но долго и спокойно, а Хассанъ мой, отъ стыда и замѣшательства, не зналъ куда дѣться и терялся въ извиненіяхъ.

Четвергъ, 26-го.—Несносный жаръ продолжается во все утро, хотя ночи свѣжи. Въ 1-мъ часу по полудни пріѣхали мы въ большую деревню, или мѣстечко, *Мухалычъ*. Полагаю, что оно находится въ предѣлахъ древней *Мизіи*. Успѣхи въ наукахъ и промышленности, сдѣланныя въ другихъ частяхъ свѣта, не дошли до здѣшняго края, который, напротивъ, гораздо пустѣе и бѣднѣе нынѣ, чѣмъ при Грекахъ и подъ владычествомъ Рима. Земля здѣсь менѣе разнообразна, и не такъ прорѣзана холмами, какъ за лѣвымъ берегомъ Эзепа; она волнуется гораздо равнѣе; кустарникъ изчезаетъ, но все таки земледѣлія нѣтъ никакого. Сколько тутъ мѣста для будущаго поселенія, и не должно ли сказать, что Турецкій народъ, завладѣвшій столь отважно этими землями, не умѣетъ пользоваться ими, и какъ будто не хочетъ даже удерживать ихъ за собою. Кажется Турки, гово-

рятъ: «Волею Божіею мы эту землю взяли, и готовы выступить изъ нея, когда Богъ велитъ.»

Сегодня встрѣчали и обгоняли мы болѣе людей, чѣмъ въ прошедшіе дни. Турецкія лица и костюмы живописны и украшаютъ ландшафтъ. Одинъ старичокъ, въ длинной красной мантіи, ѣхалъ на ослѣ, другіе встрѣчались пѣшкомъ, иные верхами, всѣ съ оружіемъ, всѣ *мужчины*, всѣ кажется чувствуютъ свое достоинство и молодцы. Но между прочимъ догнали мы одного особенно замѣчательнаго видомъ барышника, ѣдущаго по одной дорогѣ съ нами, и ведущаго за собою нѣсколько добрыхъ лошадей. Платье его состояло изъ наружнаго коришневаго камзола, и другаго исподняго, полосатаго камзола, съ длинными открытыми рукавами; поясъ его былъ бирюзоваго цвѣта; шаровары широкіе и красные. Самое его лицо было выразительно: глаза и брови черные; носъ тонкій; ротъ и подбородокъ показывали рѣшительность, а высокое чело — чертогъ размышленія, было обвито огромною чалмою, будто облакомъ. Еслибы Брюлловъ былъ со мною, онъ списалъ бы своею кистью этого Турка, и назвалъ его Магометомъ II.

Въ Мухалычѣ, какой-то Армянинъ явился на постоялый дворъ и началъ комплиментировать меня по Французски, что здѣсь казалось вовсе некстати. Въ

Турціи нѣтъ ничего красивѣе Турковъ, и ничего противнѣе Грековъ и Армянъ, которые ластятся около Османовъ, только для того, чтобы пріобрѣтать отъ нихъ выгоды, принадлежащія по праву повелителямъ. Жители здѣшніе занимаются шелковымъ промысломъ, и отправляютъ шелкъ въ Константинополь.

Мы отсюда поѣхали въ направленіи къ югу. Между Мухалычемъ и мѣстомъ нашего ночлега не подалеку отъ Улабада (древняго Lopadim) находятся развалины, но, по моему мнѣнію, не весьма древнія. Тутъ переѣхали мы рѣку, древній Rhyndacus, котораго нынѣшнее наименованіе мнѣ неизвѣстно, и увидѣли на противномъ берегу большой ханъ, или сарай, ветхій и никѣмъ незанятый. Онъ стоитъ одинъ посреди равнины. Наша ѣзда продолжалась до глубокой ночи. Совершенная тишина была прерываема голосомъ филина, походившимъ, то на торжество хищной птицы, то на жалостный крикъ раздираемаго животнаго. Поздно пріѣхали мы въ деревню Чатамене, не означенную на ландкартѣ Лика. По сей ландкартѣ, я долженъ былъ ѣхать сегодня подлѣ озера, но я не замѣтилъ его въ темнотѣ. Чатамене убогая деревня Греческая, вся составленная изъ мазанокъ, въ которыхъ Греки живутъ ужасно нечисто.

БРУССА.—27-го. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, мы увидѣли сегодня утромъ куполы и минареты, каменныя строенія и множество деревянныхъ домовъ, окруженныхъ садами. Эта масса зданій покрываетъ бокъ Олимпа и возвышается амфитеатромъ отъ самаго его основанія. Кое-гдѣ дикая скала высовываетъ угрюмое чело свое между самыми густыми деревьями и посреди жилья человѣческаго, что живописно въ высшей степени. Долина, по которой мы приближались къ городу, второму по своей важности во всей Анатоліи, очень глубока, и зелень ея напоминаетъ мнѣ прекрасную долину во Франціи, посреди которой расположенъ городъ Гренобль. Но та разница между ними, что въ Гренобльской протекаетъ довольно значительная рѣка, между тѣмъ, какъ въ долинѣ Брусской, много источниковъ, но рѣчка почти не примѣтная. Мы въѣхали въ городъ посреди обозовъ съ виноградомъ, который

везли изъ окружающихъ Бруссу садовъ. Долго тянулись мы по улицамъ, наконецъ завернули въ переулокъ, и прибыли въ домъ, прелестно расположенный, задомъ къ скалѣ, а передомъ на долину разстилающуюся передъ глазами обширнымъ зеленымъ ковромъ. Въ сѣняхъ фонтанъ, и въ нашей гостиной тоже. Эта послѣдняя комната прекрасна, и за всѣмъ тѣмъ такъ проста, что всякій въ состояніи устроить такую для себя. У нея только три стѣны и потолокъ, а вмѣсто четвертой стѣны два тонкіе столбика и балконъ, покрытый виноградомъ. Посреди комнаты находится фонтанъ и четыреугольный бассейнъ, къ которому однакожь надобно привыкнуть, иначе очень легко въ него обступиться. Низкій диванъ, служащій въ ночное время постелею, идетъ вдоль всѣхъ трехъ стѣнъ. Сидя на середнемъ диванѣ, вы видите противъ себя, вмѣсто картины всю долину Брусскую, и смѣло можно сказать, что никакой видъ изъ оконъ и никакой балконъ въ свѣтѣ не могли бы произвесть дѣйствія, достойнаго этой природной картины, вмѣщенной въ самую внутренность дома. Разумѣется, что не во всякомъ климатѣ можно устроивать такія комнаты, и что подобное уничтоженіе четвертой стѣны можетъ быть только тамъ, гдѣ природа также прелестна, какъ въ Бруссѣ.

Въ этой комнатѣ мы теперь живемъ, отдыхаемъ послѣ прогулки, обѣдаемъ и спимъ. Но Сѣверный житель не согласится на такое житье. Наши понятья о спокойствіи и уютности (comfort) соединяются съ мыслью о мѣстѣ запертомъ со всѣхъ сторонъ. Безъ того, намъ кажется, что у насъ нѣтъ собственности, и потому надобно совершенно сродниться, не только съ климатомъ, но и со вкусомъ роскошнаго Востока, чтобы наслаждаться подобнымъ жилищемъ.

Брусса городъ историческій. Древнее его имя было Prusium. Онъ былъ столицей Виѳиніи, и памятенъ еще тѣмъ, что Аннибалъ, завѣтный врагъ Римской власти, здѣсь кончилъ жизнь свою. Будучи покоренъ Турками, онъ считался столицею ихъ имперіи до пріобрѣтенія ими Константинополя, города болѣе важнаго по мѣстоположенію своему, между двумя морями и на точкѣ сближенія Европы и Азіи. Въ отношеніи къ красотѣ мѣстоположенія, Брусса уступаетъ Константинополю по отдаленности своей отъ моря, всегда оживляющаго видъ, и сближающаго насъ съ другими частями свѣта, но за всѣмъ тѣмъ, долина, посреди которой стоитъ Брусса, мѣсто волшебное. Весь день употребилъ я на прогулку по городу и его окрестностямъ. Бани здѣсь великолѣпны и, ихъ употребляютъ Турки не

только для чистоты, но и для здоровья. Нѣсколько минеральныхъ источниковъ имѣютъ цѣлительныя свойства, и привлекаютъ сюда больныхъ изъ Константинополя, но молва объ нихъ еще долго не повредитъ Карлсбаду. Бани находятся на самомъ краю города. Я только что заглянулъ въ нихъ, не имѣя силъ выдержать чрезмѣрнаго жара. Самые Турки выходятъ изъ нихъ совершенно истощенными. На горѣ видны своды древняго Римскаго дворца. Стоитъ взойти на это мѣсто, не только для самыхъ развалинъ, но и для вида на городъ, расположенный въ двухъ долинахъ. Въ остаткахъ стѣнъ дворца замѣтны нѣкоторые обломки мраморныхъ барельэфовъ, и глиняные барельэфы, представляющіе орловъ.

Изъ Турецкихъ памятниковъ Бруссы особенно любопытенъ мавзолей Орхана, сына Османова, возвышающійся величественно надъ его могилою.

28-го. — Сегодня мы осмотрѣли большую Армянскую католическую церковь, и при ней школу, въ которой старичокъ, съ румяными щеками, сидя на полу съ книгой предъ нимъ и плетью въ правой рукѣ, преподавалъ науки двумъ сотнямъ мальчиковъ, сидѣвшихъ также на полу въ два ряда, вдоль и поперегъ большой залы. Эти несчастныя созданія имѣли видъ больной, и походили на старичковъ и осанкою и выраженіемъ лицъ. Церковь Армянская безъ иконостаса, и походитъ на большую часть католическихъ церквей, съ тою разницею (не знаю всегда ли такъ бываетъ, или случайно), что ступени ведутъ къ алтарю не спереди, а со стороны; если священникъ попятится лишній шагъ во время службы, то непремѣнно упадетъ. Мостъ надъ полуизсохшей рѣчкой покрытъ лавками, съ весьма плохими станками для тканія шелковыхъ матерій. Я купилъ здѣсь кое что,

но ткани всѣ плохи. Онѣ составляютъ однакожъ главный предметъ промышленности и торговли Бруссы. Армяне живутъ въ восточной части города.

Мечети Брусскія прекрасны, съ мраморными полами и фонтанами, но я могъ заглянуть только что въ главную изъ нихъ, когда Турки (многіе безъ носовъ, и съ другими признаками болѣзни) выходили послѣ молитвы. Турки здѣсь гораздо строже, чѣмъ въ Константинополѣ при допущеніи иновѣрцовъ въ свою святыню. Народные обычаи и нравы сохраняются здѣсь болѣе, чѣмъ въ Константинополѣ. Брусса въ нѣкоторомъ отношеніи, Москва Турціи. Вечеромъ выѣхали мы въ Муданію, чтобы завтра поспѣть въ Константинополь.

Мы отправились, не дождавшись Хассана, котораго пріятели угощали въ Бруссѣ, и прытко ѣхали ночью по направленію къ Муданію. Имѣя свѣжаго коня, я опередилъ весь караванъ мой, и не замѣтилъ, что онъ отъ меня совершенно отсталъ до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ трехъ вооруженныхъ Турковъ, скакавшихъ за мною. Подозрѣвая, что тутъ кроется какая нибудь шалость, я остановился у первой деревни, и вытребовавъ Агу, дождался пріѣзда моихъ товарищей, которые пріѣхали въ одно время съ упомянутыми ѣздоками, изъ коихъ одинъ былъ бимбаши, или полковникъ. Товарищи мои жа-

ловались, что онъ принудилъ ихъ отстать отъ меня, угрожая зарѣзать, если они не дадутъ ему обогнать ихъ. Едва г. Петрашевскій объяснилъ это обстоятельство Агѣ, какъ сей начальникъ приказалъ бимбашѣ просить прощенія у иностранцовъ, и послѣ того, когда онъ приказаніе исполнилъ, предлагалъ еще намъ задержать его подъ стражею, если только мы потребуемъ. Г. Петрашевскій, съ большею ясностію и большимъ присутствіемъ духа изложивъ Агѣ шалости бимбаши, отвѣчалъ, что когда онъ просилъ уже извиненія, пусть продолжаетъ путь свой съ миромъ, но что если онъ вздумаетъ опять вмѣшиваться въ наше общество, или прикасаться до вещей нашихъ, то, по возвратѣ нашемъ въ Константинополь, Сераскиръ прикажетъ повѣсить его у воротъ отцовскаго дома. Этотъ разговоръ происходилъ въ деревнѣ около полуночи. Часа черезъ два мы были въ Муданіи, и теперь дожидаемся въ корчмѣ разсвѣта.

29-е. Муданія расположена на берегу глубокаго залива въ равномъ разстояніи отъ Мармарнаго моря и отъ конца залива. — Такое мѣстоположеніе должно быть очень удобно, и для торговли, и для рыбной ловли, которою многіе здѣсь промышляютъ. Противный берегъ крутъ и гористъ. Древнее имя здѣшней горы: Mons Argantonius. Страбонъ разсказываетъ о сей странѣ, что Иласъ, сопутникъ Геркулеса, въ путешествіи за Золотымъ Руномъ, здѣсь былъ похищенъ нимфами, и до сихъ поръ прибавляетъ онъ, въ тамошнихъ мѣстахъ отправляется праздникъ, во время, котораго люди бѣгаютъ по горамъ, вызывая Иласа, какъ будто онъ все еще прячется въ окрестныхъ лѣсахъ. Странно, что и понынѣ происходитъ здѣсь что-то подобное; матросы разсказали мнѣ, что въ осеннее время поклонники приходятъ сюда изъ отдаленныхъ краевъ молиться, въ часовнѣ, въ окрестностяхъ мѣстечка Армолы, или

Армоки и, что потомъ они начинаютъ прогулки и пляски по горамъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что при измѣнившемся предметѣ поклоненія, старинный обрядъ такимъ образомъ здѣсь до сихъ поръ существуетъ.

Мы доплыли довольно скоро до мыса Бозбурунъ, древняго Posidium, скалы, круто подымающейся изъ моря; но тутъ штиль захватилъ насъ, и только подъ вечеръ поднялся опять вѣтерокъ. Около полуночи, мы остановились въ водахъ Босфора и вышли въ Топханѣ, гдѣ тысячи собакъ привѣтствовали насъ своимъ лаемъ. Такъ кончился второй періодъ моего путешествія, которому скоро должно кончиться совсѣмъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. *Октября* $^{7}/_{19}$. — Скоро минетъ недѣля втораго моего пребыванія въ Византіи, но время здѣсь проходитъ весьма скоро, хотя нельзя сказать непримѣтно. Такое выраженіе можно вѣрнѣе употребить въ Италіи и другихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь протекаетъ мѣрнымъ, однообразнымъ теченіемъ. Въ Константинополѣ каждый день имѣетъ свою особенную характеристику. Пріѣхавъ около полуночи съ 29-го на 30-е число къ пристани Топхана, мы узнали въ домѣ Комидаса, что чума открылась въ прежде занимаемой нами квартирѣ, у Джозепино, и для насъ нанята другая. Черезъ два дня послѣ нашего отъѣзда, мальчикъ, который служилъ для всего дома, и чистилъ сапоги для жильцовъ, подрался на ловлѣ перепелокъ съ зараженнымъ человѣкомъ. Спустя нѣсколько часовъ открылись на немъ всѣ признаки чумы, и онъ вскорѣ умеръ въ страданіяхъ, хотя человѣкъ, отъ

котораго онъ заразился, не показывалъ до того времени никакихъ признаковъ чумы. Какимъ чуднымъ образомъ избавились мы отъ ужаснѣйшей смерти! Еслибы мы болѣе страшились тѣхъ опасныхъ случаевъ, которые встрѣчали насъ въ Дарданеллахъ, и на всемъ пути нашемъ, и не выѣхали изъ Константинополя, то подверглись бы еще большей опасности, будучи въ зараженномъ домѣ. Еслибы и были мы спасены, то намъ пришлось бы провести сорокъ дней въ какомъ нибудь отдаленномъ и безпокойномъ мѣстѣ, безъ всякаго прикосновенія съ нашими знакомыми и соотечественниками *.

На слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда, я поѣхалъ въ Буюкдере, чтобы приготовить бумаги къ

* Находясь послѣ того въ Семлинскомъ карантинѣ, я проклиналъ свою судьбу, и человѣка, который каждый день приходилъ свидѣтельствовать насъ, и окуривать всѣ наши вещи; но мой собственный примѣръ показалъ мнѣ, какъ важны карантинныя постановленія, и какъ свято должно всякому человѣку наблюдать ихъ. Мой слуга Дмитрій оставилъ въ домѣ Джозепино всѣ свои шитыя Албанскія платья, когда я поѣхалъ на Аѳонскую гору, не захотѣлъ потомъ лишиться ихъ, взялъ ихъ обратно, и безъ моего вѣдома, изъ того мѣста, гдѣ они хранились, и потомъ уложилъ ихъ съ моими вещами, которыя до Семлина и не были открываемы. Еслибы онѣ не были здѣсь каждый день окуриваемы, легко могли бы мы привезти чуму въ самое сердце Германіи! Только въ Берлинѣ узналъ я объ этомъ случаѣ отъ самаго Дмитрія, который не имѣя болѣе карантиновъ въ виду, думалъ, что можетъ похвастаться своей продѣлкой.

отъѣзду въ Германію, и узнать какія нибудь вѣсти о томъ, что происходитъ въ Европѣ. Я сѣлъ въ легкій каикъ, и Босфоръ еще разъ развернулся передо мною во всей свѣжести и во всемъ величіи картинъ своихъ. Я летѣлъ мимо кораблей, возбуждающихъ удивленіе Англичанъ, но которые не могутъ выдержать и одной бури на открытомъ морѣ, плылъ подъ открытыми окнами дворцовъ Султанскихъ, испещренныхъ всѣми возможными красками, красныхъ и зеленыхъ снаружи, раззолоченныхъ изнутри, хотя и деревянныхъ, и любовался темною кипарисною тѣнью садовъ, гдѣ невольницы гаремовъ покоятся на пуховыхъ подушкахъ, за позолоченными рѣшетками. Я прощаюсь съ Константинополемъ, и совсѣмъ его природнымъ величіемъ и мишурнымъ блескомъ.

Молодой Чихачевъ, причисленный къ здѣшней миссіи, возвратился изъ продолжительнаго и опаснагопутешествія въ Египетъ, заглянувъ въ разныя любопытныя мѣста Малой Азіи и на островъ Родосскій, гдѣ онъ едва не погибъ при кораблекрушеніи. Желательно, чтобы онъ сообщилъ свѣту свои наблюденія во время столь утомительнаго и опаснаго пути. Охота странствовать явилась и въ начальникѣ Австрійской миссіи, Баронѣ Штюрмерѣ, который ѣздилъ въ Смирну, и видѣлъ тамъ

бой верблюдовъ и другія зрѣлища, представленныя въ честь его, а также балъ, вѣроятно, не столь роскошно освѣщенный, какъ наши сѣверные, но за то болѣе нашихъ богатой прелестными лицами. Сожалѣю, что не былъ свидѣтелемъ этихъ увеселеній, равно какъ не воспользовался случаемъ видѣть представленіе посла Султану. Баронъ Штюрмеръ получилъ отъ своего Двора повышеніе въ чинѣ, и бывши до сихъ поръ Министромъ, носитъ теперь званіе Интернунція при Высокой Портѣ. По тому представлялся онъ Султану, и какъ подобные случаи рѣдки, а этикетъ Турецкаго Двора не весьма разборчивъ, то лица, вовсе не приписанныя къ посольству, и даже иностранцы, бываютъ иногда причисляемы по благосклонности посла къ его свитѣ.

Не одно это происходило въ Константинополѣ, великомъ театрѣ Европы, пока я пустынно жительствовалъ, или по словамъ монаховъ безмолствовалъ на Аѳонѣ. Великобританія, представляемая въ лицѣ лорда Дургама, поплыла по Босфорскому заливу, съ поклономъ въ сѣверную столицу самой могущественной изъ державъ. Нашъ Посланникъ давалъ лорду Дургаму, при отъѣздѣ его, великолѣпный балъ, и воды Босфора озарялись иллюминаціею Русскаго дворца въ Буюкдере.

Вечеръ, проведенный мною въ этомъ дворцѣ, отличался прелестью другаго рода. Супруга одного изъ г-дъ Секретарей нашей миссіи, Итальянка, одаренная прелестнымъ голосомъ и музыкальнымъ дарованіемъ, какія встрѣчаются въ одной только благословенной Италіи, пѣла нѣсколько прекрасныхъ арій. Сегодня же узналъ я о смерти музыканта Беллини, слушая его аріи изъ Сомнамбулы и изъ Монтекки, въ которыхъ каждая нота говоритъ, какъ велика потеря, сдѣланная свѣтомъ въ семъ превосходномъ композиторѣ.

2-го числа. — Верхомъ возвратился я изъ Буюкдере въ Перу, и ѣхалъ пустынною скучною дорогою, которая рѣзко отличается отъ водянаго сообщенія между Константинополемъ и его предмѣстіями. Я не встрѣтилъ почти ни одной души, и проѣзжая близко мимо развалинъ у самой дороги видѣлъ филина, сидящаго спокойно на высотѣ одной сажени отъ земли!

Приготовляясь къ отъѣзду, долго колебался я, какой путь выбрать? Съ одной стороны самое короткое плаваніе доставитъ меня въ Аѳины, и дастъ случай повѣрить нѣкоторыя замѣчанія, взглянуть опять на Акрополисъ, и возвратиться въ Римъ, согласно первому моему плану; но нынѣшняя цѣль моя Германія: путь туда и карантины, несравненно длиннѣе, если мнѣ ѣхать черезъ Италію. Съ другой стороны, пароходъ манитъ меня въ Одессу, но перебраться оттуда до Берлина, гдѣ находится мое

семейство, представляетъ также много затрудненій. Мнѣ совѣтуютъ избрать третій путь, гораздо изнурительнѣе, правда, двухъ другихъ, но за то самый скорый изъ всѣхъ: именно, ѣхать верхомъ, черезъ Адріанополь, и Софію, въ Бѣлградъ, а оттуда, какъ придется, до Вѣны, и я рѣшаюсь на такое предпріятіе, которое дастъ мнѣ случай познакомиться съ Европейскою частью Турецкой имперіи.

Между приготовленіями къ отъѣзду я пользуюсь всѣми случаями, чтобы видѣть неизвѣстныя еще мнѣ части города, и съ особеннымъ любопытствомъ разсмотрѣлъ я сегодня Константинопольскія цистерны.

Эти огромные памятники достойны Римлянъ, которые снабдили ими свою Восточную столицу, и оставили здѣсь, какъ и всюду, слѣды своей щедрости и великолѣпнаго вкуса. Недостатокъ ключей по близости къ городу дѣлалъ необходимымъ постройку въ объемѣ его большихъ водохранилищъ, въ которыя вода собиралась бы изъ окрестностей, посредствомъ водоводовъ. Девять такихъ водохранилищъ находятся въ разныхъ мѣстахъ Константинополя. Изъ нихъ два не были покрыты потолкомъ и будучи наполнены водою, должны были имѣть видъ обыкновенныхъ прудовъ. Теперь, оставаясь безъ воды, ихъ обширныя углубленія заняты домами и прекрасными садами, которые отъ низменности

земли получаютъ нѣкоторую влажность, и потому зелень въ нихъ самая роскошная. Турки называютъ ихъ «садовыми ямами». Прочія водохранилища вообще покрыты, и колонны поддерживаютъ ихъ крыши; одна извѣстна подъ именемъ Цистерны Тысячи Колоннъ, хотя имѣетъ ихъ не болѣе 104; въ другой находятся 32 колонны, прекрасно обдѣланныя въ Коринѳскомъ вкусѣ и съ капителями. Цистерны теперь совсѣмъ сухи, и въ нихъ накопилось столько сору и земли, что во многихъ изъ нихъ только одна верхняя половина колоннъ видна, а на концахъ цистернъ земля почти равняется съ потолкомъ.

Эти пустыя подземельныя пространства освѣщенныя съ одного только конца, представляютъ живописную картину, и думаю, что Гранетъ, или какой нибудь другой живописецъ въ его родѣ, могъ бы воспользоваться ихъ мѣстностью и изобразить здѣсь интересную историческую сцену. Турки употребляютъ эти мѣста для пряжи веревокъ. — Но должно предполагать, что нѣсколько неизвѣстныхъ водопроводовъ, ниже самыхъ цистернъ, существуютъ до сихъ поръ, ибо здѣсь сдѣланы кое-гдѣ колодцы и вода находится не весьма глубоко. Какъ бы то ни было, Турки могли бы возобновить цистерны весьма легко, и я полагаю, что такой трудъ не былъ бы излишенъ, ибо, въ случаѣ осады города,

какъ замѣтилъ Англичанинъ Слѣдъ, стоитъ только разломать водопроводы, чтобы лишить тотчасъ жителей воды. Турки воспользовались еще не вполнѣ, но только отчасти новѣйшимъ открытіемъ доводить воду подземными трубами до высоты ея источника. Они положили трубы на нѣсколько верстъ, и потому необходимо имъ строить на каждыхъ ста саженяхъ колонны, съ двойной трубой, по которымъ вода восходитъ и нисходитъ совершенно по пустому. Турки думаютъ, что безъ помощи такихъ колоннъ вода истощитъ свою силу, и не будетъ всходить до первоначальной своей высоты — странное заблужденіе, сохраняемое еще до нынѣ, не смотря на множество живущихъ здѣсь иностранцовъ, въ числѣ коихъ вѣрно находится нѣсколько знающихъ, хоть первоначальныя правила Гидравлики! Что касается до водопроводовъ на аркахъ, многіе изъ нихъ болѣе не въ употребленіи, и служатъ только памятниками художественной древности. Замѣчательно, что нынѣ возраждается въ Англіи что-то въ родѣ этихъ архитектурныхъ исполиновъ, многочисленныхъ въ окрестностяхъ Константинополя и Рима. Судя по описаніямъ работъ, производимыхъ въ Англіи для желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ надъ глубокими оврагами, можно полагать, что мосты тамъ строются на не менѣе высокихъ и длинныхъ

аркадахъ. Со временемъ, можетъ быть, найдутъ средство двигать паровыя кареты по горамъ и долинамъ, и тогда аркады Великобританскія сдѣлаются такъ же безполезны, какъ и воздвигнутыя древнимъ Римомъ.

Мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Азіятскія Прѣсныя Воды, и я былъ счастливѣе прежняго тѣмъ, что засталъ Султана вблизи гулянья. Онъ отдыхалъ на сосѣднемъ лугу, и тѣшился глядя на своихъ придворныхъ, которые стрѣляли изъ лука. Иногда Его Высочество самъ брался за лукъ и стрѣлялъ, но вовсе не въ цѣль, а только для того, чтобы запинуть стрѣлу, сколько можно далѣе. Какъ скоро онъ выстрѣлитъ, придворные бросаются поднимать стрѣлу, и если она очень далеко упала, то на мѣстѣ сооружается столбъ, съ надписью, что до сихъ мѣстъ Султанъ такой-то, братъ солнца и луны, и проч. и проч., пустилъ свою стрѣлу. По свидѣтельству такихъ столбовъ послѣдній Султанъ стрѣляетъ всегда далѣе всѣхъ его предшественниковъ, но такъ было бы и не въ одной Турціи, еслибы страсть къ подобной невинной стрѣльбѣ существовала и въ другихъ земляхъ. Солдаты, стоящіе на часахъ, допустили меня весьма близко къ мѣсту Султанскаго увеселенія, но я могъ бы подойдти еще ближе, еслибы собственная моя предосторожность меня не удержала.

Сегодня вечеромъ Пера была испугана страшнымъ провозглашеніемъ, что въ Константинополѣ пожаръ. Нигдѣ подобная вѣсть не причиняетъ такого ужаса, какъ здѣсь. Пожары распространяются на цѣлые кварталы, съ удивительною быстротою. За пятдесятъ домовъ отъ горящаго, хозяева спѣшатъ вынести свои вещи. Небо скоро воспламенилось надъ Стамбуломъ, т. е. на противной сторонѣ Золотаго Рога, но часа черезъ два зарево стало уменьшаться, благодаря уединенному положенію пожара и тихой погодѣ.

Мнѣ прислали сюда, изъ Швейцаріи книгу, которая была уже мнѣ извѣстна по наслышкѣ: путешествіе Ламартина по Восточнымъ странамъ. Я очень радъ, что получилъ ее здѣсь, и могъ повѣрять на мѣстѣ истину его описаній. Книга вообще не нравится. Критики находятъ, что въ ней мало положительныхъ свѣдѣній, много *фразъ*, и что авторъ слишкомъ часто и пространно говоритъ о своихъ собственныхъ чувствованіяхъ и семейныхъ обстоятельствахъ. За всѣмъ тѣмъ, она имѣетъ, даже при своихъ недостаткахъ, такія красоты, какихъ обыкновенный, даже болѣе точный путешественникъ, никогда не обнаружитъ. Ламартинъ смотритъ на страну глазами историка, который вспоминаетъ все, что въ ней было, и описываетъ

нравственный характеръ земли, очерчивая ея главныя примѣты. Мы иногда болѣе узнаемъ изъ картины, чѣмъ изъ ландкарты, и поэтъ можетъ дать намъ такой взглядъ, какого ни антикварій, ни математикъ никогда не дадутъ намъ, потому что истина заключается не только въ изложеніи предмета, но таится и въ самыхъ чувствахъ. Приведу, какъ доказательство, все сказанное Ламартиномъ о Константинополѣ, и разсказъ его объ Аѳинахъ: «Акрополисъ и Парѳенонъ, подобно алтарю, возвышаются въ разстояніи трехъ лигъ передъ нами, отдѣляясь отъ горъ Пентеликона, Химета и Анхезма; въ самомъ дѣлѣ, Аѳины — алтарь богамъ, великолѣпнѣйшее подножіе, какое только вѣка могли избрать, чтобы поставить на немъ статую человѣчества! Нынѣ видъ мраченъ, печаленъ, дикъ, опустошенъ, сердце имъ отягчается; ничего живаго, зеленаго, прелестнаго, оживленнаго; истощена природа, которую одинъ Богъ можетъ оживить; свободѣ на то недостанетъ силъ; для поэта и для живописца написано на этихъ безплодныхъ горахъ, на мысахъ, бѣлѣющихъ развалинами храмовъ, на болотистыхъ, или каменистыхъ пространствахъ, богатыхъ только громкими именами — на нихъ написано: «совершилось»!

Откровенно скажу, что хотя есть мѣста прекрасныя въ путешествіи Ламартина, но читать его сряду довольно тяжело потому, что авторъ безпрестанно хочетъ держаться на ногѣ вдохновенія. Еслибы онъ не обработывалъ своихъ записокъ слишкомъ тщательно, еслибы онъ давалъ намъ простые, но истинные эскизы, вмѣсто пышныхъ картинъ, онъ болѣе удовлетворилъ бы насъ. Чтобы наслаждаться этимъ путешествіемъ надобно считать его за тему, которую Ламартинъ взялъ, желая излить въ ней свои глубокія чувствованія. Онъ исполненъ благоговѣнія; духъ пророковъ въ немъ пылаетъ, когда онъ находится въ священныхъ мѣстахъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ столько любви ко всему человѣческому роду, что онъ оказываетъ участіе ко всему, и радуясь въ одномъ мѣстѣ, что просвѣщеніе должно неминуемо воцариться на развалинахъ Турецкой власти, въ другомъ мѣстѣ тужитъ онъ, что племя, столь благородное и храброе, должно быть изглажено изъ числа народовъ.

Октября, ⁴/₁₀. Я заключилъ условіе съ Татариномъ, который долженъ доставлять мнѣ по пяти верховыхъ лошадей отъ Константинополя до Бѣлграда, и шестую подъ проводника, *суруджe*, сопутствовать мнѣ до Бѣлграда, или самаго Семлина, гдѣ учрежденъ Австрійскій карантинъ, и кормить меня дорогою на свой счетъ. Въ послѣдній разъ поѣхалъ я въ Буюкдере, проститься съ нашимъ Посланникомъ, которому столько обязанъ за благосклонное содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ, когда я къ нему обращался.— Возвращаясь въ лодкѣ, встрѣтился я съ Секретарями Англійскаго посольства, которые, узнавъ меня, остановили свой каикъ, и предложили ѣхать съ ними обѣдать на яхту Mischief, знаменитую своей красотой. Я извинялся тѣмъ, что незнакомъ съ хозяиномъ яхты, но никакія возраженія не были приняты, и съ гостепріимствомъ, истинно Англійскимъ

меня взвели на бортъ и представили капитану Лайонсу, который показалъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ прелестное свое судно, похожее на тѣхъ легкихъ мухъ, которыя пробѣгаютъ по поверхности прудовъ. Всѣ моряки въ восхищеніи отъ оснастки этой яхты. Внутренность ея отдѣлана съ большимъ щегольствомъ, и вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ весьма порядочной гостиной и столовой, двѣнадцать каютъ господскихъ для знакомыхъ или «друзей.» Капитанъ Лайонсъ приплылъ изъ Англіи, былъ въ Италіи, на островѣ Мальтѣ, въ Греціи, въ Смирнѣ, и наконецъ въ Севастополѣ, гдѣ (какъ говорилъ онъ) его крайнѣ обидили, не отдавши ему съ крѣпости салюта. Яхты частныхъ лицъ *почитаютъ себя* на правахъ военныхъ судовъ, и имѣютъ право носить Англійскій военный флагъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями въ самой формѣ, или въ мѣстѣ, гдѣ его выставляютъ. По тому-то и отдалъ онъ салютъ, котораго Севастопольская крѣпость не удостоила отвѣтомъ. Страсть богатыхъ вельможъ Англійскихъ къ яхтамъ, должна быть весьма полезна для правительства, поддерживая въ высшихъ классахъ вкусъ къ мореплаванію, точно такъ же, какъ купеческія суда полезны для образованія матросовъ изъ низшихъ классовъ государства. Въ Англіи охотники издерживаютъ ужасныя день-

ги на постройку и убранство своихъ яхтъ, и имѣютъ ежегодно съѣзды и бѣги, гдѣ преміи раздаются самымъ быстрымъ плавателямъ. Всѣ новыя улучшенія тотчасъ вводятся на яхты, и правительство часто узнаетъ изъ практики, сдѣланной на яхтахъ, удобны ли улучшенія для употребленія на флотѣ, или нѣтъ.

Обѣдъ, данный намъ капитаномъ Лайонсомъ, дѣлалъ честь его яхтѣ; всѣ вина были отлично хороши. Онъ сбирается опять въ путь, но сказалъ мнѣ, что еще не рѣшился куда ѣхать, когда я спросилъ его о томъ. Признаюсь, что если друзья пользуются его гостепріимствомъ на условіяхъ: не знать куда ихъ везутъ, то я предпочелъ бы на ихъ мѣстѣ плавать въ обыкновенной купеческой лодкѣ.

Послѣ завтра выѣзжаю изъ Константинополя. Одинъ Дмитрій, изъ всѣхъ моихъ сопутниковъ, при мнѣ еще остается. Брюлловъ колеблется въ Буюкдере между Италіей и Россіею. Гг. Петрашевскій и Френъ получали только на время моей поѣздки на Аѳонскую гору позволеніе со мною ѣхать, и остаются въ Константинополѣ при миссіи. Г. Ефимовъ уѣхалъ обратно, дня два тому назадъ, на Русской шхунѣ, въ Аѳины, а оттуда въ Италію, для окончанія тамъ разныхъ дѣлъ, по порученію Правительства. Такимъ образомъ расходится въ

Константинополѣ общество, приглашенное мною въ Римѣ съ цѣлью обозрѣть Грецію; и Богъ знаетъ сколько еще другихъ мѣстъ. Но хотя я не поѣхалъ такъ далеко, какъ сперва намѣревался; все таки тому очень радъ, что успѣлъ сдѣлать, и особенно счастливъ тѣмъ, что могъ совершить путешествіе въ обществѣ художниковъ, оставившихъ мнѣ въ рисункахъ памятники трудовъ своихъ.

ДЕРЕВНЯ БОГАДИЧЬ, НА АДРІАНОПОЛЬСКОЙ ДОРОГѢ. *Октября* $^{10}/_{22}$. Сегодня, рано утромъ, выѣхалъ я изъ Перы, и сопровождаемый Комидасомъ, оставшимся до конца усерднымъ путеводителемъ и указателемъ Константинополя и его рѣдкостей; поплылъ вверхъ по Золотому Рогу до предмѣстья Эйюбскаго, гдѣ лошади ждали меня близъ кофейнаго дома. Въ послѣдній разъ взялся, за чубукъ и кофе, въ Константинопольскомъ кіоскѣ, пока Татаръ мой и Дмитрій, съ помощью зрителей, которыми командовали они, какъ своими служителями, сѣдлали лошадей для меня и самихъ себя, и навьючивали цѣлыя двѣ горы вещей на двухъ другихъ лошадей. Ребятишки на улицѣ помогали подымать вещи, и лазили подъ брюхо лошадямъ, чтобы лучше привязать ихъ, не требуя никакого возмездія, какъ сдѣлалибы это непремѣнно Итальянцы. Не знаю, приписать ли услу-

жливость сію почтенію Турковъ къ *тескере* выданному по повелѣнію Султана, или врожденному добродушію и кротости ихъ. Простившись съ Комидасомъ и съ двумя молодыми соотечественниками, Мухиннымъ и Френомъ, я сѣлъ на лошадь и скоро выѣхалъ изъ предмѣстія Эйюбъ. Послѣдняя черта Константинополя — огромное кладбище, простирающееся далеко за городъ, и покрытое мраморными столбиками, съ Арабскими надписями и именами. Иностранецъ жившій въ Константинополѣ, долженъ удивляться, какъ мало мѣста занимаютъ кладбища въ другихъ столицахъ свѣта. Для живыхъ есть мѣста съ избыткомъ, а мертвые, въ столько разъ многочисленнѣе живыхъ, всѣ стѣснены въ небольшихъ поляхъ за городами. Часто городъ распространяется даже по самое кладбище и домы строятся на обители мертвыхъ. Не такъ дѣлается въ Константинополѣ. Здѣсь не только мертвые сохраняютъ права свои на память живыхъ, но и самый клочокъ земли, ихъ покрывающій, остается неприкосновеннымъ.

Нѣсколько красивыхъ Греческихъ хуторовъ разсыпаны въ окрестностяхъ города. Шоссе дѣлается, и полотно уже настлано на нѣсколько верстъ отъ Константинополя. Вообще мало слѣдовъ населенія. Дорога идетъ по каменистому морскому берегу; часто топкими мѣстами, лошади вязнутъ въ глини-

стой почвѣ. Море врѣзывается, почти въ видѣ озеръ, или стоячихъ болотъ въ берега, Кузукъ Чехмеджъ и Буюкъ-Чехмеджъ. — Болгары являются и Османлы съ великолѣпными чалмами, исчезаютъ почти у самыхъ воротъ Константинополя. Кажется, какъ будто Константинополь только передовой валъ, а не столица Турецкой власти, что настоящее Турецкое владѣніе начинается за Босфоромъ, и что Славянскія племена владѣютъ, или должны владѣть всѣмъ, что простирается къ сѣверу отъ пролива. Одѣяніе Болгаровъ довольно живописное, состоитъ изъ шапки круглой сваленной изъ черной овечьей шерсти, коришневой свободной курткѣ и штановъ, стянутыхъ къ низу. Широкой Турецкой драпировки болѣе не видать, но я замѣтилъ нѣсколько всадниковъ въ красныхъ шинеляхъ, которыя, отражаясь на черныхъ коняхъ, даютъ ѣздоку видъ адскаго рыцаря.

Въ первый день уѣхали мы довольно, но остановились по волѣ моего Татара обѣдать и ночевать въ безхарактерной Греческой деревнѣ Богадычь. — Ужасно видѣть, какъ онъ бьетъ хозяевъ дома арапникомъ по лицу, если они не даютъ тотчасъ всего, что только онъ отъ нихъ потребуетъ.

"/₁₁. Прошлой ночью разбудилъ меня крикъ проѣзжавшаго Татара. Дикій голосъ этихъ ѣздоковъ, которые скачутъ съ почтою, съ собственными повелѣніями Султана, или съ путешественниками, похожъ на крикъ нападающаго непріятеля. Онъ производитъ такой же ужасъ, какъ настоящій набѣгъ, потому, что эти Татары забираютъ сколько могутъ и ни за что не платятъ. Мы выѣхали до разсвѣта съ мѣста нашего ночлега, но потеряли пять часовъ въ Силиврiи, по недостатку лошадей. До сихъ мѣстъ дорога шла по берегу морскому, а отъ Силиврiи она поворачивается на сѣверъ.

Я искалъ стѣны Аѳанасiя, по Гречески *μακρον Τειχος* и нашелъ слѣды ея далѣе Силиврiи. Передовые посты армiи нашей находились въ сихъ мѣстахъ до заключенiя мира Адрiанопольскаго. Между Силиврiею и Константинополемъ пло-

скость, на которой нѣтъ ни одного холмика, могущаго остановить ходъ войска. Всякій, кто проѣдетъ изъ Константинополя до Силивріи, увидитъ какъ близка была Турецкая столица въ 1829 г. къ своему паденію.

На дорогѣ изъ Силиврія въ Чорлу, я увидѣлъ двухъ мужчинъ, которые хоронили третьяго, въ виноградникѣ. Турокъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ это происходило, сказалъ намъ, что за часъ тому назадъ, человѣкъ, котораго хоронили, былъ живъ и здоровъ. Обстоятельство показалось мнѣ подозрительно, я поскакалъ туда, но Татаръ, схвативъ узду моей лошади, остановилъ меня и недалъ мнѣ ѣхать далѣе, а человѣкъ уже былъ подъ землею! — Отъ чумы ли онъ умеръ, убитъ ли онъ былъ, умеръ ли, или только находился въ припадкѣ? Богъ знаетъ. Сомнѣніе ужасно, но не имѣя возможности пособить, если и совершилось здѣсь смертоубійство, я долженъ былъ продолжать путь мой. Впрочемъ, я утѣшался мыслью, что Турки предаютъ прахъ друзей и родственниковъ своихъ могилѣ, какъ только могутъ скорѣе изъ религіознаго убѣжденія, что духъ покойника мучится, пока тѣло его не похоронено, и потому-то они везутъ на кладбище тѣла, едва только покойникъ испустилъ послѣднее дыханіе, и чѣмъ бли-

же они были къ покойнику, тѣмъ болѣе поспѣшности въ его похоронахъ. По системѣ Татара моего, предпочитающаго деревеньки болѣе значительнымъ мѣстечкамъ, гдѣ, вѣроятно, требуется какая нибудь плата за все, что онъ забираетъ, мы остановились обѣдать, около 6 часовъ пополудни, въ Чорлу, и пробудемъ здѣсь до полуночи. Мы ѣдемъ скоро и спокойно на нашихъ иноходцахъ, но отдыхи наши слишкомъ продолжительны.

²¹/₂. Выѣхавши въ полночь изъ Чорлу, мы ѣхали въ дождь, и не видя ничего передъ собою скоро потеряли дорогу. Татаръ однакожь продолжалъ гнать свою лошадь и хлыстать мою длиннымъ арапникомъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что мы не на битой дорогѣ, а на какомъ то мягкомъ и холмистомъ мѣстѣ, гдѣ лошади, то спотыкаются, то вязнутъ. Мы остановились и собрались въ кучку, пока Татаръ и проводникъ, *суруджи* удалились въ разныя стороны, и перекликаясь, возвращались къ намъ безъ успѣха. Наконецъ Татаръ опомнился и началъ колотить проводника изъ всѣхъ силъ. День еще не начинался, но Дмитрій услышалъ въ отдаленности голосъ пѣтуха. Мы всѣ замолчали. Татаръ пересталъ драться, и мы начали прислушиваться къ пѣтуху, потерявъ, думаю, до двухъ часовъ на одномъ мѣстѣ и наконецъ направили путь свой на пѣніе пѣтуховъ, не зная да-

же въ какое мѣсто ѣдемъ. Добравшись до какихъ-то бѣдныхъ хатъ крестьянскихъ, съ помощію жителей выѣхали мы на дорогу въ Каристранъ. Лошадь моя была менѣе другихъ измучена, я доѣхалъ прежде моего каравана и остановился у крайняго дома. Черезъ запертыя ставни были видны огонь и цѣлое общество Турковъ, сидящихъ и курящихъ трубки, но дверь была заперта ключемъ. Я постучался, но Турки, хотя видѣли меня изъ окна, не отперли дверей, и когда Татаръ пріѣхалъ, то мнѣ отвели пустую комнату для отдохновенія. Что дѣлали Турки въ такомъ тайномъ ночномъ совѣтѣ? Прислушиваясь нѣсколько минутъ къ ихъ бесѣдѣ, веденной въ полголоса, можно было воображать себѣ, что тутъ идетъ прѣніе о дѣлахъ государства, и что они собрались оплакивать будущую участь Турціи.

Страна, проѣханная мною сегодня и вчера, ни чѣмъ не занимательна, и вовсе неравняется съ Малою Азіею красотою и богатствомъ зелени. Перемѣняли лошадей въ Люле-Бургазъ*, гдѣ живописная мечеть соединяется, посредствомъ покрытаго зеленью купола, съ почтовымъ дворомъ. Между этимъ мѣстомъ и Адріанополемъ объѣхалъ я обозъ

* На картѣ Гильемино это мѣсто названо Чаталъ Бургасъ.

и семейство Паши Скодрійскаго, какъ мнѣ разсказывали, недавно обезглавленнаго по повелѣнію Султана. Жены ѣхали шагомъ въ *арабахъ*, или неуклюжихъ каретахъ, везомыхъ двумя лошадьми; люди шли пѣшкомъ, а пятнатцати-лѣтній сынъ ѣхалъ верхомъ, и останавливался у каждаго фонтана, чтобы прилечь на землю, курить трубку и пить ключевую воду изъ серебрянаго кубка. Такая изнѣженность въ образѣ путешествія, необходима, можетъ быть, для молодаго *бея*, но была бы столько же въ тягость всякому юношѣ Европейскому, сколько висячая драпировка Турка, не имѣющаго, ни кушака, ни пряжекъ, ни помочей, несносна для насъ. Если кто привыкъ къ дѣятельной жизни, онъ долженъ чувствовать въ членахъ и въ самой душѣ своей нѣкоторую принужденность; неограниченное спокойствіе есть начало лѣни.

Я въѣхалъ въ Адріанополь, или, по здѣшнему Едрене, глубокою ночью. Долго ѣхали кладбищемъ, а потомъ по улицамъ, крытымъ сверху, и служащимъ базаромъ; наконецъ остановились у *хана*, или трактира. Едва раздался голосъ Татара, служители окружили меня и потащили съ лошади, на которой былъ я прикованъ усталостью и мокротою моего платья.

¹²/₂₄. Весь день пробылъ я въ Адріанополѣ, для обозрѣнія города, въ сопровожденіи секретаря, или писаря нашего Консула. Самъ Консулъ живетъ за городомъ, имѣя слишкомъ мало занятій, для которыхъ было бы нужно ему жить въ самомъ городѣ. Онъ переѣзжаетъ сюда зимой, когда ему еще менѣе дѣла, нежели теперь.

Въ Турціи мечеть, какъ во всякомъ Итальянскомъ городѣ церковь, главный предметъ любопытства для путешественника. Здѣшняя мечеть султана Селима прекрасна, легка, свѣтла и имѣетъ форму еще болѣе открытую для глазъ, нежели Софійскій соборъ. Она можетъ дать многимъ моимъ соотечественникамъ бывшимъ здѣсь, общее понятіе о Византійской архитектурѣ, но не имѣетъ ни роскоши въ матеріялахъ, ни важности въ характерѣ, ни печати Греческой имперіи, что все соединяется въ Святой Софіи. Живопись въ Султанъ Селимѣ груба и без-

вкусна, но широкій куполъ легко опирается на восьми колоннахъ, расположенныхъ кругомъ, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Всѣхъ оконъ въ мечети 999.

На минаретѣ тонкомъ и высокомъ, тройная лѣстница, съ балкономъ для дервишей призывающихъ народъ къ молитвѣ. Я остановился на первомъ этажѣ желая заглянуть на городъ и Адріанопольскую равнину.

Куча деревянныхъ, разноцвѣтныхъ домовъ, между коими красные населены Турками, и длинные ряды крытыхъ базаровъ расположены по берегу довольно широкой рѣки Арды, которая должна разливаться, какъ кажется, внѣ города. Окрестности довольно зелены, особенно около Эски-Серая, но впрочемъ видъ самый обыкновенный. Ничего нѣтъ въ немъ ни живописнаго, ни характернаго, и никакого сравненія нельзя сдѣлать съ Бруссою, а еще менѣе съ Константинополемъ. Въ Адріанополѣ около 100,000 жителей, большею частію Армянъ и Грековъ. Промышленность и торговля шелкомъ, кажется главный источникъ ихъ богатства.

Нельзя было не заглянуть и въ Эски-Серай, дворецъ великаго покорителя Адріанопольскаго, султана Амурата, который будетъ такъ же памятенъ для Исторіи, какъ квартира фельдмарша-

ла Дибича и его штаба, въ 1829 году. Сторожъ отперъ намъ ворота двора, заросшаго травою, и мы были встрѣчены высокимъ оленемъ. Онъ здѣсь господствуетъ одинъ, и бросается съ остервененіемъ на всѣхъ посѣтителей, которые должны идти вмѣстѣ, и вооружаться палками, чтобы защититься отъ его рогъ; на одного сторожа онъ не бросается. Кажется, будто въ этомъ прекрасномъ животномъ сосредоточилась оскорбленная гордость всѣхъ Турецкихъ жителей, для которыхъ слишкомъ больно жить въ предѣлахъ Султанскаго дворца, униженнаго пребываніемъ непріятеля. Одинъ олень занимаетъ весь дворъ, и свободно скачетъ сквозь разбитыя окна по нижнему этажу дворца нѣкогда прелестнаго, и до сихъ поръ еще любопытнаго, по остаткамъ позолоченыхъ потолковъ и дверей, арабесковъ и украшеній въ чистомъ Турецкомъ вкусѣ.

Стѣны одѣты разноцвѣтными изразцами, и потому пестрота Турецкаго вкуса сохранилась еще здѣсь, хотя позолота и краски на потолкахъ и дверяхъ должны скоро исчезнуть отъ сырости. Между мебелью сохранились также Султанскія кровати, которыя превращались во время дня въ софы для *дивановъ*, или государственныхъ совѣтовъ.

Фельдмаршалъ и его свита изъ скромности, или по невозможности помѣститься въ этомъ павильонѣ, занимали флигель, вовсе не богатый, но нижніе чины не всѣ показывали подобное уваженіе къ падшему величію, и по мѣстамъ остались слѣды, которые Турки предоставляютъ очистить времени. На сторонѣ двора, противъ описаннаго мной павильона, находится другой павильонъ, менѣе пышный, но также красивый, который былъ нѣкогда занятъ Султанскими дочерьми. Прихожая его комната, открытая со всѣхъ сторонъ въ Византійскомъ вкусѣ, украшена мраморнымъ фонтаномъ, который нынѣ молчитъ; за то вода протекаетъ сквозь потолокъ, какъ я самъ могъ видѣть во время проливнаго дождя. Внутренній корпусъ, на концѣ двора, между обоими павильонами, состоитъ изъ большихъ покоевъ, но еще болѣе павильоновъ разрушенъ.

За дворцомъ находятся обширныя казармы, въ коихъ помѣщалась большая часть нашей арміи.

14/26. Отправились изъ Адріанополя еще въ темнотѣ ночи, а къ разсвѣту увидѣли, сквозь густой туманъ, ивы, растущія по берегамъ и въ самомъ потокѣ рѣки Марицы, которая течетъ очень быстро; но она, кажется, сильно разлилась отъ бывшихъ дождей.

Мы проѣхали черезъ мѣстечки Мустафа Паша и Ибипча, гдѣ дорога сворачиваетъ на Рущукъ; остановились обѣдать въ Херманлы. Прекрасные *ханы*, или сараи, для помѣщенія войскъ и лошадей построены по всей дорогѣ. Они походятъ нѣсколько на наши манежи, но только повыше ихъ. Особенно красивъ ханъ близъ Херманлы, построенный султаномъ Амуратомъ II. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я останавливаюсь обѣдать, меня кормятъ отлично. Въ молокѣ, цыплятахъ и винѣ не было до нынѣ недостатка; сверхъ того если мы гдѣ останавливаемся между станціями, у хаты самой бѣдной,

чтобы дать лошадямъ время вздохнуть, намъ тотчасъ приносятъ чашечку кофею немного поболѣе грецкаго орѣха, и трубку. Такія вѣжливости имѣютъ много цѣны для путешественника верхомъ. Въ другое время года путь долженъ быть гораздо легче, но теперь дороги почти непроходимы, отъ постоянныхъ дождей. Мы проѣхали черезъ Узундъ-Якова, и вскорѣ послѣ одна изъ лошадей съ вещами упала въ рѣку, такъ, что ее вытащили съ большимъ трудомъ. Мы добрались на ночь до Хелкіой. Мѣстечко не находятся на картѣ Гильемино. Тутъ увидѣли мы подлѣ дороги огромный таборъ цыганскій. Цыганки были одѣты въ нарядъ пестрый, съ серебряными пряжками и ошейниками. Онѣ гнали съ собою стадо овецъ.

¹⁸/₈₇. *Воскресенье.* Я былъ уже верхомъ задолго до разсвѣта; проѣхалъ чрезъ Палазлы, но не остановился здѣсь. Направо отъ дороги рѣка Марица широко разлилась по долинѣ.—Въ городѣ Филибе, древнемъ Филиппополѣ, я обѣдалъ. — Всѣ жители были въ праздничномъ платьѣ; церкви я не замѣтилъ, но она вѣроятно, есть. Къ удивленію моему часто по дорогѣ встрѣчаю, даже въ бѣдныхъ деревняхъ, мальчиковъ съ книгами въ рукахъ, и замѣчаю, что и Греки и Турки имѣютъ свои училища. — Въ Филибе видѣлъ я, что почти всѣ женщины носятъ украшенія, большею частію браслеты серебряные, и купилъ два образца, чтобы заказать что нибудь подобное имъ, если Богъ выведетъ меня благополучно изъ здѣшней стороны.

Вечеръ былъ свѣжій, но ясный. Изъ Филибе въ Базарджикъ дорога идетъ по странѣ болотистой. Здѣсь растетъ много риса. Около полсотни Бол-

гарскихъ дѣвушекъ, съ красными передниками, окончивъ, по видимому, жатву, плясали на полѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги. Татаръ, желая развеселить меня, закричалъ, чтобы онѣ подошли къ дорогѣ, что онѣ и сдѣлали, и держась за руки, возобновили пляску свою по лужамъ и грязи, при звукахъ какого-то инструмента между балалайкой и скрыпкой, на которой игралъ единственный мужчина во всемъ хороводѣ. Дѣвушки всѣ хохотали, какъ сумасшедшія; вообще были онѣ нехороши, за исключеніемъ одной. — Я пріѣхалъ на ночь въ Татаръ Базарджикъ, и ночевалъ въ Болгарской избѣ, которая топится посредствомъ низкой, круглой печки, приспособленной для печенія хлѣба.

Понедѣльникъ, 7/19. — Равнина, по которой до сихъ поръ я ѣхалъ, начинаетъ прорѣзываться пригорками и длинными покатистыми долинами.—Такимъ образомъ западный край Балканской цѣпи не примѣтно сливается съ равнинами Болгаріи. Обогнуть Балканъ въ этомъ пунктѣ кажется, очень легко, если Софія и Нисса въ рукахъ аттакующей арміи. Виноградные сады здѣсь кончатся, и на мѣсто ихъ огороды съ капустою возвѣщаютъ путешественнику, что онъ приближается къ менѣе благодатному климату.

На ночь остановился я въ Гени-ханѣ, въ низкой, плетеной Болгарской избѣ. Хозяйка молодая, но больная женщина, должна была суетиться для нашего пріема, но къ счастію, я могъ нѣсколько унять грубое обхожденіе моего Татара, погрозивъ обратить на него самого арапникъ, которымъ онъ такъ часто играетъ. Турокъ столько боится

униженія отъ удара, что становится совершенно кроткимъ, если видитъ опасность наказанія. Еслибы ему вошло въ голову явно сопротивляться волѣ Русскаго путешественника, думаю, что Болгары, не смотря на страхъ, внушаемый имъ Турецкимъ всадникомъ, не остались бы спокойными зрителями, но приняли сторону Рускаго. Нѣкоторое сходство въ языкѣ, котораго признаюсь не понимаю, хотя узнаю звуки, свойственные съ Русскими, возвѣщаютъ уже близость огромной Славянской семьи, брошенной въ одну непрерывную линію отъ Архангельска до береговъ Андріатическаго моря.

СОФІЯ. *Вторникъ*, $^{7}/_{20}$. Рано выѣхали, но въ цѣлый день не сдѣлали болѣе 6-ти часовъ пути. Дождь проливной лилъ почти безпрерывно, а главная помѣха пути нашему была та, что лошадь, во второй разъ съ отъѣзда изъ Константинополя, упала со всѣми вещьми въ рѣку, довольно глубокую. Одно средство поднять ее на ноги было развязать мѣшки, которые лежали часа два посреди самаго быстраго теченія. Ихъ вытащили наконецъ и привязали кое-какъ на спину лошади. Такъ дотащились мы до Софіи, города довольно пространнаго, съ мечетями и минаретами. Во всю ночь сушили вокругъ дымнаго огня платье и книги. Послѣднія много пострадали, и Иліада Гнѣдича въ 2-хъ томахъ въ 4, сдѣлалась жертвой купанья. Чуть брали ее въ руки, листы, расплывшіеся въ какое-то тѣсто, ломались, какъ пирожное.

Середа, 19/30. Восемнадцать часовъ ѣхалъ я подъ холоднымъ осеннимъ солнцемъ, по дорогамъ немного поправившимся, полагаю, отъ ночнаго мороза. На пути встрѣтился намъ длинный рядъ телегъ, заложенныхъ быками и везущихъ желѣзо изъ Сербіи въ Константинополь.

Четвергъ, 19/31. Погода опять ужасная. Дождь и снѣгъ били прямо въ лицо намъ. Мы остановились часа на два, обѣдать и укрыться отъ вьюги въ Палангѣ.

По выѣздѣ изъ этого мѣстечка я заплатилъ было дорого за мое любопытство. Опередивъ нѣсколько своихъ людей, которые еще не выступили изъ Паланги, я ѣхалъ мимо деревяннаго, огороженнаго валомъ и стѣною укрѣпленія. Ворота были отпер-

ты, и я вздумалъ своротить съ пути, въѣхалъ, и не видя никого передъ собою, продолжалъ путь по улицѣ до перваго перекрестка. Видя вездѣ пустыя улицы, я обернулся, и съ чувствомъ крайне непріятнымъ, замѣтилъ, что вооруженный *кавасъ* запираетъ ворота за мною. Я поскакалъ обратно, и пролетѣлъ прежде нежели вторая половина воротъ была затворена, а Татаръ мой увидѣвъ меня въ полу-верстѣ, бросился ко мнѣ на встрѣчу, вопія, какъ смѣлъ я войдти въ святилище Турковъ! Здѣсь были гаремы всѣхъ расположенныхъ по окрестностямъ Турецкихъ офицеровъ.

Между Палангой и городомъ Ниссою горы выше видѣнныхъ мною четыре дня тому назадъ, на западномъ краю Балканской цѣпи: Эти горы не слѣдуютъ въ направленіи, отъ запада къ востоку, какъ Балканскія, но отъ сѣвера къ югу. Незнаю, какой системѣ горъ онѣ принадлежатъ, Карпатской или Балканской. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ должны соединять обѣ цѣпи.

Посреди сихъ уединенныхъ горъ, гдѣ лошади вязли на каждомъ шагу, а дождь отнималъ зрѣніе въ 20 шагахъ, крайне удивился я, увидѣвъ вдругъ женщину въ черномъ монашескомъ платьѣ, съ крестомъ на шеѣ. Она шла по тропинкѣ, перешла дорогу, и не оборотившись ни раза назадъ, скоро

скрылась въ кустарникѣ. Кто она? Не дала ли она обѣта, какъ отшельники Аѳонскіе, и отворачивается отъ лица людей, живя уединенно въ этомъ дикомъ мѣстѣ, есть ли въ сосѣдствѣ монастырь, который служилъ бы ей домомъ въ юдоли печалей, узнать я не могъ. Поздно ночью мы въѣхали въ длинную улицу города Ниссы, и остановились на почтовомъ дворѣ. Я не могъ видѣть укрѣпленій, но, говорятъ, что они весьма плохи и недостаточны *.

* Ламартинъ описываетъ что-то видѣнное имъ близъ Ниссы, въ родѣ тріумфальныхъ воротъ, составленныхъ Турками изъ череповъ и костей Сербовъ, покоренныхъ послѣ послѣдняго бунта. Но этого ужаснаго памятника я не видалъ, пріѣхавъ въ Ниссу въ ночное время, и не знаю существуетъ ли онъ до сихъ поръ, или нѣтъ?

Октября/Ноября 30/12. *Семлинскій карантинъ.* Скорая ѣзда, по 18 и 20 часовъ въ три послѣдніе дня моего пути по Сербіи, не дозволяла мнѣ дѣлать даже карандашемъ моихъ замѣтокъ. Но главныя обстоятельства припоминаю я на досугѣ моего карантина.

По выѣздѣ изъ Ниссы, въ направленіи Балована и Ягодина, горы остались у меня на правой рукѣ. Въ самый день въѣзда моего въ Сербію замѣтилъ я чувствительную разницу между Сербами и Болгарами, и нахожу, что первые имѣютъ болѣе расторопности въ своихъ движеніяхъ и гордости въ осанкѣ. Они занимаются въ открытыхъ лавкахъ разными деревенскими ремеслами. Видно, что здѣсь живетъ племя, имѣющее свою собственную народность и правленіе, нѣкоторымъ образомъ независимое отъ Турецкаго. Однакожь ихъ образъ наказанія преступниковъ походитъ болѣе на Азіятскій, нежели на Европейскій; я съ ужасомъ убѣдился

въ томъ въ первую ночь нашего пути изъ Ниссы. Ѣхавши въ темнотѣ ночной, при однообразномъ завываніи вѣтра, безпрепятственно дующаго по равнинѣ, я услышалъ какой-то стукъ, точно двухъ палокъ, которыя ударяютъ другъ объ друга. Не видя никого близъ дороги, я продолжалъ ѣхать, но черезъ часъ, или два, опять услышалъ я тотъ же самый стукъ, и спросилъ у моего Татара, отъ чего онъ происходитъ? «Отъ костей человѣческихъ,» отвѣчалъ онъ со смѣхомъ; но какъ такой отвѣтъ еще болѣе возбудилъ мое любопытство, то я поѣхалъ въ направленіи, откуда былъ слышенъ стукъ, и приблизился къ колесу, поставленному горизонтально на высокомъ шестѣ, и поддерживающему острый колъ. У подножія этой машины лежали черепъ и большая часть остава несчастнаго, который былъ посаженъ на колъ; нѣсколько костей висѣло еще съ колеса на длинныхъ кускахъ кожи, получившей отъ сырости и воздуха крѣпость лайки, и когда вѣтеръ становится немного сильнѣе, то одна кость бьется о другую, и такимъ образомъ путешественникъ узнаетъ съ содроганіемъ, что здѣсь тлѣютъ на открытомъ воздухѣ останки человѣка.

Огромные лѣса, состоящіе изъ каштановъ, ясеней, тополей и статныхъ дубовъ, покрываютъ рав-

нину, на которую вступаете послѣ выѣзда изъ Ниссы. Лѣсъ этотъ долженъ имѣть большую цѣну, при возрастающемъ безлѣсьи Европы, тѣмъ болѣе, что въ немъ много годнаго для кораблей. Даже въ Россіи подобнаго лѣса мнѣ не случалось видать. Дорога проведена въ немъ на ширину четверти версты. Пять дней ѣхалъ я отъ Ниссы до границъ этого огромнаго бора, хотя отдыхи мои были самые короткіе, и мнѣ случалось останавливаться только часа на четыре, а часовъ по тридцати ѣхать. Усталость лошадей и плохое состояніе дорогъ были причиною, что я не скоро двигался при такой ѣздѣ.

Не помню въ какомъ мѣстѣ случилось мнѣ остановиться, въ Балованѣ или Ягодинѣ, и быть пріятно удивленнымъ опрятностью почтоваго двора. Разныя бездѣлицы показываютъ здѣсь сосѣдство Европейскихъ нравовъ, и особенно занялся я печатными полицейскими объявленіями на Сербскомъ языкѣ, висящими на стѣнѣ. Такое любопытство съ моей стороны польстило, какъ видно, народную гордость одного Серба; онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ разсказывать, съ явнымъ удовольствіемъ, сколько его отечество дѣлаетъ успѣховъ, и какъ порядочно и справедливо оно управляется, съ тѣхъ поръ, когда ему обезпечены нѣкоторыя неотъем-

лемыя права. Сербскій языкъ совершенно основанъ на Славянскомъ, и потому очень понятенъ для Рускаго, но сверхъ того мой пріятель объяснялся немного и по Русски. «Во время Турецкаго «неограниченнаго владычества въ нашихъ стра«нахъ» говорилъ онъ, «коль скоро человѣкъ бы«валъ подозрѣваемъ въ преступленіи, то его тотчасъ «предавали смерти. Но отецъ нашъ Милошъ Обре«мовичъ совсѣмъ не такъ поступаетъ. Если кто по«падетъ подъ подозрѣніе, то пока не уличатъ въ «преступленіи, заключатъ только подозрѣваемаго въ «тюрьму, и тамъ пытаютъ пока онъ сознается въ «винѣ своей, и когда онъ уже сознается, то его сажаютъ на колъ, въ страхъ другимъ.» Я поздравилъ Серба съ улучшеніемъ ихъ судопроизводства, но какъ лошади мои были готовы, то не успѣлъ я выслушать, какіе еще успѣхи сдѣланы Сербами въ прочихъ отрасляхъ управленія.

СЕМЛИНЪ. $\frac{\text{Октября}}{\text{Ноября}}$ $^{25}/_{7}$. Утромъ выѣхалъ я изъ лѣсовъ Сербіи, и увидѣлъ, у подошвы покатости, широкое теченіе Дуная, съ противоположнымъ песчанымъ, и низменнымъ берегомъ Австрійскаго владѣнія. На этомъ пунктѣ дѣленія, Турція несравненно величественнѣе Европы.

Дорога выходитъ изъ лѣса прямымъ угломъ на рѣку, но сворачивая на лѣво, удаляется опять отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ до той горы, съ которой путешественникъ впервые видитъ Бѣлградъ, лежащій на высокомъ берегѣ Дуная. Городъ имѣетъ торговый видъ, но притомъ и видъ бѣдности. Я остановился въ трактирѣ только на краткое время, чтобы нанять лодку, на которой переправился по Дунаю въ Венгерскій городъ Семлинъ, и такъ кончилось мое продолжительное путешествіе верхомъ, совершенное въ пятнадцать дней, включая въ то число полторы сутокъ, проведенныхъ въ Адріано-

полѣ. Въ лѣтнее время можно бы совершить такое путешествіе четырьмя днями скорѣе, и несравненно спокойнѣе. Изъ Бѣлграда Семлинъ кажется лежащимъ на противномъ берегу Дуная, но онъ въ самомъ дѣлѣ на той же сторонѣ, и путешественникъ долженъ отправляться водою, для того только, чтобы попасть въ карантинъ, но еслибы не карантинная линія, то можно бы проѣхать изъ Бѣлграда въ Семлинъ черезъ Саву, впадающую въ Дунай выше Бѣлграда. Дунай перестаетъ здѣсь быть границею Турціи, и оба берега повыше Семлина принадлежатъ Австріи. Славянскій народъ, братья Сербамъ, живутъ здѣсь, но можно предполагать, что дѣйствіе правленія на нравы сильнѣе узъ кровныхъ.

Послѣ часоваго плаванія противъ теченія, между низкими островами, мы вышли на берегъ, и часовой провелъ насъ, по уединенному берегу, въ лазаретъ, стоящій на краю города. Здѣсь предъявилъ я мои бумаги, которыя были взяты щипцами сквозь рѣшетку, и всѣ мои вещи были разложены для двоякой цѣли, собрать подать, положенную таможнею, и подвергнуть всѣ платья и матеріи куренію въ продолженіе моего карантина. Люди «нечистые», такъ называемые потому, что они на лазаретной сторонѣ рѣшетки, и могутъ заразить-

ся, разложили всѣ вещи, которыя были записаны до послѣдней бездѣлицы, и потомъ отданы мнѣ въ лазаретъ. Меня самого отвели туда съ Дмитріемъ и человѣкомъ, назначеннымъ отъ лазарета, чтобы служить мнѣ во все время и наблюдать за тѣмъ, чтобы я не нарушалъ карантинныхъ правилъ. Домикъ, отдѣленный для меня, состоитъ изъ двухъ комнатъ, а между ними сѣни и печка, въ которой можно грѣть воду. Сзади чуланъ, и все это пространство окружено высокимъ палисадникомъ, какъ острогъ. Дверь забора оставляютъ отпертою только днемъ, ибо нѣтъ опасности, чтобы я выступилъ изъ моего дворика при свѣтѣ дня, но на ночь меня запираютъ, чтобы я не вздумалъ прогуливаться. Мѣсто, окружающее мою тюрьму, «нечистое», и мнѣ запрещено по немъ ходить, не отъ страха, что я могу другихъ заразить, но для того, чтобы я самъ не коснулся «нечистаго,» чѣмъ весь карантинъ уничтожается, и я долженъ начинать его снова.

Я нашелъ въ домикѣ стулъ, вѣшалку для платья, и кровать, на которой можетъ улечься мальчикъ въ половину моего роста; въ прибавокъ исходатайствовалъ я еще столъ и подсвѣчникъ. Шинель, брошенная на полъ, и сѣдло мое, служили мнѣ постелью. Мнѣ было пріятно слышать звукъ колоколовъ,

и по самымъ предосторожностямъ, принимаемымъ противъ чумы, замѣчать, что я нахожусь уже въ просвѣщенномъ краю.

На слѣдующій день, докторъ лазарета, несносный педантъ, посѣтилъ меня, разсматривалъ, спрашивалъ подробно о моемъ здоровьи, и разговаривая о Турціи и взаимномъ положеніи Европейскихъ державъ, казалось, искалъ нѣтъ ли и въ моемъ разговорѣ признаковъ чумы? Онъ держалъ въ рукѣ палку съ саблей, чтобъ вдругъ я не разгорячился и не бросился цѣловать его, или жать ему руку, потому что тогда онъ долженъ раздѣлить мое заключеніе, отъ чего Боже упаси! Этотъ визитъ повторяется каждый день, и наши платья прокуриваются каждое утро въ присутствіи медика. Къ счастію кончается уже шестой день, болѣе половины моего карантина.

Татаръ, сопровождавшій меня отъ Константинополя, приходилъ за деньгами, и смѣялся, когда я приказалъ ему отойдти далѣе отъ окна, и бросалъ ему деньги, избѣгая всякаго прикосновенія съ человѣкомъ, который слишкомъ двѣ недѣли приносилъ мнѣ кушанье и сѣдлалъ мою лошадь. Я съ нимъ растался безъ сожалѣнія, потому, что онъ человѣкъ горячій и жестокій. Благородныхъ оттѣнковъ Турецкаго характера не видать въ немъ.

$^{9}/_{11}$ *Ноября.* — Съ помощью и совѣтами Семлинскаго банкира, услужливаго и честнаго человѣка, я купилъ коляску, чтобъ недожидаться цѣлую недѣлю въ Семлинѣ отправленія парохода въ Вѣну. Наканунѣ моего выѣзда, докторъ, взявъ меня въ первый разъ за руку, съ большимъ чувствомъ поздравилъ меня съ прекращеніемъ моего карантина. Таможенные чиновники пришли оцѣнивать мои вещи, наложить повинность, и, что мнѣ вовсе непріятно было, прикладывать къ сундукамъ моимъ пломбы, которыхъ я не имѣю права снять до предъявленія въ Вѣнѣ вещей, книгъ моихъ и табаку, который везу съ собою. Уложивъ все, мы выступили изъ лазарета, и проходили по «нечистому» пространству до города Семлина съ такой осторожностью и такимъ страхомъ прикосновенія, котораго я не зналъ никогда въ Перѣ, находясь посреди чумы. Остановившись у соборной церкви, отслушалъ я молебенъ, и священникъ, провожая меня до коляски, сказалъ мнѣ: «Азъ желаю вамъ благополучно путешествовати».

ВѢНА. "/₁₁ *Ноября.* Въ шестой день послѣ моего отъѣзда изъ Семлина, я пріѣхалъ благополучно въ сію огромную столицу. Еслибы моя Семлинская коляска не измѣняла мнѣ раза два, и я неостанавливался ночевать въ Пестѣ, то совершилъ бы путешествіе мое скорѣе цѣлыми сутками. Большую часть дороги по равнинамъ Сирміи и Венгріи я ѣхалъ на крестьянской почтѣ, и былъ отмѣнно ею доволенъ. Она не то, что наши вольные ямщики въ Россіи. Плата положена постоянная и путешественника не обманываютъ. Одинъ только разъ былъ я недоволенъ моимъ извощикомъ, который, противъ моего приказанія сѣлъ на козлы, и безъ того довольно шаткія, вмѣсто того, чтобы сидѣть верхомъ, но я пожаловался управляющему деревнею, и расправа была не только полная, но и сдѣлана въ ту же минуту. Страна, проѣханная мною, населена кое-гдѣ Нѣмецкими поселенцами, но, разумѣется, Венгры составляютъ большинство. Они отличаются чѣмъ-то проворнымъ и рыцарскимъ, и это ска-

жу я даже о самыхъ низшихъ сословіяхъ. Деревенскій балъ происходилъ на одной станціи, гдѣ я останавливался; дѣвушки были очень опрятно одѣты въ бѣлыя платья; не могу сказать, чтобы онѣ были хороши собою, но за то отличались румянымъ цвѣтомъ, а мужчины сильными движеніями. Кавалеры кружатъ ихъ, потомъ поднимаютъ на руки и становятъ на полъ. Эта ихъ любимая фигура. Дворянство здѣсь чрезвычайно многочисленно, и многочисленнѣе даже нашего. Одинъ изъ дилижансовъ выгрузилъ своихъ пассажировъ въ какомъ-то мѣстечкѣ для обѣда. *Edelmann*, бывшій въ числѣ ихъ, хотя сѣлъ за общій столъ съ нами, вынулъ изъ своей шкатулки позолоченый приборъ и ѣлъ отдѣльно отъ насъ на своемъ приборѣ.

Песть городъ великолѣпный и торговый, прекрасно расположенный на Дунаѣ. Буда находится на противоположномъ берегу. Паромъ соединяетъ оба города, которые въ самомъ дѣлѣ должны бы составлять одинъ.

Между Венгріею и Австріею, собственно такъ называемою, учреждена таможенная линія, будто между двумя независимыми другъ отъ друга державами, и прекрасный народъ Венгерскій замкнутъ, такъ сказать, съ обоихъ концовъ; со стороны Турціи карантинная линія, а отъ остальной

части Европы таможни препятствуютъ свободнымъ сношеніямъ его съ другими народами.

Приближаясь вечеромъ къ веселому городу Вѣнѣ, на послѣдней станціи услышалъ я звуки оркестра и увидѣлъ съ улицы многолюдное собраніе въ трактирѣ, пока мнѣ запрягали лошадей.

Перемѣна экипажа и другія бездѣлицы, безъ которыхъ нельзя ѣхать далѣе, останавливаютъ меня на нѣсколько дней въ сей столицѣ, огромной и многолюдной, по которой сперва я не могъ ходить не поворачиваясь каждую минуту въ сторону, по привычкѣ, пріобрѣтенной мною въ Константинополѣ, избѣгать прикосновенія людей. Начинаю привыкать къ новому міру и любуюсь видомъ столицы, которая по могуществу своему въ политическомъ состояніи Европы, по центральному положенію, по множеству своихъ связей, такъ тщательно и искусно сбереженныхъ, была уподобляема однимъ соотечественникомъ моимъ пауку, сидящему посреди огромной сѣти, прикрѣпленной ко всѣмъ угламъ земли. Дѣйствительно, Англія, Италія, Франція, Турція, всѣ притягиваются непримѣтными нитями къ этому общему центру: чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ чаще становится сѣть, которую наконецъ связываютъ самые бульвары Вѣнскіе, не составляющіе еще города, но клубящіеся вокругъ мелка-

го ядра, а въ самой внутренности, и въ самомъ тайномъ его отдѣленіи находится весь запасъ той скрѣпляющей матеріи, изъ которой одна нить укорачивается, другая дѣлается длиннѣе, но притомъ ни одна не рвется, и тѣмъ спасается равновѣсіе паука.

БЕРЛИНЪ. 1836 годъ. Путешествіе мое окончилось нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, но надобно приписать два слова, чтобы окончить мой заброшенный журналъ. Описывать Вѣну, Прагу и Дрезденъ не входитъ въ составъ моихъ записокъ: я путешествовалъ по Востоку и теперь съ Востокомъ прощаюсь! Виды и планы мои разосланы по разнымъ столицамъ Европы, для гравированія или окончанія ихъ, тѣми самыми художниками, которые сдѣлали ихъ только въ эскизахъ. Я остаюсь относительно къ моему путешествію *solo con i miei pensieri*, потому, что наконецъ и вѣрный мой Дмитрій меня оставилъ, но уже въ гавани.—«Слава Богу, говорилъ онъ, »вы нашли въ полномъ здоровьи вашу жену, дитя и сестру; ваши молитвы на Аѳонской горѣ спасли насъ отъ всѣхъ опасностей; вы наслаждаетесь по вашему жизнью, хотя по моему мнѣнію здѣсь не

умѣютъ жить такъ весело, какъ въ Корфу; но я каждую ночь вижу во снѣ моего старшаго сына и жену, будто они ходятъ со свѣчами въ рукахъ по церкви Святаго Спиридона, и боюсь не случилось ли тамъ несчастія. Отпустите меня въ Корфу; я вамъ болѣе не нуженъ!» — Онъ поѣхалъ обратно, написалъ ко мнѣ изъ своей родины, и я говорю въ мою очередь: «Слава Богу!» потому что онъ засталъ все свое семейство здоровымъ.

Немного я проѣхалъ, немного могъ проѣхать въ теченіи семи мѣсяцовъ, но не сожалѣю, что сдѣлалъ и это краткое путешествіе. Нескоро мнѣ удастся издать мои виды, потому что отдѣлка ихъ весьма медленная. Но между тѣмъ, я уже одолженъ моему пути, не только воспоминаніями, но и знакомствомъ съ разрядомъ людей ученыхъ и скромныхъ, которыхъ вообще надобно искать, и которые, въ замѣнъ легкаго эскиза, или изломанной надписи, охотно отвѣчаютъ на мои вопросы и вводятъ меня въ святилище трудовъ своихъ.

Странно, когда немного подумаешь о противоположности въ предметахъ видѣть себя вдругъ переселеннымъ въ совершенно другую гемисферу.

Изъ страны, гдѣ превращаютъ сочный виноградъ въ гадкій резинный растворъ, такъ, что невозможно пить его, я переѣхалъ въ страну,

гдѣ дѣлаютъ сахаръ, водку, и чуть ли не шампанское изъ свеклы и картофеля! Изъ страны, гдѣ обломки рѣшеній амфиктіонскаго совѣта вставлены въ фундаменты домовъ и въ мостовую улицъ, я пріѣхалъ въ городъ, гдѣ ученый Бекъ собираетъ съ жадностью малѣйшія надписи, и по тремъ словамъ узнаетъ и всю надпись, и въ какомъ городѣ вы ее нашли. Наконецъ, я оставилъ мѣсто, гдѣ мраморныя колонны упадаютъ, и прибылъ въ городъ, гдѣ мощный геній Шинкеля въ одно и то же время дѣлаетъ рисунки во вкусѣ миѳологіи и составляетъ родъ кирпичей неприкосновенныхъ морозамъ. Сѣверъ, какъ и Югъ, имѣетъ свои собственныя звѣзды, но если онъ держится и идетъ впередъ посредствомъ промышленности, не забудемъ, что Югъ далъ намъ основу размышленія. Какъ ни глубока будущность Сѣвера, не менѣе глубоко прошедшее Греціи, и когда паровая сила сблизитъ на всемъ земномъ шарѣ разстоянія, и замѣнитъ труды тысячей народа, и тогда умъ человѣческій не создастъ ничего совершеннѣе Иліады и Парѳенона.

Конецъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ

ХРАМА СВЯТОЙ СОФІИ

ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Изъ всѣхъ достопримѣчательныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ Константинополѣ послѣ упадка художествъ, храмъ Св. Софіи, сооруженный Императоромъ Юстиніаномъ, былъ самый огромный и самый великолѣпный. Прекрасный его планъ, счастливая форма въ фасадѣ и удивительнѣйшая внутренность, украшенная рѣзьбою, дорогими мраморами и тончайшею мозаикою, придавали ей такое великолѣпіе, что Императоръ Юстиніанъ, войдя туда въ первый разъ по совершенномъ ея окончаніи, столь былъ изумленъ, что отъ восхищенія воскликнулъ: «я побѣдилъ Соломона!»

Магометъ второй, по завоеваніи Константинополя, обратилъ храмъ Св. Софіи въ мечеть, которая служила примѣромъ для всѣхъ прочихъ мечетей, украшающихъ нынѣ Константинополь. Съ сего времени мозаичныя иконы Святыхъ, коими были украшены стѣны своды и самой алтарь,

сокрылись отъ взоровъ: Турки ихъ заштукатурили, и покрыли бѣловатою краскою; однако же не смотря на сіе, великолѣпіе внутренности храма Св. Софіи не истребилось: ибо Изламитяне не только оставили на своихъ мѣстахъ всѣ рѣдкіе и драгоцѣнные мраморы, употребленные Юстиніаномъ, но къ общему удивленію и мозаичныя изображенія двухъ шестикрылатыхъ Серафимовъ, украшающихъ тѣ паруса подъ куполомъ, кои обращены на Западъ; и сверхъ сего, Мусульмане прилагали большое попеченіе о сохраненіи богатѣйшаго купола, состоящаго изъ лучезарныхъ мозаическихъ лучей, украшенныхъ звѣздами, Андрѣевскими крестами и прочими тончайшими украшеніями.

Касательно наружности храма Св. Софіи, Магометане сдѣлали въ оной многія измѣненія: въ началѣ они придѣлали чрезмѣрной толщины контрафорсы около стѣнъ и около полукруглыхъ куполовъ съ Восточной и Западной сторонъ; потомъ уничтожили огромный дворъ, или Атріумъ, обнесенный въ одно время портиками, кои были украшены колоннами изъ порфира и другихъ рѣдкихъ мраморовъ; и наконецъ застроили сіе мѣсто турбами на подобіе маленькихъ придѣловъ, въ коихъ Турки погребаютъ нынѣ бренные остатки юныхъ Князей Мусульманскихъ; и такимъ образомъ обезобразили

наружность храма до такой степени, что она вовсе не соотвѣтствуетъ великолѣпію внутреннему.

Представивъ при семъ рисунки внутренности храма Св. Софіи въ нынѣшнемъ ея положеніи, и рисунки плана и фасада съ возобновленными портиками отъ Атріума, за необходимое себѣ поставляю сдѣлать здѣсь слѣдующее дополнительное описаніе.

Храмъ Св. Софіи въ первоначальномъ его быту состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: въ первой части находился огромный квадратный дворъ, или Атріумъ, который со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ портиками, пилястрами и колоннами различныхъ мраморовъ, и мозаиками съ изображеніемъ различныхъ Иконъ. Въ срединѣ одного изъ портиковъ, обращеннаго къ Западу, находились Святыя Ворота; а въ срединѣ самаго Атріума воздвигнута была колоссальная конная статуя въ честь Императора Юстиніана; кромѣ сей статуи Атріумъ былъ обнесенъ деревьями, и между ними находились фонтаны, въ коихъ первоначальные Христіяне прежде вступленія въ храмъ обмывались. Вторая часть состояла изъ преддверія, гдѣ помѣщался народъ, который по уставу первоначальной церкви не могъ присутствовать въ самомъ храмѣ, и наконецъ часть третья состояла изъ самаго Дома Божія, заключая въ ономъ одинъ

алтарь: ибо многочисленные алтари и придѣлы были введены гораздо позже.

Внутренность Св. Софіи почти квадратная, коей длина 38 саженъ 2 аршина и 13 вершковъ, ширина 32 сажени 1 аршинъ и 15 вершковъ и наконецъ высота отъ пола до самаго верьха купола 25 саженъ и 13 вершковъ. Церковь сія раздѣлена внутри на 3 отдѣленія: на среднее и два боковыхъ; среднее или главное простирается отъ пола до самаго купола въ одинъ этажъ, а два боковыхъ имѣютъ надъ собою верхнія галлереи, для помѣщенія женскаго пола, который по обряду первоначальныхъ Христіянъ не могъ присутствовать въ богослуженіи съ мужескимъ.

Храмъ сей покрытъ въ серединѣ сферическимъ куполомъ съ сорока окнами кругомъ, куполъ сложенъ для легкости изъ пензоваго камня, а внутренность его украшена мозаикою, какъ было сказано выше. Четыре столба изъ травертина, обложенные кругомъ порфирами, Восточными алебастрами, крѣпкими камнями и прочими дорогими мраморами, поддерживаютъ огромный куполъ. Сверхъ столбовъ возвышаются четыре колоссальныя арки съ полнаго центра, къ коимъ съ Восточной и Западной сторонъ примыкаются овальные купола; а съ Сѣверной и Южной продѣланы

въ стѣнахъ по четырнадцати оконъ съ каждой стороны, кои сообщаютъ таинственный свѣтъ церкви; съ діогоналей сихъ арокъ подходятъ паруса подъ самый барабанъ купола, украшенные шестикрылатыми Серафимами, изъ коихъ два находящіеся на парусахъ близшихъ къ алтарю, сохранились до сихъ поръ. Между столбами поддерживающими куполъ, и въ другихъ частяхъ нижняго этажа находятся 36 круглыхъ колонъ различныхъ размѣровъ и съ различными капителями; сверхъ сихъ капителей сведены арки, коихъ промежутки украшены кругами изъ порфира; между ними, по черному полю, изсѣчены тончайшей работы орнаменты изъ бѣлаго мрамора; арки сіи покрыты карнизомъ съ желѣзными сверху перилами, и выкрашены. Выше сего находится другой этажъ съ 60 колоннами, меньшаго размѣра: этажъ сей украшенъ подобно нижнему.

Два ряда колонъ, образуя галлереи въ два этажа, не только даютъ церкви видъ живописнѣйшій, но вмѣстѣ съ симъ увеличиваютъ ее до такой степени, что многіе путешественники не вѣрятъ, что храмъ Св. Софіи гораздо менѣе Базилики Св. Петра въ Римѣ. Сіе происходитъ отъ того, что Архитекторъ Михелъ Анжело, употребивъ повсюду въ своей Базиликѣ колоссальныя деталіи, уничтожилъ на видъ ту чрезмѣрную огромность, которую она

имѣетъ въ сущности; напротивъ того въ храмѣ Константинопольскомъ, Архитекторъ Антиміо, противуположностью мѣлкихъ деталей съ величиною цѣлаго, далъ видъ Св. Софіи гораздо огромнѣе, чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ.

Вслѣдъ за изложеніемъ описанія храма Св. Софіи, обязанностью поставляю здѣсь сказать, что исключая неисправныхъ рисунковъ, публикованныхъ въ контурахъ въ самомъ мѣлкомъ видѣ Дюраномъ и Аженкуромъ, не было никакихъ другихъ изображеній сего храма.

Художники встрѣчая безпрестанно отъ Турковъ затрудненія, когда желали проникнуть во внутренность сего храма, не имѣли способа составить до сихъ поръ вѣрныхъ рисунковъ въ большомъ размѣрѣ для вящшаго изъясненія деталій памятника, заслуживающаго всеобщее вниманіе, какъ по своей древности, такъ равно по красотѣ истинно Византійской Архитектуры, которая, можно сказать, есть типъ для сооруженія церквей Христіанскихъ, подобно какъ родъ живописи временъ возрожденія художествъ есть типъ для Святыхъ Иконъ.

Архитекторъ *Николай Ефимовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.

Посвященіе.

Римъ. Планъ путешествія; спутники — Брюлловъ, Ефимовъ, Крамеръ. Прощаніе съ Римомъ. Campagna di Roma. Колизей 1

Анкона Civita Castellana. — Фолиньо. — Лоретто. — Анкона: видъ города; опера; древности; торговля; занятіе Анконы Французами. — Генералъ Кюбьеръ 5

Пароходъ. Видъ береговъ Италіи съ моря; спутники 12

Плаваніе. — Іоническіе острова; — берегъ Далмаціи 14

Корфу. Мѣстоположеніе; жители; правленіе; Англичане. — Ихъ администрація 19

Окрестности города. — Воспоминаніе Гомера и Байрона 23

Прогулка. — Произведенія земли 27

Стран.

Санта-Мавра. Библіотека; Албанскій берегъ; Островокъ Паксо; Парга, Сули, Арта. Французскій консулъ; Левкасъ. Плаваніе къ Итакѣ 31

Итака. Городъ Вати; Маврона; Экса; Меланидросъ; школа Гомера 40

Источникъ Аретузы. Русскій флагъ. Отплытіе. 44

Занте. Кефалонія; Мисолунги. Занте.—Нравы жителей; коринка. Обзоръ Іоническихъ острововъ 47

Греція. Прибытіе въ Морею. — Заливъ Катаколо; замокъ Подико-Кастро. — Жители. — Развалины 52

Поѣздка. Видъ окрестной страны. Деревня Агіани. Пиргосъ. — Тамошній Епархъ. Первое впечатлѣніе Греціи. Долина Алфея. Олимпійская долина. Мастика и Лавръ. Макризія; Мирака. Ночлегъ 55

Греческое семейство. Храмъ Юпитера Олимпійскаго. — Альтисъ. — Природа Греціи. Алфей, Доана, Руфія. Агіани (Херея). . 67

Аркадскія горы. Андрицена. Греческая церковь. Развалины храма Аполлона Епикурейскаго. Ночлегъ 81

Холодныя ночи. Описаніе остатковъ храма Аполлонова 86

Стран.

Гора Діафорти (Лукаіосъ). *Мандри* Греческихъ горныхъ пастуховъ. Деревня Каріесъ. Сравненіе древнихъ Аркадійцевъ съ Швейцарцами 93

Мегалополиская равнина. Синано (древній Мегалополисъ). — Церковь. Религіозныя чувства Грековъ. Разговоръ Англичанина съ Грекомъ о молитвѣ за покойниковъ. Развалины. Дорога. Долина Франко-Вризи. Триполица 97

Посѣщеніе тамошняго Епарха. Описаніе города. Развалины Тегея (Палаіо Эпископу). Церковь. Мысли о будущемъ зодчествѣ Греческихъ храмовъ. Бесѣда съ Брюлловымъ 107

Поѣздка. Развалины Гизіи. Границы Аркадіи и Арголиды. Застава. Видъ съ горъ. Аргосъ. 116

Акрополисъ Аргосскій (Ларисса). Развалины театра 121

Поѣздка въ Навплію. Тиринѳъ. Русская упряжь. Жилище графа Капо-д'Истрія. Французская эскадра. Крѣпость Паламида 125

Развалины Микенъ. Львиныя Ворота; гробница Агамемнона. Развалины храма Немейскаго. Жабы и черепахи 134

Клеоне. Акрокоринѳъ. Бѣдные остатки Коринѳа 141

Стран.

Общія замѣчанія о Мореѣ, въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Природа и жители. Очеркъ полуострова. Горные хребты. Обитатели Мореи. Выгодное положеніе страны. Нравы жителей. Ибрагимъ Паша въ Мореѣ. Подробности послѣдней войны Греческой. Будущность Мореи. Торговля. 144

Взглядъ на Коринѳъ. Заливъ Лепантскій. Scala di Salona. Парнасскіе утесы. Рѣка Плистусъ. Мѣсто Пиѳическихъ игръ. Парнасскія пещеры. Долина Дельфійская. Стадіумъ. Кастри. Развалины. Ночлегъ 165

Кастальскій источникъ. Гора Цирфизъ. Мѣстечко Земино. Гробъ Лаія. Долина Цефисса. Херонейская долина 175

Возмущеніе Клефтовъ. Остатки Орхомена. Херонейскій памятникъ. Описаніе мѣстности. Ливадія и Скрипу. Пещера Трофонія . . . 181

Ѳивы. Гроза. Пѣніе Грековъ. Геликонъ. Халіартъ Пещера Сфинкса. Кадмея. 190

Окрестности Ѳивъ 195

Платейская долина. Платея. Гробницы . . 197

Эгрипо (Негропонтъ) Станидза 199

Поѣздка въ Аѳины. Запустѣніе и видъ окрестностей. Отдыхъ. Змѣя. Грамматико . . 202

Стран.

Храмъ Немезиды. Рамнусъ. Мараѳонская долина. Пріѣздъ въ Аѳины 206

Аѳины. Свиданіе съ Русскими. Первый день пребыванія. Русскій посланникъ. Антикварій Питтакисъ. Видъ города. Обзоръ древностей. Акрополисъ; Пропилей; Храмъ побѣды неокрыленной; сравненіе городовъ древнихъ съ нынѣшними. Архитектура можетъ процвѣтать только въ самыхъ просвѣщенныхъ вѣкахъ. Парѳенонъ; храмъ Эрехтея 213

Парѳенонъ. Описаніе его, составленное Метцгеромъ. Исторія; изъясненіе рисунковъ; странная система каменосложенія. Мнѣніе о живописи 231

Память Байрона. Нынѣшнія Аѳины. Общество. Канцлеръ Армансперг. Домъ посланника Русскаго. Кончина Міаулиса. Греческія газеты. Консулы 265

Болѣзнь Брюллова. Отъѣздъ Крамера. Аѳинское общество. Храмъ Юпитера Олимпійскаго; Другіе остатки древностей 275

Отправленіе въ С. Петербургскую Академію Художествъ слѣпковъ съ Эрехтеева храма и Парѳенона. Башня вѣтровъ. Храмъ Тезея. Мысли объ Архитектурѣ древнихъ домовъ Отъ чего страсть украшать свои города изя-

Стран.

щными произведеніями была сильнѣе у древнихъ чѣмъ у народовъ позднѣйшихъ временъ. Вкусъ къ изящному долженъ еще болѣе уменьшаться съ будущимъ увеличеніемъ народонаселенія 281

Обѣдъ у Канцлера. Обѣдъ у Короля. Греческіе капитаны: Мавромихалисъ, Цавелласъ. Вечеръ у Канцлера. Никита Туркоѣдъ. Планъ новыхъ Аѳинъ. Образъ построекъ. Недостатки капиталовъ. Состояніе Греціи. Проэктъ банка. Финансы Греціи. Смятенія. Войско 288

Выздоровленіе Брюллова. Посѣщеніе Русскаго корабля. Гробъ Ѳемистокла. Колокотрони. Пляски Греческія 300

Прогулка на мысъ Суніумскій 304

Плаваніе на островъ Эгину. Орфанотропъ. Развалины города. Панелленіумъ. Гробницы. Остатки храма Венеры. Возвращеніе въ Аѳины. Лихорадки и сильная смертность 308

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Описаніе рисунка, представляющаго *реставрированную* священную рощу (Альтисъ), вокругъ храма Юпитера, въ Олимпійской долинѣ. Статья Шинкеля 317

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Стран.

Смирна. Послѣднее время бытности въ Аѳинахъ; болѣзнь. Плаваніе въ Смирну. Русскіе матросы. Видъ Смирны. Англійскій корабль 1

Разлука съ товарищами путешествія. Знакомство съ г-мъ Вронченко; Русскій Консулъ. 6

Прогулка по Смирнѣ; кладбище; Греки и Католики. Народное гулянье 9

Русскій бригъ. Брюлловъ и его рисунки . . 14

Отплытіе Русскаго брига 16

Задержка брига. Католическая церковь . . . 17

Неисполнившіеся планы путешествія. Отплытіе на пароходѣ. — Пассажиры: Турки и Италіянецъ. Митиленъ, Тенедосъ. Берегъ Троянскій. Дарданеллы. Замки въ проливѣ. Дочь редактора Оттоманскаго Монитера . 19

Стамбулъ или Константинополь. Видъ города. — Великолѣпіе зрѣлища. Разочаро-

Стран.

ваніе. Топхана. Квартира у Итальянскаго ресторатера. Посѣщеніе Софійской мечети. Ея внутренность; отличіе зодчества. Мечети: Султана Ахмета, Магомета II-го, Солиманова. Гробница Магомета II-го. Турецкій домъ умалишенныхъ. Живописецъ Вольфенсбергеръ 27

Прогулка въ Буюкдере. Домы Европейскихъ Пословъ. Гулянье на Азіятскихъ Прѣсныхъ водахъ. Турчанки и ихъ экипажи . . . 39

Квартира. Англичане путешественники. Прогулка. Собаки. Выгоды мѣстоположенія Царьграда 43

Раздѣленіе Царьграда. Египетскій рынокъ. Бани. Персидскій Ханъ. Оружейный базаръ. Рынокъ рабовъ. Шербетъ. *Атъ-мейданъ.* — Древніе памятники; Ѳеодосіевъ обелискъ. Казармы Янычаровъ. Колонна Марціана. Текіе пляшущихъ дервишей. Городскія стѣны и Эдикуль. — Златыя врата. Турецкая больница. Церковь *рыбная*; анекдотъ о посѣщеніи церкви Султаномъ. Кладбище. Гробница Али-Паши. Эйюбъ-Энзари. Гулянье на Европейскихъ Прѣсныхъ Водахъ.. 47

Чума въ Царьградѣ. Характеристика города. 61

Стран.

Видъ съ Буй-Гуру. Скутари. Халкедонская игла. Турецкая кофейня. Дервиши. Кладбище на Азіятскомъ берегу. Бешикъ-Ташъ. Обѣдъ христіанскаго духовенства у Султана. 65

Башня Сераскира 69

Поѣздка Султана. Турецкая гвардія. *Намикъ-Паша* и *Сераскиръ*. Турчанки 71

Книга Слейда. Прогулка на кладбище . . 76

Пребываніе въ Буюкдере. Садъ при домѣ Русскаго Посла; дипломатическій обѣдъ; отношенія Европейскихъ Пословъ въ Турціи. . 78

Русскій пароходъ. Путешествіе Муравьева. Готфредовы платаны. Русское войско въ Царьградѣ 84

Водопроводы Цареградскіе 87

Казни. Возвращеніе въ Царьградъ 89

Ссора на Безестенѣ. Малая мечеть Софійская. Фанаръ и церкви его. Встрѣча съ Султаномъ. 90

Прибытіе Русскихъ кораблей 93

Докторъ Миллингенъ. Его медицинскія замѣчанія. Гаремы. Нравы Турецкіе 94

Острова Принцовъ. Монастыри. Русскіе плѣнники. Греческая комедія. Колокола . . . 102

Островъ *Антигона*. Русскій купецъ *Захаровъ*. Торговля въ Турціи. Греческій Патріархъ. Греческое духовенство и Католики 107

Стран.

Рисунки Вольфсбергера. Сборы въ путешествіе на Аѳонскую гору 114

Англійскій Посолъ. Спектакль въ Буюкдере. Обѣдъ у Посла 117

Ужасы чумы 121

Посѣщеніе Сераля. Обозрѣніе *Софійской мечети* и планъ ея 123

Дервиши плясуны. Трактиры 129

Отплытіе. Гибель матроса 134

Аѳонская гора. Дарданеллы. Наемъ лодки. Видъ Аѳона. Лавра. Описаніе. Нравы . . 136

Святыни. Библіотека. Мѣсто казни. Хуторъ. 144

Управленіе Аѳономъ. Библіографическія рѣдкости 150

Монастырь Св. Павла. Прогулка на вершину Аѳона. Видъ оттуда. Миражъ. Пустынножители. Скитъ Св. Анны. Обитель Св. Павла 154

Обитель Св. Діонисія. — Библіотека. Обитель Св. Григорія 167

Симопетръ. — Архимандритъ Онуфрій; его сопутничество. Ксиропотамъ. — Библіотека; Русскій монастырь. — Инокъ Прокофій; путешествіе Плаки-Албова 171

Разлука съ арх. Онуфріемъ. *Инокъ Аникита* (Князь С. А. Шихматовъ). Духовія и Ксенонъ 188

Стран.

Кастамонитъ, Зографъ и Хиландарь. Стѣнная живопись. Нравы иноковъ 195
Хиландарь. Эсфигменъ. Сербскія рукописи 199
Предѣлы Аѳона. Каналъ Ксеркса 202
Ватопедъ. Иноки тамошніе 206
Библіотека. — Рѣдкости ея. Пантократоръ . 210
Скитъ Ильинскій. Иверская обитель . . . 213
Библіотека. Окрестности 216
Путь въ Карею. Администрація и доходы Аѳона; число иноковъ 219
Прощаніе съ Аѳономъ. Русскіе иноки. Отплытіе 225
Островъ Самотраки. Островъ Тазосъ. Ночная буря. Островъ Самотраки. Сказаніе матросовъ о горѣ на островѣ Самотраки. Поклоненіе Кабировъ 229
Дарданеллы. Сказанія матросовъ о горѣ на островѣ Самотракѣ. Имбросъ. Путешествіе на поле Троянское. Маршрутъ. 233
Эски-Стамбулъ. Пріамовъ Дворецъ. Водоводъ Ирода-Аттаки. Тѣлеги 237
Троянское поле. Пергамъ 241
Опасеніе чумы. Развалины на южной сторонѣ Троянскаго поля 249
Поѣздка берегомъ Марморнаго моря изъ Дарданелъ въ Бруссу и Константинополь. Лампсакъ 255

Стран.

Орлы. Таборъ кочующихъ Турковъ. Рѣка Граникъ. Димотико 259

Продолженіе поѣздки. Характерная черта Турка 263

Турокъ и Армянинъ. Мухалычь. Чатмене . 266

Брусса. Сходство съ Гренобленъ. Живописная квартира; видъ Бруссы; минеральные источники. Могила Орхана 269

Армянская церковь и школа. Мечети. Поѣздка до Муданіи 273

Плаваніе въ Царьградъ 276

Константинополь. Опасности отъ чумы. Новости. Путешествіе Чихачева. Музыка. Смерть Беллини 278

Выборъ пути. Цистерны. Встрѣча съ Султаномъ. Пожаръ. Книга Ламартина . . . 283

Дорожныя приготовленія.—*Татаръ*. Обѣдъ на Англійской яхтѣ. Взглядъ на совершенное путешествіе 291

Деревня Богадичь. Отъѣздъ. Шоссе. Болгары. Богадичь 295

Стѣна Аѳонасья. Поспѣшное погребеніе Турка. Чорлу 298

Каристранъ. Видъ страны. Поѣздъ знатнаго Турка. Пріѣздъ въ *Адріанополь*. 301

Стран.

Видъ города. Мечети. *Эски Серай*. Воспоминаніе о пребываніи Русскихъ 304

Херманлы. Ханъ. Цыганскій таборъ. . . . 308

Филибе. Хороводъ Болгарокъ. 310

Балканъ. Болгары 312

Софія. Затрудненія въ пути. 314

Турецкій гаремъ. *Нисса* 315

Семлинскій карантинъ. Сербы и Болгары. Казни преступниковъ. Лѣса. Любопытный разговоръ съ Сербомъ 318

Семлинъ. Бѣлградъ. Граница Австрійская. Переѣздъ черезъ Дунай. Семлинскій карантинъ 322

Семлинъ. Отъѣздъ въ Вѣну 325

Вѣна. Венгерцы. Пестъ и Буда. Таможня. Характеристика Вѣны 327

Берлинъ. Проѣздъ до Берлина. Разлука съ Грекомъ служителемъ. Противоположность Сѣвера и Юга. 331

Прибавленіе.

РИСУНКИ,

СОСТАВЛЯЮЩІЕ АТЛАСЪ

КЪ ПУТЕВЫМЪ ЗАПИСКАМЪ

Давыдова,

СЪ УКАЗАНІЕМЪ СТРАНИЦЪ ОПИСАНІЯ.

ТОМЪ I.

Стран.

Заглавіе съ виньеткой Брюллова.

1. Деревня Св. Рокка на островѣ Корфу (Брюллова) 28
2. Школа Гомера. Циклопская развалина (Брюллова) 42
3. Источникъ Аретузы (Брюллова). . . . 45
4. Капитанъ Греческаго судна (Брюллова) . 52
5. Берегъ Мореи при заливѣ Катаколо (Брюл.) 53
6. Греческое утро въ Миракѣ (Брюллова) . 67
7. Развалины Юпитерова храма въ Олимпіи (Брюллова) 69

Стран.

8. Альтисъ или священная роща вокругъ храма Юпитера въ Олимпіи, возстановленная по сохранившимся признакамъ (Шинкеля) . . . . . въ прибавленіи.
9. Видъ наружный храма Аполлона Епикурейскаго въ Фигаліи. (Брюллова). 84 — 88
10. Внутренность того же храма (Брюл.) 88 — 91
11. Утро въ долинѣ Фигаліи. (Брюллова) . 91
12. Долина Итомская (Брюллова) 94
13. Дорога въ Синано (Брюллова) 95
14. Церковь въ Синанѣ (Брюллова). . . . 99
15. Храмъ Юпитера Немейскаго (Брюллова). 139
16. Дельфійская долина (Брюллова). . . . 169
17. Херонейская равнина и Парнассъ (Брюл). 179
18. Пещера Трофоніева при Ливадіи. (Брюл.) 187
19. Храмъ Эрехтея (Вольфенсбергера). . . 226
20. Парѳенонъ (Вольфенсбергера) 227
21. Листъ безъ номера. Фронтонъ Парѳенона (Метзгера). 235
22. Листъ 1 плановъ Парѳенона 236
23—24. 2 и 3 239
25. — 4 239
26. — 5 240
27. — 6 242
28. — 7 243
29. — 8 244

Стран.
30. — 9 245
31. — 10 253
32. Храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Аѳинахъ (Вольфенсбергера) 277
33. Памятникъ Лизикрата (Вольфенсбергера). 279
34. Панелленій въ Егинѣ (Вольфенсбергера) . 312

томъ II.

35. Кофейный домъ въ Смирнѣ (князя Гагарина)
36. Азіатскія Прѣсныя Воды (Вольфенсбергера) 41
37. Константинополь и портъ Золотаго Рога со стороны Перы (Вольфенсбергера) . . 47
38. Мечеть въ предмѣстіи Эйюбъ (Вольфенс.) 59
39. Платаны близь Буюкдере (Вольфенсбер.). 85
40. Карта Святой Аѳонской горы съ картинами монастырей (гг. Ефимова и Френа) . 137
41. Видъ Русскаго монастыря на Аѳонской горѣ (Ефимова). 224
42. Планъ Софійскаго Собора. 189
43. Ресторированный фасадъ тогоже храма } въ прибавленіи.
44. Разрѣзъ Собора въ нынѣшнемъ его состояніи . . . . . } въ прибавленіи.

Stanford University Libraries
3 6105 124 417 879

2 vols in 1

UF
723
D3
f

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.